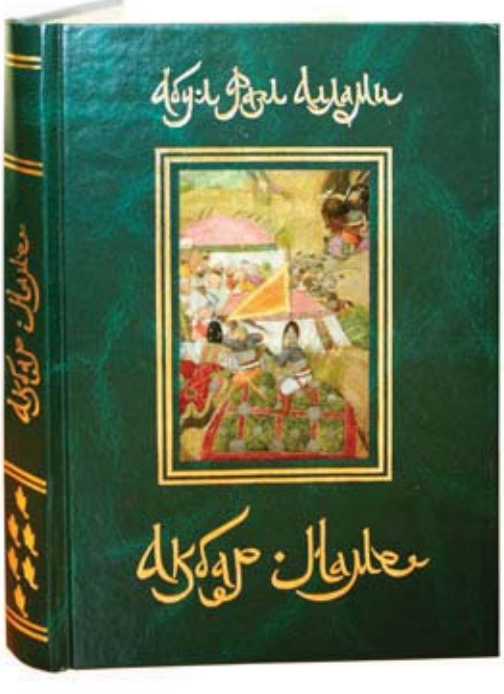

THE AKBARNAMA

of

Abu-l-Fazl

Translated from Persian
by H. Beveridge

Абу-л Фазл Аллами

АКБАР-НАМЕ

Книга шестая

Самара
Издательский дом «Агни»
2011

ББК 63.3(5)
А 17

Научная подготовка *С.Н. Воробьёвой*
Перевод с английского: *И.О. Клубкова, А.Е. Дунаев*
Художник-оформитель *Н.В. Краснова*

Абу-л Фазл Аллами

А 17 Акбар-наме. Книга шестая. — Самара: Издательский дом «Агни», 2011. — 400 с.: ил.

ISBN 978-5-89850-152-5

Издательский дом «Агни» продолжает публикацию перевода на русский язык «Акбар-наме» — уникального источника по истории Индии XVI века, принадлежащего перу Абу-л Фазла Аллами, политического деятеля, друга и советника падишаха Акбара. Шестая книга охватывает события 1578—1585 годов. Это период, когда Акбару, уже состоявшемуся великому правителю и талантливому полководцу, пришлось усмирять мятежи придворных и брата Мухаммад Хаким мирзы, а также проводить важные реформы государственного управления.

Текст дополнен вступлением Г. Бевериджа к третьему тому «Акбар-наме». Издание снабжено подробным научным комментарием, иллюстрировано фотографиями архитектурных памятников, созданных в эпоху Великих Моголов.

Книга несомненно представляет интерес для любителей истории, литературы и искусства Востока, а также специалистов по востоковедению.

ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-89850-152-5 © ООО «Издательский дом «Агни», 2011

ВСТУПЛЕНИЕ

Наконец мною завершён перевод исторической части «Акбар-наме»[1]. С некоторыми перерывами это заняло более двадцати лет, и должен признать, труд мой не всегда был приятен. Можно сказать, начинал я его с чувством отвращения, ибо полагал, что Абу-л Фазл лишь напыщенный и бесстыдный льстец. И, признаюсь, это чувство во мне живо по-прежнему. Следует отметить, что его стиль, особенно в последних томах, причудлив и тяжёл. Вероятно, это объясняется гибелью старшего брата — поэта, который пересматривал часть книги и, предположительно, улучшил язык Абу-л Фазла. Предоставленный самому себе, тот продолжал писать во всё более высокопарном и архаическом стиле, возможно, переняв его у Абд-ал-лах Вассафа[2] и подобных, в результате чего читать ещё труднее. Однако нужно прибавить, что неистощимое трудолюбие и [исключительная] тщательность автора — если только он сознательно не умалчивал истину — всё-таки победили моё нерасположение, и я оканчиваю труд с бóльшим почтением, нежели начинал. Но, перечислив все недостатки Абу-л Фазла, зададимся вопросом: разве можно не испытывать признательности за его книгу? Если бы на протяжении стольких лет он не проводил дни и ночи за этой работой, откуда бы мы почерпнули сведения о многих важных событиях индийской истории? И как жаль, что Джахангир, недостойный отпрыск Акбара, убил историка, когда тот близился к завершению своего опуса и, судя по многим признакам, начал понимать, что и на солнце есть пятна, и его кумир не безупречен!

Полагаю, естественна признательность моему учёному другу д-ру А.-Р. Хенле, кавалеру ордена Индийской империи 3-й степени, за то, что подвиг меня к переводу «Акбар-наме». Занимая должность учёного секретаря Бенгальского общества по изучению Азии, он предложил мне это дело, к которому я, жалкий *опсимат*[3], был подготовлен весьма слабо. Надеюсь, по мере продвижения у меня получалось всё лучше, однако недостаток учения никогда не может быть восполнен.

Закончив перевод, я приступил к алфавитному указателю. Нельзя сказать, чтобы у меня имелся опыт подобной работы, однако мне стало совершенно ясно, что если её не сделаю, никто больше за это не возьмётся, а мой перевод, по выражению г-на Э. Нортона, королевского адвоката Индийской империи, останется превосходным инструментом без ручки. Поэтому и принялся за него, и дошёл почти до конца буквы М, а с неё начинается большинство имён в мусульманском сочинении. Кроме того, мною подготовлен список опечаток и приложение. Жаль, что их получилось так много, и все так важны, но хорошо, что они выявлены и указаны. Не

думаю, что это достаточно вознаградит читателей за их труд прочесть мой перевод «Акбар-наме», и сильно сомневаюсь, что кто-то вообще их просмотрит. Думаю, мир для этого слишком занят. Я бы посоветовал, чтобы кто-нибудь сократил книгу. Он — или она — правильно поступит, если опустит гороскопы и биографии истинных и вымышленных предков Акбара вплоть до Бабура. Можно исключить также ворох имён, рассуждения о кометах и экскурс в персидскую историю в третьем томе. Кое-где не помешает сократить многословие. С другой стороны, книгу можно дополнить [главой] «Изречения Акбара» — внеся некоторые исправления — из перевода полковника Г.-С. Джарретта и рассказом Абу-л Фазла о сражениях его молодости. Можно добавить принадлежащее перу падре Монсеррата описание Акбара на латыни в его «Комментариях» (издание Королевского общества Бенгалии. С. 640—641). Я слишком стар и боязлив для такого начинания и потому скажу только: «Exoriare aliquis nostris e vocibus auctor»[4].

Абу-л Фазл — автор не особенно оригинальный, а его размышления — не глубоки и не впечатляющи. Весьма редко удаётся ему интересное замечание. У него нет обаяния Геродота, нет откровенности и живости хитроумного, фанатичного и преисполненного греха Бадауни. Редко он излагает историю, не испортив её. В качестве таковой можно привести рассказ о рыцарском спасении Акбаром дочери раджи Джодхпура от навязываемого ей *сати*. Нам не сообщается ни имени девушки, ни длины пути, проделанного Акбаром, — вообще ни одной подробности, способной вызвать интерес к повествованию. Наверное, лучшим образчиком красочности окажется его рассказ о смерти Рупмати, а наиболее тонким замечанием — высказывание в третьем томе, где он говорит, что повествования о сражении подобны тому, как если бы слепец описывал слона.

С другой стороны, внимание Абу-л Фазла к источникам — к тому, что немцы называют «Quellen», — значительно опережает его век. Ему мы обязаны не только «Акбар-наме», но и «Записками» Гульбадан бегим, а также повествованиями Джаухара-водоноса, Баязида Бията и, возможно, Низам-ад-дина. Об этом уже говорилось в моей статье, опубликованной в «Журнале Азиатского общества Бенгалии» (т. XIV. 1918. С. 469).

Следует сказать и о лести, расточаемой Абу-л Фазлом Акбару. Она груба, но вполне естественна и является отчасти следствием [созданного автором] культа героя. Нельзя забывать и о положении этих двух людей. Акбар — [величайший правитель] Индии и личность весьма примечательная. Он извлёк Абу-л Фазла и его семью из нищеты и безвестности, вознеся к вершинам власти и влияния. Важно и то, что Акбар из них — старше. Он родился в октябре 1542 года, а Абу-л Фазл — в январе 1550-го, так что между ними — более семи лет разницы. Таким образом, Акбар за-

нимал положение старшего брата. Если учитывать, что он к тому же был царём, неудивительно, что человек оказался не в силах устоять перед таким обаянием. Даже Бадауни, как мне кажется, чувствовал искреннюю веру Абу-л Фазла в то, что неграмотность Акбара в сочетании с [природными] умственными способностями делала его одним из боговдохновенных, сверхчеловеком и ставила в один ряд с такими уникумами, как Будда, Зороастр или Мухаммад, если не выше. То, что Абу-л Фазл действительно верил в духовное величие Мухаммада, доказывается его обычными восклицаниями, а также деньгами и усилиями, потраченными на переписывание Корана и издание подробного комментария к нему. Хорошо известно, что на Востоке люди верили — и, вероятно, продолжают верить до сих пор — в чудеса и духовный пыл. Вспомним высказывание Акбара («Аин-и-Акбари», пер. Г. Джарретта, III. 385): «Все пророки были неграмотны. Итак, пусть верующие оставляют одного из сыновей в таком состоянии». Однако сам не оставил без образования ни одного из своих троих сыновей.

Правдивость Абу-л Фазла была доказана вопреки обвинениям М. Эльфинстоуна, которые вызваны недостаточным знанием персидского языка. Упомяну одну сноску в его «Истории Индии» (4-е издание. 1857. С. 452), цитированную на с. 731 моего перевода. Эльфинстоун говорит, что Абу-л Фазл, подробно описав катастрофу в Афганистане, заключает, что потери составили лишь 500 человек. В оригинале употреблено слово *кас*, а в персидском оно имеет два значения. Во-первых, обычные люди, то есть не принимаемые в расчёт. Во-вторых, люди влиятельные, занимающие высокое положение. И из контекста явствует, что Абу-л Фазл использовал это слово во втором значении. Об этом — в словаре И.-А. Вуллерса (II. 831), где *кас* переводится как *vir dignus* (знатный человек), и Дж. Ричардсона (1008 а). То, что приводимая здесь Абу-л Фазлом цифра 500 относится к 500 знатным людям, на мой взгляд, убедительно доказывается, когда Фиришта и Бадауни сообщают, что потери превысили 8 000 воинов, и ничего не говорят о данных Абу-л Фазла. Но [они несомненно] противоречили бы их собственным, если бы под словом *кас* понималось общее число павших. У Г. Блохманна (с. 345 его перевода «Аин-и-Акбари») стоит: «500 военачальников погибли». Упомяну, что переводчик прямо указывает место катастрофы: перевал Хайбер. Видимо, это произошло близ Кекура или Баландари в области юсуфзаев. Стремление Абу-л Фазла к точности подтверждается также «Комментариями» А. Монсеррата, где тот описывает поход в Афганистан против Мухаммад Хакима. Оба описания — Абу-л Фазла в «Акбар-наме» и Монсеррата в «Комментариях» — столь схожи, что невольно думаешь, не вместе ли они обсуждали план похода. Оба участвовали в нём, но описание Монсеррата полнее, и для тех эпизодов, о

которых он повествует подробнее, чем Абу-л Фазл, — к примеру, приводит беседу сестры Мухаммад Хакима с Акбаром в Кабуле, когда она выступила в оправдание действий брата, — следует предпочесть последнего.

Лорд Маколей в своей «Истории Англии» отмечает: «Чтобы раскрыть всю правду об Уильяме Пенне, требуется определённое мужество, ибо это персонаж скорее мифический, чем исторический. Представители народов-соперников и враждующие секты согласились канонизировать его». Подобное же замечание уместно и в отношении Акбара, и на моё суждение не повлияли сомнения по поводу того, действительно ли правы сэр Джеймс Макинтош и Маколей, отождествляя пророка Пенсильвании и посредника в истории с амнистией. Возможно, они и ошибались. Хотя этот вопрос не в моей компетенции, всё же, будучи высокого мнения о сочинениях Маколея, позволю заметить, что нигде не встречал доказательства того, что квакер Пенн и интриган Пенн — два разных человека. Думаю лишь, что критики Маколея представили дело так, будто существовал ещё один Пенн, погрязший в политических интригах и способный оказаться виновным в деле с амнистией. Однако отсутствуют доказательства, что он был таким человеком. Тем не менее признаю, примечание Маколея не столь убедительно, как могло бы быть.

Вернёмся к Акбару. Разумеется, его перехвалили. Он обладал превосходными качествами и острым умом, но не являлся ни святым, ни философом. И отнюдь не изжил в себе зверя, и ему были присущи недостатки его времени и его народа, а также его личные. Если считать [падишаха] человеком, озабоченным прежде всего своим нравственным обликом, то он уступал фанатичному Аурангзебу. И несмотря ни на что оставался потомком кочевников — ведь в жилах у него текла кровь Чингиз-хана. Был безжалостен и не сдерживал себя. Человек, способный отдать приказ швырнуть возжигателя светильников с крепостных стен за то, что тот уснул в царской постели, или, подобно Псамметиху в Египте, осудить двадцать детей на смерть, или идиотию с целью изучить первобытный язык людей, или мучить военачальника, бросив его под ноги слона, — даже если ему велели не лишать того жизни, — в сердце дикарь. Хорошо высказался по этому поводу мой друг Винсент Смит в жизнеописании Акбара (примечание на с. 343).

Однажды в 1581 году на берегу Инда он послал военачальника на поиски брода (Монсеррат. С. 582). Тот прошёл вверх по течению 25 миль, но ничего не отыскал, а крестьяне заверили его, что в тех краях никакого брода нет. С тем и вернулся. Но Акбар, узнав, что посланец не достиг места назначения, велел отвезти его туда, привязать к хвосту надутой бычьей шкуры и швырнуть в реку! Когда прозвучал приказ, всё

войско замерло в ожидании того, что произойдёт. Несчастного несло по течению, слышались вопли и мольбы о прощении. Когда же тот проплывал мимо царского шатра, Акбар велел вытащить [провинившегося], однако имущество — конфисковать, а самого — продать в рабство. Один друг купил его за 80 золотых монет, взятых, очевидно, из царской казны, и [неудачника] всё-таки простили!

Акбар велел названному военачальнику разведать, есть ли где-нибудь переправа через Инд верхом. После подвига принца Джалал-ад-дина во времена Чингиз-хана едва ли можно было утверждать, что Инд нельзя пересечь на лошади. Однако кажется, что в обычных условиях через Инд невозможно переправиться ни выше, ни ниже от Аттока, если только не пройти очень далеко вверх по течению. И даже если Инд или реку Кабул можно преодолеть вброд, там часты неожиданные паводки, как это показал печальный опыт близ Джелалабада во время войны с афганцами. В своих мемуарах, изданных в 1792 году (с. 98), майор Реннелл говорит: «Инд иногда можно перейти выше Аттока, но мы никогда не слышали, чтобы это было возможно ниже него».

В «Акбар-наме» повествуется, как Акбар, разгневавшись однажды на бедняка, представшего перед ним пьяным, приказал окатить того холодной водой — и человек умер от шока.

Любовь к жестокости ради неё самой так характерна для того времени и того народа, и уже приводился пример доблестного Бабура, приказавшего содрать с одного человека кожу, а другого подвергнуть медленной пытке, или человечного Хумаюна, или Джахангира, сына Акбара, любителя изобретать новые способы умерщвления людей — таких, как змеиный укус, — и обрекавшего на мучительную смерть мятежников, сажая их на кол и при этом заставляя сына смотреть на сподвижников. Действительно, Акбар, став наполовину индусом, а наполовину — парсом, ужаснулся жестокости [собственного отпрыска]; но именно Акбар повесил невинного Мансура Ширази и убил — или потворствовал убийству — своего престарелого и некогда почитаемого учителя! Не без причин говорят об Акбаре индусы, что он был способен вскрыть живот беременной женщине, дабы узнать, что у неё во чреве, — даже если в действительности этого не сделал.

Могу добавить, что коли истинна легенда, будто Акбар приказал живьём закопать рабыню Анаркали (Цветок граната) за то, что она обменялась взглядом с его сыном Салимом (впоследствии Джахангиром), такая жестокость объясняет, если не оправдывает, то, что его сын развязал войну против отца, и даже само отцеубийство.

Надгробье Акбара с проникновенной надписью цело до сих пор, однако из-за религиозного рвения доброго, но ограниченного епископа его

перенесли из мечети (нынешняя англиканская церковь) в строение, которое в «Географическом справочнике империи» уклончиво именуется министерским архивом, на обычном языке — *дафтар-хана*, то есть хранилище макулатуры! Однако, возможно, лорд Керзон приказал перенести надгробье в более подходящее место.

Духовные практики Акбара

Подобно многим восточным владыкам, Акбар ощущал пустоту бытия и испытывал интерес к религии. Его отец и дед были проникнуты такими же настроениями, равно как и основной враг его деда — Шейбани-хан из Самарканда. К сожалению, Акбар, будучи человеком талантливым и усердным в поиске истины, всё же менее образован, чем его предки: не умел даже читать и писать. Возможно, ему рассказывали, что пророк Мухаммад был неграмотен, и это позволяло ему пренебрегать учёбой. Также нет сомнений, что для Востока он развивался удивительно медленно. Мальчишкой, видимо, проводил большую часть времени за развлечениями — типа наблюдения за полётом голубей и пиршествами. Вероятно, именно это и имеет в виду Абу-л Фазл, говоря, что Акбар долго оставался под покровом. Когда же возмужал, льстецы уверили его, что изъяны в его образовании в действительности — достоинства. Но он слишком поздно явился в этот мир, чтобы играть роль невежественного и боговдохновенного пророка, даже если бы не родился на ступени слишком высокой и не был облечён такой ответственностью, что препятствовала этому. Быть может, если бы он умел читать и писать, то не совершил бы худшего своего преступления: не казнил бы без вины талантливого Шах Мансура из Персии, ибо тогда сумел бы обнаружить козни, благодаря которым того осудили. Владение грамотой спасло бы его также от поспешной перемены хронологии. К [несомненным] заслугам Акбара следует отнести то, что [правитель] постарался дать сыновьям хорошее образование.

Подобно большинству религиозных реформаторов, вначале он был ярым ортодоксом. Воспитанный как мусульманин, весьма набожный [падишах] соблюдал предписания Корана. При его вступлении на трон религией было пронизано всё, и он старался подражать ритуальным практикам Сулеймана Карарани, владыки Бенгалии, и другого Сулеймана, правившего Бадахшаном. Этот обычай [перерос в многолетнюю традицию царствования Акбара], и ортодокс Низам-ад-дин, превосходный историк, сообщает в повествовании о 24-м и 25-м годах правления, что Шахиншах присоединялся к общим молитвам по пять раз в день («Табакат-и-Акбари», литографическое издание Невал Кишора. С. 344). Действительно, Акбар долго исполнял внешние обряды после того, как отошёл от ортодоксии. [Об этом] рассказы

о его прилюдном поклонении так называемому Священному камню [*Каабе*] или неоднократных посещениях гробницы Аджмира. Монсеррат свидетельствует, что при походе в Афганистан он возил собственную часовню, хотя та исчезла на обратном пути. Вероятно, ею пользовались для отправления близких к христианству ритуалов, подобных поклонению Деве Марии, а также [религиозных обрядов] парсов.

Примечательный случай из жизни Акбара

В мае 1578 года, на 23-м году правления, или 14 сафара 986 г.х., с ним произошло удивительное событие, описанное в третьем томе «Акбар-наме» (моё примечание на с. 345) и истории об Ахмаде у Низам-ад-дина, а также Бадауни. Акбар велел устроить огромный загон в форме круга, называемый *камаргах* — словом наполовину персидским, наполовину арабским: *камар* на арабском означает «луна», а *гах* на фарси — место. С пространства протяжённостью несколько миль близ реки Джелам, в месте, называемом Нандана, что в *тахсиле* Пинд Дадан-хана, округ Джелам в Пенджабе, согнали птиц и зверей. Внезапно с Акбаром что-то произошло, и он приказал выпустить всю живность, а охоту прекратить. Неизвестно, что явилось причиной такой перемены, однако считают, что это *джазба*, или духовный голос. Можно предположить, что он имел видение, либо его посетил какой-нибудь отшельник. Вскоре после того из Фатехпур Сикри прибыла мать Акбара, чтобы повидать его. Вероятно, её встревожили вести о сыне, ибо они вызвали широкие толки в народе. Поэтому он не поехал дальше в Пенджаб, а в Фатехпур Сикри они вернулись вместе. Это происшествие напоминает эпизод из «Исповеди» Святого Августина. Оба случились в лесу, и оба имели последствиями обращение к праведности или признание греховности. Однако они не равнозначны. Случай со Святым Августином привёл к очищению последнего и изменению им образа жизни. Случай с Акбаром не имел столь далеко идущих следствий и оказался менее благотворен. Не похоже, чтобы жизнь падишаха после него улучшилась, или произошедшее оказало какое-либо влияние на него самого либо на мир, кроме того что самомнение Акбара лишь раздулось, и он предпринял фантастическую попытку основать новую религию — Божественную веру, которая прекратила существование сразу после его смерти. Акбар и Святой Августин, когда с ними обоими произошла перемена, пребывали приблизительно в одном возрасте. Но [Шахиншах] не был учеником, а цепь грехов и [высокого] положения сковывала его прочнее, чем Августина. Возможно, и жизнь гораздо сильнее наложила на него свой отпечаток. Когда случилась *джазба*, он достиг 34 лет или около того, тогда как Святому Августину исполнилось на два либо три года меньше.

Следует помнить, что это событие произошло до прибытия миссии иезуитов.

Боюсь, Акбар оказался слишком скован цепью собственных грехов — как легко они одолевают нас! — и любовью к жёнам, коих у него имелось более трёхсот[5], чтобы внять увещеваниям отца Рудольфа [Аквавивы]. Воистину, никто, кроме юного и импульсивного фанатика, каким слыл сын герцога, не стал бы ожидать [от императора Великих Моголов перехода в новую религию]. Я сильно сомневаюсь, что Монсеррат делал царю подобные предложения.

Миссия иезуитов к Акбару

Как много мы узнали о характере Акбара и его походе в Афганистан, когда каноник У. Фемингер нашёл в библиотеке кафедрального собора Калькутты оригинальное издание «Комментариев» падре Монсеррата, написанных на латыни. Как радовался бы генерал Маклагон, имей он возможность получить этот труд! Однако с находкой его каноником Фемингером в 1906 году тот попал в надёжные руки, ибо иезуит отец Г. Хостен издал его в 1914 году. История рукописи весьма любопытна, однако прояснена не до конца. Автор её, иезуит Антонио Монсеррат — уроженец Испании, родился в 1536 году в Каталонии. Его отец был знаком с Игнатием Лойолой, и Антонио вступил в орден. В 1574 году отплыл в Индию. Вместе с отцом Рудольфом [Аквавивой] их отправили к Акбару с миссией наставить [падишаха] в Библии. Они покинули Гоа в ноябре 1579 года, прибыли ко Двору в Фатехпур Сикри в феврале 1580-го, а в начале марта получили [высочайшую] аудиенцию. Рудольф был известен как итальянец знатного рода: его отец — герцог Атрии в Абруцци, а дядя по матери, Клавдио Аквавива, — генерал иезуитов. Родился он в октябре 1550 года, так что на 15 или 16 лет младше Монсеррата. Долго миссионеры жили вместе, но в феврале 1581 года Монсеррат, сопровождая Акбара, отправился в поход в Пенджаб и Афганистан («Комментарии». С. 580). В ноябре 1582-го Акбар и Монсеррат вернулись в Фатехпур Сикри. Рудольф, присоединившийся к Акбару в Лахоре, также вернулся с ними. В мае 1583 года он простился с Акбаром и отправился в Гоа, а в июле его убили крестьяне. В книге отца Голдина («Хронологическая таблица») в качестве даты возвращения [Аквавивы] указан май 1583-го, но у отца Хостена (с. 521) сказано, что он уехал в феврале; возможно, в мае Рудольф прибыл в Гоа. Монсеррат отправился туда уже в конце 1582 года, дабы вернуться в Португалию с могольским посланником Акбара. Но посольство доехало только до Гоа. Монсеррат находился там, когда убили Рудольфа, однако при этом, видимо, не присутствовал. Наконец, Монсеррата отправили с миссией в Эфиопию, но он потерпел кораблекрушение в Дуфаре или Дофе (Зафр?) в Южной Аравии

в конце 1588 или начале 1589 года, был захвачен турками и доставлен в Эйнан (Айнад, современный Хаймин), а затем в Санан, где провёл в темнице более шести лет. Заключение оказалось не особенно суровым. Он именует его *ergastution* [заключение, подобное каторге], и я не уверен, означает ли это, что его принуждали трудиться, или речь идёт лишь об ограничении свободы. Там в январе 1591 года и окончил свои «Комментарии». Выкупленный, вернулся в Гоа в 1596-м. Затем его отправили в Сальсетту, где [иезуит] и скончался в 1600 году.

В своей бесхитростной набожности Монсеррат видит истинную причину неудачи миссии в том, что Акбар пригласил их не по вдохновению свыше (с. 638), ибо, если бы это было так, то ничто не смогло бы воспрепятствовать их успеху. «Nam si opus hoc a Deo fuisset, nullis incommodis, aut obstaculis, inpediri non potuisset. At vero, quia non erat a Deo, per seipsum, etiam renitente Rege, concidit et dissolutum est»[6].

Ошибаетесь, уважаемый падре Монсеррат! Ваша миссия, по меньшей мере та её часть, где были задействованы вы, не оказалась сплошной неудачей. Результатом её стало создание ценной книги. Можно также вспомнить строчки из эпоса об Аиде, которыми восхищался Джон Брайт: там идёт речь о том, насколько полезнее малого успеха может оказаться большая неудача. Не напрасно пролилась и кровь Рудольфа. Вне всяких сомнений, его проповеди и гибель повлияли на Акбара и весь мусульманский Двор.

Монсеррат посвятил Рудольфу длинное и красноречивое надгробное слово: разумеется, это был человек благородного склада ума, но с недостаточным опытом. Он мог принести много добра Агре. Мог обратить троих сыновей Акбара, расположенных к нему и получивших от отца разрешение присутствовать на его проповедях. Был талантлив и за короткое время хорошо выучил персидский. Однако, ослабив себя постом и самобичеваниями, принёс Индии — да и всему миру — гораздо меньше блага, чем Монсеррат. Тот написал бесценную книгу и оставался верен своему назначению. На нём не лежала ответственность за смерть четырёх христиан и жестокости португальских властей.

Монсеррат работал над книгой на протяжении восьми лет и закончил её в 1591 году. Автор мало рассказывает о себе, но трогательно читать, чем утешает себя за то, что провёл годы в тюрьме: он был в обществе одного священника, которому мог полностью исповедаться (*propter exomologesem*). Бедняга, едва ли его исповедь была особенно длинной: ведь он находился в заключении! Однако не чувствовал себя несчастным — ведь именно в то время им написано, что эти строки созданы в приятном месте!

Салим, впоследствии Джахангир, сопровождал отца, как и второй сын Мурад, наставником которого являлся Монсеррат. Рудольф, сын герцога, оставался в Фатехпуре. Его дядей [как уже говорилось] был Клавдио

Аквавива, генерал (препозит) ордена иезуитов. Рудольф поехал в глубь страны, намереваясь встретить Акбара на обратном пути из Кабула, но в Сирхинде слёг. Затем присоединился к [царю] в Лахоре, и оба вернулись в Агру или Фатехпур. Всё-таки покинув Двор, в 1583 году отправился в Гоа, куда прибыл в мае. Спустя три месяца, в Чунчулиме, погиб от руки индийских крестьян Гоа-Сальсетты вместе с четырьмя христианами. Все пятеро канонизированы Папой в 1893 году. Рудольф оказался талантливее Монсеррата, что продемонстрировал, быстро изучив персидский. Пожалуй, он представляется более аскетичным и близким к святости, нежели Монсеррат, но я сомневаюсь, действительно ли оправдана его канонизация. Не стоило крушить идолы, ведь именно это стало причиной его гибели. Рудольф, будучи частным лицом во время путешествия в Чунчулим, не располагал поддержкой португальских властей. На это обстоятельство указывал в своём исследовании один из противников канонизации [?], что, однако, не встретило поддержки. Сам же [Аквавива] горячо желал мученичества и сильно жалел, что не может обрести этот венец при Дворе Акбара. Нетерпеливость и нетерпимость его объясняются возрастом и воспитанием. Мне представляется большой ошибкой его отъезд из Фатехпура. Действительно, обратить в христианство Акбара было едва ли возможно: разве мог миссионер убедить его отказаться от 300 жён и ограничиться единственной женщиной преклонного возраста, на которой того женили в детстве? Наверное, ответ Акбара подобен возгласу Агриппы перед апостолом Павлом: «Столь слабыми доводами желаешь сделать из меня христианина!» Но он мог оказать огромное благотворное влияние на жён и потомство Акбара. Ведь тот дозволил миссионерам свободно беседовать с его детьми и даже пытаться обратить их…

Когда Монсеррат отправился вместе с Акбаром, его спутник и [руководитель] отец Рудольф остался в одиночестве в Фатехпур Сикри. Человек знатного рода и безупречного характера, молодой и горячий, ему недоставало такта и здравого смысла.

Акбару нравился Рудольф, и он сожалел о его смерти. Однако нет сомнений, что в качестве спутника предпочитал более сдержанного Монсеррата, ибо взял его в долгий поход в Кабул. Однако, заботясь о здоровье Монсеррата, оставил того в Джелалабаде.

Находчивость отца Рудольфа подтверждается смекалкой, которую он проявил в ответ на реакцию одного парса в Сурате. Во время беседы на религиозные темы иезуит — возможно, случайно — открыл ларь (*scriniolum* — ларь, шкатулка) с мощами Святого великомученика Стефана и других святых. Парс пришёл в ужас, отшатнулся и произнёс: «Это же кости мертвецов, я не могу оставаться тут. Мне надо сменить одежды».

Миссионер успокоил его: «Мы не возим с собой кости умерших, это кости живых людей». Сказав это, он закрыл ларь. Подобную отговорку — хотя и в иных обстоятельствах — недавно вновь пустили в ход, когда возник вопрос о строительстве моста через Хугли. Инженеры определили, что одна из опор моста окажется вблизи могил святых. Мусульмане не соглашались тревожить покой усопших. Один англичанин ответил, что святые мертвы и поэтому не обидятся, если их останки перевезут в другое место. На что последовало возражение, что святые живы, хотя давным-давно покинули землю.

Возникает вопрос, как же распорядились рукописью, написанной лично Монсерратом? Он хотел послать её в Рим генералу иезуитов. Однако, очевидно, туда не отправили ни оригинала, ни копии. Миссионер умер в Индии, а его записи, видимо, оказались в разных местах. Возможно, они попали в руки известного, но совершившего ошибку антиквара и учёного, полковника Вилфорда, происходившего, насколько мне известно, из Ганновера. Представляется, в этих обстоятельствах нужно последовать примеру архиепископа Кентерберийского, когда он сделал дар Америке, и переслать [оригинальную рукопись «Комментариев»] из кафедрального собора Калькутты в иезуитский колледж в Риме или самому Папе.

Однако мне кажется, следует предпринять ещё одну попытку отыскать другой экземпляр и, прежде чем отсылать автограф в Италию, передать его университетам Оксфорда и Кембриджа и попросить сверить издание Азиатского общества Бенгалии. Отец Хостен совершил прекрасное дело, издав «Комментарии», но избежать ошибок при издании на основе единственного экземпляра весьма сложно. Также можно обратиться к экспертам с просьбой сверить рукописи и представить свои замечания. Некоторые варианты нуждаются в проверке.

Лондон, Кэмпден хаус роуд, 53 Г. Беверидж

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] [Речь идёт о переводе собственно текста «Акбар-наме», без «Аин-и-Акбари», который Абу-л Фазл писал как третью часть «Акбар-наме». Генри Беверидж занимался этим переводом с 1893 до 1921 года, а работу над примечаниями и указателями продолжал до своей смерти 8 ноября 1929 года. Издание перевода третьего тома «Акбар-наме» было подготовлено к печати в 1939 году д-ром Баини Прашадом и д-ром Д.-К. Дасом, членами Королевского Азиатского общества Бенгалии.]

[2] [Абд-ал-лах ибн Фадл-ал-лах Шараф-ад-дин Ширази (1299–1323) был персидским историком при дворе Ильханова. Его история, озаглавленная «*Китаб таджзийат аль-амсар ва тазджиат аль-асар*» («Книга разделения областей и прохождения времён»), более известна как «*Тарих-и Вассаф*» («История Вассафа»). Она задумывалась как продолжение исторического труда «*Тарих-и джахангушай*» («История мирозавоевателя») Джувейни, чьё описание возникновения Монгольской империи закончилось в 1257 году. Его стиль выделяется усложнённым и трудно переводимым языком написания, изобилующим сложными оборотами и конструкциями.]

[3] [Опсимат — человек, который начал учиться в зрелом возрасте.]

[4] [«Да возникнет из наших костей голос автора». Перефразировано известное крылатое выражение.]

[5] [Неизвестно, откуда Беверидж взял эту цифру, так как в «Аин-и-Акбари» (Аин 30 второй книги I тома) Абу-л Фазл говорит о восьми жёнах Акбара, однако называет имена только трёх.]

[6] [Перевод: «Ибо, если эта работа была бы от Бога, без каких-либо недостатков или препятствий, она не имела бы помех. Но поскольку она не была от Бога, сама по себе, а также вызвала сопротивление царя, то провалилась и не удалась».]

Глава 43

Услаждение Его Величества [Шахиншаха] охотой *камарга* и захват им добычи его желаний[1]

Когда [Владыка Мира] услаждается охотой, его величественный замысел заключается в том, чтобы получить сведения о событиях в мире, подавить угнетателей и возвысить достойных, сидящих в углу презрения, избегая при этом трепета, внушаемого царским величием, и без вмешательства болтунов, подол которых обычно замаран корыстью. Его святое сердце неизменно стремится обрести и духовное влияние и полагает, что на равнинах простоты ему, быть может, удастся завязать знакомство с каким-нибудь достойным человеком, заложив тем самым новое основание для дворца мудрости. Или, быть может, уста какого-либо [мужа], красноречивого в безмолвии, сообщат ему религиозную истину, а своими внутренними усладами (*кашашха*, букв. «тягой») сердце Его Величества обретёт покой от вопросов «почему» и «зачем», и сосредоточится, и утвердится на единственной цели, дабы в сей безводной пустыне самонадеянности достичь места отдохновения и свободно вздохнуть в священной обители. 12 ардибихишта (22 апреля 1578 г.), изголодавшись духовно в борениях исканий, он решил устроить охоту *камарга* в окрестностях Бхеры[2]. Пересёк Бихат (Джелам) и приказал родовитым сановникам и чиновникам, чтобы они в соответствии с искусными методами загнали диких зверей на огороженную территорию [простирающуюся] от Гирджхака[3] до Бхеры и имеющую протяжённость двадцать пять *косов*. Названные с усердием приступили к сей службе и образовали отряды (*кушун)* и группы. В это время с тысячью выражений стыда прибыл Хаджи-хан и прочие *белуджи*[4], засвидетельствовавшие своё

почтение. Поскольку верность обещаниям есть первое из деяний [правителя] государства общего блага, он простил их прегрешения и поднял с земли бесчестья. По знаку Его Величества они обрели место в обществе (охотников).

Ревностные слуги владычества просветления выполнили его приказ, когда птица желания угодила в сеть, а уста, красноречивые в молчании, обрели радость спасения[5]. Сей искатель истины (Акбар) утвердил стопу исканий в тех просторах пустоши и оставил внутренние раздоры в том отрадном месте, где пала дичь. Он осветил великолепием единства чистые места и отрадные просторы храма своей мольбы. Поскольку достижение следует за поиском, возгорелась лампада прозорливости. Величественная радость овладела его телесной формой. Притягательность (*джазаба*[6]) познания
242 Господа явила свой луч. Невозможно объять её немощным разумом обыкновенных людей. Не каждый просветлённый мудрец в силах достичь её постижения. [Лишь] немногие дальновидные из просветлённого пристанища духовного знания в силах уразуметь некоторую её толику с помощью вдохновенной проницательности (*шахуди*). Пока добрые участники пира величия (соратники Акбара) не испили очищенного вина, было им ведомо о религиозном опыте? И кто из винопийц таверны Единства, не вкусивший того вдохновляющего вина, имеет столь проницательный взор, что был бы в силах найти кувшин, вызвавший такое опьянение? Некоторые мужи проницательного ума, допущенные к аудиенции, верили, что украсители двора творения уделили особое внимание мироозаряющей красоте его разума. Состоялась чудесная беседа с посвящённым в тайны сердцем того священного храма [Акбара].

[Другие мужи] с чистым взором из святого собрания решили, что на тех отрадных лугах он повстречал одного из благочестивых отшельников и обрёл желаемое. Кто-то предположил, что [Шахиншах] узрел одного из святых духом, в то время как иные были уверены, что речь молчащих в глуши доставила ему весть. Иные думали, что звери лесные безмолвной речью поделились с ним Божественными тайнами. Немало времени уже купался он в Божественных лучах, когда явились счастливые слуги и, сообразуясь со своими возмож-

ностями, унесли остатки пиршества. Когда управители тайных покоев Божественной воли ради [задач] мироуправления опустили [на землю] его, достигшего желаемого в духовном царстве, [падишах] из признательности за это неописуемое благо освободил много тысяч животных. Неутомимые служители приняли все меры, чтобы не пострадало и пёрышко зяблика, а птицы и звери разбежались кто куда пожелает. Караваны живых существ обрели новое существование. Бессловесные [твари] этого мира поспешили к розарию радости. Поскольку его чистое сердце свободно от чувственных удовольствий, и он неуклонно стремится к аскетизму, мысль об этом переполнила его душу, а стремление к единству охватило его. [Его Величество] едва не оставил сию обитель борений и полностью освободил рубаху своего таланта от земного великолепия. Однако повинуясь указам мудрости, он — Шахиншах — отказался от сего желания, хотя и следовал некоторое время практике (аскетов). Укоротил свои длинные, прекрасные и чарующие волосы, и многие приверженцы ордена[7] добровольно поступили так же. Это было тем удивительнее, что за некоторое время перед тем [Акбар] произнёс, что в начале своего царствования из любви к уроженцам Индии и вопреки обычаю предков ухаживал за волосами на голове, и — памятуя о могуществе Господнем — будет удивительно, если он изменит своё мнение и приучит некоторых обитателей этой страны к «нашему обычаю». В тот же день пересёк Бихат, и добрался до лагеря, и оставил мысль следовать дальше. В это время на берег реки из Аджмира прибыли раджа Бхагван Дас[8] и *куар* Ман Сингх и выразили своё почтение.

[Волнующим] происшествием стало прибытие в лагерь Его Величества Мириам-макани. Когда лагерь стоял на берегу Бихата, Шахиншаху доложили, что её носилки близко, и она жаждет с ним увидеться. Он очень обрадовался и приготовился почтить её. Было приказано, чтобы вначале навстречу ей выступил принц Султан Салим в сопровождении многих чиновников. Вслед за тем верхом на коне отправился и сам Его Величество и изъявил почтение воплощению Господа (матери), что стало актом поклонения истинному Творцу. Действуя согласно этикету, [Акбар] в то же время углублял собственное познание Господа.

Быть достойным положения — значит уважать его,
Лишь тех Господь наделяет положением, кто его оценит.

[Знаменательным] событием стала доставка даров из Бенгалии и Коча (Коч Бихар)[9]. Когда лагерь расположился на берегу реки, ко Двору прибыли гонцы от Хан Джахана. Донесения гласили, что в восточные области удачей Правителя Века пришло успокоение. Раджа Мал Госейн, *заминдар* Коча, также выразил своё почтение вновь. Вначале [властителю] предложили диковинки Бенгалии, среди которых было 54 слона, а затем дары землевладельца. Партаб Тар Феринги, один из старшин купцов порта Бенгалии, имел счастье получить аудиенцию. Он и его жена Нашурна, ведомые своей счастливой звездой, восхитились похвальными качествами владыки, а благодаря здравому разуму и достойному поведению узрели благосклонность в проницательных очах Властелина Мира. В это же время Абд-ал-Баки Туркестани обрёл счастье изъявлением почтения. В своём неустанном поиске истины Его Величество даровал каждому доступ к себе и выслушал рассказы достойных
244 доверия людей, ибо — кто знает? — душа его могла обновиться ими. В сей обители поиска (в мире) неповторимая жемчужина просветления оказывается в руках не ранее чем после сотен разочарований, и, если не открыть лик различным типам человечества, невозможно достичь познания (Господа). Многие огни небесной тверди святости остаются сокрытыми в сумрачных подземельях невежества; с другой стороны, многие [мужи] предаются бахвальству. При виде подобных метаний вопрошающие в глуши поисков отвращают свои сердца от исканий. Они ставят свою стопу в стороне от усилий и избирают угол безучастия (*афсардаги*). Однако проницательный повелитель (Акбар), когда освещающая ночь жемчужина ускользает от него, становится ещё более усерден в своих стараниях! По его велению распорядители священного пиршества проводят пред его благородным взором каждую секту, и именно в эту пору сей муж, скитавшийся в пустыне изгнания и явившийся из Хиджаза, по рекомендации кое-кого из придворных был введён в просветлённое

собрание. Некоторое время он вёл речь на приятном и отточенном языке и изрёк некоторые истины о религии и вере, которые узнал от просвещённых христиан. Вскоре выяснилось, что око его не было достаточно острым, чтобы проникнуть в суть дела, и им не достигнут храм чистой преданности (*рийязат*). Благодаря счастливому характеру осознав пустоту своих рук и никчёмность собственного существования, принялся за труд с самого начала.

[Важное происшествие —] отправка Сакины Бану бегим к Хаким мирзе с советом. Во время того похода одной из тайных мыслей Его Величества было поспешить в Кабул, и пробудить дремлющего мирзу [добрым] советом, и усмирить волнения в Забулистане, и сделать так, чтобы всё население его оказалось под сенью справедливости. Когда снизошло на него таинственное откровение[10], распутавшее узлы трудностей, тот замысел оказался стёрт из его сердца, и [падишах] молвил: «Единственное моё желание — чтобы мирза поднялся из ущелья необузданности и снискал царскую милость. Поскольку он молод, неискушён и окружён людьми малоумными, не исключено, что при нашем приближении он отвернётся от алтаря удачи и изберёт изгнание[11]. Хотя лица способные и прозорливые смотрят на младшего брата как на сына, что-то подсказывает мне, что существование послушного сына сомнительно, а встреча братьев — невозможна. Будет гораздо лучше, если я поощрю его добрыми советами издали. Быть может, его дремлющая удача пробудится, и он встанет на путь покорности, прекратит блуждать и возьмёт путь в обитель счастья! Если из-за общения со злонамеренными [уже] отошёл от светлой тропы покорности и отрадной обители службы и очутился в тернистой чащобе неблагодарности, то снисходительному нраву и широкой терпимости подобает действовать наперекор мнению близоруких и взять за руку того неудачливого скитальца и заблудшего и излечить его различными наставлениями». Сказав так [владыка] назначил [для сей службы] окутанную в чадру [даму] из дворца чистоты, сестру мирзы[12] — ибо большинство людей внемлют словам друзей и близких родственников и отвергают совет благожелательных незнакомцев и не обращают внимания на их речи. Если бы разум их был ясным, очи — зоркими, а сердце — пробудившимся,

они отличили бы жемчужину от стекла, подобно опытным ювелирам на базаре, проверяющим всё — мелкое и крупное, и позабыли бы о лике говорящего, и взирали бы только на подлинную красоту речи! В уме же держал ещё одну мысль: буде мирза прислушается к сказанному им, то узы родства будут укреплены, что ободрит и утешит его. Хотя, по мнению мудрых, браки меж близкими родственниками не следует поощрять, однако дальновидные считают это в определённых условиях правильным, рассматривая сие как малое зло ради великого блага. Итак, он повелел, чтобы, если та сокрытая за покровом целомудрия узрит чистоту (букв. «кристалл») на челе его характера, она обрадовала его вестью, что его зятем станет принц Султан Салим. [Сестра мирзы] отправилась 19 хурдада из Сидри[13] (?) в обществе Мир Али-хан Силдуза и Мир Али Иссака Сафави[14].

Тогда же были отпущены послы[15] Шахрух мирзы, а Абд-аллах-хан и Абд-и Ходжа[16] отправлены с задачей поднять дух бадахшанцев и внушить им спокойствие. Уже упоминалось, что по полномочиям мирзы Ханим послала опытных мужей и принесла извинения за беспорядки в той стране (Бадахшане). Когда стали известны все обстоятельства, поднятые мирзой волнения сочли следствием его юности и дурных советов и извинения приняли. Сердца опечаленных утешились различными милостями, и было объявлено, что, когда укрытая чадрой целомудренная прибудет ко Двору, лик её просветлеет благодаря счастливым вестям[17].

В эту пору очарование мира духовного охватило его священную форму и придало новое качество его мироукрашающей красе. В отрадной обители охоты появились музыканты-волшебники со своими мелодиями, и на какое-то время его царственное сердце увлеклось этим. Внимая тем завораживающим чарам, источаемым основой близости, — вернее, [внимая] талисману проникновения в сокровищницу истины, тот всадник равнины проницательности испытал преображение. То, чего втуне искали властители чистоты и
246 освобождения, открылось ему. Созерцатели из его священного окружения унесли частицы Божественной щедрости. Вскоре он Господом данной властью обратил свой лик к внешнему миру и занялся неотложными делами. Чтобы заняться вещами духовными и обстоятель-

но их описать, потребовались бы тома, а быстрая стопа строчащего пера истёрлась бы в самом начале. Всю мою энергию поглощает запись славных событий внешнего мира. Поскольку духовные размышления разорвали удила моего сердца, я, слабосильный, описал некоторые события сакрального мира святости.

В сию пору было явлено новое благодеяние. Приказали принять меры, чтобы наполнить Анупталао[18] монетами. В особых покоях (во внутреннем дворе ?) (*даулат хана-и-хас*) Фатехпура находится водоём размером двадцать на двадцать (ярдов) и глубиной два человеческих роста. Он вымощен красным камнем и вызывает восхищение даже у придирчивых. До высочайшего похода (в Пенджаб) с [губ] сего источника великодушия сошли слова: «Некоторое время глаза и слух участников священного празднества были услаждаемы прозрачностью вод и плеском фонтанов. Заполним же его до краёв различными монетами, дабы обширные сокровища выставить на обозрение, и народу достанется немалая часть небесной щедрости, а нуждающийся избавится от волнения ожидания». Тут же устроители пиршества верховной власти начали наполнять резервуар. Раджа Тодар Мал доложил, что тот будет полон, когда прибудут царские стяги; на это отводилось семнадцать *крор дамов*, и подсчитали, что сего количества[19] будет достаточно.

[Заметным] событием стало прибытие ко Двору Шахбаз-хана, а с ним — Дауды, сына Рай Сурджана. Как упоминалось, он [Шахбаз] был послан в тот край для усмирения строптивцев области Аджмира и наказания недостойных. Там он проявил себя великолепно и сразил многих. Некоторые спаслись, изъявив покорность, и обрели мир. Убежище *раны* разграбили, а сам он укрылся во мгле ущелий. Дауда, самый рьяный мятежник, раскаялся и подчинился. Шахбаз-хан взял ко Двору этого просителя. 5 тира, Божественного месяца, он обрёл честь приветствовать порог [Акбара] в селении Тихара — его приняли с царскими милостями. О его [Дауды] достойном жалости положении поведали августейшему слуху — его приняли для беседы. Его Величество узрел, что на челе того запечатлена вечная погибель, и глоток милости окажется для него бесполезен. Поскольку верность своему слову

есть обязательная часть правления, тот был прощён и получил до-
247 зволение пребывать под сенью спокойствия. Когда царские знамёна направились в столицу, он остался в Пенджабе. Вскоре вслед за тем бежал, а знание [Владыкой Мира] сокрытых явлений [таким образом] было явлено ещё раз. 9-го числа названного месяца приказали навести мост через Ченаб близ города Кахлур[20], и войско переправилось; 21-го числа мост построили близ Каланура, и войско пересекло Рави. Оттуда отправили посольство правителю Кашмира. Поскольку Али-хан[21], управитель (*хаким*) той страны, не поспешил к порогу почтения, Его Величество послал 24-го числа Муллу Ишки[22] из Газни и Кази Садр-ад-дина из Лахора[23], с тем чтобы они привели к покорности засевшего в горах. На следующий день он разбил лагерь в том отрадном местечке (Калануре[24]) и остановился в саду того града удачи, на подобных розе землях которого взошёл на трон Единственный творения. Там и устроил пир. 4 амардада, Божественного месяца, пересёк Биас по мосту близ Хохровала[25]. Там Саид-хан был послан к управителю Пенджаба. Когда царская процессия прибыла в названную область, явилось множество жаждущих справедливости с жалобой, что Шах Кули Махрам не заботится о том, чтобы карать угнетателей, и потому правосудие пребывает не в лучшем состоянии. [Повелитель Века] упрекнул упомянутого и утешил скорбные сердца. Недостойные забились в угол презрения. Тогда же [Шахиншах] решил, что для наблюдения за делами необходимо отправить праведного и даровитого мужа. В эту пору, когда его намерением стало двинуться в столицу, он доверил сию задачу искусству способного и справедливого мужа (Саид-хана) и дал ему мудрые напутствия. С ним послал в Лахор значительную сумму для неимущих и тех, чья длань оскудела. Радже Тодар Малу молвил, что, насколько ему известно, многие афганцы осели в городах и селениях Пенджаба. Хотя кое-кто притворялся торговцем, а иной — земледельцем, однако имелись приметы, что это люди порочные. Время от времени доходили вести, что они притесняют слабых, и подобные случаи не расследуются со всей тщательностью; слабые же не в силах предъявить доказательства. Его Величеству пришла мысль, что этих людей (афганцев) необходимо

разделить и отправить порознь в несколько областей, дабы народ был избавлен от гнёта угнетателей, а афганцы не превратились бы в бродяг. Тогда же раджа Бирбар и Сайид Музаффар отправились в Джаландхар, чтобы несколько дней послужить в отдалении и снискать счастье, являя жалость к беспомощным. Каждого, кто хотел, но не мог получить надел (*мадад-мааш*), надлежало отправить ко Двору. [Там] каждый получил бы за счёт государственных земель достаточный для него надел.

[Немаловажно и] назначение Мухибб Али-хана, сына Мир Халифы, на пост управителя Дели. С ранних лет он был рассудительным сподвижником (Акбара) и считал луч несломимой преданности источником своих способностей. Мудрый властитель предложил ему на выбор четыре ответственные задачи:

1. Должность *мир али* при Дворе
2. Присмотр за гаремом[26]
3. Управление отдалённой областью
4. Управление тем славным городом.

Поскольку тело его не отличалось силой, он разумно выбрал последнюю задачу.

26-го числа названного месяца Его Величество приказал навести через Сатледж мост из лодок, и так войско переправилось. В этот день Хаджи-хан и иные вожаки *белуджей*, невежественные и дикие по природе, ушли. Они не узрели величия царского стана и не решились остаться вдали от домов своих в случае, если на них будет возложена придворная служба[27]. Во время переправы выбрали неверный путь. Вдогонку за ними послали *куар* Ман Сингха, Зайн-хан Коку и Ходжа Гияс-ад-дин Али Асаф-хана. Из-за того что они промедлили с разведкой, им не удалось нагнать тех. Злые языки нашептали, будто не проявлено усердия в поисках, и на несколько дней [названные] были лишены счастья Присутствия и впали в немилость.

[Тем временем] раджа Тодар Мал был оставлен в области Пенджаб. Когда [Шахиншах] взял путь в Фатехпур, того послали с поручением привести в порядок *джагиры* военачальников из рода Качваха. Что касается некоторых обжитых земель в северном

гористом краю, правители коих не желали подчиняться, ему повелели оставить их с миром, буде они, выслушав [добрый] совет, взвалят на свои плечи бремя повиновения. В противном случае ему следовало искоренить непокорную стаю, а земли и жилища их сделать *танквах* воинов верховной власти (военачальников Акбара). Приказ быстро исполнили. Многие хозяева гор устыдились, и принесли извинения, и прикрепились к стременам удачи, а некоторых наказали и изгнали. Когда царские стяги осенили справедливостью
249 срединные земли Халифата, раджа Бхагван Дас и он (Тодар Мал) явились и изъявили почтение.

[Тогда же произошла] отправка Фатх-хана для управления Бхаккаром. Во время похода в Мальву в Дибалпур дошли вести о кончине Сайид Мухаммад Мир Адла. Его Величество послал вместо него Итимад-хана, евнуха, известного своим беспристрастием и даровитостью[28]. Весьма умело довёл он войско до Сехвана[29] и, достигнув успеха и водворив мир, вернулся.

Подобно тому как большинство людей, едва достигнув успеха, выпускают из своей длани нить мудрости, и становятся спесивы, и не уважают своих подчинённых, и теряют из вида привязанность — сей величайший из даров Господних, — так и этого разумного мужа обуяло сие зло. В своём тщеславии и небрежении он перестал отличать друга от недруга и не отделял льстецов от произносящих горькие истины. Порочные и злонамеренные поощрялись, тогда как праведно мыслящие и правильно действующие впали в немилость. Вдобавок он использовал жестокие и дерзкие слова по отношению к своим слугам. Хитроумие именовал осмотрительностью и отступил от справедливости в поступках. В пору пребывания [Владыки Мира] в Пенджабе собрался отправить коней к священному Двору с целью поставить на них клеймо. Во сне своего разума решил, что сумм, выданных им его людям, будет достаточно для этих расходов[30]. Хотя те указали на свою бедность, не придал этому значения и обошёлся с ними несправедливо. Однажды утром Максуд Али, слуга, сговорился с несколькими негодяями и убил его. Многих удалось поймать, однако остальные бежали в Кандагар. Его Величество назначил славного своей любовью к справедливости

Фатх-хана[31] управителем той страны. 5 шахриюра, Божественного месяца, царская процессия миновала Сирхинд, обретший аромат весны благодаря его приходу. Великие чиновники, мастера поэзии и права и иные прославленные участники священного пиршества явили красноречие и остроумие, соразмерные их уровню. Поднялся океан мастера красноречия, а сердца, томящиеся жаждой в пустыне неведения, напитались знанием.

Чудесным событием стало, что Шахиншах взошёл на корабль. Размер войска навёл его на мысль, что обозу следует передвигаться наземным путём, а ему с ближайшими последователями — водным. 14-го числа он отплыл с переправы в Султанпуре Хизрабада. Несколько избранных сопровождали его, в то время как основной обоз и рядовые воины двинулись посуху.

19-го числа [падишах] достиг окрестностей Дели и посетил усыпальницу Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни. Спустя некоторое время вновь взошёл на корабль и поднял якорь. Поскольку крестьяне тех мест пожаловались ему на сборщиков податей (*амалгузаран*), оставил Музаффар-хана и Шах Мансура с задачей позаботиться о справедливости и затем присоединиться к нему.

Глава 44

Стремительный поход Его Величества [Шахиншаха] в Аджмир и возвращение в столицу

У [Шахиншаха] была традиция каждый год в начале месяца раджаб совершать паломничество к святому храму и раздавать подарки — таким способом выражать поклонение Аллаху. Поскольку Богопочитание не привязано к конкретному месту, а особенности какого-либо края всё равно не будут соответствовать вселенскому изобилию, он вдохновился мыслью, что следует разбить цепь обыкновения и привычки и поискать более широкую сферу восприятия истины. Однако эта идея не была претворена в жизнь в тот год. Внезапно сердце его воспламенилось мыслью посетить одно священное место и вернуться обратно. Таким образом, 24-го числа [падишах] сел в окрестностях Муттры на резвого скакуна и отправился в путь. Он взял с собой нескольких приближённых. В тот день [Его Величество] отправил одного из своих слуг, Ходжа Фатх-ал-лаха, в Гуджарат за Кутб-ад-дин-ханом. С тех пор как Мирза Кока, положившись на доброту Шахиншаха, ушёл в тень, тайным желанием любящего сердца [Владыки Мира] стало приумножение славы (*бахрузи*) сего искателя счастья. С этой мыслью и послал за ним людей, дабы тот, избавившись от своего дурного настроения, мог прибыть ко Двору и удостоиться царских милостей. Поскольку [Мирза] много чего себе навыдумывал и не прислушивался к советам, так и пребывал в смятенном состоянии. Таким образом, [Шахиншах] послал за Кутб-ад-дин-ханом, ибо тот приходился [Мирзе] дядей и заменял отца, и потому его совет мог бы направить [несчастного] на путь счастья. Его Величество передвигался так быстро, что преодолел более сотни *косов* за четыре

дня. Он сделал первый привал в доме Дауда, в городе Хаджипур. На следующий день достиг Мул-Манахар-нагара, после чего прибыл в Самбхар.

В тот день глаза и сердце автора сей благородной хроники прославились особым вниманием [Повелителя Века]. Если коротко, то каждый день двоим самым преданным слугам поручалось найти коров для благословенных отпрысков[1], которых Его Величество взял с собой, успокоив предварительно их матерей и дедушек. В этот раз, когда знамёна удачи оставили уже позади Мул-Манахар-нагар, для выполнения столь ответственной миссии были избраны мой старший брат Шейх Абу-л Файз Файзи и я сам. В начале месяца мой самый благородный из братьев находился подле стремян падишаха и демонстрировал своё красноречие. Сей неопытный муж (я сам) должен был приступить к выполнению задачи один. Поскольку окрестности являлись обителью диких горцев, пыль беспорядков поднималась везде, где я искал коров. Многие не верили, что царь проедет этой дорогой. Какое-то время я пребывал в замешательстве, но благодаря своей счастливой звезде пришёл в себя. Душа моя беспокоилась: что будет, если не выполню надлежащим образом приказ? И что если из-за волнения приду в замешательство и покажу себя глупцом? Возможно, не смогу выполнить задание сам. Внезапно тайное послание радости посетило меня в безвыходном месте, и засияла звезда удачи. Я вспомнил Его Величество, и он развязал узел безысходности. Тотчас же в том горячем месте зноя и холоде поисков[2] поспешил я к невысокому холму, где и увидел коров. Они сами приблизились ко мне, и две отделились от стада. Благодаря чудесам Божественной помощи около двадцати животных последовали за этими двумя. Трудная задача стала лёгкой, и сердце моё возликовало. Розовый куст преданности был снова орошён!

27 шахриюра, Божественного месяца, Аджмир озарился прибытием Шахиншаха. Круг был совершён, и желания страждущих осуществились. На следующий день, после полуночи, [Владыка Мира] и девять спутников сели на резвых скакунов и спешно отправились в столицу. (С ним были) Науранг-хан, Широйя-хан, Хусейн-хан, Макбул-хан, Фатх-ал-лах *шербатдар*, Абдулла Билуч, Хилал

Афтабчи, Шакир-хан Абдар, Махмуд-хан Хавас. Они проехали 120 *косов* за два дня[3] и прибыли в столицу в конце месяца.

В это время также доставили донесение из Гуджарата от слуг падишаха, в котором сообщалось, что караван благочестивых дам[4] преодолел все опасности океана и прибыл в Гуджарат. По завершении приготовлений к путешествию они намеревались отправиться ко Двору. Его Величество с радостью слушал эти новости и послал приказ Шихаб-ад-дин Ахмад-хану сопровождать благородный караван и доставить его в *Каабу* удачи (Фатехпур Сикри).

Глава 45

Прославление *Ибадат-ханы* блеском проницательности Его Величества Шахиншаха

Хотя Богом данная мудрость и наука Божественного знания (теология) украшают его священную особу и придают блеск его деяниям, однако, благодаря чудесной красоте своей сущности, он порой накидывает непроницаемый покров на свой лик и [так] правит миром и действует в соответствии с потребностями времени. В нынешнюю пору, когда повеял утренний ветер удачи, а звезда успеха вновь набирает яркость, [Шахиншах], опираясь на эмпирические познания и проницательность, использует внешние дарования в качестве завесы духовности и восхваляет ценность укротителей страстей и значимость учёных. Уже было упомянуто, что в своих неустанных поисках истины он заложил основания славных чертогов философских собраний[1]. И руководствовался лишь возвышенной мыслью, чтобы, подобно тому как во внешнем управлении государственными землями, [управлении] сопряжённом с вечностью, достоинства знатоков мирских явлений [высветились] на основе глубины представлений и верности справедливости, а шумный базар обмана и потакания затих, так прошли бы проверку и знатоки науки и морали, а также приверженцы благочестия и созерцания, чтоб [прошли] испытание принципы веры и убеждений, были изучены религии, взвешены аргументы и доводы в пользу каждой из них, а чистое злато и [благородные] сплавы отделены от дурной примеси. За короткое время вознеслось прекрасное, стоящее особняком строение, а бессовестные продавцы обмана погрузились в спячку в отдалённых покоях презрения. Благородный дворец воздвигнут для духовного мира, и высоко воспарили колонны Божественного знания.

В эту пору, когда средоточие Халифата (Фатехпур Сикри) возвеличилось прибытием Его Величества, были восстановлены прежние учреждения, и вечером в четверг[2] храм Божественного познания озарился светом священного разума[3]. 20 михра[4], Божественного месяца (3 октября 1578 г.), в той обители почитания [Господа], равно как и в пиршественной зале общественной жизни, зажгли лампаду сокровенных покоев отрешённости. Испытана [проба] монеты наставников истины в школах и монастырях. Чистое
253 вино отделено от осадка, а подлинная монета — от фальшивой. Открылись обширные способности и терпимость Тени Господа. Суфии, философы, ораторы, правоведы, сунниты, шииты, брахманы, джати[5], сиура[6], чарбаки[7], назареяне, иудеи, саби (сабеи)[8], зороастрийцы и иные [вкусили] величайшее счастье, узрев безмятежность собрания, Владыку Мира, восседающего на возвышенном помосте (*мимбар*), и красоту отрадной обители справедливости. Сокровища тайн были явлены без малейшего страха перед недоброжелателями, ищущими ссоры. Справедливые и осознающие истину [последователи] каждой секты стряхнули высокомерие и самообольщение и продолжили поиски. Они явили проникновение и вдумчивость и обрели вечное блаженство на тахте величия. Тщеславные и вздорные вследствие низости своей природы и бестолковости увязли в трясине кичливости и принялись искать выгоду в ущербе. Ведомые невежественными спутниками и с судьбой, впавшей в дрёму, они покрыли себя бесчестьем. Благодаря проницательности *Хедива* Мира и [его] искреннему стремлению к истине собрания проходили великолепно. Раз за разом глаз и сердце обретали новый блеск, а лампада бдения усиливала своё свечение. Свеча исканий возгоралась для любящих безвестность и покорность. Были проверены общины школ и монастырей. Средство состоятельности и источник достатка попали в руки нуждающихся обитателей вершины ожидания. Слава этого метода совершенствования мира, [метода] украшающего веру, внушила ищущим отвращение к [собственному] дому и вызвала у них любовь к изгнанию. Двор Шахиншаха стал приютом ищущих семи климатов и собранием мудрецов всех религий и сект. Лицемерие и фальшь всех тех, кто змеиной хитростью и уловками проник [ко Двору] в одеянии мудрости, были разоблачены. Несколько непочтительных и

лукавых душонок не оставили свои прежние козни после утверждения истины и сопутствующих ей воззрений и затеяли интриги. Они полагали, что поскольку на великих собраниях правителей прошлого цель науки и намерения мудрости изучались лишь поверхностно вследствие скопления народа, невнимания устроителей пира, гвалта базара сплетников и т.п., то, возможно, и на этом высочайшем собрании добьются своего благодаря длинным языкам, и над затылком (*фарару*) истины будет задёрнута завеса. *Хедив* Мудрости блеском своего ума довёл труд до конца невозмутимо и беспристрастно, и проверил различные монеты смертных сим похвальным образом, каковой нечасто отыщется среди святых аскетов — так есть ли надежда встретить его в [деяниях] мирских правителей? Многие мужи, запятнанные позором, избрали утрату чести, в то время как иные обрели мудрость и выбрались из теснины сумрака к величию. Разум был возвышен, а звезда удачи воссияла для обретающих знание. Фанатичный *улама* и заурядные законники, считавшие себя предводителями философов и носителями просвещения, обнаружили, что находятся в стеснённом положении. С лика многих из них был сорван покров. Дом злонамеренных фальшивомонетчиков превратился в обитель тысячи подозрительных и клеветников. Хотя порочные, извращённые и неприязненные постоянно отзывались неразумно о благочестивом *Хедиве*, в сию пору у них появился новый повод для клеветы, и они погрузились в пучину вечной погибели. Жар милости Шахиншаха очевидно возрастал с каждым днём, и он осознавал темноту тех невежд, однако не применил против них силу физическую или духовную и [не явил] величие внешнее и внутреннее. Напротив, воспретил своему сердцу и языку выражать досаду и не допустил, чтобы пыль печали села на рубаху его души. Волей судьбы многих из тех вскоре постигли ужасные беды, и [они] понесли утраты и сгинули, тогда как иные, суть коих была добра, оказались пристыжены и вновь засели за труд (учёбу). [Ведь] издавна повелось, что недалёкий и поверхностный принимает прочувствованные слова святых душ за глупость. Они не видели мудрость нигде, за исключением школ, и невдомёк им было, что обретённое издание обычно запятнано сомнениями и подозрениями. Интуиция — вот что просветляет чистый храм сердца без всякого обучения.

254

Сокрытая внутри душа освещается лучами святых небес. Извечно находится в движении океан Божественной щедрости, и чаша достойных [мужей] мира сотворённого наполняется им до краёв. Исстари мастера обычая, хотя и обладали великим знанием, искали толкования мудрости и морали (*илм у амал*) в обществе чистых сердцем, и ожидали в передней у тех, кто был прост и прекрасен душой[9], и обретали там счастье. Соответственно об этом повествуется в летописях, и то же передают и биографии (?). Хвала Господу, что ныне святая особа Шахиншаха является воплощением Владыки Владык вдохновенной (*ладуни*) мудрости. Противоречия между многочисленными сектами рода людского разрешаются сиянием его священной души. Достижение просветления — не первое одеяние почёта[10], вытканное иглой вечности. Сведущим в тайнах прошлого и чтецам хроник древности это хорошо известно. Ещё более ведомо пробуждённым, избравшим истину, и проницательным! Пусть же Всемогущий Господь навечно обережёт зелень и влагу этого древа, изобилующего плодами духовными и земными!

Господь, пока есть блеск и цвет у мира,
Движение — у небес, а у земли — недвижность,
Пусть будет мир владением Господина Единения,
Пусть будут сферы дружелюбны к тому, кто мир завоевал.

Как-то вечером собрание в *Икбал-хане* раздувало светоч истины. Падре Радиф, один из мудрецов-назареев[11], проницательностью и способностями не имеющий себе равных, излагал свои воззрения на том пиру разума. Несколько лживых лицемеров выступило, чтобы с грехом пополам возразить ему. Безмятежность возвышенного собрания и сияние справедливости показали, что каждый из них двигался в кругу своих прежних находок, а не следовал путём доказательств, и мысли их не содержали объяснения загадки истины. Покров чуть не был сорван с их действий раз и навсегда. Они устыдились, и замолкли, и обратились к искажению слов Евангелия. Но подобными доводами им не удалось принудить своих противников к молчанию. Падре невозмутимо и с убеждённым видом молвил: «Увы, что такие вещи могут считаться истинными! Воис-

255

тину, если сие собрание имеет такое представление о нашей [Священной] книге и считает Фуркан (Коран) чистым словом Господа, давайте разведём огромный костёр. Мы возьмём в руки Евангелие, а *улама* сей веры возьмёт свою книгу, и так войдём в огонь. Спасение того или другого будет знаком его [приверженности] истине». Лишённые печени и чёрные сердцем молодчики заколебались и в ответ на вызов прибегли к лицемерию и отговоркам. Такое малодушие и нахальство оскорбило его (Акбара) праведную душу, и пир просветления прославился его острыми замечаниями. В те ночи, подобные дню, изумительной тонкости [суждения] и глубокие изречения сходили с его уст, полных жемчуга. Среди таковых известно следующее: «Большинство людей из-за близкого общения с теми, кто украшает себя снаружи, но порочен изнутри, полагает, что внешнее сходство [с верующим] и буква ислама имеют какую-либо ценность без внутреннего убеждения. Так и мы страхом и силой принудили многих верующих в Брахму (индуистов) принять веру наших предков. Ныне, когда свет истины наполнил нашу душу, стало ясно, что в этой скорбной обители противоречий (мире), где сумрак невежества и обман громоздятся друг на друге, нельзя сделать и шага без факела доказательства, и ценна та вера, которая принята с одобрением истины. Повторять Символ Веры, удалять кусок кожи (совершать обрезание) и помещать на землю конечности (касаться её головой в знак почтения) из страха перед султаном — это не поиски Бога».

Быть послушным — не значит головой касаться пыли.
Следуй истине, ибо искренность не найти в голове.

Первый шаг[12] в такой опасной пустыне — это с высоким мужеством и возвышенной решимостью подняться и вступить в битву с изменчивой и спесивой плотской душой, и суровым самоконтролем подчинить гнев и страсть Султану Разуму, и стереть из сердца признаки отрицательных эмоций. Быть может, солнце доказательства выйдет из-за занавеси ошибки и превратит человека в почитателя истины, после чего[13] он таинственным притяжением привлечёт к себе одного из искателей Пути. Подобные магниты образуются со-

кровищницей аскетизма (*риязат*). Или возможно, что талисманом и могуществом своего очарования он введёт его в своё общество. Если же тот собьётся с пути и падёт в бездну, сопротивляясь воле Господней, он, тем не менее, не будет посыпан прахом вины. Он [Акбар] молвил также: «Мы виним себя за то, что творили, следуя прежним правилам до того, как Истина Веры излила свои лучи на наше сердце».

Удачливые и благостные, услышав сии слова, способствующие просветлению, поспешили в обитель света искания и взялись за исправление своих привычек, в то время как сонные и развращённые преисполнились тревоги. Поскольку буйные ветры неразличения примчались в четыре стороны света, он помянул заповеди различных религий и описал многообразные их достоинства. Быстрый разумом повелитель не придавал значения людским сплетням и превозносил достоинства любой веры. Частенько он украшал поднос своего языка словами: «Муж — тот, кто избирает в проводники на пути исканий справедливость и берёт у каждой секты то, что сообразно с разумом. Возможно, именно так удастся отпереть замок, ключ от которого был утерян». Таким образом он восхвалял в уроженцах Индии стремление к истине и красноречиво описывал преданность людей той страны в пору несчастий и то, как они ради верности (букв. «под сенью верности») оставляли добро, жизнь, имя и религию, каковые, считается, составляют четыре блага мирского базара. Он также почитал прекрасный способ, при помощи коего жёны той страны превращаются в пепел, когда наступает день скорби.

Сия категория жён, обретающих блаженство, делится на несколько видов. Некоторые странницы на стезе праведности[14] испускают дух, едва услышав о неизбежной участи [постигшей] их мужа. Многие приверженцы чувственности[15] давних времён из-за невежества и неразумия оказывались не в силах распознать сии необычные создания по линиям лба или [прочесть] запись их поведения, и с ущербом [для себя] вступали в ущелье испытания, и отбрасывали столь бесценные жемчужины! Некоторые [жёны] сознательно и с ясным челом вступали в огонь вместе с телом мужа или какой-либо вещью отправившегося в царство погибели.

Напитавшись любовью, они сгорают вместе,
Словно два фитиля, охваченные одним пламенем.

[Есть] иные, кого [подобное расставание с] жизнью не делает счастливой, но из страха перед людским порицанием они держатся буквы любви и нисходят в огненное чрево.

Учёным христианам он сказал: «Поскольку почитание женщины является частью вашей религии и [вам] не дозволено иметь больше одной жены, ничего удивительного не было бы в том, если бы такая верность и готовность к самопожертвованию обнаружились среди ваших женщин. Удивительно то, что такое случается среди последователей Брахмана (индуистов). [Мужчины имеют] множество наложниц, и многие из них остаются в пренебрежении и безвестности, и влачат свои дни в бесплодии в сокрытых палатах целомудрия; однако, несмотря на столь горькую жизнь, они [подобны] пламенеющим факелам любви и дружбы». Слыша столь возвышенные речи, присутствующие хранили безмолвие в залах ответа, а их языки краснели от удивления. Весть Господня наполняла радостью всех искателей мудрости в святейшем собрании.

[Важным] событием стало распределение его [Шахиншаха] времени. Хотя Его Величество следит за своей жизнью, и заботится о своём времени, и не проводит ни частицы его в праздности или бесцельно, однако в сей благостный период он обсудил сие дело ради наставления удачливых, и деление дня и ночи на части явило образец для человечества. Хотя в каждом поступке, движется или отдыхает, он — следуя велению Султана Мудрости — памятует о Всемогущем и неуклонен в исполнении его воли, однако, поднимаясь ото сна, отвращает внимание от всего прочего, и приводит внешнее состояние в соответствие с внутренним, и практикует преклонение, и преобразует своё сердце в книгу записей Творца. И возносит признательность за собственное существование, и приступает к благим трудам. В сем священном занятии проводит не менее пяти *гхари*, то есть двух астрономических часов, и считает это ключом к вратам успеха (*мукасид*).

Поскольку Господь сотворил нас из многих элементов, определённое внимание подобает уделять телу. Поэтому он [Акбар]

посвящает некоторое время его облачению и очищению. На это занятие уходит не менее трёх *гхари*. После чего распахивает врата справедливости и открывает Двор. Вникая в дела угнетённых, не полагается на заверения и клятвы, коими пользуются хитроумные, но делает выводы из противоречий между рассказами, опираясь на [знание] лиц, а также возвышенную проницательность и благородные рассуждения. Истина занимает место в этом кругу. В таком труде проводит не менее полутора *пахаров*. Поскольку он пребывает в миру, ему необходимо отдавать часть времени пище и приличиям. За этими занятиями проводит не больше двух *гхари*. Поскольку правители обязаны прославлять залы справедливости и искать просветления в речах бессловесных и беспомощных, им необходимо проводить часть времени со слонами, лошадьми, верблюдами, мулами и подобными. Поэтому он заботится об их корме и фураже и уделяет внимание уходу за этими обитателями дома. Этому труду отводит четыре *гхари*. Далее он проводит два *пахара* в женских покоях, занимаясь делами своих жён-затворниц и иных целомудренных дам, обращающихся к нему с прошениями. Ему необходимо отдавать внимание сим делам, дабы было достигнуто равенство его обращения с ними (женщинами) и [тем] охранено равновесие. Поскольку основание костного дома [тела] покоится на сне, он из соображений здоровья, сопряжённых с благодарностью, проводит два с половиной *пахара*[16] в сладком сне. Из этого рассказа имеющие честь служить при Дворе пожнут счастье и извлекут заповеди доброй удачи.

[Значительным] происшествием стало отправление преданных истине, смышлёных людей для проверки сокровищниц. Кое-кто из корыстных и злонамеренных мужей донёс Его Величеству, будто казначеи столицы потеряли совесть и раскрыли ладонь обмана. Поскольку решение мельчайших вопросов государства — не говоря уже о крупных — основывается на таланте праведных правителей, [Повелитель Века] назначил Музаффар-хана, Ходжа Шах Мансура, Касим-хана и некоторых иных опытных и разумных людей для расследования этого дела. Те быстро проверили монеты сокровищницы и оценили их количество и качество. Коварные клеветники получили заслуженное.

[Важнейшим] из событий явилось открытие сокровищницы Ануптaлао. Уже было дано приказание наполнить её различными видами монет. Когда стараниями энергичных и честных рабочих её заполнили до краёв, щедрый владыка 23 михра, Божественного месяца (в начале октября 1578 г.), водрузил свою тахту на её край и приступил к дарению. Он начал с вознесения мольбы Благостному и Несравненному Господу. После чего поднимал *мухур*, *рупию* и *дам*, одну [монету] за другой. Названная сумма даровалась допущенным в Присутствие. Автор сего благородного тома также оказался участником этого [акта] милости. После чего толпы людей получили дары, пригоршню за пригоршней, подол за подолом. Он обратился к первым лицам [царства] и раскрывающими тайны устами произнёс, что каждому — во имя верности — надлежит видеть в царском даре талисман [полученный от] руки Разума, и ради устойчивости власти (Акбара) и достижения желаемого принести обет отдать некоторую часть накопленных мирских богатств бедным и нуждающимся, дабы самому вскоре обрести радость непреходящую. Удачливые и благостные сочли сию речь Божьей вестью и преуспели в распутывании узла своих желаний. Злые и чёрные сердцем решили, что это — иллюзия, и тем оставили (вонзили или сломали) шип в стопе удачи. Ищущее сердце благодаря пытливому изучению достигло продвижения и продолжало поиски знаков чудес [сотворённых] непостижимой помощью[17]. В скором времени тот, кто внял сей Божественной вести, достиг положения *амира*, а тот, кто из-за уснувшей удачи ею пренебрёг, не достиг этого сана. Да что говорить! Впоследствии те [не внявшие] лишились положения, что занимали, и погибли физически и духовно. Изложение сих чудесных обстоятельств — история долгая. Кого мне превозносить, и с кого я сниму покров? [Лучше] вкратце изложу то, что приключилось со мной, и это поможет сделать всё дело более понятным. Из верности я вызвался сохранить дар и благом сего стал сборщиком цветов в саду удачи. Поскольку добрая удача таится в засаде времени и ищет помощи, а чародеи судьбы отводят новых странников, находящихся в начале пути, по землям усердия и упорства в тесные ущелья, так и я на первом этапе долгого пути жизни в обществе очутился в безрадостных краях. Помощь верного намерения и сила пробудившейся

удачи [позволили] продолжать путь решительным шагом и с ясным челом. Водительством небесной помощи сомкнул уста желания и, доверив свой слух отрадному пристанищу довольствия, сделал порог Владыки Мира местом отдохновения и обрёл блаженство. Превратности времени не покрыли пылью изменчивости тот чистый храм, и узкая тропа наставления преобразилась в просторную долину веселья. Мои попутчики разбежались из-за омрачённого лика судьбы и трудностей преодоления, но некоторые из них, не отступив от верности и благородства, бесстрашно шагали рядом со мной. Благодаря моему росту сами и росли. Как-то раз, оказавшись без средств и в затруднительном положении, они решили было потратить тот капитал удачи (дар, полученный в Ануптaлао). Вот какой ответ прозвучал из привратной моего сердца: «Этого не хватит и на два дня, (по истечении двух дней) воспользуйтесь любым доступным средством и будьте терпеливы. [Но] если он (дар) является гарантом жизни вечной, воздержитесь от безрассудства и не позвольте опуститься подолу обета». Поскольку судьба оказалась благосклонной, они приняли небесный совет, и пыль скорбей не поднялась. Подобным же образом из-за подъёма и опускания сфер многоликий,
259 спесивый дух несколько раз поднимал бунт и терпел поражение. За короткое время благотворным влиянием священного духа (Акбара) открылась дверь удачи, и без напряжённого поиска и людских советов милость Шахиншаха вознесла сего угрюмого, сидящего в пыли [мужа] к небесному достоинству. Серебро или злато не имели ни веса, ни какой-либо ценности на весах мысли. Немало великих мужей эпохи очутились на тернистом пути зависти. Я не теряю надежды, что после обретения духовного царства чело моё прояснится, а те немногие импульсы желания, что, возможно, останутся, исчезнут. Не думаете ли вы, что я пою дифирамбы? О, [всего] лишь с благодарностью описываю некоторые из полученных милостей. Славные качества избранника Божьего превосходят то, что в силах вообразить обычный человек эпохи. Невероятные милости, коими я был осыпан, побуждают меня запечатлеть в сердцах непосвящённых записи своих приключений. Пусть станет это прозрением для слепцов и целительной мазью для зрячих, и пусть насладятся они непрекращающимся блаженством во дворце истины!

[Тогда же] прибыли депеши от Хан Джахана. Когда блеском стараний и мастерства восхитительный край Бенгалия был очищен от сора и хлама неблагодарных, Ибрахим Нарал[18] и Каримдад Мусазай принялись выжидать возможности поднять волнения в землях Бхати. Иса, *заминдар* тех земель, коротал свои дни в лицемерии. Помимо того, главу высокомерия поднял и Шах Барди, адмирал (*мир навара*). Даровитый слуга (Хан Джахан) двинул туда армию. В окрестности города (*касба*) Гос[19] с выражением покорности [к Хан Джахану] прибыла Наулака, мать Дауда, со слугами и множеством неприязненно настроенных афганцев, а также Махмуд-хан Хассахайл, повсеместно известный как Мати. Множество добра было получено, и собраны великолепные коллекции [диковинок]. Меж Наулакой и Мати поднялся спор. Хан Джахан, желавший отправить последнего в небытие, казнил его под предлогом наказания за обман, в котором его обвиняли, но [в действительности] и для того, чтобы захваченное добро осталось укрытым. Шах Барди, бродяга[20] в пустыне неповиновения, принял добрые советы и обратился к верности. Когда войско расположилось в городе Бхавал[21], Ибрахим Нарал, Каримдад и иные афганцы тех земель объявили о своей готовности к послушанию и заговорили в умиротворяющих выражениях. Иса, однако, засел в ущелье непокорности и вёл себя надменно. Против него были посланы крупные силы во главе с Шахом Барди и Мухаммадом Кули. Войско двигалось вдоль реки Кияра Сундар[22], и на границах Кастала (?) произошло ожесточённое сражение. Иса был разгромлен и бежал, и немало ценной добычи перешло в руки царских ратников. Поскольку гордыня ещё более ослепляет сердце и очи, Маджлис Дилавар и Маджлис Пратап[23], тамошние землевладельцы, внезапно вывели множество лодок из рек и проток и зажгли пламень мятежа. Бойцы победоносной армии пали духом и обратились в бегство, и в этой суматохе некоторые воины (?) оставили свои лодки и бежали. Мухаммад Кули[24], энергичный и доблестный, бросился к вражеским лодкам и вступил в бой. Он бился до последнего, а затем его взяли в плен. Одним из чудотворных следствий возрастающей с каждым днём удачи стало то, что, когда войско отступало, подоспел Тила Гази, землевладелец, и разжал ладонь храбрости, и так в полдень отчаяния возгорелись огни победы

260

и показались царским слугам. Они достигли своей цели, захватив также огромную добычу. Чёрные сердцем враги погрузились в волны отчаяния. Лишь тогда Ибрахим Нарал отправил своего сына с великолепными диковинками тех земель и взмолился о покровительстве. Главнокомандующий (Хан Джахан) принял его извинения и повернул назад. Он направился в Сиххатпур, основанный им близ Танды, и затем донёс высочайшему Двору о небесной помощи.

В сию пору радости к Его Величеству был приведён музыкант по имени Гадаи. Говорили, что он родил 25 детей от одной жены, по поводу чего [Шахиншах] заметил: «У одного белуджа было двадцать детей от одной жены, и он прибыл ко Двору с жалобой, ибо люди говорили, что сию набожную женщину нельзя допускать к нему (в гарем) из-за многократных родов. [И он спросил,] есть ли у меня лекарство, и существует ли лекарство от его беды? Мы велели ему утешиться и заметили, что такое мнение [окружающих] не похоже на истину. Его, скорее всего, измыслили злоречивые создатели небылиц. Если брак (*кеш*) принёс столь хороший результат (многочисленное потомство), то это честь для обоих супругов, а не повод для воздержания (*хурмат*). Пусть он продолжает являть свою силу и плодовитость своей супруги». [Владыка Мира] рассказал эту великолепную историю, и сердца слушателей немало развлеклись.

[Изумительным происшествием] стала вспышка светоча Истины в его святой душе. Хотя [Шахиншах] благодаря своим обширным способностям и великой одарённости ведает, что многообразие — завеса единства, и хранит такую зоркость, что любой из просветлённых мужей мира, а (также) из скороходов духовного двора считает сего царственного всадника прозорливости своим предводителем; однако, поскольку мысли об уединении присущи его нраву, нити сей неповторимой завесы иногда рвутся. Итак, в сие время Бахшу Каввал услаждал его слух, читая перед ним два завораживающих сердце станса. Он [Акбар], запись свитка познания (Господа), явил лик, пылающий Божественным светом. Те, чьё ви́дение не простирается далее плана внешних явлений, обрели душевное восхищение (в пении). Неизмеримо большего достигли внутренне прозорливые! Когда Его Величество вышел из своего чудесного

261

состояния, то вознёс благодарность Господу и наполнил подол надежд певца монетами немалого достоинства.

[Тем временем] из теснин изгнания появился Мирза Азиз Кокалташ. Вследствие общения с невежественными льстецами и буйства юности он очутился на тернистом пути недостойных желаний. Устремлённый к справедливости правитель в своей неизмеримой милости и мудрости не допустил его до изъявления почтения и отправил в школу поучиться уму-разуму. Когда на челе того проступили знаки раскаяния и показались огни служения, 12 абана, Божественного месяца, Его Величество вывел его из сумрачной обители меланхолии и наделил различными милостями, и тот отправился навёрстывать упущенное время исполнением службы.

[Тогда же] ко Двору прибыл раджа Мадхукара. Уже упоминалось[25], что он взметнул пыль битвы и оказался запятнан поражением. После этого стыд овладел им, и он коротал свои дни в бедствии. Садик-хан по [врождённой] мудрости стал лагерем в тех землях. Когда под давлением доблестных войск раджа очутился в сложном положении, то был вынужден обратиться к смирению и сделал своё доброе служение в прошлом поручителем. Он явился с тысячью оправданий и извинений. Военачальники же ответствовали, что, если бы все приготовления к войне не были [уже] сделаны, его мольбы могли бы быть услышаны. А теперь необходимо доложить обо всём [Повелителю Века]. Ему также велели отправить способного человека и запечатлеть свою порочность в умах придворных. Не исключено, что волны милости подхватят его и выбросят из пучины отчаяния на берег достижения желаний. Поэтому он послал ко Двору брата Сом Чанда с дарами. Посланцев приняли в Бхере, и [Шахиншах], будучи милосерден, сжалился над ним и выказал ему расположение. Когда пришли вести о прощении его прегрешений, он отправился ко Двору вместе с военачальниками. 21 абана, Божественного месяца, Садик-хан и остальные военные мужи прибыли и засвидетельствовали почтение, и тот самонадеянный (раджа) обрёл блаженство, преклонив колени. Владыка Мира сдержал обещание и возвысил его многими милостями.

[Случилось и такое:] ко Двору доставили Музаффар Хусейн мирзу, [закованного] в цепи. Уже было поведано, что, последовав

наущению злонамеренных в Гуджарате, он отвернулся от Двора удачи и поднял мятеж, а затем превратился в бродягу и отправился в Хандеш. Из доброты и расположения [к нему] отправили Максуд
262 Дамбу с дарами и задачей доставить того к высокому порогу. Управитель тех земель не спешил выдавать [мирзу] и выдвинул чрезмерные условия. Очевидно, поддался неподобающим мыслям из-за того, что царские стяги ушли в Пенджаб. Кутб-ад-дин-хан послал Ходжаги Фатх-ал-лаха и передал (правителю) добрые советы. Известие о возвращении [Владыки Мира] в столицу озарило мир. Из необходимости тот [управитель] оставил свои недостойные помыслы и отослал названного вместе со слугами Двора. Для сопровождения его отправили Мутталиб-хана и нескольких солдат. 27 азара, Божественного месяца, тот странник в пустыне неудач [предстал перед Шахиншахом]. Его Величество из милости и благоразумия препоручил его воспитателю, дабы научить мудрости. Вскоре в его поведении появились признаки удачливости, и перо прощения перечеркнуло [совершённые им] проступки, и его возвысили благосклонностью Тени Господа[26]. На следующий день из Гуджарата явился Кутб-ад-дин, и засвидетельствовал своё почтение, и был вознесён многообразными милостями Шахиншаха. Помимо того, в это же время раджа Бхагван Дас, Джаганнатх, раджа Гопал, Джагмал Панвар и некоторые иные усердные отправились в Пенджаб. Каждый из них получил поучительные напутствия, породистого коня и платье почёта. Им велели приложить все силы к службе, и не отступать от советов Саид-хана, и не впадать в спячку вместо управления теми землями и сохранения бодрости.

[Не осталось незамеченным] и отправление Шахбаз-хана в Аджмир. Когда стало известно, что *рана* поднял там главу мятежа, 4 дая туда послали Гази-хан Мухаммад Хусейна, Саийд Таймур Бадахши, Мирзада Али-хана и других под его командованием с задачей препроводить *рану* и прочих к доброй службе. В противном случае их надлежало уничтожить пылающим мечом. Они [посланные] везли с собой немало добра. Вскоре тот сумрачный мыслями лишился чести, а простой народ обрёл мир и вознёс признательность.

[Благотворным событием]стало возведение фундамента приютов для бедных [27]. По неизмеримому милосердию и великодушию

[Акбара] мастеровым приказали возвести красивые здания в различных частях столицы и передать их людям благожелательным и щедрым, дабы бедняки и нуждающиеся миряне обрели пристанище без необходимости искать таковое или терпеть неудобства бесприютности. Вскоре эти приказы оказались исполнены наилучшим образом, и люди без средств насладились домашним уютом в чужих землях.

[Печальным] случаем явилась смерть Хан Джахана. Вернувшись с успехом из Бхати, он остановился в Сиххатпуре. Искренность его души несколько замутилась лишающим разума вином самолюбования. К счастью, покров чести не был разорван. Вскоре вслед за тем он слёг на ложе страданий. Лихорадка сменилась запором (?). Индийские медики не распознали болезнь и дали ему средства для снижения жара, и нить его жизни оборвалась. Он страдал болями в желудке на протяжении полутора месяцев и скончался в ночь дибадина, 8 дая (в декабре 1578 г.)[28]. Его Величество, весьма опечаленный, молился о прощении его души, однако, в согласии с правилом духовного царства, покорился судьбе и сохранял самообладание.

Происшествием стало прибытие ко Двору Султан Ходжи. Когда его назначили на должность управителя *хаджа*, он отправился туда, взяв с собой немалые дары от Шахиншаха для высоких и низких, и обеспечил достижение желаемого уроженцам того края и инородцам. И исполнил важные дела, которые имел там, после чего вернулся с большим караваном. 11 дая [*Хедив* Мира] отправился, чтобы насладиться охотой, и Султан Ходжа предстал перед ним в той области. Он поднёс в дар арабских жеребцов и иные диковинки, и каждый из его спутников испытал щедрость Шахиншаха в соответствии со своим положением. Ходжа поведал о многочисленных случаях великодушной помощи, оказанной ему, и тем восхитил сердца и слух мужей.

Среди таковых [примеров] следующий: однажды в пути один молодой человек упал с палубы корабля в глубокие воды. Чем быстрее судно двигалось вперёд, тем ближе раздавались его крики, и они [наконец] достигли слуха находящихся на борту. Ходжа дал обет Владыке Мира, и отправил лодку (*сумбук*) с моряками, и

ожидал явления Божественной мощи. Команда же считала, что эти несвоевременные поиски бесполезны, и так протекло немало [часов]. Клеветники распустили языки, и добрый человек погрузился в печаль. В полночь отчаяния посланные [на поиски] привели к нему упавшего за борт целым и невредимым. Кольцо преданности укрепилось в дух[овном] ухе простого народа. Вскоре добрая служба Ходжи наделила его новой славой. Он был назначен *тарханом*[29] и получил должность *садра*. Тогда же последовал приказ, чтобы Мир
264 Факир-ад-дин из Мешхеда, носивший титул *накиб-хана*, покинул Уджайн и отправился управлять Патаном. По его прибытии туда Тарсун-хан, бывший там управителем, явился ко Двору.

[Грандиозным] событием стало отправление *мир хаджа* [с заданием]. Единственная цель владыки заключается в том, чтобы неимущие и честные бедняки любой страны обретали желаемое. Поскольку [являлось] очевидным, что, услышав вести о раздаче денег, нуждающиеся из Малой Азии и Сирии стекутся [в Аравию], и вести о восторге и благодарности в тех землях до[неслись] до слуха Его Величества, океан его благосклонности пришёл в волнение, и слугам Халифата велели избрать для сей службы людей щедрых и быстрых разумом и отправить в два раза больше (денег), чем до этого. Ходжа Яхья назвали [мужем] достойным сего задания, и он получил назначение. 26 дая выступил с огромным караваном, чтобы оделить [народ] великими дарами. Он был правнуком[30] Ходжа Ахрара и родственником в первом поколении Ходжа Абд-ал-лаха, которого туранцы именуют Ходжаган Ходжа. Хотя и не часто выходил на арену созерцания и благочестия (*назр у тауллух*), тем не менее ему оказались ведомы некоторые целебные средства, и он кое-что читал о суфизме[31]. Что касается честности и справедливости, этот — один из первых Века. Тем временем Кулидж-хана тоже отправили в Гуджарат с задачей помочь тамошним чиновникам в деле наблюдения за крестьянами и солдатами, а также чтобы оберечь собственное добро. Хаджи Ибрахима назначили *садром* в области. Однако он не понял сути этого задания и показал низость своей натуры и своё безрассудство и получил подобающее наказание[32], как о том будет сказано в соответствующем месте. [Тогда] же Ходжа Гияс-ад-дин Али Асаф-хана направили в Мальву[33] и

Гуджарат. Поскольку необходимо, чтобы правитель повсюду рассылал даровитых людей, дабы иметь известия о состоянии войска, тот способный и красноречивый муж 20 бахмана был отправлен с поручением решить насущные дела Мальвы, а затем направиться в Гуджарат. Ему надлежало навести порядок в войске, следуя советам Шихаб-ад-дин Ахмад-хана и Кулидж-хана.

Глава 46

Начало 24-го Божественного года с момента священного Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года исфандармаз второго цикла

265

Когда восседающий на троне мудрец, обладающий глубокой прозорливостью и стремящийся к поискам Истины, задал пир духовной Весны, настоящая весна также устроила пиршество радости.

Укрась собрание в это время года, ибо весёлыми листьями
Роза оживляет сюжет, а Шахиншах — мир;
Подобный Александру принц, Акбар, на пиру достижений
Как Илия чашу из источника мудрости осушил.

В среду, 12 мухаррама 987 г.х. (11 марта 1579 г.), по прошествии шести часов сорока семи минут, [Солнце] светоч земного и духовного миров, открыватель мудрости и проницательности, алхимик драгоценных камней творения, страж видимого и невидимого, бросил свои лучи на дом Овна. Сердца почувствовали побуждение истины, а формы обрели духовную чистоту. Мощь размышлений освежилась водами мудрости, возможности разума расширились, вспышки света восславили внутренний и внешний [миры], пола и карман Века наполнились цветами желаний. Тысячи завораживающих картин лишили требовательных и проницательных опоры. Властелин Мира восседал на *диване* успеха и отворил двери сокровищницы изобилия. Толпы людей обрели желаемое и получили бальзам для глаз, лекарство для сердца и средства для жизни. Пусть же Несравненный Бог наделит

властелина горизонтов радостью в глубокой тени Своей вечности [и наполнит его] источающей сокровища мудростью и одаряющим драгоценными камнями положением!

На вечные времена, пока будут чередоваться дни,
На вечные времена, пока год будет сменяться годом,
Пусть он живёт, пусть сердце его будет молодо,
и мир склонится перед ним,
Пусть помогают Небеса, поддерживает власть,
Аллах пусть будет ему другом.

В начале года Музаффар-хан [Турбати] получил разрешение ехать управлять Бенгалией, где по приказу Его Величества должен был вымести печаль из угнетённых жителей тех мест. Первостепенная обязанность справедливых правителей — поручать страны, изобилующие человеческими племенами и животными, проницательным и справедливым военачальникам с незаурядными способностями, дабы драгоценный камень человечества оказался отполирован и взвешен на весах равновесия, а свершение правосудия и приумножение власти происходило в надлежащем месте.

(Здесь в рукописи три риторические строки, которые Беверджем не переведены.)

Когда Хан Джахан умирал, Музаффар-хана, обладавшего множеством достоинств, отправили управлять Бенгалией, куда тот отбыл 3 фарвардина (14 марта 1579 г.), получив предварительно полезные наставления. Ризави-хана назначили *бахши*. Мирские дела (*дивани*) поручили Мир Адхаму и Рай Патр Дасу[1], а Хаким Абу-л Фатх[2] стал **266**
садром и *амином*. Мир Ниджабат-хан, Мир Джамал-ад-дин Хусейн Анджу[3] и другие отправились вместе с ними, получив в дар почётные одежды и отменных скакунов. Исмаил Кули-хану[4] приказали передать управление вышеназванным военачальникам и отправиться ко Двору, дабы боль его раскаяния излечилась бальзамом милости, а его смятенное сердце успокоилось. Кия-хану, Баба-хану, Джаббари и другим велели продолжить управлять войском. В это время Его Величество стёр запись о преступлениях Музаффар Хусейн мирзы и отнёсся к

нему милостиво: сделал вид, что мятежа в Гуджарате не было. Обычно Властелин Мира старается сохранять жизни и всегда применяет лекарства доброты [для лечения] нечестивых; что же касается этой великой милости, он решил, что простая душа (Музаффар-хана) не была источником зла, и его подтолкнули к мятежу смутьяны и глупцы. В это время Мирза Азиз Кокалташ, по причине чрезмерной мнительности, ушёл в ущелье мрака и в течение нескольких дней отсутствовал при Дворе. Он передал своего сборщика (*амлгузар*)[5] Мир Ала-ад-дина собственному слуге из-за подозрений в нечестности[6]. Последний же таил против того обиду и потому замучил до смерти. Мирза, повинуясь чувству повышенной справедливости, казнил дерзкого негодяя, воспользовавшегося подвернувшейся возможностью. Сей акт правосудия совершился не по чьей-либо просьбе, но из почитания Бога. Отец Мира приехал из Персии просить о справедливости и довёл до царского слуха сведения о произволе, совершённом по отношению к [сыну]. Его Величество, который при Дворе не делает различий между близкими и чужаками и не видит разницы между предводителем предводителей (*бегларбеги*) и нищим со спутанными волосами, приказал отвечающим за правосудие [высоким чиновникам] разобраться в этом деле и доложить о результатах без обмана. Тот ранимый муж [Мирза Азиз Кокалташ] решил, что впал в немилость и отгородился от мира, выплатив отцу [погибшего] большую сумму.

Тем временем уехал посол Адил-хана[7] из Биджапура. Хотя из-за дремлющей удачи он не подчинялся приказам должным образом, всё же, подобно другим правителям Декана, всегда отправлял здравомыслящих людей с отборными дарами, дабы напомнить о себе при падишахском Дворе. По этому случаю также направил туда способного
267 и благовидного человека[8] с диковинами своих земель. Его Величество удовлетворил желание посла, после чего дал ему разрешение на отъезд. И послал с ним Хакима Али, дабы тот помогал ему полезными советами, и предупредил (Адил-хана), что если он не будет к нему прислушиваться, то [сам] пойдёт на него войной.

Тогда же направили учиться Султан Мурада. Теперь, когда он достиг восьмилетнего возраста и исцелился от непрестанных болезней, [Шахиншах] пожелал, чтобы тот обучился грамоте. Шейх Абу-л

Файзу Файзи, непревзойдённому знатоку и практику, прозванному *малик-ус-шаара*, поручили обучать принца. В скором времени желание [*Хедива* Мира] осуществилось, и распахнулось духовное и физическое окно.

В это время ко Двору прибыл Мир Низам[9]. Уже говорилось, что Абд-ал-лах-хан и Абди Ходжа направлялись с посольством в Бадахшан. Мирза Шахрух посчитал их прибытие источником вечного блага. Поскольку Ханим болела, и звезда её жизни уже была готова закатиться, она отправила свою дочь Михман бегим и вышеназванного Мира, который приходился ей зятем (поскольку был женат на Михман бегим), к священному Двору с диковинами своих земель, дабы вновь могла привязать себя к подпругам удачи. Несколько придворных встретили их и проявили участие, и 21 ардибихишта те засвидетельствовали почтение. 16 хурдада Вазир-хан выразил уважение, и его почётно приняли. Поскольку управление Гуджаратом доверили Шихаб-ад-дин Ахмад-хану, он (Вазир) получил приказ отправиться в Идар. Вскоре *раи* тех мест покорился и разразился мольбами. Земли были переданы ему (*раи*), и он приехал преклонить колена. Шахбаз-хан также прибыл в это время, уладив дела Аджмира и призвав бунтарей к повиновению. И засвидетельствовал своё почтение 27-го числа того же месяца.

Глава 47

Признание всеми мудрецами Века духовного превосходства (*иджтихад*[1]) Властелина Мира

Глубокомысленные и рассудительные уже в первых проблесках личности Шахиншаха увидели, что он — вместилище бесконечных совершенств, и признали, что душа его близка к святости, а сам он — жнец мудрости Божественной школы. С первых вспышек его интеллекта и до Восшествия на трон Халифата, а также с того дня как ему начала сопутствовать удача, способные прочесть лик обстоятельств знатоки тайн обрели покой и, поздравив себя с проницательностью, удвоили молитвы и слова благодарности. Увеличение земных обязанностей привело к тому, что его духовная красота скрылась за завесой, и так как не каждый обладал столь дальновидным разумом, чтобы осознать Его Величие, рынок непонимания был оживлён. Особенно показателен пример почитающих бумагу комментаторов, погрязших в трясине повседневности и не признававших иных знаний, кроме житницы старых фолиантов, дешёвых рыночных чёток бисера и чёрно-белых древних трудов, написанных раболепными приукрашивателями.

Не будем предаваться чрезмерным восхвалениям, свойственным искусным панегиристам и словоохотливым гранильщикам[2], продающим слова по цене драгоценных камней, ибо тот, кто бросает взгляд на ход событий и смотрит честным взором на украшенный драгоценностями манускрипт, знает, что славные деяния (Акбара) выходят за пределы человеческого понимания и представляют собой великолепное[3] зрелище для читателей строк [начертанных на] его челе. Как только предпочитающий единство украшатель многообразия обратил [всепроникающий]

взор на научные области и на различные чаяния человечества и сбросил часть покровов, он позволил своей глубокой проницательности озарить чистую палату проявления и излил из океана [благородного] сердца возвышенные слова о таинствах ви́дения и благочестия, о вершинах теории и практики, от чего пылающие сердца горнила наставлений изумились, и множество школ погрузилось в обитель удивления. В случае (*дастан*) откровений и видений священные мысли, возвышенный гений и высокая энергия обретают чистоту сердца шаг за шагом. Это происходит[4] обычно с велеречивыми эрудитами. Им подобные вещи даются нелегко. Но те, что благодаря своей удаче обретают в Академии Господа знаки небесные и человеческие без каких-либо посредников, изучают постановления Первичного Разума и Астролябию небес святости. Вполне понятно, что формалисты, проживающие в четырёх стенах обыденности, оказываются в ущелье изумления, и стопа мыслей поверхностных и недальновидных спотыкается, а просторы невежества и слепоты заполняются, и выгребная яма их внутреннего невежества извергает тёмные воды. Те, что не поняли, в чём дело, вообразили, что всю свою жизнь верховный правитель провёл в изучении, а многие по собственной злобе и порочности затерялись в соляной пустыне зависти, чем погубили себя и духовно, и физически. Лишь немногим благодаря счастливой звезде и благоприятным обстоятельствам удалось найти путь на собрание просветления, и глаза их и уши получили наслаждение. Некоторые пробуждённые[5], что провели долгие годы в мучительных поисках знаний, и теперь ещё пребывали в галерее правосудия, и принимали участие в толковании тайн[6], после обмена необычным опытом единодушно признали: «Именно слава Святого Духа подсказала нам ответ на главный вопрос. В сей день свет безгрешности отбрасывает луч на его душу. Лишь благодаря присущему ему здравомыслию Властелин Мира удостоился великого положения. Держал ли он в чистом храме уединения зажжённый светоч знаний и теперь по милости Аллаха являет его миру? А может, это результат волшебства и чар? [Или очевидно, как] громко бьёт барабан просвещения, и чудесные творения явили себя?»

Те, что с помощью удачи и счастливой звезды оставили путь обыденности, открыли глаза и зажгли факел понимания, признали

единственного в своём роде [властелина] горизонтов предводителем (*пешва*) духовного мира и счистили ржавчину изумления. Более того, люди, запятнанные пылью повседневности (*таклид*), услышали шёпот подтверждения их оценке в древних манускриптах[7] и встали на путь благомыслия. «Если даже лохматые странники пустыни и неуклюжие[8] жители головокружительной обители достигают столь высокого положения в *диване* судьбы, стоит ли удивляться успеху, сопутствующему справедливому и благомыслящему царю? При поддержке благодушной удачи они уверовали и создали оживлённый рынок для новых установлений (Аин).

Те, что знают о конечном исходе вещей,
Составили новую молитву о верховном правителе:
«Пока полны звёзд[9] вращающиеся небеса,
А материя состоит из двух компонентов,
Пусть будет личность Шаха лампой мира,
Пусть светит ярче щека его луны!»

Когда возвышенные собрания озарились огнями уникального мужа пира истины и интеллектуальной мощи, а светило распознавания засияло для далёких так же [ярко], как и для близких, проницательные и пробуждённые сердцем, а также мудрые искатели знаний, ознакомившиеся с различными религиями и всевозможными учениями древних и извилистыми, ведущими назад путями и разрушенными проходами, в жажде избавиться от смятения[10] созвали собрание[11] благословлённых мудростью и умом. (Они сказали): «Несомненно, если ранг *иджтихада*, который не сравнится по величию с чистой душой (*нафс-и кадси*), способен уничтожить тьму сомнений, мудрый правитель посредством
270 лучших установлений станет утешителем смятенных сердец. Но никто не сталкивался с последним, хотя каждый знаком с первым[12]. В данной ситуации счастливым пасечникам мудрости надлежит собраться вместе и обратиться со своей давней, терзающей сердце болью к новому врачевателю. В наши дни подходящее лекарство — обратиться к царю в направлении *иджтихада*, а затем сообщить ему о неразберихе в религиях и убеждениях и попросить развязать сей узел».

Когда их замыслы достигли священного слуха, [по причине] любви пребывать за занавесом [тайны] Властелин Мира какое-то время отвергал это предложение, и просветлённое общество было вынуждено перейти к настойчивым мольбам. Поскольку исполнение желаний — часть похвальной природы сего проницательного Провидца (Акбара), обладающего познаниями Целителя, в галерее зрения дальновидного знатока истоков, достигающего желаемого, зажглась [мысль], что переход с должности главнокомандующего духовного мира на сей пост и обращение к нему своего разума поистине станут украшением покровов и выбором в пользу последних. Таким образом, он порадовал их исполнением желаемого. 20-го числа Божественного месяца шахриюр[13] состоялось собрание просвещённых, и мудрейшие единодушно сошлись на мысли: «Властелин Мира — *Имам* Времени и *Муджтахид*[14] Века». Когда человечество принимает всё, что он заимствует из противоречий древних и [учений] разнообразных сект красноречивых искателей истины, оно обретает Божественную милость». Они поставили печать на своё заявление, и [таким образом] был издан документ просвещения. Маулана Абд-ал-лах Султанпури, носивший высокий титул *махдум-ал-мулка* (служащий стране), садр Шейх Абд-ун-Наби, известный как Шейх-ал-ислам, Гази-хан Бадахши, Хаким-ал-мулк и другие великие мудрецы подписали[15] его и поставили свои печати. Легкомысленные странники пустыни сомнений поместили крепкую узду на шею ученичества, а пребывающие во тьме обрели свет уверенности. Факел знаний озарил зал невежества, и смущённые сердца обрели покой.

В это время кафедра чести прославилась достигающей небес стопой Шахиншаха, обитель мудрости возвысилась, и новые небеса оказались явлены Веку. Поскольку Его Величество старался действовать по возможности правильно, и так как много хорошего произошло благодаря усилиям сего уникального [участника] пира мудрости, каждое исключительное действие, о котором он задумывался, или которое, как он слышал, совершалось почитателями Господа в стародавние времена, он считал средством угождения Богу и претворял в жизнь. В это время до его слуха дошло, что ведущие *имамы* и законные *халифы* никогда не перекладывали на других отправление обрядов, а несли эту тяжёлую

ношу на собственных плечах, и потому решил последовать их примеру и собрать плоды. Поскольку управление миром и вершение правосудия — занятия значительные, он не стал тратить время на множество
271 слов, а ограничился самым необходимым. Несколько раз просвещал людей в главной мечети столицы (Фатехпур), и народ обретал благо. Одну из проповедей (*хутба*) мой превосходный брат Шейх Абу-л Файз Файзи описал по его приказу в стихотворной форме:

Во имя Того, кто наделил нас властью,
Кто даровал нам мудрое сердце и сильную руку,
Кто вёл нас беспристрастно и справедливо,
Кто очистил наше сердце от всего, кроме непредвзятости;
Его прославление выходит за пределы возможностей
наших мыслей,
Пусть славится Его Величество, Аллах Акбар[16].

Поскольку мысли его были чисты, он просветляющими сердце словами произвёл впечатление на праведных и оказал им Божественное содействие. Произошло чудесное пробуждение. Как засолённая почва губит хорошие семена, так и сердца падших ещё больше сморщиваются, а тёмное зеркало лишённых разума подлецов искажается всё сильнее. Так как по старой привычке глупые обитатели населённой демонами земли невежества предаются пустой болтовне о благочестивых служителях Господа и называют глиняные черепки драгоценными каменьями, считая расколотый булыжник зерцалом Божественности и озаряющим ночь светом, каждая шайка направилась по улице грубости и задворкам злобы, болтая глупости и распространяя клевету. Со всех сторон поднялась пыль мятежа и чёрный дым мрака. Горы порока собрались воедино. Некоторые из этих низких людей, ночных животных и слепых головоногих (*паи кобан*), обвинили Единственного в своём роде служителя Господа, являющегося славой народа, в том, что он претендует на Божественность, и недостойными речами столкнули себя в яму физического уничтожения. Вне всяких сомнений, сию противную Богу шайку ввело в заблуждение то обстоятельство, что ведущие последователи[17] школы Носаира[18], обладавшие вдохновением

Хусейн ибн Мансура[19], признали и говорили о *Хедиве* духовности как Свидетеле Господа (*Музхир-и-Хакк)*. Восседающий на троне Судьбы из принципа «Мир всем» не стал сильно упрекать пустословов[20] и сбившихся с пути людей. Глупцы потеряли основу благословения и погрязли в трясине бесполезных идей. Наступил базарный день для лжецов и [искажающих истину]. Некоторые ярые фанатики пустыни разрушения заявили, что Принц Века пожелал стать пророком Несравненного Бога. Поводом для выдумок этих смутьянов являлось то, что Шахиншах постоянно издавал новые благородные законы, озеленял сады державы и религии и указывал на расхождения в сомнительных высказываниях древних. Смущённые сердца и недальновидные люди предавались этим мыслям, и потому лицезрение того, как он читает *хутбу* не по обычаю и восходит на кафедру для наставления человечества, укрепило их заблуждения. Многие поверили в это, доверившись слухам и пустым словам. Таким образом, обширный рынок открылся для смуты и лжи.

Когда факты о глупых разговорах недоброжелателей дошли до Его Величества, он, вследствие исключительного ума и размышлений над чудесами мироздания, не поверил этому и сказал: «Боже мой! Как могли прийти в головы невеж глупые мысли, что в наши дни люди, зависящие от бытия и обладающие слабым интеллектом, могут приписать себе хоть толику Божественности? Разве не приходили в мир предводители человечества, что тысячью чудес разъяснили пророческие обязанности, и не прошло ли [достаточно] циклов, чтобы подобная точка зрения не взращивалась и приумножалась, и пыль неверия не стояла в воздухе? Как могло такое прийти мне в голову? Почему столь злобная мысль сбивает с толку поверхностных людей, почитателей внешнего? Поскольку порицание и упрёки придают чистым сердцам новое сияние, было бы неправильно корить недоброжелателей, являющихся причиной приумножения этого света». Горстка злобных, бесстыжих людей вообразила, что Принц горизонтов относится неуважительно к мусульманской религии (*дин-и ахмади*). Единственной причиной заблуждений этих злодеев с проржавевшим разумом явилось то, что мудрый властелин, вследствие своей терпимости и благожелательности, а также значительного покровительства,

относился ко всем классам человечества с любовью. В особенности же его интересовали доказательства в области религии мудрецов каждого учения и аскетов всех вер. И он не принимал ответов упрямых и нелюбопытных. Более того, в это время христианские философы стали нападать на возвышенных собраниях на правоверных (*матафиккан* — те, что в согласии), и разгорались учёные дискуссии. Поносившие[21] просвещённых [мудрецов] мужи, что притворством приписывали себе несуществующие знания, подняли шум при Дворе верховной власти. Их устыдили в час распознавания на ежедневном базаре справедливости и заставили склонить головы к полам невежества, но в сокровенных палатах мрака они присоединились к своим сторонникам в крике, что скорбят о потере Веры, а Царь Века из пристрастности не внимает их словам. В [лютой] злобе те отнеслись с подозрением к избранному Истиной духовно просветлённому мужу. Будучи черносердечны и бесстыдны, не обратили внимания на то, что честь и уважение, которые сей признательный владелец трона обычно оказывает семье Пророка, редко когда демонстрировались другими властителями. Многие добрые *сайиды* были окружены почётом и получили высокие посты милостью Его Величества, и время от времени их возвышали ещё больше, а сад их желаний всегда орошался и зеленел. Он не позволял ни одному
273 из членов этого рода касаться челом священной стопы[22] или склонять голову к порогам судьбы. Группа косоглазых, злобных людей упрекнули его в шиизме и, таким образом, сбили с пути недалёких суннитов. Причина их заблуждений заключалась в том, что на высоких собраниях обсуждались доказательства этих двух и иных сект, и Шахиншах в беспристрастии своём соглашался с тем, что казалось более разумным.

Если аргументы утверждения сильны,
Печально, если ты не слышишь их.

Его симпатии и антипатии, бóльшая или меньшая численность спорящих не поднимали пыль различий, как и то, были они его знакомыми, или он видел их впервые. Недальновидные и неразумные, увидев его любовь к диспутам, стали предаваться пустой болтовне.

Милость, оказанная персам, большинство которых принадлежало к той секте (шиитов), приумножила злобные мысли смутьянов. От невежества и любви к формальностям они забыли, что нужно принимать то объяснение, которое согласуется с разумом[23]. Фанатичные глаза этих людей либо не видели возвышения туранцев, либо намеренно желали оставаться в неведении и искали предлога [для недовольства]. Грязная шайка стала упрекать предводителя каравана знатоков Аллаха в том, что он исповедует индуизм. Причиной этого недостойного заявления стало то, что принц, вследствие [присущей ему] величайшей терпимости, приблизил индуистских мудрецов, по административным причинам возвысил положение индусов и во имя блага страны относился к ним дружелюбно. Три вещи способствовали злобным сплетням. Первая — мудрецы разных религий собрались при Дворе, и в каждой из них увидели что-то положительное, каждую оценили по заслугам. Из чувства справедливости пороки каждой секты не смогли опутать паутиной их достоинства. Вторая причина — при Дворе Халифата слыл почётным девиз: «Мир всем»[24], так что племена всякого рода обрели духовную и материальную удачу. Третья — это злая природа и интриги низких людей.

Благодаря уму и верной политике Властелина Мира они в скором времени оказались пристыжены за их невежество и предприняли попытку возместить дни собственной глупости, но многие в наказание за свои преступления претерпели мучения неудач.

Глава 48

274 **Честь, оказанная Кутб-ад-дин-хану назначением его *аталиком* принца Султан Салима**

(Эта глава начинается с общих замечаний по поводу человечества, а затем перетекает в восхваление Акбара и его сына Султан Салима. На всё это отведено более страницы, после чего начинается рассказ о том, что Кутб-ад-дин-хан был назначен 22 шахриюра (начало сентября 1579 г.) *аталиком*, или наставником, принца и получил одеяние чести под названием *дуку*, в словарях это *дак*, а Г. Блохманн (133) пишет это слово как *дагу* — тот, что наделён высоким рангом в священном семействе, а также обрёл титул *бегларбеги*.)

275 Он (Кутб-ад-дин) в благодарность за столь великий дар решил задать великолепный пир и попросил Его Величество присутствовать на нём. Его Величество исполнил его желание, и дому преданного, куда ступила священная стопа, позавидовали сами небеса. Во время этого события вечное благо снизошло (на Кутб-ад-дина), когда благородный принц был помещён ему на плечи[1]. Воцарилась радость, и посыпались щедрые дары.

Был задан озаряющий небеса пир,
О котором даже звёзды редко грезят.
Очевидцы пришли в восхищение,
Мудрость лишилась слов, а речь обратилась в слух.

Глава 49
Поход Его Величества в Аджмир

Прославленный правитель в стремлении к Истине и вследствие просвещённого разума не щадит себя и неизменно движется вперёд. Время от времени выполняя роль стража, объявляет базарный день на рынке мира, орошая сад Истины. Изучает мир вдоль и поперёк и делает всё, чтобы пополнить своё знание (людей и мест). Из чистых побуждений и ради обретения блага обходит храмы святых, чего даже возвышенные собиратели правды не всегда делают. Таким образом, он озаряет форму поклонения Истине и дарует повод для радости земным почитателям несущественного. Счастье нисходит и на посвящённых. Когда зажглись огни Божественных знаний, а прекрасные формы (Истины) осветил образ жизни, царственный ум пришёл к выводу, что старая добрая традиция (паломничеств) не является религиозным действием, если осуществляется без соблюдения определённых условий, а царские походы не заслуживают похвалы, если предпринимаются не ради всеобщего блага. Он навёл справки о наличии подобных условий, дабы узнать, можно ли отложить его поездку в Аджмир, которую совершал в предшествующие годы. Когда выяснилось, что путешествие в те земли успокоит народ и будет способствовать усмирению бунтарей, поместил 26-го числа Божественного месяца шахриюр (8 сентября 1579 г.) стопу удачи в стремя всемирного завоевания и отправился в путь[1]. По превосходному обычаю переход за переходом наслаждался охотой, а также озарял новым светом распорядителей правосудия. Толпы

276

людей обрели желаемое и возрадовались. Одним он помогал в мирских делах и земных занятиях, а иным — в осуществлении их духовных устремлений и исполнении желаний мира внутреннего. Всадник полей просвещения остался верен Несравненному Богу и украсил внешний мир. Занимаясь различными делами, двигался вперёд со свободной душой. С того момента как в мире впервые возник вопрос (*дастан*) об Обществе и Уединении, а нить соблюдения традиций предков вошла в обычай, редко когда в одном почитателе Аллаха сочетались в полной мере эти две противоположности. Мудрецы всех сект, узрев столь чудесное качество сего уникального мужа, спрятали головы в складках изумления, которое невозможно ни описать, ни воспринять на слух. Каждая секта была уверена, что вся энергия Властелина Мира сконцентрирована именно на их учении, и его познания — результат долгого обучения. С Божьей помощью, как только чудеса явили себя и успокоили земных смутьянов, и молва о них достигла и близких и далёких земель, его необычайные деяния в сфере духовного царства стали ещё изобильнее. Факел руководства ярко засиял для искателей благополучия. Хороший пример, способный украсить перо, — история укрощения тигра.

26 михра (6 [или 8] октября 1579 г.) прославленные знамёна отбросили свои лучи на водоём[2] Хос-хана. Землевладельцы (*бумиан)* тех мест коснулись чела подчинения и поведали следующее: «Путник шёл через ужасную чащу, что в близлежащих окрестностях, и на его пути встал оголодавший хищник, жаждущий лишить его жизни, но сильный духом счастливчик нашёл выход из положения. Он тотчас же провёл вокруг себя черту и воззвал к Властелину Мира (Акбару). Услышав прославленное имя, зверь замер, и человек избежал смертельной опасности»[3]. Пробуждённые мужи страны вновь поместили чело благополучия в аркан верности. Достигшие цели захлопали в
277 ладоши и укрепились в преданности. Услышав об этой чудесной помощи Судьбы, Его Величество, вследствие своего небывалого гения и по причине пребывания за занавесом, не придал [происшедшему] особого значения, но сказал: «Если история правдива, я не буду больше охотиться на этого зверя и не стану лишать его жизни». Необычайные чудеса уникального мужа Века настолько непостижимы, что резвые

всадники долины просвещения вряд ли могут до них добраться, а возвышенный ранг избравшего единство украшателя многообразия слишком высок, чтобы парящие в поднебесье души распростёрли свои крылья в пространстве его признания.

Взирая на него, мы — [всего лишь]
Удивлённые дети Вселенной.
Знаем ли что о его совершенной сути
Мы, ничего не знающие существа Мироздания?

3-го числа Божественного месяца абан (16 октября 1579 г.) он отбросил свою царственную тень на город [Аджмир], совершил религиозные обряды и посетил святилище. Смотрители последнего и другие страждущие собрали из его милости изобильный урожай радости.

Ещё одно событие тех дней — направление Шейха Абд-ун-Наби и Мулла Абд-ал-лаха Султанпури в Хиджаз[4]. Бесценная природа Шахиншаха возжелала, чтобы нищие семи миров и праведники каждой страны смогли унести изобильные яства со стола его щедрости. И он постоянно посылал за благонамеренными, энергичными, способными и честными людьми, которые могли бы воспользоваться его дарами в чужих землях и поделиться ими справедливо и без оказания предпочтения своим друзьям. Постоянно выбирая среди путешественников кого-то, отличающегося честностью и праведностью, выдавал ему большие суммы, дабы было явлено величие Тени Аллаха, а благодарность за его великие богатства озарила лик державы. Множество нуждающихся жителей полуострова Хиджаз [Аравийского полуострова] и ряд отшельников тех мест не выходили у него из головы, и он посылал туда каждый год горы (*харвар*) золота под охраной способных и благонадёжных людей. И считал, что океан его щедрости должен постоянно пребывать в движении. Когда же узнал, что дерзкие и алчные смотрители святилищ тех мест подняли пыль неподчинения и не распределяли [дары] должным образом, а смиренные бедняки ничего не получали или удостаивались самой малости, в то время как злобные негодяи присваивали себе значительную часть богатств, решил, что больше не будет столь щедр, и неимущие тех мест должны, как это

происходило в других землях, одаряться богатством тайно. Вероятно, такое обогащение сердец и обращение печали в радость — дело богоугодное. В это время, когда мудрость обрела высокое положение,
278 и каждый день открывался рынок изысканий, была сброшена завеса с дел Шейха Абд-ун-Наби и Мулла Абд-ал-лаха Султанпури. Поверив в выдумки и измышления и поддавшись на подстрекательства дураков, не имевших представления об истинном положении дел, те посягнули на места в *маснаде* первенства и принялись удовлетворять собственные желания и стремления. Стало известно, что, не научившись ничему, кроме азов обыденности, свойственных лишь самым низким людям, они не знают ничего о науке, и единственная их собственность — длинный язык и торговля баснями (*накл фароши*), что пристало только невежественным пустозвонам. В своей нищете обладая лишь толикой добродетели и незначительным желанием познать истину, считали гордость и высокомерие [несомненными] достоинствами. Терпеливый и великодушный принц, вследствие доброты и сдержанности, не захотел, чтобы эти негодяи [продолжали] демонстрировать в испытательных палатах знаний и понимания собственное невежество и нечестность и покрыли себя позором, да так, что на них показывали бы пальцем и знать, и простолюдины. Он пожаловал им должность *мир хаджа* (попечителя паломников) и приказал заботиться о бедняках тех земель. Таким образом, изгнав их из государства, приказал безвыездно находиться в том месте Богопочитания. Им полагалось исправиться и сохранить самоуважение, а также научиться вести себя подобающим образом.

Будучи рабами денег, те не оценили сего таинства и высказали тысячу возражений и причин для отсрочки. Их низменный разум сконцентрировался на накоплении *дирхемов* и *динаров*, а не на сохранении имени и репутации. Но мудрый *Хедив* Мира, как сострадательный лекарь, что заставляет невежественных пациентов волей-неволей глотать горькие микстуры, отправил их прочь и настоял на прописанном лекарстве. Много нищих и нуждающихся обрели средства для паломничества.

17-го числа Божественного месяца абан [30 октября 1579 г.] он отбыл назад в столицу из благословенного города (Аджмира) через

Мават. Луга и горы покрыла весенняя зелень. Хотя на первый взгляд наслаждался охотой, на деле же поклонялся Аллаху и заботился о подданных. 29-го числа в окрестностях Самбхара[5] Шахбаз-хана отослали вместе с победоносными войсками блюсти законность в этой провинции и проявить себя в деле сохранения мира и покоя в стране.

Случилось также, что Зайн-хан Кокалташ [получил] ранение. 23 азара (3 декабря 1579 г.) Его Величество находился в Тхире[6] и читал в уединении молитвы. У входа в *даулат-хану* поднялось и затем утихло волнение. [Дело в том, что] удача отвернулась от Бхупат Чохана, и он на какое-то время забыл о повиновении и уехал в Бенгалию. Когда эта страна была завоёвана, ему пришлось просить убежища при возвышенном Дворе. Поскольку плохие привычки изживаются с трудом и особенно процветают, если их не считать чем-то предосудительным, сей злодей снова отправился домой в Этаву[7] и принялся грабить и притеснять крестьян. Так как город относился к владениям Кокалташа, последний получил разрешение уехать, дабы наставить его и других гордецов мудрыми советами на путь истинный. 279
Ежели кто не прислушается, его высокомерие надлежало искоренить блеском индийского меча. Когда они прибыли на место, злобные недруги тех земель водрузили на свои плечи груз повиновения и под водительством Кокалташа все упрямцы обрели благо совершения *корниша*. Смутьян же отказался присоединиться к нему, и местным землевладельцам дали приказ взять его под стражу, но тот испугался и бежал ко Двору удачи, попросив покровительства у раджи Тодар Мала и раджи Бирбара. Он молил передать просьбу простить его преступления и выразил желание служить Его Величеству, в то же время затаив обиду на Кокалташа и подумывая о мести. Кокалташ доложил Двору о его враждебных замыслах, и Шейх Ибрахим[8] вызвал [смутьяна], дабы полностью склонить на свою сторону и наделить какими-нибудь обязанностями, предварительно приняв меры предосторожности. Вместе с несколькими отважными раджпутами тот отправился в путь и обратился со следующими словами: если Кокалташ прислушается к его мольбам, а Шейх Ибрахим пообещает оказать ему покровительство, он приедет ко Двору. В противном случае готов поплатиться жизнью. Шейх, договорившись с Кокой,

успокоил невежу сладкими речами и выразил пожелание сопроводить к Его Величеству. Поскольку привратникам (*каушан*) не положено впускать вооружённых людей без надлежащих на то приказов, они в преданности своей положили руки на мечи и остановили его. Сей вспыльчивый принял это за хитрость, а потому выхватил кинжал и бросился в драку. Кока храбро вмешался в стычку и был ранен. Несколько слуг схватили Бхупата и отправили его в обитель уничтожения. *Хедив*, обладающий дыханием Мессии, посетил на следующий день покои Кокалташа и милостивыми речами и [вниманием] наложил бальзам на его раны. Благодаря Высочайшему [состраданию] опасные раны затянулись, и [в ответ] прозвучали слова благодарности. 29-го[9] числа он прибыл в Фатехпур.

В это время также обрёл покровительство при Дворе Юсуф-хан[10] из Кашмира. Его отец [Мухаммад] Али-хан Чак являлся правителем Кашмира [с 1570 по 1579 гг.]. Он погиб, играя в поло (*чауган*), от удара о луку своего седла, после чего сановники избрали правителем (Юсуфа). Его дядя по отцу Абдал, претендовавший на трон, задумал недоброе;
280 Юсуф не стал медлить и окружил его дом. В этой стычке (Абдал) погиб от пули. Ситуация ещё не уладилась, когда Сайид Мубарак, его сын Абу-л-Маали, Али-хан, Хайдар Чак, Али Малик и множество других воинов признали, что именно Юсуф — сын Хусейн-хана и его (Юсуф Шаха) двоюродный брат, носящий титул *хан-ханана*, должен стать их правителем. Он же, вследствие своей дальновидности, отказался. Смутьяны тогда возвысили Сайид Мубарака и разожгли пламя мятежа. Сражение произошло на равнине Идгаха. Юсуф-хан собрал силы и отправился на битву. Мухаммад-хан, находившийся в авангарде, был убит в конце сражения, а Юсуф-хан бежал, не успев ступить на поле брани. Он перешёл через перевал Пирпанджал и сделал передышку в окрестностях Тханы. Злодеи направили ему лживые письма и убедили вернуться. В Марадж[11] приехал дать бой Сайид Мубарак. Двуликие бездельники ни шагу не сделали, чтобы воплотить в жизнь обещанное (то есть то, о чём заверяли в письмах). Он благоразумно отправился в путь через Кирмиаз (в рукописи Британского музея, Доп. 27, 247, есть [пояснение]: «который находится в Джамму») и попросил убежища у *куар* Ман Сингха и Мухаммад Юсуф-хана. Они приняли

его и доставили через Пенджаб ко Двору. 21 дая (январь 1580 г.) он преклонил колени. Длань доброты Властелина Мира подняла его из пыли и возвысила великолепными милостями.

Примерно тогда же с юга прибыл Пешрау-хан. Его направляли туда передать наставления[12] Низам-ал-мулку из Декана. Он выполнил свою миссию надлежащим образом и излил много мудрых слов на Низама. Хотя разум последнего находился во власти меланхолии (*сауда*), и он отгородился от мира и проводил свои дни в уединении, всё же немного пришёл в себя и направил Асаф-хана, который являлся одним из его доверенных лиц, вместе с диковинами своих земель [ко Двору]. Его хорошо приняли.

Ещё одно событие — приказ войску захватить порты европейцев. Поскольку завоевание — великий принцип принцев, и посредством соблюдения сей умножающей славу традиции распри разрозненности[13] преобразуются в союз единения, а утомлённый мир собирается с силами, военачальники провинций Гуджарат и Мальва под предводительством Кутб-ад-дин-хана удостоились[14] этой чести 18-го числа Божественного месяца бахман (февраль 1580 г.). Правителям Декана сообщили, что в их направлении посланы войска, чтобы изгнать *фаринги* [европейцев], являвшихся камнем преткновения для паломников на их пути в Хиджаз. Им предложили воспользоваться данной возможностью, чтобы продемонстрировать преданность и приказали присоединиться к войску с надлежащим вооружением, дабы отказ выполнить службу, который они постоянно высказывают через своих посланников, был пресечён, а крестьяне южных провинций ограждены от ужаса, вызываемого падишахскими силами.

В это время Масум-хану Фаранхуди пожаловали *саркар* Газипур, а восхитительную землю (*хитта*) Джаунпур у него забрали и отдали Тарсун Мухаммад-хану, которого туда и отослали вместе с мауланой Мухаммадом Ези[15] в качестве *садра* провинции. Ориссу поручили Масум-хану Кабули. Субхан Кули Турка спешно направили сопроводить его из Бихара в Ориссу и привезти в Бихар Кия-хан Ганга (или Канка).

Произошло и возвращение Мир Абу Тураба из Хиджаза. Как сообщалось ранее, его назначили на высокий пост предводителя

паломников. В это время доставили известия, что он завершил своё путешествие и везёт назад отпечаток стопы Пророка, да пребудет с Ним и Его семьёй Божья благодать[16]! [Мир] заявил, что отпечаток этот пара (*хамдаст*) того, что Сайид Джелал Бухари[17] привёз в Дели во времена правления Султан Фируза. Хотя Приют Веры (*Динпанах*) знал, что вещь не подлинна — и мудрые знатоки доказали это, всё же, неизменно пребывая за завесой, посчитал необходимым [оказать] уважение к мужу высокого происхождения[18] и величественно явил справедливое решение. Прозвучал указ, чтобы караван стал лагерем в четырёх *косах* от столицы. Придворные мастера подготовили восхитительный шатёр (для Акбара), и Шахиншах прибыл туда с высокими военачальниками (*нуйян*) и учёными мужами, положил этот кусок камня на свои касающиеся небес плечи и пронёс несколько шагов. Организовали переходы, и военные мужи водружали камень на чело уважения и по очереди несли его до столицы. Согласно указу, его поместили в доме Мира. Этой чести тот удостоился благодаря величайшей проницательности, уважению и признательности, а также чрезвычайной терпимости, дабы почтение, которое требовалось оказать недалёкому *сайиду*, не пролилось на землю, а насмешливые критики не позволили себе улыбок. Сразу же чаша иллюзий недальновидных наполнилась пылью, а злобные и мятежные утонули в бездне стыда. Поверхностные мыслители и недоброжелатели, которых волновали доказательства пророчества, а также сомнения, переполняющие книги по теологии (*калами кутуб*), и кои проводили ночи (в обсуждениях), потеряли вдруг спрос на рынке позора. Те же, что попусту или по глупости рассуждали о видимости религиозности и благочестия в духовном и земном первосвященнике, были уничтожены как в миру, так и в религии. Волнения того дня не затянули облаками разум украшателя
282 пира всемирного знания, а сам он сегодня вовсе не испытывает радости от того, что сия компания втянула головы в ворот смущения! Побег власти столь искреннего мужа растёт день ото дня, а судьба время от времени доставляет известия об успехе. Глубина мысли неизменно берёт верх, а чудеса судьбы становятся бдительнее.

Всегда иди дорогой благородства,
Всегда радостно оставляй след на странице Времени,
Бросая искренний взгляд на горизонты
И наблюдая за укладом мира.

Зачем мудрому, богобоязненному человеку думать о радости и печали? Но искренние ученики, вновь преисполнившись преданности, обрели силу, и все люди [оказались] снабжены в дорогу пропитанием.

Одним из событий тех дней стало разделение большой территории Индии на двенадцать частей[19]. Не вызывало сомнений, что правитель столь возвышенного гения и защитник слабых удостоит последних даров и назначений (*бахшиш у бахшаиш*), а также изменит злобных и высокомерных славой своих советов и вспышками меча. Он разделил территории на соответствующие части и надлежащим образом заложил сад созидания, поручив его заботам великодушных и добродетельных хранителей. Он оросил мировые цветники [водами] из источников знаний. Таким образом, произвёл разумное разделение обширных и плодородных просторов Индии и назначил в каждую провинцию наместника (*сипах-салар*), *дивана*, *бахши*, *мир адла*, *садра*, *котвала*, *мир бахра* (командующий флотом) и регистратора (*вакиа-навис*).

Ещё одно нововведение — установление фиксированного государственного дохода на десять лет. Поскольку время выдвигает каждый сезон новые основания для расценок, и имеет место их значительное повышение или понижение, было принято правило, чтобы каждый год несколько опытных и честных людей присылали информацию о ценах со всех уголков страны. Ежегодно составлялось общее предписание (*дастур-аль-амал*) по выплате налогов. Когда царские владения разрослись, и территории многих великих правителей оказались в тени правосудия Властелина Мира, эти отчёты стали доставляться с опозданием и в разное время. Воины[20] и крестьяне несли убытки и поднимались мятежи в связи с задержками платежей и чрезмерными поборами. Ходили слухи, что некоторые учётчики уровня цен сошли с пути честности. Обеспокоенные верховные военачальники не могли найти выход из положения. Мудрый правитель решил проблему многих,

введя новую систему налогообложения. Суть[21] изобретения состояла в следующем: анализировался уровень производства и цен на продукцию каждой *парганы* за десять лет, и десятая часть полученного принималась за годовой доход. Это подробно рассматривается в заключительном томе сего великого труда[22]. Хотя претворение в жизнь
283 столь грандиозного замысла поручили радже Тодар Малу и Ходжа Шах Мансуру, раджа был отправлен в восточные провинции, и потому возвышенные указы постиг и облёк в завершённый вид [в соответствии со] своей сообразительностью Ходжа.

Глава 50

Мятеж бихарских военачальников и приказ мирозавоёвывающим войскам наказать неблагодарных

Как описать необычайные события многогранного мира? Каким образом поведать о его чудесах? Одно из пагубных качеств [мира] — благоприятные условия для [процветания] зла и смуты, а также оказание поддержки тщеславным, что лишь умножает печаль благомыслящих и добропорядочных и губит, посредством тысяч ухищрений, мудрых и честных! Дальновидные и глубокомысленные осмеливаются протянуть руку мужества, срывают завесу с сей странной картины и хранят печать молчания. Они не помещают стопу на покрывало просвещения и не размыкают уст [для вопросов] «почему» и «зачем». Вот что поёт знаток тайн с просветлённым сердцем:

Много мыслей было у меня по поводу прошлого и будущего.
Невозможно постичь Его замыслы.
В сем саду надлежит придержать язык:
Молчание и смущение должны быть на первом месте.

Хотя на свете мало событий, не способных озарить лучом света разум проницательных провидцев постижения, всё же те погружаются в размышления о Божественной мощи и, вследствие отсутствия непредвзятых слушателей, приходят в мир невежественными. Они предпочитают сон спокойствия суматохе наставления людей, чьи уши запечатаны ртутью небрежения. Абу-л Фазл, сердце которого пронизано страданиями Века и кому дарована сила понимания, по-

чему ты не открываешь крышку шкатулки и не распахиваешь ларец Истины?

Ты обладаешь сердцем, взвешивающим тонкости знаний,
Изливаешь сокровища из океана мудрости,
В кармане ключ [хранишь] от врат науки,
Твоя вина, что не раскрываешь их человечеству.

Без сомнения, трудно распутать узел головоломки, если наблюдатели событий близоруки и недостаточно умны. Их взгляд не способен охватить всю картину (букв. «взгорья и низины»). Они полагают, что шип в их стопе — всемирная катастрофа, и принимают личные проблемы за вселенское зло. Проницательные распознаватели истины знают, что в растительном мире произрастают и развиваются как яды, так и противоядия (или панацеи), а среди животных есть и ласковые, и кровожадные. Так и среди людей рождаются и умирают и добрые, и злые. Как в медицине используются средства обоих видов (то есть яды и лекарства), так же оба [человеческие] класса извлекли пользу из духовных снадобий. Врачам Века ведомо, что (конечный) успех добрых, благородных и счастливых, как и пагубные мысли злодеев, приумножают славу существования и придают завершённость воздаянию. Таким же образом и возвышение нарушителей мирового
284 покоя производится с целью сбросить их прямиком в пропасть уничтожения.

Вино, что предлагает тебе мир,
Содержит миг веселья и [бездну] головной боли;
Если оно и поднимет тебе настроение,
Остерегись — это лишь иллюзия.

Существует множество примеров распространения в человеческом саду шипов[1] и орошения изобильной влагой молодых ростков благополучия. Мудрец мира знает, что торжество добра — украшение прекрасных атрибутов (*джамал*) Господа, а успех злодеев — украшение Его ужасных качеств (*джалал*). Тот, кто знаком с тайной палатой

уединения, поймёт, что милость Аллаха и Божественная Красота — чудесные тому примеры. Возможно[2], пожары ужасных атрибутов не могут привести к полному уничтожению, и именно они предотвращают бесполезную дремоту.

Здесь я закончу рассуждать о тайном и поведаю подробности сей поучительной истории. Хотя обитатель трона судьбы в своей благородной милости, изобильном правосудии и желании украсить вселенский покой был чрезвычайно великодушен и снисходителен и, подобно благотворным облакам, излил доброту на поля человечности, всё же множество бихарских военачальников — взращённые в соединённой с вечностью державе, и более того, чей сад предков был орошён и освежён изобильными потоками Шахиншаха, — неожиданно ступили на горькую землю мятежа, встав на путь гордости и высокомерия.

Время зловеще улыбнулось[3] и воодушевило каждого на высказывание недолговечных желаний!

Вот краткий рассказ об этом. В начале года Его Величество отправил Рай Пурахотама, Маулана Тайиба, Шейх Муджд-ад-дина[4] и евнуха Шамшер-хана в Бихар, дабы могли те продемонстрировать способности управлять провинцией и проявили себя в развитии страны, успокоении войска и поддержке угнетаемых. Эти низкие и невежественные люди от небольшого ума задержались в Патне и погрязли в океане алчности. В делах проверок и муштры, а также в вопросе клеймения они проявили суровость и жестокость и в собственной слепоте пренебрегали тактом и не принимали извинений, без чего невозможно управлять миром, и совсем лишились благоразумия. Один или два (воина или кто-то ещё), стремившиеся восстановить чистый храм преданности, избежали ограниченной самости посредством проявления глубочайшей преданности, а для некоторых управителей рынка дел былые милости уравновесили нынешние разочарования, и потому [оные] не обратили поле своих душ в поросшую колючками преграду надменности. Кое-кто из торговцев наглотался солёной воды тяжкого труда, но не поставил ни пятнышка на одежды. Однако многие, чья пагубная натура скрывалась под маской (букв. «была позолочена»), подняли головы смуты. Они отвернулись от властелина державы и религии и выпрямили шеи противодействия. В их тайной

палате не наблюдалось славы верности, а в действиях отсутствовало понимание о различии между потерями и приобретениями, не [имелось] разумности, ясности ума и благородной отваги — спутника мудрого сердца. Масум-хан Кабули, управлявший Патной, Саид бек Бахши и Араб, *джагирдары* Сассерама, Саадат Али, владевший *парганой* Тамодаин[5] (?), Хаджи Кулаби и другие управители земель Дилвары[6], Саид Бадахши и его сын Бахадур, а также Дервиш Али Шахру[7], восседавший за изобильным столом Тирхута и его окрестностей, и другие малодушные (*мардам-и-намардам*) взбунтовались из-за жестокости военачальников этих провинций, и сбили с пути умелыми речами и лестью многих людей другого рода[8], таких, как Шахам-хан, *джагирдар* Хаджипура, Мир Муиз-ал-мулк, Мир Али Акбар и Саманджи-хан, управлявший Аррахом и его территориями, и учинили беспорядки. Вследствие злобности натуры и по причине своенравного и бесчестного ума они покинули галерею преданности, ибо их одежды не прошли проверку честных купцов. Таким образом, рухнули в пропасть порока и невежества и не стали водить дружбы с теми, кто признавал абсолютное сонаследование (*мушаракатджинси)*. Если человек падает со стены наземь, он разбивается. Что же будет, если он упадёт с холма или горы? Можно ли себе представить, в какую пыль превратится сумасшедший, рухнувший с высочайших небес в нижайшие слои земли? Как же тогда описать гибельность сих стремительных падений с небес преданности в пыльную обитель предательства? О искатель просветления, собаки, кошки и подобные им собратья по ничтожности демонстрируют любовь и взаимопомощь и к людям испытывают такую привязанность и дружбу, на какую мудрец способен, только приложив огромные усилия. Взаимная симпатия друг к другу у соседствующих народов, таких, как персы, туранцы, турки (*руми*) и индийцы, слишком хорошо известна, чтобы о ней говорить. Таким образом, проницательный человек может понять, какие же чувства должны испытывать знакомцы, земляки и те, что связаны различными милостями! Кто может соблюдать подобные правила, кроме рассудительных и дальновидных мужей!

Теперь, когда я поведал о копях преданности и источниках чистоты, послушай (читатель) о поведении неблагодарных жителей той

земли, которые лишь с виду походили на людей! Когда эти алчные и невежественные существа (сборщики налогов) прибыли в провинцию, то отворили врата желаний и повели себя жёстко с рядовыми воинами. Некоторые, будучи рабами золота, занялись сбором последнего, а не войска, в результате чего потратили деньги на взятки и не смогли поставить лошадей[9], в то время как другие употребили деньги на военные нужды, но потерпели неудачу из-за того, что им пришлось удовлетворять алчность жадных военачальников. И те и другие нашли предлог для недовольства и погрузились в мысли о мятеже. Мухибб Али-хан, обладавший исключительной преданностью и умом, посчитал повиновение благом государства и религии и решил уладить дело. Он отправил этих людей из Патны в Мухиббалипур, что близ Рохтаса, и занялся вопросом клеймения. И трудился, чтобы успокоить негодяев. Другие военачальники вели себя упрямо и безрассудно. Пока Мухибб Али-хан напряжённо работал над *даг* (клеймением), из Бенгалии прибыл большой караван[10], и злобная природа мерзавцев дала себя знать. Музаффар-хан отправил ко Двору имущество (то есть свои товары и прибыль с земель) Хан Джахана, включая отборных слонов. А также послал туда Наулаку, мать Дауда, с другими дамами (*агрук*), и вся процессия была поручена Фатх Чанду Манкли. Многие воины и торговцы этого каравана везли с собой значительное имущество. Неблагодарные лицемеры засели [в засаде], чтобы ограбить их, и занялись приготовлениями. Узнав об этом, Мухибб Али-хан поспешил наставить их на путь истинный: «Не теряйте покровов чести и [по причине] невежества и близорукости не позорьте себя, не срамите в воздающем зале правосудия». Он присоединился к вновь прибывшему из восточных провинций (конвою) в Аррахе, и казалось, что мятежники так и не набрались мужества напасть — из-за невозможности осуществить план общего заговора. Основную часть путников, обеспокоенную действиями смутьянов, Мухибб Али направил в свои владения (*юрт*) в сопровождении Хабш-хана. Тем временем злодеи сбросили чадру стыда и разграбили город Патну. Их порочные замыслы стали явью. Мухибб Али поспешил в Рохтас вместе с Тайибом и Муджд-ад-дином, дабы защитить крепость. Рай Пурохотам отправился в Газипур с целью вызвать Масум-хана Фаранхуди на

286

бой[11], а Шамшер-хан поехал в Бенарес, дабы взять у раджи Тодар Мала воинов и принять участие в сражении. Тем временем вздорный Араб (араб — *арбададжуи*) спешно бросился в погоню за караваном. Однако паломники к истинной *Каабе* с Божьей помощью переправились через брод Чаузы, и ему так ничего и не досталось, кроме нескольких отставших слонов. Хабш-хан сослужил добрую службу на том испытательном поле брани и был взят в плен. Мятежник (Араб) хотел заставить Мухибба Али присоединиться к нему, используя в своих коварных интригах Хабш-хана. Последний ответил мудро и рассудительно, что не станет обманывать (Мухибба) лживыми речами, и тот никогда к нему не присоединится. «Но, — продолжил он, — все знают, что мне неприятно его общество, и я давно планировал от него уйти. Если ты дашь мне [твёрдые] обещания и выполнишь мои пожелания, я отправлюсь в Рохтас и одержу победу над всем гарнизоном. Чаша жизни этого правителя (Мухибба) с лёгкостью перельётся через край (то есть его можно будет без труда умертвить), а подобная небесам крепость окажется у тебя в руках, став твоим прибежищем от несчастий». Так друг под личиной врага посредством ловких речей и [коварных] уловок вышел из опасного для себя положения. Он доложил
287 о своём замысле господину (Мухиббу), и драгоценный камень его преданности оценили знатоки всемирного рынка. В это время неминуемая беда настигла Рай Пурохотама, и слабые души, не понимавшие сути, встревожились. Когда он направился в Газипур, прибыл Масум-хан Фаранхуди и хитростью и обманом избавился от него, пообещав, что присоединится к нему недалеко от брода Чаузы. Сей недалёкий муж попался на уловку и уехал в том направлении, принявшись собирать в Баксаре войско из местных жителей. Камал-ад-дин Хусейн Систани, Сайид Хасан, Дудрадж и другие землевладельцы окрестных земель присоединились к нему. Однажды, когда тот совершал на берегу Чаузы омовение и молился, туда внезапно нагрянул Араб с отрядом негодяев. И воспользовавшись случаем, совершил нападение. Присоединившиеся к Пурохотаму трусы отступили под предлогом, что им нужно подготовиться, тот же остался на месте и храбро сражался. По воле небес его ранили, и он упал наземь. Слуги погрузили его в лодку и доставили в Газипур. Там через два дня, с честью покинув

мир, закончил свои дни в благополучии и преданности. Когда Мухибб Али-хан узнал о случившемся, то выступил против Араба и сразился с ним. Хабш-хан сполна испил шербет самопожертвования, а Араб, запятнав себя пылью неудач, отправился в пустыню уничтожения.

В середине Божественного месяца исфандармаз об этих событиях доложили Его Величеству, и 23-го числа радже Тодар Малу, Шейх Фариду Бахши, Михр Али-хан Силдузу, радже Аскарану, Раи Лонкарану, Накиб-хану, Камар-хану, Шах Ходжа Абу-л Касиму, Абу-л Маали, Бакиру Сафарчи[12] и прочим приказали поспешить в те земли и наказать злодеев. Тарсун-хану, Масум-хану Фаранхуди, Гази-хану Бадахши, Раи Сурджану и другим *джагирдарам* провинций Аллахабад[13] и Аудх был дан приказ присоединиться к ним с надлежащим вооружением и действовать заодно, выполняя все приказания Тарсун-хана и раджи. Также приказано Садик-хану, Баки-хану, Улуг-хану Хабши, Тайиб-хану и Мир Абу-л Музаффару спешно покинуть окрестности Чандери и Нарвара и отправиться в те же земли. Хотя [Шахиншах] пристально следил за миром материальным и славил время воздаяния, всё же посредством собственного верховного руководства, *исбахабади*, духовным миром, сохранял спокойствие в отношении потерь и приобретений и время от времени собирал цветы радости в саду невозмутимости и спокойствия. Тогда же *кази* Али Багдади, славившегося выдержкой и способностями[14], назначили на высокий пост *бахши*.

Ещё одно событие — направление войска в Бадахшан и отзыв его обратно. Как сообщалось, мирза Сулейман из-за скудости ума и буйной фантазии испросил разрешения уехать в Хиджаз. Те, что сумели прочесть задуманное на его челе и распознать истину, понимали, что он притворяется и планирует отправиться в горную страну, дабы достичь своих целей силой и хитростью и отомстить Шахруху. Так и оказалось. [Мирза] спешно отправился из места паломничества в Ирак Аджам (Персию), дабы осуществить задуманное при помощи персидского царя. Шах Исмаил, сын шаха Тахмаспа, деспотично управлявший той землёй, видя благородное происхождение семьи, принял его с почётом, предоставил воинов в помощь и отпустил. В Герате пришло известие, что шах мёртв. Он (Сулейман) прочёл надпись отчаяния

на челе судьбы и уехал в Кандагар, где вступил в союз с Музаффар Хусейн мирзой[15]. Поскольку дела его шли плохо, отправился в Кабул. Мухаммад Хаким принял его тепло. Замысел этого неблагодарного заключался в том, чтобы под предводительством умудрённого годами опытного человека добраться до Бангаша и поднять бунт в Индии. Мирза (Сулейман), ставший свидетелем мощи Шахиншаха в Индии, отговорил его от подобных замыслов. 10-го числа Божественного месяца абан 987 г.х. (20 октября 1579 г.), в период дождей и снега, они отправились (в Бадахшан). Когда известия о происходящем достигли Двора Его Величества, он приказал оказать помощь мирзе Шахруху, поскольку тот был в союзе с вечной властью[16]. Саид-хан, раджа Бхагван Дас, Ман Сингх, Юсуф-хан и другие военачальники провинций Пенджаб и Мультан получили приказ отправиться в те земли. И уже готовились выступить, когда доставили донесение, что правитель Кабула остановился и повернул назад. Они известили об этом и отложили отбытие. Если вкратце, то мирзы провели сражение в окрестностях Таликана. Хотя Шахрух мирза стойко удерживал занятые позиции, всё же потерпел поражение из-за речей двуличных, отсутствия согласия и по собственной неопытности. Болтуны предположили, что Мир Имад, глава его военачальников, дружен с мирзой Сулейманом и хочет схватить мирзу Шахруха в разгар сражения и передать [врагу]. Они запятнали полы преданного [мужа] подозрительностью. Отряд бадахшанцев также присоединился к прежнему правителю, и таким образом усилились его (Шахруха) сомнения. Ещё до начала решающего боя (?) Шахрух повернул поводья и поспешил в Кундуз. Войско Забулистана (Кабула), предчувствующее недоброе и пребывающее в колючих дебрях надежд и страхов, обрадовалось его отступлению и преследовало какое-то время. Мирза укрепил крепость Кундуз, после чего продолжил путь в Куляб. Он освободил Мухаммада Кули
289 Шингали из заточения и сделал своим министром (*вакилом*). Мирзы двадцать дней стояли лагерем в окрестностях Таликана. Выяснив положение дел мирзы Шахруха, отправились в Рустак через Кила Зафар. Мухаммад Кули предложил заключить хитрый договор. Он объединился с Фаридуном[17] и принял соглашение, но мирза Шахрух из дальновидности и осторожности не поехал на встречу с Сулей-

маном. Благодаря мудрым советам здравомыслящих и миролюбивых земли от Таликана до Хинду Коха, являвшиеся земельным владением мирзы Ибрахима, были отданы мирзе Сулейману[18]. Он (Сулейман) согласился на эти условия и отправился в Куляб. Мухаммад Хаким подождал какое-то время в Ходжа Чартаке, близ Кундуза[19], дабы завершить приготовления. Когда пришло время действовать, [Хаким] вернулся в Кабул.

Глава 51

Чудесная удача Шахиншаха во время мятежа бенгальских военачальников и наказание последних

Нет сомнений, что удача сопутствует тем, кого поддерживают небеса и о чьём положении заботятся сами распорядители судьбы. Она осуществляет два действия: во-первых, срывает чадру с низких и злобных, в змеиной хитрости прикидывающихся добрыми; во-вторых, очищает сад державы от сорняков и мусора, возвышая добродетельных и искренних, что сокрыты под пылью непризнания ввиду несправедливости времени и большого количества злодеев, и наделяя их радостью и успехом. Она питает розарий власти влагой из потоков мудрости. В целом удача дарует людям процветание и одаряет их средствами достижения счастья, а также способствует их стремительному совершенствованию, (для чего) подвергает мучениям злом. Таким вот образом она завершает начатое. Мудрец с праведным сердцем не собьётся с пути из-за её коварства (*талхкам*), не свернёт из сладостной обители спокойствия в тревожные палаты неудовольствия, и бдительность его не пошатнуть великим богатством или славой. В столь беспокойные времена он водружает на своё чело грамоту повиновения и служения и ликует, а также заставляет стихнуть глупые пересуды [произнесением] истинных речей. Злостный нечестивец, лишённый удачи, не вкушает плодов из рощи познания. И даже если ему случится туда попасть, ветерок розария свершений не достигнет его. Во времена процветания он направляет лампу мудрости под порывы ветра и лишается рассудка, а в день напастей сходит с пути благословения и встаёт на дорогу излишеств. История бенгальских

военачальников — яркий тому пример. Эта поучительная повесть начертана в галерее Просвещения.

Вследствие успеха и процветания земельных владений и приумножения богатств сверкающий в ночи бриллиант зрения постепенно помутнел. Из-за невежества и бесчестности они приняли свои потери за приобретение и стали собирать золото, совершенно позабыв о войске. Недобрые мысли нашли дорогу к их сердцам, и они обратили взор навстречу лжи и беспорядкам. Когда Музаффар-хан укрепил свои позиции, то не осознал размеров величия и не посвятил время управлению страной и войском. И забросил финансовые дела, в которых был очень сведущ, и сердце его покрылось морщинами. Стоит ли говорить, что брови на его челе поразили бородавки? Более того, он очернил скрижаль своего языка клеветой и неучтивостью! Когда же его возвысили до [ранга] управителя Бенгалии, Его Величество по величайшей милости назначил ему в помощь *дивана, бахши и амина*. Тот из-за недальновидности посчитал их конкурентами, выразил неудовольствие и забросил дела, продемонстрировав высокомерие. И переложил всё на них, и перестал умиротворять войско и крестьян. Наедине и на людях не произносил слов благодарности за оказанные милости, а только жаловался. Его загубленный разум не понимал, что чем больше помощи кто-то получает в делах управления, тем лучше выполняется работа. Внутреннее самолюбие явно завело его в палаты [трудностей], а затмение сердца не позволило осознать вовремя, что правильно. Думаю, его доходам был нанесён урон, и положение уже не оставалось прежним. Допустим ли такой образ жизни в разгар борьбы, и как он мог достичь своей цели, если взвалил на себя груз повседневности и не шёл по пути терпения[1].

Бенгалия — земля, где сам климат способствует процветанию подлецов, и постоянно поднимается пыль разногласий. Из-за злобности людей вырождались династии, приходили в упадок державы. В результате в древних манускриптах эти места называли Булгакхана (Обитель беспокойства). Предводитель войска (Музаффар) в заносчивости не стал успокаивать друзей и незнакомцев. Другие военачальники оказались жадными и от принятия подношений перешли к жестокости. Если бы не их алчность — да покроет их головы пыль,

— они не сошли бы с пути стыда и остались бы достаточно сдержанными, чтобы не оборвать нить практической мудрости! Тот, кто разрушает пристанище слабых, превращая его в средство украшения собственной обители, вскоре теряет уважение и подрывает основание жизни! Бестактные военачальники учинили смуту, начав претендовать на имущество Хан Джахана. Исмаил Кули-хан с другими туркменами взялся за оружие. Но поскольку у него ещё имелись остатки разума и преданности, они выдержали эти неприятности и решили в качестве лекарства насытить голод корыстолюбцев[2]. Волчий (то есть неискренний) мир установили, и они отправились ко Двору. Впоследствии военачальники решительно, по примеру бихарских предводителей, стали требовать золото у всех туркмен тех мест и вели себя с ними жёстко. Глава мятежников Баба-хан часто выражал сожаление словами: «К настоящему моменту я потратил 70 000 рупий на подарки, и не одна сотня всадников осуществила клеймение, а положение других землевладельцев этой провинции стало ещё хуже». Когда бессердечные военные мужи отворили врата требований и, повинуясь дурным наклонностям своих чёрных душ, решили приступить к собственному обогащению и разорению других людей, горячие воины и наёмники оскорбились и отвернулись от повиновения. 8 бахмана (19 января 1580 г.) они переправились через Ганг недалеко от столицы Танда[3] и отделились. И 17-го числа, в день Ид Курбана (10 зу-ль-хиджжа, или 28 января 1580 г.), раскрыв внутреннюю злобную сущность, подняли пыль мятежа. Я признаю, что законы мира мучительны для души, однако благодаря им совершенствуются благородные умы, но зачем же растрачивать монету стойкости? Как можно забыть об оказанных милостях и перестать думать о преданности?[4] Почему терзающая рана приводит искренних к погибели? После какого вина осмотрительность, на которой основывается своекорыстие, отдаёт предпочтение безрассудству? Небеса в силу разных причин в течение нескольких оборотов скрывали своей завесой этих злодеев и держали дружественных и преданных в неведении. Когда пришло время для прославленной личности Властелина Земли развеять тьму преходящего и духовного миров, распорядители палат мироздания сбросили покровы с тёмных душ и обратили господина их земной составляющей, то есть обожа-

291

ющий славу благонамеренный разум, в презренные развалины и в то же время сделали его источником милостей для многих безвестных, но честных людей. Зачинщиками бенгальского мятежа были Баба-хан Джаббари и Вазир Джамил, но пламя разожгли Саид Тукбай, Мир Хаджи Ланг, Араб Бахши[5], Салх, Мираки-хан Муртаза Кули Туркаман и Фаррахи Иргалик. Кийя-хан в Ориссе, Мурад-хан в Фатхабаде и Шах Барди в Сонаргаоне призывали к согласию, но так и не удостоились чести сослужить добрую службу. Они не принесли решительно драгоценность усилий на рынок.

Первой причиной их невезения стала бесчестность разума. Это привело к чрезмерным действиям и принятию потерь за приобретения. Вторая причина — внутренняя озлобленность, которая приумножила сердечную тьму и нежелание воспринимать свет прекрасной лампы. Третья — накопление богатства, которое оказывает пагубное влияние на мудрецов и добропорядочных людей, что уж тут говорить о дураках и злодеях. Четвёртая — недостойное поведение Разави-хана[6] в Джаунпуре. Он занимался подсчётами доходов с казённых земель (*халсат*), которые находились какое-то время в его ведении. Ещё до того как получил (эти земли), был начат процесс клеймения. Когда этому злодею пожаловали титул *бахши*, его жалкая натура взбунтовалась. Вместо 292
того чтобы обустроить прежнее поселение, решил основать новое. Ситуация с наёмниками ухудшилась, и они пришли в недоумение. Пятая причина — отстранённость и пребывание в неведении благомыслящих людей, которые могли бы благодаря своим способностям и хорошим идеям прекратить беспорядки. На рынке обсуждения не оказалось ни одного такого человека. А ленивые и корыстолюбивые не желали искать подобную драгоценность. Деятельные же искатели знаний не могут существовать без таких предводителей. Человеческая природа не всегда приемлет мудрость. Необходим независимый советник, который, вопреки собственным интересам, в личных палатах скажет без капли лести, что правильно. Захочет ли кто другой взять на себя эту обязанность? Крайне необходимы счастливые и удачливые, что посредством разумных рассуждений и великодушия не отступятся от принципов и поместят стопу поисков за пределы школы и монастыря, а также займутся делами общества и станут посещать собрания повседневной

жизни. Они побеседуют с лохматыми и босоногими обитателями полей и улиц. Возможно, встретят незнакомца, который может оказаться другом, и это даст благие результаты. А также выберут одного или двух приятелей, дабы завершить начатое, и напомнят им о том, что надлежит сделать, дадут советы по уровню их знаний. Полученные здравые наставления необходимо как следует вознаградить. В решающий момент лекарство следует выбирать искренне и с открытым челом. Искусные алхимики так создают сверкающие драгоценности из обычной пыли, и в год дефицита истины изливают радость и защищают себя от ненастий и ран века.

Шестая причина — позор Халдин-хана. Джелесар[7] был отдан Мир Джамал-ад-дин Хусейну Анджу и больше не считался его земельным владением. Поскольку Халдин до этого собрал там некую сумму, Музаффар-хан оборвал нить выдержки, на которой зиждется управление светским государством, и подверг его пыткам, подвесив за одну руку. Все любители монеты пришли в ужас. У них имелись долгосрочные планы по улучшению [устройства] своих земель и сокращению войска. Когда умер Хан Джахан, земли Исмаил Кули-хана разрослись без какого-либо приказа Его Величества, с целью умиротворить негодяев и злодеев. Музаффар-хан потребовал возвращения денежных средств в обоих случаях. Из-за дремлющего ума он не принял во внимание текущих обстоятельств. Седьмая причина — казнь Рошан бека[8], сборщика налога в казённых землях. Тот присвоил себе деньги и бежал в Кабул. Из-за подстрекательств смутьянов отправился оттуда в Бенгалию и принялся чинить смуту и давать недобрые советы. Когда это достигло царственного слуха, отдали приказ казнить его. Музаффар-хан не прочувствовал ситуацию и решил, что если предаст этого человека смерти в период готовящегося мятежа, то заставит людей покориться. Но это лишь поспособствовало беспорядкам. Из любви к деньгам и инстинкта самосохранения смутьяны решили отомстить. Восьмая причина — неразумное увеличение доходов *диваном* Ходжа Шах Мансуром. Когда Бихар и Бенгалия были завоёваны мощью удачи Шахиншаха, наставник смертных (Акбар), вследствие присущих ему познаний и проницательности, принял во внимание, что страна по своему климату неблагоприятна для лошадей, а некоторые

293

её участки даже пагубны для людей, и потому приказал для воодушевления войска поднять воинам жалованье в два раза в Бенгалиии и наполовину в Бихаре. Ходжа не понял происходящего и взял на себя право (*джаваб гирифта*) отдать приказ поднять жалованье в Бенгалии на 50 процентов, а в Бихаре — на 20 процентов. Музаффар-хан был вынужден выполнить этот приказ и дал ему силу с начала года[9], что привело к множеству претензий. Если бы [возмущавшиеся] обладали хоть каким-то чувством справедливости, они бы просто-напросто обратились к Шахиншаху. Зачем было проявлять неблагодарность и учинять смуту? Девятая причина — установление принципа всемирной терпимости (*сулх-и-кул*). Уже сообщалось, что восседающий на троне судьбы муж благодаря активному поиску истины собрал вместе мыслителей различных религий и испытал их. Орошая самую суть, мудрый гений и внимательный наблюдатель напитал влагой квадратный сад согласия. Подлецы бросили тень на уникального мужа мироздания и придумали причины для беспорядков. Их алчность и корыстолюбие привели к погибели.

Когда они разорвали покровы уважения и подняли мятеж, Музаффар-хан направил против них Мир Джамал-ад-дин Хусейна, Разави-хана, Тимур-хана, Раи Патр Даса, Мир Адхама, Хусейн бек Итрата Али[10], Хаким Абу-л Фатха, Ходжа Шамс-ад-дина, Джафар бека, Мухаммад Кули Туркамана, Касима Али Систани, Иваз Бахадура, Залф Али Езди Яка-авеза (Атакующий в одиночку), Сайид Абу Исхака Сафави, Музаффар бека, Хусейн бека Гурда и других к берегам Ганга с целью дать им бой. Ниджат-хан[11] несмотря на родственную связь из трусости не присоединился к ним. Вазил Джамил не поехал с ними и повёл себя двулично. Мятежники в какой-то степени осознали тот вред, который причинили сами себе, и потому предложили примирение. Падишахские слуги не поверили им и поэтому не обратили внимания на их предложение. Смутьяны надеялись, что какой-нибудь действующий из лучших побуждений слуга доложит Его Величеству об их смятении и доставит милостивый приказ. Поскольку при Дворе Халифата, где нет нужды в посреднике (*васила*) для получения прощения за нанесённые оскорбления, всегда находится предлог для принятия извинений[12], был издан указ[13], порицающий Музаффар-хана

и радующий сбившихся с пути известиями о прощении. В разгар сражения прибыл Касим Наула[14] с почтовыми лошадьми. Царские слуги раскрыли глаза и принялись произносить утешительные слова и принимать извинения, в то время как заблудшие обрели новую жизнь благодаря царскому указу и задали пир. Так как они отклонились от праведного пути, то выразили пожелание, чтобы Музаффар-хан при посредничестве некоторых войсковых военачальников подтвердил обещание, что к их делу отнесутся благосклонно, дабы могли они избавиться от сомнений и вернулись на службу. Сначала Мир Абу Исхака[15] направили выяснить их намерения. Поскольку тот разглядел знаки раскаяния в их поведении, на следующий день Разави-хана,
294 Раи Патр Даса, Сайид Абу Исхака и Мир Ахмада Мунши отослали успокоить пристыженных странников. Их предводители подготовили в смиренной манере личные палаты покорности и заговорили об укреплении основ согласия. Ввиду того что сами небеса противились его пожеланиям, а время было недоброе, дружественная встреча оказалась запятнана и поднялась пыль разногласий. Нараин Дас Гелоту[16] и некоторым раджпутам, принадлежащим Раи Патр Дасу, пришло в голову, что появилась хорошая возможность одержать победу, и самым правильным представлялось предать разом всех неблагодарных смерти. Один из них прошептал это Раю[17], и тот по глупости и неопытности в делах человеческих сообщил об этом Разави-хану. Сей жалкий трус намёками и знаками донёс предложение преданных соратников встревоженным умам (Какшалам). В скором времени каждый из них принёс извинения за то, что покинул собрание мира и учинил смуту. Разави-хан и Сайид Абу Исхак были отправлены в казармы, а невежественного создателя завесы (Разави-хана) взяли под стражу. Справедливые воины чести храбро сражались и испили последний глоток. Со всех сторон бушевало пламя мятежа, высоко поднялась пыль раздора. Воины с живым и пробуждённым сердцем усмотрят в сей истории мораль: нарушение обещаний, трусость, неподчинение и неспособность распознать надлежащее место для сообщения секретов приводят к возведению дома зла и накапливают мусор разрушения. Несомненно, пришло время сорвать покровы с двуликих и очистить землю от пыли злодейских жизней. Когда известия доставили ко

Двору, обладатели права аудиенции доложили об этом, а преданные доброжелатели сошлись во мнении, что стоит направить в те края царские знамёна. Дальновидный прорицатель тайн сообщил некоторым придворным: «Нашу душу озарила мысль, что пыль мятежа скоро уляжется благодаря доброй службе наших преданных военачальников, и каждый смутьян отправится в свою пустыню, так что не стоит удостаивать этих недалёких людей приходом[18] нашего войска. Нет сомнений, что отвага бунтарей основана на поддержке правителя[19] Кабула. Вероятно, льстецы могут направить этого недалёкого злодея в Индию. Если царские знамёна уйдут в восточные провинции, в каком положении окажется основная часть моих подданных? Правильнее будет остаться в центре Халифата и молиться Несравненному Творцу. Мы сделаем справедливость и равновесие своим тайным войском и поразмыслим над судьбой. Наше благоразумие отразится на смертных, и наша бдительность станет очевидна». В скором времени его слова подтвердились, и бальзам коснулся глаз недальновидных.

В этом средоточии надежд и страхов
Они стояли на страже с пробуждёнными сердцами.

Глава 52

Начало 25-го Божественного года [с момента священного Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха] — года фарвардин третьего цикла

Хвала Господу, что со славой завершился второй цикл, и открылся цикл третий. Сие событие побуждает меня вознести гимн мольбы Украшающему мир и Подателю жизни и рассыпаться в похвалах, дозволяемых моими способностями. Но откуда у шута из царства обусловленного бытия возьмётся сила или дерзость, чтобы, подобно павлину, расхаживать в этом вечнозелёном саду или воздымать стопу познания, спереди получая пинки от растерянности, а сзади принимая тычки от невежества.

Там, где мыслями о Боге всё полно,
Лишена сути наша мольба.
О сердце, воздержись от слов, доколь возможно,
Твоя стопа [стоит] высоко, будь бдительно, будь бдительно.

В ночь на пятницу (то есть в четверг), 24 мухаррама 988 г.х. (11 марта 1580 г.), когда истекло 37 минут, Солнце бросило свои лучи на созвездие Овна. Настал день Нового года, [день] радости и восторга. На розовом кусте равновесия распустился цветок удачи. Небеса явили милость к Земле, а Земля облеклась величием Небес.

Вновь приукрасилась Разума весна,
Рассудок уверился в бытии,
Пора роста вступила в мир,

Земля придала весомость небу,
Вновь мир обрёл вид юный,
Вернулось счастье во многие жизни.

Поскольку пробуждённые сердца и активные головы прочли начертания небес на челе начала [года] и сделали чудесные выводы из вступления, огни возрастающей с каждым днём власти царского цикла осветили сердца и очи. Они (астрологи) возгласили вести о [скорой] гибели подстрекателей и искоренении мятежников.

Важнейшим событием стало освобождение от налогов (*бадж у тамга*). Хотя в начале правления был отдан приказ о сем великом **296**
благодеянии, однако — поскольку Владыка Мира оставался за занавесом, а также из-за алчности исполнителей приказаний Халифата — он не был проведён в жизнь, ибо болезнь застарелую и опасную не излечить без великих усилий врача. И особенно это верно в том случае, если проникла частица алчности и скупости, а врач физический пребывает под покровом. Ныне благодаря его непреклонной энергии сие приказание прозвучало вновь, и [Шахиншах] лично следил за его исполнением. Хотя гнев правителя и величие мирового господства привели бунтовщиков к покорности и смирению, и никто не смел преступить священные указы, однако в неизмеримой снисходительности он ослабил и исцелил запущенную болезнь милостивыми речами и молвил: «Правители древности и владыки прошлого взыскивали подати, чтобы обеспечить средства для завоевания мира, а также для целей управления. Ныне, когда Несравненный Создатель отдал под мою власть земли стольких великих принцев и назначил меня хранителем столь обширных богатств, можно ли оправдываться этой потребностью или помещать её на весы справедливости? Копящий истину разум дозволил подати в качестве награды[1] за заботу о мире. Ныне, когда величием праведного мышления великие сокровища оказались у меня в руках, и в них [податях] более нет нужды, взимать их означало бы отступить от торного пути повиновения Султану мудрости и шагнуть стопой неблагодарности на стезю алчности». В согласии с сей разумной мыслью из обители милости последовал имеющий силу для всех земель указ отменить подати *бадж* и *тамга*[2], приносившие больше, нежели

доходы с [разных] стран, и укоротить длань притязаний, дабы она не хватала за подол купцов.

Хвала сильному сердцу и необъятному таланту, что излучали щедрость, недоступную пониманию сей эпохи, и внушали духовную благодарность [целым] мирам людей. Где же Хатим Таи и Маан, сын Заиды[3], и иные просветлённые дарители золота, дабы познали они хотя бы несколько различных степеней щедрости и склонили чело блаженства во дворе коленопреклонения стыдливости?

За чудными творениями весна явилась с летом,
Весну принарядила осень, чтоб сокровища раздать.

Разумеется, украсители цветника Судьбы порой поддерживают рост воспитанника власти, [рождённого] под счастливой звездой и стремящегося к могуществу, облака щедрости коего изливаются описанным образом. В его длани оказываются отпирающие мир ключи, а сокровища эпохи обращают свой лик к его порогу. Прибытие податей Бенгалии ко Двору Халифата явилось ещё одним доказательством сего. Как уже упоминалось, Музаффар-хан отправил с Фатх Чандом собранные Хан Джаханом подати ко Двору, и они не пропали в смуте, устроенной подлыми негодяями Бихара. Наконец их передали в казну,
297 под охрану небесных стражей. 171 великолепный слон занял место в царских стойлах. Когда на лике эпохи были прочтены начертания растущей с каждым днём власти, пронёсся шёпот радости.

Заметным происшествием стало назначение Мирза-хана, сына Байрам-хана, на высокую должность *мир арза*[4]. Хотя каждый день недели один из важнейших слуг назначался на сию немаловажную службу, однако по причине множества просителей, возрастания [объёма] труда, гвалта базара алчности и величия августейшего Двора Его Величеству пришла мысль, что пример исполнения сей важнейшей службы должен дать даровитый, высокородный чиновник с обширными способностями, отмеченный глубокой проницательностью, бескорыстием и честностью. Храня мир со всеми, он не делает различия меж знакомым и чужаком, другом и недругом, но полагает пред [Владыкой Мира] все достойные внимания прошения и в подобающее время

получает на них ответ. Если из-за противодействующей судьбы — что неизбежно случается в мирском кабаке — он не получит милостивого ответа (*пасандида*), ему не подобает впадать в печаль, но бесстрашно обратиться с прошением в следующий раз. Ибо в этом мире, полном зла, большая часть дел исполняется немудро (*бамагзкар*); но, даже если они вершатся таким образом, всё равно многие вещи, которые следовало огласить, не выходят из теснин груди по причине боязни, алчности (*андохтанипара*) и небрежения к подходящему моменту, и место их занимают разные пустяки. Мудрый властитель узрел знаки похвальных качеств в том верном и возвысил его сей великой должностью. Поток удачи каждого счастливого, который мудростью и праведным мышлением стёр знаки алчности и лицемерия, благодаря дальновидности и беспристрастию не довольствующегося собственным знанием и неустанно ищущего благие принципы и передающего дела людские [на рассмотрение] достойным мужам, будет постоянно полон, а сад его удачи не увянет вовек.

Хвала всадникам, что пересекают горизонты,
Что первенствуют в миру и Вере.
В сих землях есть один из тех наездников,
Для кого и величайших похвал мало.
Два слова вберут всю похвалу, что изрекаю я:
По качествам — Афзал (превосходный),
по имени — Акбар.

Важным явилось прибытие посланцев Кутб-ал-мулка[5]. Хотя правители Декана не испытывали счастья от своей службы и повиновения, однако, посылая дары и подношения, считали, что скрепляют себя со стременами верховной власти. В сие время правитель Голконды выказал льстивость и покорность и послал в названный край прошение с диковинками той страны. Поскольку царил Век любви, неизменно крепнущей, и снисходительности к извинениям, посланцев приняли благосклонно, и трепещущие сердца умиротворились. **298**

В это же время пришли вести, что Адил-хан из Биджапура приготовил множество диковинок своей земли и желал отправить их,

когда Хаким Али, находившийся там с посольством, двинется назад. Неожиданно чаша его [Адил шаха] жизни опрокинулась. Вот краткий рассказ о том. Сей муж с ослабевшим разумом и порочной натурой не подчинялся приказаниям и постоянно отводил от себя угрозу царских войск при помощи лисьих уловок. Из-за потворства собственным желаниям покинул стезю удачливости и избрал скверну и вёл себя неугодным Господу образом. Он непрестанно пятнал подол своего воздержания. Поскольку с давних пор известно, что покинувший сверкающую в ночи жемчужину мудрости замарается в мусорной яме чувственности и обеспечит себе гибель собственными [деяниями], то сие низменное существо немалыми усилиями раздобыло у Малик Барида[6] — одного из правителей Декана — двух евнухов, известных [обольстительной] привлекательностью. Когда цель его желаний стала близка, им овладели бесстыдство и подлость, и во тьме личных покоев он протянул руку гнусной похоти к одному из них. Тот незапятнанный драгоценный камень пристойности, следуя чистоте и чести, не отдал ему своё тело, но заколол его кинжалом, который носил из предосторожности. Ибрахим, сын его [Адил шаха] брата, был назначен его преемником стараниями Амир Фатх-ал-лаха[7] из Шираза — сего воплощения мудрецов прошлого — и лучших мужей страны.

Значительным событием стало заточение Мир Али Аламшахи[8] и некоторых иных. Ряд порочных людей с искажённой судьбой — а именно Мираки, Иди Кор, Шихаб Бадахши и Кучак-хан Есавал — устроили сговор и, позабыв о милостях, полученных ими, начали собирать вокруг себя негодяев и бунтовщиков. Они намеревались воспользоваться благоприятной возможностью, чтобы совершить какое-нибудь постыдное деяние и перебежать затем к мятежникам в восточных областях. Мужи бдительные и верные открыли [такие] злые намерения и донесли о них, прежде чем удалось привести их в исполнение. Вначале это дело расследовали дальновидные лица, а затем им занялся Шахиншах. Поскольку Его Величество считает, что тело создано Господом, он не стремится [позволить] расторгнуть связь меж ним и душой и потому отправил в темницу ту шайку, достойную смерти. Но поскольку на линиях лба Мираки — зачинщика заговора — читались знаки неисправимости, его казнили. Это послужило уроком для многих буйных [голов].

Тогда же скончался Музаффар-хан. Как чудесная и возрастающая с каждым днём удача Владыки Мира являет себя в победах царёвых слуг, так же порой она обнаруживает себя и в их поражениях. Уже упоминалось, что исполнители царских приказаний открыли *диван* алчности в Бенгалии, и по самомнению и невежеству их разум ослаб, а держатели наделов оставили торный путь повиновения. Когда на берегах Ганга случилась перестрелка, и мятежников, несмотря на их численность, настиг позор поражения, а сребролюбивые чиновники приободрились, в смятенные умы [негодяев] проникла мысль, что им надлежит послать войско в столицу Танда[9] и тем вселить тревогу в умы слуг падишаха. С сим тёмным замыслом Мирза бек Какшал и Хамзабан пересекли реку в некотором отдалении от сил [Шахиншаха] и подняли беспорядки близ названного города. Музаффар-хан послал Ходжа Шамс-ад-дина, Мир Рафи-ад-дина из Нишапура, Касима Али Систани, Хусейн бека Курда и иных для исправления сего зла. Те отважно и без промедления двинулись туда и нанесли поражение неприятелю, отправив многих в небытие. Большинство мятежников тотчас лишилось стойкости, и начались переговоры. И тут, когда следовало принять извинения, упрямство военачальников возросло, и мольбы не возымели успеха. Хотя они [военачальники] слышали о волнениях в Бихаре, но не приняли их в расчёт и не учли той возможности, что здешние бунтовщики могут примкнуть к бенгальским. Поскольку за опьянением надменностью следует похмелье ошибки, те смутьяны объединились с бенгальскими, и неурядицы разгорелись вновь. Высокомерные губили страну собственными деяниями. Когда пришло донесение о прибытии в Бихар царских сил, порочные негодяи ввергнулись в пучину смятения. И не могли решиться ни принять бой, ни бежать. [Находясь] в таком состоянии, узнали о строптивости бенгальских военачальников и запутанности дел в той области. При помощи лазутчиков вступили в переговоры и поспешили в Бенгалию. Когда в этом не осталось сомнений, добрые советники Музаффар-хана тысячью доводов убедили его послать Тимар-хана, Ходжа Шамс-ад-дина, Джафар бека и прочих для охраны Гархи, что является вратами в те края. Однако мятежники овладели названным городом за день до подхода этих сил. Хотя битва и состоялась, од- 299 300

нако Тимар-хан и большая часть его спутников повели себя трусливо. Ходжа Шамс-ад-дин и прочие, ревнители своей чести, отличились и вернулись в ранах. В это же время Баба-хан Какшал и несколько других злоумышленников пересекли Ганг у Акмахала (Раджмахала) и примкнули к бенгальским бунтовщикам. Музаффар-хан послал Хусейн бека, Итрата Али, ещё нескольких храбрецов захватить край рукава Ганга[10] и остановить продвижение мятежников. Этот рукав представляет собой залив, проложенный от реки в давние времена. Верные стали там лагерем, но однажды бурной и дождливой ночью, когда часовые уснули, смутьяны пересекли канал (*джуибар*) и внесли расстройство [в ряды войск падишаха]. Остальные негодяи, стоявшие напротив Музаффар-хана, присоединились к ним, и тогда царёвы слуги разрушили укрепления (*бархамзада*) на том берегу и вернулись на свой. Каждый день происходили ожесточённые схватки, и [бойцы] сражались с пылом. Жизни отбрасывались ради сохранения чести, и жемчужина отваги обрела новый блеск.

Разбушевался океан войны,
Бойцы издали клики,
Мечи собирали кровь, словно чаши — вино,
Они напоили кровью землю.
Проворно птицы с тетивы слетали,
Открывая клювы, чтобы крови испить.
Кровь с мечей туманила мозг,
Головы предводителей они швыряли под ноги.

Как-то раз отряд мятежников переправился через реку и напал на Итрата Али. Ходжа Шамс-ад-дин с несколькими смельчаками придал полю битвы новый блеск. Мощью возрастающей день за днём удачи длань завоевания взяла верх. Хотя в этой стычке погиб Хусейн бек, враг был запятнан прахом поражения. Девятнадцать дней длилось противостояние между войсками, и каждый день бунтовщики терпели крах. Они терпели одно поражение за другим. Кроме того, их тревожили вести о подходе царских сил. Проводя пустые и унылые советы, рассуждали: «Ещё не подошла [армия], сопутствуемая

Небесной помощью, а мы уже в таком положении! Когда же миропокоряющие войска соединятся, что с нами случится? Нам не остаётся ничего иного, как направиться по этой реке (*руд*) к Гангу и укрепиться в окрестностях Ориссы. Но, если представится случай, мы протянем руку дерзости к укреплениям». Ночью 20-го числа они выступили с этим мрачным намерением. Касим Али Систани и отряд мужей в дальнем укреплении сочли это движение отходом (*ваирани*) и немедля захватили несколько лодок. Получив донесения о том, Музаффар-хан забил в барабан радости, но благоразумно изготовился к битве: ведь, возможно, смутьяны замыслили какую-нибудь хитрость. Поутру превосходство неприятеля превзошло меру стойкости высокого и низкого, и воздаяние[11] за алчность и самомнение свершилось!

Вот краткий рассказ о сей истории, служащей предостережением. Когда негодяи смутились и подняли якоря, Какшалы и многие иные мятежники добрались по названному каналу до Ганга и разграбили несколько кораблей. Это привело к возрастанию небрежности. Когда туда подошёл Масум-хан и по сговору, которого достиг с мерзавцами, начал палить из пушек по царским слугам, [сидевшим] в укреплениях, те пали духом и запятнались позором поражения, не приняв боя. Зулф Али Бадахши и Кучак Кундузи, их предводители, а также множество иных подлых негодяев осыпали прахом вероломства свои головы и примкнули к врагу. Неблагодарные объединились и ликовали. Получив такие известия, Музаффар-хан потерял нить рассудительности и по подозрительности и недостатку храбрости утратил твёрдость. У него не осталось ни ведущего разума, ни силы прислушаться к советам. Хотя верно мыслящие и опытные мужи убеждали его, говоря: «Разве понёс ты урон из-за ухода (*ваирани*) горсти скудоумных людишек, и разве принесёт врагу благо этот успех?[12] Не следует поддаваться унынию, и пусть войско сражается испытанным способом», — их здравый совет оказался бесполезен, и его смятение возросло.

Из-за неверных представлений, помутнения разума, неуместных фантазий, неспособности просчитать [действия] врага и жажды жизни его поступки стали беспорядочными. Не выстроив войска сам, не позволял вступить в бой военачальникам, готовым исполнить службу. После долгих разговоров разрешил некоторому числу воинов немед-

ленно выступить под началом Ходжа Шамс-ад-дина к тому месту, оказать ему поддержку и доложить о состоянии дел. Многие [бойцы], вспомнив о своей семье — а иные из малодушия, — уклонились от счастья сопровождать их. Немало воинов по низости, присущей их натуре, стали на путь бесчестья. Когда сердце командира утратило твёрдость, какой стойкости можно ожидать от подчинённых?

Ходжа рассказывал: «Пройдя немного, я увидел, что воины перебегают к врагу отовсюду, и время от времени кто-нибудь из спутников меня оставляет. Вскоре не осталось никого, за исключением Мутталиба[13] (связанного с ним узами близости). Стало очевидно, что Господне предостережение дало пинок спереди и тычок сзади спесивой и самолюбивой шайке, а смирение и мольбы лишь ободрили порочных. В такой беде я ощутил отвращение к жизни и обратил лик к сражению вместе с тем верным героем. Итак, тот, не имеющий равных на ристалище доблести, получил несколько ран, и рухнул наземь, и отдал свою жизнь за честь. Тем временем показался Мухаммад Али Арлат (состоявший с ним в дружеских отношениях). И решил было, что он поможет мне, но вероломный и презренный молодчик пронзил меня копьём, и я упал полумёртвый. Неожиданно Мир Мухаммад, на коего я и не надеялся, оказал мне [сочувственную помощь] и отвёз к Масум-хану, что меня ободрил и передал *казизада*[14]. На сем поучительном поле, сидя на слоне, к которому меня привязали, я лицезрел чудеса [творимые] вершителями судеб, и внимал угодливым речам удачи, и копил опыт. Хотя бой закончился, а их успех всё рос, порочные мятежники были охвачены сильной тревогой. Внезапно показался крупный отряд, и они собрались уж разбежаться, как вдруг оказалось, что то Вазир Джамил, явившийся с дружескими намерениями. Их мужество вернулось, и [по рядам] прокатился ропот радости». Той полной зла ночью этот двуликий муж с десятью языками взял с собой лучших воинов и, прикрывшись маской сражения, повёл себя как праздный пустослов. Он растратил время [отведённое для] действия на пустые заявления и смутил многие сердца, которые было успокоились. В конце концов, наполнился прахом бесчестья и явил истинную сущность. Поместив давние обязательства на полку забвения, примкнул к врагу. Несмотря на то неприятели пребывали в

302

смущении и не ведали, чем окончится всё это, и как им вести войну с Музаффар-ханом. Тем временем же названный военачальник укрылся в крепости и откинул свою удачу, решая, что ему надлежит делать. Его сердцем завладела такая подавленность, что с ним не осталось никого, за исключением Мир Джамал-ад-дин Хусейна Анжу, Хаким Абу-л Фатха, Джафар бека, Бакира Ансари, Тарди бека Йеккавеза, Иса Туркамана и нескольких слуг и спутников. В итоге он предпочёл презренную жизнь тому, чтобы отважно продать её, и с названными лицами явился в стены Танды. Затем начал расточать свои богатства. Какую выгоду могут принести добрая природа и великодушие в неподходящий момент, и есть ли толк в пустой трате золота и добра? Люди просвещённые и благоразумные во времена неудач завоёвывали сердца подобных тиграм мужей дарами и милостями и находили целебное средство от угрожающих жизни опасностей в их предотвращении. Неблагодарные трусы усмотрели чудо в том, что он [Музаффар-хан] заперся, и воздвигли дворец успеха. Они ступили на стезю смелости и начали его осаду. И передали ему, что, если он возымеет жалость к себе и примкнёт к ним, то обеспечат ему высокое положение; [или же] могут выпустить его и позволить отправиться в Хиджаз. Не имея смелости пожертвовать жизнью, тот ответствовал, что неблагодарность и злокозненность подрывают царство и веру. Пусть они сохранят ему 303
честь и сделают его странником, дабы он отправился к священной усыпальнице, и стёр мрак небрежения, и искупил свои проступки. В ответ услышал обещание сохранить ему треть его добра. Поскольку же не верил этим словам, а защита крепости была свыше его сил, тайно отправил слугу к Масум-хану и напомнил тому о прежних временах, когда помогал ему. И отослал также 20 000 *ашрафи*, моля о покровительстве. Он передал: «Мудрый или просвещённый муж не стал бы злословить о велениях Господа (подразумевая то, что постигло его) и ныне молит, чтобы в ответ (за подношение 20 000 *ашрафи*) он взял на себя охрану его чести, дабы его семью не постигло никакое зло: [ведь] в неразберихе грабежа едва ли возможно будет схватить ворот мольбы». Масум принял его [прошение] и в ответ обещал защиту. Ночью, преисполненной смятения, Мирза Шараф-ад-дин Хусейн бежал из крепости и прибыл в ставку Масум-хана.

В середине прошлого года Его Величество освободил из-под стражи этого мужа[15], достойного казни, и отправил по реке с напутствием, что если он проявит раскаяние, то получит земли в той стране, в противном же случае его надлежит отправить в Хиджаз. Признаки искреннего раскаяния в сыне Ходжи не появились. Напротив, он был постоянно поглощён интригами и пропитался злом до предела безумия. Музаффар-хан заточил его в темницу и ожидал судоходного сезона, когда разразилась та буря зла. На второй день названный сговорился с некоторыми из своих стражей и выбрался из крепости. Несколько человек заметили его и выпустили стрелы, и тот добрался до врагов раненым. И поведал осаждающим о страхе гарнизона, и укрепил их мужество. На рассвете негодяи позабыли о своём договоре и двинулись с целью учинить сумятицу. Какшалы шли в числе первых и подняли пыль разбоя. Все отряды [воинов] устремились в крепость и начали грабёж. Масум-хан в соблюдение данного обещания неспешно направился к жилищу Музаффар-хана, дабы бунтовщики не могли опозорить его, а также чтобы часть имущества названного перешла в его собственные руки. Музаффар-хан находился с несколькими своими невольниками. Все были вооружены, но не решались ни сражаться, ни бежать. Масум-хан прибыл с одним или двумя из них [невольников] и явил пыл двуликих людей. В это время раздался шум из женских покоев, и Музаффар потерял терпение. Он отказался от такой возможности[16] и поспешил в том направлении. А вожак мятежников и людишек с уснувшим разумом, осознав положение, скрылся [сохранив] свою жизнь. И часто винил себя за [подобную] смелость. Хотя мужи с пустыми руками, не имеющие стыда, наполнили карманы и завладели богатством слуг Божьих, львиная доля золота досталась Мирза Шараф-ад-дину благодаря его доброй удаче. [Перед тем] в пору смуты Музаффар-хан спрятал в водоёме 80 000 *рупий*, чтобы использовать их во времена благоденствия. Шараф-ад-дин, прознав об
304 этом, завладел деньгами. Сундуки же наполнил камнями и опустил в глубокую воду. Сокровища использовал для помощи мятежникам. Во время грабежа Музаффар-хан содержался под надзором в своём доме. Нескольких человек связали и бросили в темницу. Многие низкие и подлые укрылись у врагов. Хаким Абу-л Фатха[17] и Раи Патр Даса

благодаря отваге и сноровке пощадили. Покровителем Ходжа Шамс-ад-дина выступил Саид бек, знакомый с ним. Тот сохранил жизнь, но его подвергли пыткам, чтобы получить деньги. Джафар бек благодаря уму и умению внушить доверие ускользнул от подобных притязаний[18]. То, каким образом он был прислан в эту страну, также сыграло роль в его спасении.

8 ардибихишта[19] Музаффар-хана казнили, и затем произошла раздача должностей и земли, а *хутбу* прочитали на имя Мухаммад Хакима. 1 хурдада начались приготовления. Воздвигли шатёр (*баргах*) Хан Джахана, приготовленный для получения даров (*пешкаш*), и украшением ему служили балдахин и ковры различных цветов. Они [мятежники] начали с распределения почестей и земель. Разгорелись споры, однако [всё] искусно уладили. Каждый получил что-то и остался удовлетворён. Титулы распределили следующим образом: Масум-хан назначен *вакилом* и избрал титул *хан даурана*; Бабаи Какшала назвали Хан-хананом, он вошёл в правительство Бенгалии; Джаббари стал именоваться Хан Джаханом и назначен командиром 10 000; Вазир Джамил назван Хан Заманом и получил должность *тузук беги*; Халдин стал Азим-ханом; Джан Мухаммад Бахсуди превратился в Хан Алама; Абд-ал Баки стал Худаванд-ханом; Мирза бек — Бахадур-ханом; Ходжа Шамс-ад-дин был сделан Лашкар-ханом, а Джафар бек — Асаф-ханом. Эти двое искусно отложили принятие [титулов] на более позднее время. Отсутствующий (*гайбана*) Араб назначен Шуджаат-ханом, Саид-хан Тукбаи — ханом и командиром пяти тысяч. Каждый получил *джагир*, знамя и барабан. Мир Хаджи Ланг, Фаррух Иргахлик Фаридун, Таймур Таш, Азиз Дастам бек, Мухаммад Тукбаи, Мухаммад Кули Туркаман, Хамза бек Туркаман, Абд-ал-лах бек Бадахши, Али Касим Барлас, Максуд Али Кор, Иваз Бахадур, Мирза Араб, Дост Мухаммад Толакчи, Мурад Какшал, Таш бек, Зулф Али Ланг, Худа-барди, Газанфар бек назначены командирами тысячи и получили титул хана, а также флаг. Мир Калан, Вафа бек, Мир Кичак, Яр бек Мухаммад, Шерам Бахадур, Латиф Хусейн, Илан Чак, Баба Дост Мухаммад, Михр Али, Мухаммад бек, Курбан бек возведены в ханы и получили флаг и командование пятьюстами. Несколько иных бродяг получили титул султана. Эти

пропащие, не имеющие ни головы, ни стопы, возомнили, что, собрав золото и приложив дерзость, сумеют обрести достоинство *амиров*. Они позабыли, что величие не снисходит к недостойным, а замыслы могут быть исполнены лишь при поддержке вершителей судеб.

Хакани, следующие за тобой по пятам,
Суть вороны, и вороны мечтают о походке куропатки.
Согласен, спаржа[20] со змеёю схожа видом,
Одна — яд для врагов, другая — для друзей противоядие.

Когда разговоры о назначениях и землях подошли к концу, они сошлись на том, что прочтут *хутбу* на имя Мухаммад Хакима и будут проводить дни в утехах. Чудом прославился творящий удачу [гений] Шахиншаха. Поднялась буря, и облака извергли [водные] потоки. Глас Божественного гнева разнёсся повсюду, и великий шатёр, балдахины, ковры были раскиданы и оказались в грязи. Все мятежники расползлись по углам. Удачливый и зоркий узрел падение порочных в письменах Небесной помощи и вознёс песнь радости.

В эту пору разнеслись слухи о приближении победоносной армии. Те [мятежники] прекратили превозносить (Мухаммад Хакима)[21] и крепко призадумались. Опьянённые золотом и злыми мыслями выступили [ретиво] намереваясь принять бой. Предводителем выглядел Мирза Шараф-ад-дин Хусейн, но в действительности заправляли Масум-хан и Баба-хан. Немало подлецов они оставили в той изобильной земле.

Теперь, поведав часть истории, я перехожу к описанию событий в Бихаре вплоть до прибытия победоносных сил. В то самое время, когда злодеи поднимали пыль мятежа, Бахадур, независимо ни от кого и со всей неуклонностью, следовал стезёй неблагодарности. Он был сыном Саида Бадахши. Чёрный сердцем (отец) по низости своей природы ушёл из дома и, используя различные средства, скитался по обширным просторам Индии. Тогда он служил сборщиком податей (*амилгузар*) Тирхута. Когда военачальники Бихара подняли главу неблагодарности, оставил там сына, и примкнул к мятежникам, и приложил все усилия, чтобы помочь им. Тем временем безумие овладело

306

разумом Бахадура, и он наложил руку на государственные земли с целью умиротворить подобных мухам негодяев. И поднял беспорядки, и принял славное имя[22]. Когда об этом прослышал Масум-хан, то послал к нему Саида Бадахши, дабы снабдить его отеческим советом и убедить действовать совместно (с остальными мятежниками). Негодяй не принял совета и заточил собственного отца! Вскоре по невежеству и малодушию стал ещё более спесив. Во время этой неразберихи слухи о подходе царской армии всё усиливались, и Масум-хан со многими врагами [Акбара] поспешил в Бенгалию. Он оставил в Патне Араба и других бунтовщиков, дабы тот осуществлял управление [упомянутой] областью и [одновременно] грабил. Шахам-хан благодаря внутренней благости нарушил обещание [смутьянам] и вознёс стяги верности в Хаджипуре[23]. Чтобы доказать свою искренность царёвым слугам, отправил войско против Бахадура, однако оно было разгромлено и вернулось. Надменность Бахадура ещё более возросла, но вслед за тем Шахам-хан привёл войска самолично и одержал победу, а Саид (Бадахши) погиб. Мухибб Али-хан нанёс поражение Арабу, выступившему из Патны. Когда тот побеждённый вернулся, Саадат Али-хан, которого он подучил злому и оставил ответственным за своё добро, имел удачу отвернуться от него. Тот [муж] со спящей судьбой напал на его лагерь и завязал бой, однако получил рану в лоб и оказался вынужден бежать. В это же время Мухибб Али-хан захватил тот город. Воины провели несколько дней в приготовлениях и затем выступили. В пределах Джаунпура к войску примкнули Тарсун-хан, Садик-хан, Гази-хан, Улуг-хан и множество прочих военачальников. На расстоянии двух *косов* от Газипура к лагерю присоединился Масум-хан Фаранхуди. Поскольку о его болтливости и пустоте знали все, было решено, что ему следует идти впереди на расстоянии одного или двух *косов* в качестве передового отряда, дабы избавиться от его назойливости и [возможно] обрести веру в него. На берегах Ганга они узнали о катастрофе, постигшей Музаффар-хана, и глупцы раскрыли рот безрассудства. Хотя некоторые пали духом, зоркие и разумные постигли всю глубину его (Музаффара) ошибки, и прочли в письменах Века, что ковёр спеси сворачивается, и, ощутив дуновение ветра из четырёх сторон света, вознесли ликующую песнь. Примерно там же Мухибб

Али-хан, Шахам-хан, Саманджи-хан и Баки Кулаби присоединились к войску. В окрестностях Патны состоялся смотр, и сановники принесли клятвы блюсти согласие и единодушие. Когда умы их умиротворились благодаря этому, они обсудили план действий. Каждый признал своё место. В центре расположился Тарсун-хан, раджа Тодар Мал, Рай Сурджан, раджа Аскаран, Михтар-хан и иные. На правом крыле находились Мухибб Али-хан, Шахам-хан, Мир Абу-л Музаффар и прочие. На левом крыле стояли Садик-хан, Улуг-хан, Накиб-хан, Камар-хан и остальные. В передовой отряд вошли Масум-хан Фаранхуди, Султан Фарид Бухари, Сайид Абу-л Касим, Сайид Абу-л Маали, Сайид Абд-ал-Вахид, Сайид Абд-ал-Хади и другие. Поскольку некоторые военачальники были малодушны, а иные склонны к разбою, решили, что с этого места они двинутся в боевых порядках, и те изготовились к сражению. Когда Араб и Хабиб, а также прочие мятежники, поднимавшие пыль раздоров, прослышали о прибытии войска, то ретировались. Изменники в великом стане — находившиеся под подозрением царёвых слуг — не воспользовались представившейся возможностью. 7 хурдада армия стала лагерем в Монгхире. Масум-хан Фаранхуди, давно лелеявший злые мысли, задумал убить раджу Тодар Мала, дабы верные лишились предводителя, а сам бы продвинулся к цели на несколько шагов. Отправив на разведку [шайку] бродяг, выразил пожелание, чтобы раджа прибыл проверить их. Того удачливого известили о заговоре, и он принёс извинения [за отказ], но не сорвал покров с его (Масума) замысла.

В это время злосчастные и недостойные мужи из Бенгалии выступили из Гархи с намерением дать битву, и между разведчиками победоносного войска и передовыми отрядами врага произошла стычка. Джалал-ад-дин Масауд, Джай Тавачи-баши и некоторые иные отличились. Раджа Тодар Мал устроил совет с целью обсуждения
308 предстоящих действий. Многие храбрецы заявили, что им следует положиться на Господа и вступить в бой. Несколько рассудительных и проницательных наблюдателей возразили, что буря мятежа бушует повсюду, и невозможно отличить верность и прямодушие сердца от двуличия, и они недовольны Масум-ханом Фаранхуди, принявшим от Его Величества многообразные милости. Им надлежит укрепиться

и хранить бдительность. Некоторые [из тех], кто по необходимости примкнул к мятежникам, прибыли в [царский] стан и рассказали о положении наперсников. Из мудрости и осторожности последнее предложение было принято. 16-го числа соорудили укрепления, и командиры приложили все силы, чтобы насыпать вал и выкопать ров. В течение короткого времени возвели четыре высокие и широкие стены, и крепость города превратилась в [неприступную] цитадель. 24-го числа бунтовщики взметнули пыль смуты вокруг того места. Царёвы слуги ответили пушками и ружьями. Храбрецы с обеих сторон постоянно вступали в схватки, и творились великие подвиги. В ходе борьбы многие осаждённые посыпали пылью неверности свои головы, примкнув к врагу. Зачинщиками стали Тархан Дивана и Хумаюн Кули, а также Шах Дивана[24]. Небесной помощью [прах] погибели вскоре улёгся, и толпы смутьянов явились и изъявили покорность.

Значительным событием стало благоволение [Акбара] к Мирза Коке и отправка его в восточные области. Когда Его Величество узнал от своих доверенных в гареме, что Кокалташ устыдился и раскаивается, то принял его извинения и возвысил в достоинстве. И наградил высоким саном командира 5000. В это время прибыла депеша от усердных слуг. В ней упоминалось о том, что они окопались, о недостойном поведении их спутников, о превосходстве врага, и содержалась просьба о подмоге. [*Хедив* Мира] занялся организацией войска, и Кокалташ взмолился, чтобы его служение приняли. «Возможно, он исполнит добрую службу и исправит [допущенные] прегрешения». Просимое даровали, и 29-го числа он был возвышен титулом *хан азима* и получил дозволение отправиться. Сайид Абд-ал-лах-хан, Касим-хан, Мирзада Али-хан, Ишки-хан, Мухтар бек, Юнан бек, Сикандар Чакни, Хайдар Дост, Кадир Али, Уста Закарийя, Камбар Сахари и прочие двинулись с ним. Им оказали честь, даровав *хилаты* и коней. Выпустили приказ, чтобы, когда Кокалташ примкнёт к войску, военачальники действовали согласно его совету. 309

В ту же пору ко Двору прибыл Хаким Абу-л Фатх и красноречиво описал смятение в Бенгалии и неприязненные чувства тамошних солдат. Он также рассказал, как бежал из крепости (Танда ?), и скитался с покрытыми волдырями ногами, и прибыл невредимым

благодаря священному влиянию (Акбара). Он сообщил, что, хотя Мир Муизз-ал-мулк вначале, вследствие порочности, примкнул к бунтовщикам, но из предусмотрительности отделился от них. Странным являлось то, что в это время, когда мятежники лишились превосходства, а огни удачи разгорались, тот неугомонный муж произносил безрассудные речи в Джаунпуре и собирал злонамеренных. Бок о бок с ним действовал Маулана Мухаммад Йезди, изрекая скудоумные словеса и разжигая рознь. Было приказано, чтобы Асад-хан Туркаман[25] поспешил туда из Маникпура и привёз тех злодеев ко Двору. Среди ущелий Этавы лодка с порочными погрузилась в волны Джамны[26], и мир чуть очистился от скверны негодяев, ступивших на извилистый путь. Рам Чанд послал Хан Азиму приказание доставить из Заманийи ко Двору закованного в цепи Мир Али Акбара, младшего брата Муизз-ал-мулка. Хотя тот и не присоединился к восставшим, однако постоянно, письмами и скудоумными речами, подстрекал к мятежу. С Кокалташем же вёл себя непокорно и лживо. Поскольку последний проявил бдительность и искушённость, его (Мир Али) уловки оказались безуспешны. Рам Чанд и Хайдар Дост привезли названного к [священному порогу]. Милость властителя отвела казнь от [мятежной] головы, и его заключили в темницу.

Богоугодным событием стало, что с Шейх Кутба[27] была сорвана завеса обмана. В Джалесаре, зависимом владении Агры, он устроил себе обитель лицемерия. И воспользовался преимуществами [людей] простых, и проводил дни в безмятежности. Внезапно Шейх Джамал Бахтияр нарушил его дрёму. Он решил, что такие уловки — безделица, и доложил о них при Дворе. Его Величество, будучи искателем достоинств в человеке, пожелал свидеться с тем. Поскольку Несравненное Божество опекает его, ему пришла мысль послать вначале несколько проницательных мужей, которые сумели бы оценить ум внутренний по внешним действиям и прочли бы сокрытые тайны на скрижали его лба. Если донесение будет благоприятным, он посе-
310 тит его скит. Если же нет, то немалое число людей удастся охранить (от легковерия); это поручение получили Мирза хан и Хаким Абу-л Фатх. Они подтвердили, что тот порочен изнутри и снаружи, и привели доказательства. Владыка Мира поместил его на точные весы и

отправил в тюрьму, дабы не вводить людей в заблуждение, а истина не соединялась бы с безумием; Шейх Джамал отблагодарил его и вновь обратился к бдительности. Тот [муж] с пустыми руками, продавец обманов, устыдился собственных деяний и принялся исправлять свои обыкновения.

Хвала Господу, что благодаря знанию Его Величеством тайн 311
духовных и материальных многие плуты эпохи и старатели обмана оставили дурные привычки и взяли путь в чистую таверну удачливости. Они отвернули лик от молитвенного коврика лицемерия, [устремившись к истинной] мольбе, и от эгоизма перешли к почитанию Истины. Великие мужи прошлого обхаживали в первую очередь лживых и поверхностных; из-за сложности задачи и собственной неспособности они уделяли меньше внимания покровительству духовных борцов с ложью. Ныне благодаря славному Божественному знанию владыки просветления сия сложная задача также близится к завершению. Мужу мудрому и справедливому ведомо, что красота духовная и физическая, а также внутреннее и внешнее воспитание столь огромных толп в прошлом никому не было даровано без причины, и различные типы людей не являлись в град исканий из безводной пустыни подражания. Ранее из тайной палаты ко Двору исходила соразмерная способностям слушателей (*мухатаб*) речь. Ныне же она исходит соразмерно разуму говорящего. Сколь восхитительно мой брат описал его, прозревшего мир!

Он — носильщик кувшина с руками лёгкими, 312
Бьющий кубки хмельных соперников,
Казначей, кузнецов проверяющий,
Испытующий сердца омрачённых.
Мудростью и проникновением [он] быстр словно сфера,
[Он —] испытующий *Каабу* и церковь,
Восседающий на *маснаде* величия,
Сокрушающий сотни капищ лицемерия.
Прикрывающий хлев обмана,
Поднимающий завесу над землей,
эликсир (философский камень).

На троне он доволен бедностью
И сочетает шёлк с покрывалом (дервиша),
Поверх венца развеваются рукава (дервиша),
На престоле он практикует великий пост.

Глава 52 б

Назначение Шариф-хана опекуном принца Султан Мурада и прочее

(Первые две страницы посвящены рассуждениям об образовании. Шариф-хан назначен 8 амардада (18 июля 1580 г.). См.: «Аин-и-Акбари», I. С. 383. Он был братом Шамс-ад-дин Атга-хана.)

Заметным происшествием стала кончина Шуджаат-хана[1]. В то время когда порочные негодяи из восточных областей чинили смуту, оттуда призвали несколько верных слуг и искушённых мужей и отдали приказ, чтобы военачальники Гуджарата и Мальвы отложили поход в Декан и приготовились к [иной] службе. Ваджахи[2] (?) Ясавал отправился, чтобы доставить Шуджаат-хана, и в начале месяца тир тот выехал из Сарангпура, дабы изъявить почтение. На первом же переходе чаша его жизни расплескалась, а звезда равновесия опустилась в пучину погибели. [Вот как это произошло.] Иваз бек Барлас, Мухаммад Касим, Хазара бек, Хусру, Худа Кули, а также многие бесстыдные и неблагодарные слуги сговорились и избрали вожаком Хаджи Шихаб-ад-дина. Они нарекли его высокопарным именем и принялись выжидать удобного случая. На исходе ночи большая часть людей двинулась вместе со скарбом и семьями, причём некоторые шли быстрее [остальных]. Злодеи устроили сумятицу, и поднялся великий шум. Сын [Шуджаата] Кавим-хан отправился, чтобы узнать, в чём дело, и его убили. Выйдя, Шуджаат-хан принялся стенать. Он понял, что сам сделался мишенью, и был вынужден спасаться бегством в свой шатёр, по пути получив несколько ран. В нём ещё теплилась жизнь, когда верные слуги уложили его на [крытые носилки] *хаудах* (*амари*)

313

и отправились в Сарангпур. Из благоразумия и осторожности они ехали так, что многие решили, будто он жив, и поэтому некоторые пристали к ним. Вскоре те верно действующие люди обрели приют в крепости города. И распространили добрые вести о прибытии, и забили в барабан радости. Порочные укрылись в уединении. Ещё более удивительно, что на той равнине, где не имелось никакой защиты, они не навредили ни его семье, ни имуществу, и [слуги] сумели добраться до безопасного места без приключений. Многие неблагодарные рабы золота решили, что дело исполнено, и простёрли руки, нацеливаясь на добычу. Когда разошлись слухи о том, что он жив, некоторые приняли меры, чтобы охранить [его] добро. Злодеи испугались и избрали путь скромности. Вскоре их настигла ярость правосудия, и [они] получили различные наказания. Основной причиной возмущения стало недостойное поведение слуг (*кулукчиан*) и несговорчивость и низость господина. Он без причины задерживал выплату жалованья солдатам[3] и оскорблял их грязными словами. Не
314 проявлял верность и праведность мышления. Как сердце могло не ожесточиться в таких обстоятельствах, а розовый куст благодарности не потерять листья?

Когда эти известия доставили к [высокому порогу], Его Величество вознёс мольбу о прощении сего странника в священных землях и взялся за дела той области. Он отрядил Шариф-хана собрать разбежавшихся и повелел, чтобы его сын Баз Бахадур явился из Гуджарата и оказал помощь, приказав остальным держателям наделов не пренебрегать его советами.

В эту пору ко Двору прибыл Шахбаз-хан, задачей которого являлось покарать спесивых в области Аджмир. Благодаря его энергичности и доброй службе Рана Партаб превратился в бродягу в пустыне, и для него наступили чёрные дни. Каждое утро он боялся, что настал его последний день, и истёр себе ноги, бегая в страхе. (Шахбаз-хан) также предпринял успешную атаку на пристанище Таджмала Сисодия. Многих негодяев убили, а дома их разграбили. Окрестности были очищены от злодеев и превращены в военный лагерь. Великий страх перед [Шахбаз-ханом] охватил всех злополучных. Когда в восточных областях взметнулась пыль смуты, за ним послали с целью отправить

его туда. 7 тира он изъявил почтение и получил снаряжение и духовные блага. В это время от восточной армии пришло донесение, в котором говорилось, что без Его Величества с бесчинствами удастся справиться нескоро. Хотя вещий ум ведал, что у того дерзкого мятежа не было закваски постоянства, и для него не требовалось ещё одно войско — и, тем паче, присутствие царских знамён, — однако, чтобы умиротворить слуг [падишаха] и из соображений осторожности, приказал отправить подкрепления. Они выступили 15-го числа. Бабуи Манкали, Салим-хан Сармур, Касим Бадахши, Султан Адам, Насиб Туркаман, Султан Кабир, Хаким Музаффар, Абд-ал-Каддус, Бахадур Али и множество иных сопровождали их со значительными денежными суммами.

Важным происшествием стало попадание флота неприятеля в руки храбрецов восточного войска. Высокомерие врагов возросло из-за их превосходства и малочисленности царских солдат, из-за того, что те оказались заперты в крепости, а также из-за двурушничества некоторых из них. Поскольку продовольствие для осаждённых доставлялось посуху и водным путём, Мирза Шараф-ад-дин Хусейн и Масум-хан двинулись по дороге на Патну и перекрыли наземный путь. Также они снарядили свой флот и решили отрезать все остальные пути снабжения. Когда пришли вести, что суда находятся в девяти *косах* от подлой шайки, Садик-хан, Улуг-хан, Накиб-хан, Бакир Сафарчи и другие доблестные спешно выступили посуху, в то время как Рай Патр Дас с несколькими отважными отправился по реке. Михтар-хан с отрядом выдвинулись к реке с задачей быстро переправиться на ту сторону. Умелые и энергичные мужи выступили ускоренным маршем и захватили около 300 судов, полных снаряжения. Так царёвы слуги значительно усилились, а враги вновь ушибли голову о камень погибели.

В это время Ходжа Шамс-ад-дин Хафи сбежал от бунтовщиков. Когда Музаффар-хан был убит, Масум-хан забрал Ходжу под присмотр, ибо подозревал, что у того имелись деньги. Не преуспев при помощи мягкости, передал его порочным, утратившим совесть людям, и тот чуть не умер под пытками. Благодаря доброй удаче Араб Бахадур, движимый старой дружбой, прибыл и взял его к себе под предлогом,

что убедит расстаться со своими богатствами. И сняв оковы с его ног, начал выхаживать. Ходжа воспользовался представившейся ему возможностью и бежал вместе с другими, [затем] примкнув к радже Санграму в Горакпуре. Из-за того что дороги были перекрыты и незанятых территорий оставалось мало, он не мог присоединиться к войску, однако постоянно тревожил противника. И беспрерывно нападал на их конвои и захватывал скот, когда его выпускали пастись. Вскоре Хасан Али Араб, Афак Дивана, Мир Хусейн Нишапури, Али Кули, Азиз и многие достойные мужи, примкнувшие к врагам по безнадёжности, объединились вокруг Ходжи. Набралось почти 1200 человек, а сонм неприятелей приуменьшился, и некоторые сбежали. Их [владения] сократились.

Тогда же заточили [в темницу] и Шах Мансура Дивана. Благодаря своему навыку в счёте и стремлению к выгоде (для правительства) он был поглощён [исключительно] военными делами и, отдав всё внимание лишь обязанностям визиря, возвёл требование в
316 принцип. [Но] визирь — тот, кто проницательностью и силой честности охраняет доходы, и в то же время наблюдает за слугами Господа (то есть мусульманами, но здесь, возможно, людьми вообще), и считает [истинным] путём середину меж снисходительностью и строгостью, между суровостью и мягкостью, и для которого жизнь с друзьями и врагами означает то же, что и срединный путь Истины. И не оставляет того, что соответствует времени и месту, и не считает накопление золота лучшим из занятий, но живёт с ясным челом, сладкой речью, мощным сердцем, благодарной душой и неизменной справедливостью. Он смыкает око зависти и открывает дверь широкой терпимости. Прикрывает лавку[4] придирчивости и мелочности и отвращается от людских делишек, связанных с деньгами. Быть может, благодаря этому благородному обыкновению племена рода людского сумеют выбраться из базара потерь и приобретений и обрести вечное блаженство в саду преданности. Также и счетоводу (*мастауфи*) найдётся иное занятие, кроме как заниматься крючкотворством и учинять смуту, собирать недоимки и поднимать подати. Ему надлежит оставить мотивы корысти и наблюдать за отделом счетоводства. Ходжа сошёл с истинного пути — обратился к увеличению податей. И не обращал внимания

на неурядицы той поры и смятение эпохи, но требовал уплаты недоимок. Раджа Тодар Мал доложил, что царские слуги участвуют в ожесточённой войне, и базар самопожертвования (*сирбази*, букв. «игры головой») оживился. Чиновники же правительства в подобной борьбе действовали без раздумий и без понимания момента, и закрыли мошну великодушия, и требовали уплаты податей, уже отменённых (?)[5]. Как можно назвать подобную дерзость? И к какой клике принадлежит человек, предъявивший чрезмерные требования? Праведный властитель лишил его поста и назначил на него Шах Кули-хан Махрама. В высокий сан визиря он возвёл Вазир-хана. Ратники в восточных областях подтянули пояса верности, узнав о сей великой милости, и выдвинули стопу отваги. Многие распрощались с неблагодарностью и изъявили повиновение. Пусть они так же вступят в неосквернённую обитель верности и отбросят погибельную для души порочность и злые мысли!

Следует упомянуть, что принц Даниял — жемчужина престола Халифата — был послан в Аджмир. Мудрый повелитель[6] в Мастерской исканий и просветления украшает дворец власти в соответствии с двумя путями поклонения. Во-первых, он, благодаря неослабевающему разуму, озаряет блеском истины благостный свиток своих деяний, а с помощью мудрости — сей хозяйки многоцветного обиталища (дворца верховной власти) и надзирателя рынков общественных отношений — контролирует собственный нрав. При таком почитании [Господа] нет места беспорядку. Но, поскольку правление в сем преходящем мире сделано покровом главенства в мире духовном, он не пренебрегает и тем, что поверхностные считают [собственно] почитанием Несравненного Божества, и из внимания к чувствам современников принимает в расчёт недостатки и достоинства его [этого пути]. Ибо все его мысли вращаются вокруг того, как оберечь простых людей от извилистых путей и ложных представлений и тем не допустить, чтобы прозрачность мира замутил туман недомыслия. Посещение пробуждённым сердцем усыпальниц с останками мужей он считает образчиком подобной ограниченности. Если цель сего — единение с духом святого, то близость или отдалённость не играют роли. Если же это делается для того, чтобы почтить истлевший прах, то это язычество и идолопоклонство.

В сию пору, когда возросло число почитателей духа и накопителей истины, и зрящих в суть вещей становилось всё больше, а недалёкие и поверхностные облеклись в одеяние истинного поклонения, мысль о необходимости подобного способа почитания (о посещении гробниц) стёрлась из разума Владыки Мира. Помимо того, в названной области (Аджмире) не оказалось никаких [насущных] задач управления, а в столице следовало выполнить несколько дел. По необходимости он оставил намерение (посетить Аджмир) и посвятил своё драгоценное время тому, что надлежало свершить. Однако поскольку та великолепная усыпальница (в Аджмире) давала возможность явить неистощимую щедрость, и многие нуждающиеся обретали желаемое благодаря ей, в его возвышенном уме родилась мысль, что один из отпрысков должен посетить то место и удовлетворить желания ожидающих. 19 амардада (30 июля 1580 г.) светоч небес удачи (принц Даниял) получил дозволение на поездку. Шейх Джамал, Мадху Сингх, Шейх Файзи, Джамал-хан и прочие приближённые отправились вместе с ним. 4 шахриюра он рассыпал подношения, и мир наполнился дарами.

Наряду с этим отправили Хаким-ал-Мулка[7] в Хиджаз. Его алчное сердце было [слишком] привязано к миру, и такая мысль не могла возникнуть у него. В качестве расплаты за шатания его отпустили. Средства, которыми сей пытался отвратить это, оказались бесполезны, и он отбыл 5 шахриюра (в августе 1580 г.) со всеми своими богатствами, окидывая оставляемое позади взглядом сожаления.

Великой радостью стало возвращение принца из Аджмира, который быстро достиг [святого] места и излил щедроты. Неимущие обрели радость. 8-го числа он изъявил почтение [Акбару].

В это же время ко Двору явился человек, не имевший ушей и [ушных] отверстий. Однако он превосходно слышал слова, обращённые к нему[8]. Видимо, певцы дворца судьбы доносят до смертных великолепие верховной власти, обручённой с вечностью, и чудотворная, растущая с каждым днём удача улучшает слух безухих сей эпохи!

Следует отметить «возрастание ноши» Итимад-хана Гуджарати. Его Величество давно желал наградить его за похвальное поведение во время первого завоевания Гуджарата. В сию пору, когда начертания благости и счастливое провозвестие появились на скрижали его чела,

Шахиншах, исполнитель желаний, явил свою милость — дал в качестве держания *саркар* Паттан. Ему была вверена забота о царских землях в Гуджарате. Тридцать слонов и сотню лошадей предоставили при отбытии, а в качестве советника послали с ним Мир Абу Тураба.

Тогда же произошло возвращение Юсуф-хана Чака на [пост] управителя Кашмира. Уже описывалось, какие бедствия он перенёс из-за порочности людей того края и как водительством доброй удачи прибыл ко Двору счастья. Сайид Мубарак достиг престола благовидностью и притягательностью зачинщика смуты. Ещё и двух месяцев не прошло, как мужи порочные и бесстыжие отправили его в тёмную келью и передали власть Лохар Чаку, двоюродному брату Юсуф-хана. Как только (Юсуф) изъявил почтение [Акбару], то был осыпан различными милостями и получил позволение направиться в Кашмир. Военачальникам Пенджаба велели дать ему в качестве сопровождения достойное войско. Кашмирцы пробудились от сна небрежения и возжелали поправить положение. В ужасе перед победоносными войсками они прибегли к мольбам. И впечатлили живописанием бед, которые принесёт прибытие [армии], и послали за ним [с просьбой], чтобы явился один. Прежде чем войска были подготовлены, а тайна раскрыта, он быстро отбыл, и его приняли в Барамгале несколько именитых мужей того края. Новый правитель узнал об этом и назначил Шамс Чака, Хайдар Чака и других добиться его выдачи. Те выступили в боевом порядке. (Юсуф) не чувствовал в себе силы к битве, и оставил свой путь, и отбыл в Сонпур[9]. Лохар Чак вышел против него с войсками. Поскольку цвет его воинов отбыл в иное место, Юсуф-хан воспользовался таким невыгодным положением и 28 абана (8 ноября 1580 г.) пересёк Бихат (Джелам или Витаста) и рассеял противостоящие силы без серьёзного сражения. Лохар Чак попал к нему в руки. Предусмотрительно лишив его света дня[10], и благодаря мощной помощи, полученной описанным образом, разлившиеся воды вновь вошли в своё русло[11], и он достиг правления Кашмиром.

В эту пору бесчестье постигло Чандар Сена, сына Малдео. Хотя скудоумный негодяй имел счастье облобызать порог, по причине близорукости и искажённой судьбы он утратил почтительность, как уже говорилось. Из страха перед миропокоряющим войском забился

в тёмный угол и выжидал возможность учинить смуту. Затем вышел из ущелий и поднял мятеж в некоторых владениях Аджмира. Было приказано, чтобы Пайанда Мухаммад-хан Могол, Сайид Хашим, Сайид Касим и иные держатели наделов из окрестных земель хранили зоркость и единодушие и наложили должное наказание на того буй-

ного молодца. Они исполнили приказ и обернули лик к исполнению задачи. Тот злополучный сошёлся с армией удачи лицом к лицу, и разгорелась яростная сеча. Его уделом стал тысячекратный ущерб, и [он] удалился в пустыню поражения.

Глава 53
Поражение мятежников в восточных провинциях

С тех пор, как те поднялись против победоносной армии, сорвали завесу и ступили на извилистый путь — как о том уже говорилось, ревнители славы каждый день выходили [из крепости] и стойко и отважно просветляли лики радости. Они утоптали пыль поля боя славой животворного самообладания. Дерзкие и пустые расплескали свою честь и, в воздаяние за [присущие им] дурные мысли, оказались в прахе бесчестья. Хотя Тарсун-хан, раджа Тодар Мал, Мухибб Али-хан и Масум-хан Фаранхуди соблюдали принципы военачальников и остерегались безрассудных вылазок, Садик-хан, Шейх Фарид, Улуг-хан и прочие пылкие бойцы принесли на базар новые жемчужины, и завязалась бойкая торговля, в ходе которой жизни давались и принимались. Мудрый повелитель зорко следил за чудесами Божественного провидения, и порой из безмерной любви и сострадания в нём поднималась жалость к невежеству и [переживаниям] заблудших, а иной раз [падишах] благодарил Господа за скорое возмездие злодеям и успехи праведного мышления, которое подсказало ему приобщение к Истине. Управляя царством духовным, нередко предоставлял этой шайке свободу действий и, нимало не отклоняясь от своей цели, не занимал ум тем, чтобы поправить дела. Однако, поскольку Несравненное Божество возложило на плечи таланта сего неповторимого [мужа] эпохи украшение внешнего мира, он, по необходимости, уделил некоторое внимание тому, чтобы развеять пыль смуты. Вслед за первым послал ещё одно войско под началом стойких верных, передал также немалые средства и тем вдохнул новые силы в

людские сердца. [Шахиншах] постоянно отправлял избранных слуг при Дворе: Пешрау-хана, Джамила, Салиха, Зайн-ад-дина[1] и Тар Чанда — на сменных лошадях и так поддерживал доблесть и энергичность. Влага могущественной удачи остудила пыл врага, а потоп погибели нарушил сплочённость тех безголовых и безногих. В продолжение двух месяцев, с тех пор как недостойные мятежники подошли и обложили крепость, их положение с каждым днём ухудшалось. Хотя Хан Азим, Шахбаз-хан и прочие военачальники не прибыли, однако бунтовщики были встревожены известиями о приближении [тех], и их позиция утратила преимущество. Предусмотрительные и дальновидные, отклонившие
320 генеральное сражение, решили выйти из крепости, и принести на базар жемчужину отваги, и украсить поле боя деяниями доблести. Прознав об этом, гнусные и пустоголовые мятежники 15 амардада (25 июля 1580 г.) начали отход, чтобы уйти в пустыню скитаний. Некоторые из победоносных войск решили, что это уловка с целью придать [осаждённым] храбрости и спровоцировать выйти. Им было невдомёк, что враг [уже] утратил мощь и спешит уйти, чтобы схорониться в безопасности к прибытию царских сил. Хотя дальновидные в лагере знали истину, однако из осторожности не выставили стопу за стену. На следующий день после долгих споров они [всё же] вышли из укреплений. Мухибб Али-хан, Михр Али-хан и иные отважные бойцы входили в передовой отряд. Из-за недостатка сведений и по осмотрительности они двигались нерешительно (букв. «с двумя умами»). Наконец, находившийся в горах и искавший возможности примкнуть к ним Ходжа Шамс-ад-дин прибыл с 1200 конницы и донёс о смятении неприятеля. Плачевное положение врага стало очевидным всему войску, и ими [воинами] овладело иное опасение[2]. Невзирая на избыток дурных мыслей, недостаток чутья и оживление базара двуличия, Небесная помощь просветлила их лик. Когда о блеске и мастерстве царёвых военачальников и благочестивых слуг было поведано высочайшему слуху, он возблагодарил Господа и радость соединил с преданностью.

Итак, раз повествование дошло до сего, необходимо, чтобы перо сообщило и о состоянии Бенгалии, дабы книга напутствий для искателей завершилась.

СОБЫТИЯ В ТОЙ СТРАНЕ

Когда труды вершителей подделок проверили, и неточность их весов обнаружилась, те злополучные приняли бездну собственного падения за вершину подъёма. Некоторые остались в той стране и кончили вечной погибелью, а многие, как уже говорилось, поспешили к полю смертельной битвы. Кийя-хан[3] в Ориссе, Мурад-хан в Фатхабаде и Мир Ниджат-хан в Сатгаоне на языке имели слова о доброй службе, но не сделали ни шага из широких просторов речи к чистому месту действия. Прежде чем покров его чести был разорван, Мурад-хан умер естественной смертью. Мукунд, землевладелец в той части страны, пригласил в гости его сыновей, и умертвил их, и наложил руку на его имущество. Кийя-хан окончил дни в бедствиях, ибо ядовитые травы смерти ему смешали с глотком жизни[4]. Землевладельцы тех краёв одержали верх. Катлу выступил против Мир Ниджата, давшего неудачный бой в Селимабаде и бежавшего под защиту Партаб Бара Феринги[5]. Эпоха дала двуличным урок при помощи наказания и подобающего воздаяния. Примерно в это время Бабаи Какшала настигла злая болезнь, однако, несмотря на своё опасное состояние, он отправил Хамзабана на помощь (*бар су*) Мир Ниджату. На полпути тот узнал 321
об успехе Катлу и поспешил туда. Близ Мангалкота[6] вступил в сражение с Катлу. И был разгромлен, и со стёртыми ногами отправился в пустыню погибели. Баба приготовился отомстить, и Катлу явился с речами оправдания и хитростями. Поскольку управители судьбы обрушивают одно несчастье за другим на тех, кто неверен вечной власти, болезнь этого зачинщика смуты и главы семьи бунта окончилась страданиями неизлечимого рака[7]. Каждый день в его раны вкладывали два *сира* мяса, чтобы накормить личинки (*джанваран*). Очнувшись от долгого сна небрежения и опьянения, [тот несчастный] постоянно повторял: «Моя порочность и вероломство [которыми я пронизан] до мозга костей довели меня до такого ужасного состояния». Бихарские мятежники разбрелись, узнав про его смертельную болезнь. Мирза Шараф-ад-дин Хусейн и Джаббари вместе с другими злодеями направились в Бенгалию. Масум-хан Кабули с кучкой злосчастных под руководством *заминдара* Гидхаура двинулся в Бихар. Араб Бахадур

и Нурам, сын Тархана, вкупе с несколькими иными принялись чинить разбой. Вскоре их репутацию уничтожило могущество удачи. Чаудхри Кишна[8] доставил деньги для помощи удачливым (царёвым слугам). Араб, Нурам и другие заспешили, решив наложить на них руку, однако тот (Кишна) сделал искусный рывок и добрался до крепости Патна. Те окружили цитадель, а Бахадур-хан храбро её оборонял. Когда военачальники, молившиеся о победе и неторопливо двигавшиеся вслед за неприятелем, получили эти известия, то оставили путь Масум-хана и направились в Патну. Они согласились, что основные силы должны двигаться переход за переходом по обычным правилам, а некоторое число энергичных воинов устремится вперёд. Масум-хан Фаранхуди попросил об этой службе. Раджа Тодар Мал, печалясь о его дурных умыслах, позволил ему, но из прозорливости велел Мухибб Али-хану и Михр Али-хану следовать за ним с отрядом верных. В тот момент, когда бунтовщики захватили внешние крепостные укрепления[9], и положение гарнизона стало критическим, подоспели названные и раскрыли ладонь смелости. После недолгого сопротивления мятежников разбили, и Божьей помощью ни с крепостью, ни с деньгами ничего не случилось. Хотя Масум-хан исполнил добрую службу, однако, питая злобные помыслы, порицаемые верными, отправился в Джаунпур. На пути отнял Хаджипур у слуг Бахадура[10]. В день, когда удача отвернула свой лик, а царские силы были вовлечены в жаркое сражение, тот злокозненный вышел из Тирхута и завладел многими селениями. С этого времени *саркар* Хаджипур находился в его власти.

Глава 54

Масум-хан Кабули совершает ночное нападение и терпит поражение

322

Когда беспорядки, учинённые Араб Бахадуром, были подавлены, победоносное войско выступило из Сераи Рани[1] в Бихар, дабы уладить дело с Масум-ханом Кабули и очистить сад тех земель от сорняков и мусора мятежа. Из-за постоянной облачности и дождей им пришлось сделать привал на берегу Пун-пун. Когда погода наладилась, путь по дороге служения продолжился. Мятежник покинул Бихар и направился к подножиям горной страны[2]. 15 михра (конец сентября 1580 г.) войско подошло к городу Гайа. На рассвете враг снялся со стоянки и стал лагерем у процветающего города Бахиры[3]. На следующий день царские силы прошли четыре *коса* и сделали привал. Из-за большого количества осадков лагерь оказалось невозможно разбить. Стремительность воюющих и малочисленность противника привели к неосторожности. Смутьян находился всего в двух *фарсангах*. Хотя постоянно долетали слухи о его злодейских замыслах, а опытные мужи говорили о том, что надо держать войско наготове, всё было тщетно. Однако раджа Тодар Мал в [принадлежащих ему] владениях и Садик Али в своих не потеряли нить дальновидности и приготовились к битве. В ту ночь дозор нёс Улуг-хан Хабши с [преданными ему] людьми. Предводитель заснул на ложе небрежения, но велел дремлющим слугам быть на страже! Лишённый прежде мужества неприятель воодушевился, увидев несвоевременную осторожность царских слуг и их медленное продвижение, и собрался напасть. Поскольку они не нашли в себе сил биться днём, то решили повести себя как совы и

напасть в сумраке ночи. По прошествии одной смены караула атаковали [крупными] силами. И нанесли поражение нерадивому авангарду, а Мах Бека и некоторых абиссинцев убили. Их самонадеянность возросла, и они наложили руки на царский лагерь, так что бурная лавина достигла покоев Садик-хана. Тот стойко держался и храбро бился; думавшие о чести герои не пожалели своих жизней.

Не двумя ратями их назову — двумя горами Каф.
Стояли строем на поле брани.
Был бой так жарок,
Что мечи стальные камень размягчали.

В это время, когда ситуация [складывалась положительно], а лик поражения [казался] так далёк, *фауджда*р Камал-хан привёл двух резвых как ветер слонов и прославил сражение. Злодеи пришли в замешательство, и победой повеяло на розовый куст надежд верноподданных. Бутоны поля брани раскрылись, орошённые неунывающими воинами. Великие подвиги совершили храбрецы и подпирающие небеса слоны.
323 Стрелы, попадавшие в животных, лишь воодушевляли их на действие и укрепляли дух. Они сбрасывали хоботами вражеских всадников. Восемьдесят две стрелы попали в одного слона и пятьдесят пять — в другого. Множество царских воинов оказались ранены, но благодаря Божественной защите никто не получил смертельных повреждений. При содействии небес великая победа явила свой лик. Если бы узость их усилий несколько расширилась, и они довели бы дело до конца, для противника это явилось бы последним небесным круговоротом. Но земля была залита водой, а дороги проходили через [дремучие] джунгли. Победоносные войска стояли начеку до утра. Когда солнце овладело землёй, то вышли из лагеря и сделали привал у города Бахира, и хотя знали, что неприятель находится в трёх *косах*, не стали преследовать его.

В эту пору к войску присоединился Хан Азим. Поскольку Несравненный Господь умножает удачу Властелина Мира, крупный мятеж стих прежде, чем войска соединились. Каждодневный рост власти отразился и на великом, и на низком. Причиной опоздания

Кокалташа стало то, что после перехода через Чаузу его задержал бунт Далпата Уджайния. Недальновидные соратники преувеличили его возможности, и он, прислушавшись к ним, решил наказать самонадеянного негодяя. Примерно тогда же прибыл Шахбаз-хан, и Хан Азим также вернулся и доложил о необходимости наказать землевладельца. Поскольку небесные распорядители были заняты явлением чудес умножающейся с каждым днём удачи[4], планы царских слуг не увенчались успехом, и результаты их усилий уменьшились вследствие выполнения этой части работы. Джагдеспур, резиденцию мятежника, разграбили. Леса, где находилось много болот, оказались на руку бунтарям. Царские войска стали там лагерем и являли доблесть ежедневными схватками. Тем временем болтуны вызвали разногласия между Ханом Азимом и Шахбаз-ханом, и свет согласия помутнел. Кокалташ отдёрнул руку от выполнения задачи и отвёл войска, и 18-го числа, через день после ночной атаки, прибыл в лагерь, и события озарились новой славой.

Ещё одно событие — смерть Саадат Али-хана. Араб Бахадур и кое-кто из мятежников выступили против Шахбаз-хана. Военачальники из предосторожности отправили туда Саадат Али-хана, Камар-хана, Пайанда и Рустама с вспомогательными [силами]. Когда те прибыли, враг разбежался. Шахбаз-хан расставил тут и там войска, чтобы за- 324
щитить земли, и поручил крепость Кант[5], подвластную Рохтасу территорию, Саадат Али-хану, Пайанда, Рустаму и землевладельцу Руп Нараину. Араб и Далпат воспользовались возможностью и совершили нападение. Произошло большое [кровопролитное] сражение. Они не могли уберечь цитадель, но сберегли честь и отдали жизни достойным образом. Хотя Саадат Али-хан в начале восстания являлся зачинщиком смуты, всё же провёл последние дни [на тропе] преданности. Араб по своей испорченной природе выпил из него кровь, замарал ею чело и прославил злодейство.

Тогда же множество мятежников покинули провинцию Бихар. Когда Хан Азим присоединился к войску удачи, все возрадовались. Злодеи [перестали думать] о битве и поспешили ни с чем в Бенгалию, хотя, вследствие недостойных мыслей ряда людей, их не стали преследовать и не направили туда войска, дабы неблагодарные опалили свои

крылья и перья и получили по заслугам за [совершённые] прегрешения. Однако были предприняты надлежащие шаги для наведения порядка в Бихаре, и в землях этих воцарился глубокий мир. 20-го числа Мухибб Али-хана отослали и, благодаря его бдительности, управление страной забрали у Шахр Бахира и передали Рохтасу. Сайид Музаффар и Мир Масум[6] из Бхаккара вместе со слугами сопровождали его. В тот день войско стало лагерем в Гайа, в окрестностях Раджгарха. Дост Мухаммад Баба Дост[7] — по своей злой судьбе вступивший в сговор со смутьянами — благодаря счастливой звезде устыдился, и раскаялся, и присоединился к ним с двумя сотнями воинов. Когда победоносное войско подошло к Гиаспуру, доставили известия, что Араб потерпел поражение от Шахбаз-хана, и движется в провинцию Сарангпур[8], и притесняет слабых. Таким образом, Шахам-хана и людей, владевших землями в той части, направили наказать его. Гази-хан Бадахши остался с отрядом воинов в Бихаре[9]. Когда доложили о бунте Масум-хана Фаранхуди, Тарсун-хану велели ехать в Джаунпур. Садик-хан, Шейх Фарид Бухари, Улуг-хан Хабши, Тайиб-хан и другие были отосланы в Монгхир, дабы очистить страну от мятежников и даровать крестьянам мир. Хан Азим, раджа Тодар Мал и другие направились в Патну и Хаджипур. Тем временем Шахбаз-хан, пре-
325 жде чем к нему присоединились военачальники, открыл собственную лавку. Бросившись в погоню за Далпатом и Арабом и отбив Хаджипур у слуг Бахадура, возгордился и преисполнился самоуверенности. Когда Масум-хан Фаранхуди отправился в Джаунпур, Бахадур начал действовать и захватил город (Хаджипур). Если бы у него не помутился рассудок, он бы присоединился к царским слугам и действовал с ними сообща. И совместно выполнили бы задачу. Успех, что при чистоте души сопровождается скромностью и смирением, возымел в его случае обратное действие и заставил совершить враждебные [выпады]. Прежде всего, он не сдал сразу Хаджипур, который по указу высочайшего Двора передали Кокалташу. А отдал его лишь благодаря здравому смыслу и умениям раджи Тодар Мала. Хан Азим и раджа отправились в Хаджипур, а Шахбаз-хан остался в Патне. Первые повели свои дни в заботах (*сиргирани*) и действовали посредством уговоров[10] (*ашуфароши*), в то время как новоявленный безумец при-

нялся украшать собственную лавку[11] и улаживать дела. Поскольку он раздавал титулы и земельные владения, многие военачальники стали на его сторону. Хан Азим испытывал ненависть ко всему, а раджа выжидал[12]. Все дела провинции передали Шахбаз-хану. Несмотря на то что разумные мужи пытались вмешаться, нить единства оказалось невозможно сдвоить[13], а тропу примирения — проторить. Хотя те заявили, что благодаря невиданным проявлениям судьбы царские войска разделились на две части и погрязли в собственных желаниях, сойдя с пути согласия, и теперь крайне необходимо, чтобы одна часть взяла на себя заботу о Бенгалии, а другая занялась охраной земель от Бихара до столицы, всё же эгоизм затуманил взор поиска истины, здравый смысл оказался недоступен, а внушения не возымели силы, и Хан Азим и раджа с рядом военных мужей отправились в Тирхут. Они сказали, что уезжают, дабы уничтожить Бахадура, на деле же просто хотели уйти от Шахбаз-хана. Проехав какое-то расстояние, отправили вперёд Гази-хана. Мятежник (Бахадур) приготовился к битве и потерпел поражение, а его имущество и семья оказались в плену. Шахбаз-хан ушёл с большими силами в Джаунпур. Хотя тоже желал лишь отделиться и освободиться от ежедневных споров, всё-таки назвал причиной ухода желание привлечь Масум-хана Фаранхуди на службу.

В это же время покинул мир Шараф-ад-дин Хусейн мирза. Невзирая на упрямство военачальников победоносной рати чудесная удача (Акбара) явила свой лик. Когда Масум-хан Кабули бежал в Бенгалию, между ним и мирзой возникли разногласия, и они затаили друг против друга обиду. Мирза возгордился из-за богатой добычи и 326
вследствие льстивых речей. Сей лис (Масум) прибегнул к обману и сладким речам, решив отравить его. У мирзы был мальчик-индиец, которого он, по причине привязанности ко всему земному и по жалкой человеческой природе, любил. Масум подкупил его, и тот подмешал яд (*хашхаш*) в опиум мирзы. Вскоре тот умер, и земля избавилась от причиняемого им беспокойства.

Ушёл из жизни и Дастам-хан[14]. За год до этого его отправили усмирять смутьянов и оказать поддержку угнетённым в провинции Аджмир, и он выполнил порученное с рвением и преданностью. Тем

временем Укла, сын Бхалбхадра, Мохан, Сур Дас и Тилукси, сыновья брата раджи Бихари Мала, прибыли туда из Пенджаба без разрешения и учинили смуту в родном городе Луни[15]. Сей превосходный (*фарохида*) муж из уважения к Качвахам попытался решить проблему миром. Так же, как грубый напильник используют для необработанных предметов (*ангара*), а гладкий — для отполированных поверхностей, так мягкость и умиротворение не [воздействовали на] этих смутьянов, а лишь умножили их злобность и дали новую голову их упрямству. Тут Адам Таджбанд привёз приказ от Двора, который гласил, что Дастам-хан должен указать им путь (к подчинению), а если они не прислушаются — наказать. Тот, не составив плана действий, слишком поспешил. Не собрав войска, отправился в их логово. 10 абана столкнулся с врагом в селении Тхори и дал бой. Мохан Дас, Сур Дас и Тилукси атаковали авангард, которым командовал Мискин Али. Даже упав с коня, поднялся и храбро бился. Дастам-хан, увидев это, послал вперёд своих людей. Произошло горячее сражение. Мохан Дас и Сур Дас были убиты, а Тилукси пал на другом краю поля битвы. Укла, их главарь, укрылся в просяном поле (*джавар*) и ждал подходящего момента. Внезапно выскочив из засады с криком «Дастам-хан», бросился на поле брани. И сражался, не обращая внимания на малочисленность своих людей. Негодяй серьёзно ранил Дастам-хана копьём, но тот, несмотря на опасное повреждение, убил его мечом, после чего сам упал без сознания на землю. Тогда же к нему подошли его люди и посадили на коня. Поскольку схватка [становилась всё яростнее], он ничего не сказал о своём ранении, а лишь
327 воодушевил людей. Те вернулись к битве и многих убили. Оставшиеся неприятели разбежались, а дома мятежников оказались разграблены. Благодаря умножающейся с каждым днём удаче была одержана великая победа. Когда закончился бой, [обосновали] лагерь неподалёку. На следующий день, по дороге назад, [Дастам-хан] умер в городе Шерпур. Отдав жизнь на доброе служение, [славившийся] преданностью и храбростью взамен на короткое бытие обрёл вечное имя. Властелин земли сокрушался какое-то время, но, будучи господином духовного мира, вернулся в сад умиротворения. Добрыми деяниями и ласковыми речами утешая убитую горем мать его, сказал: «С

самой колыбели своего существования (лишь) три года я провёл без него, и за этим исключением он всегда занимал место в преддверии нашей милости. [Честно] выполнял свои обязанности и понимал мои намерения (или, возможно, стремления людей). Все знают, что пребывающая в уединении благородная [женщина] многие годы провела без него. Представляется, что его утрата тяжелее для нас, и именно ей надлежит нас утешать». И произнёс ещё много прочувствованных слов. Да охранит его Несравненный Аллах на троне, и дарует успех как в духовном, так и в земном мирах. Он осыпал множеством милостей всех выживших, а опечаленным даровал радость. Отправив Мирзу-хана управлять землями, передал ему Рантханбхор в качестве земельного владения. Множеством драгоценных камней в виде советов украсил и уши его разума.

Той же порой царской милостью был возвышен и Ходжа Шах Мансур. Уже сообщалось, как его лишили должности визиря и отправили в застенки обучения. Поскольку в написании отчётов и требованиях задолженностей не оказалось никакой вины Ходжи, кроме идеи об увеличении доходов и неспособности прочувствовать ситуацию, его снова возвысили высокой должностью, и жемчужина его понимания отполировалась добрыми советами.

Тогда же произошло и отправление Визир-хана (Вазир-хана) в Аудх. Поскольку провинция осталась без великого военачальника, [Повелитель Века] велел оказать крестьянам и войску помощь. Он отправился в путь в конце месяца, и много избранных слуг и воинов сопровождали его.

Ниябат-хан также получил по заслугам. Сей низкий человек, являвшийся сыном Мир Хашима из Нишапура, носил имя Араб. С 328
самого детства воспитывался на службе при царском Дворе и был удостоен великого доверия. Какое-то время управлял [высочайшими владениями]. Счетоводы предъявили ему обвинения в недостаче, и сей раб золота предпочёл неверность служению и собственными силами вырыл себе могилу. Он протянул руку смуты и осадил город Кара. Ильяс-хан Ланка с несколькими слугами Исмаил Кули-хана дал бой и храбро испил последнюю каплю. Многие не могли поверить в его бесстыдство, а некоторые возрадовались. Услышав об этом, Его Вели-

чество 3 азара отправил туда Исмаил Кули-хана, Абд-ал-Мутталиба, Султан Джамала, Бахтияра и других преданных слуг. Вазир-хан и прочие военачальники провинции получили приказ действовать сообща и наказать его. Когда войско подошло ближе и протянуло руку превосходящей силы, сей глупец усилил несколько крепостей и отступил в Араил. Вазир-хан и иные храбрецы решили захватить [цитадель], но сначала принялись за Илахабас (Аллахабад). Исмаил Кули-хан с людьми погнались за Ниябат-ханом, и около реки Кантит[16] Мутталиб-хан и Шейх Джамал, прибывшие туда прежде остальных, украсили поле брани. Со всех сторон бились храбрецы, приобретая за свои жизни бесценный товар чести. Друзья и враги прославили ратную силу друг друга.

Сначала стрелами со всех сторон
Они волосок разделили на сотни частей.
Когда наскучили им разрывающие латы стрелы,
Вынули из ножен свои мечи.

Победоносному войску грозило поражение, но внезапно прибыл Исмаил Кули-хан с опытными храбрецами, и огненный вихрь битвы вновь разгорелся. С Божьей помощью ситуация изменилась, и последовала [блестящая] победа. Сонмище врагов пало, и смутьян проторил себе дорогу в пустыню неудачи и оказался в углу позора. Много добычи досталось победителям, в том числе и дома бунтовщика.

Знаменательным событием стало (явление) физической мощи Властелина Мира. Он приказал, чтобы каждый день прославленные борцы[17] состязались в его Присутствии. Это доставляло удовольствие [всем участникам ристалища]. Однажды бились Джаг Собха и Хайбат
329 Тахамтан и удивили зрителей. Хайбат, который был [очень] силён, нарушил правила борьбы и словно демон продемонстрировал мощь, оторвав пальцы противника. Поскольку для священной личности царей прежде всего [характерно] свершение правосудия, Властелин Мира [нанёс молниеносный удар царственной дланью по] лицу этого негодяя, который тут же упал без сознания. Сильные телом изумились, внимание же поверхностных задержалось лишь на [происшедшем перед ними].

Глава 55

Масум-хан Фаранхуди срывает завесу почтительности и пятнает себя пылью неудач

Как уже сообщалось, негодяй в своей заносчивости покинул войско удачи, выступив против судьбы. Прибыв в Джаунпур, начал строить коварные планы. Подобные насекомым существа и рабы золота собрались вокруг отравленного мёда. Хотя долгое время прежнее смутьянство сочилось из его поведения, а речи были наполнены враждебностью, всё же в день, когда учинённые мятежниками беспорядки в Бенгалии и Бихаре улеглись, а их силы оказались разрозненны, и пришло время ему свить завесу над своими злодеяниями, он, из врождённой порочности и одержимости, совсем разрушил основы стыда и отправился в печальную обитель неудач! Если приходит время воздаяния, человека лишают здравого смысла, а взор затуманивают. Советы не проясняют его зрение, и он принимает утраты за приобретения, а достойное за плохое! Произошедшее с этим смутьяном — яркий тому пример. Умножение вечной удачи (Акбара) и потери мятежников вместе с донесением о приближении к Пенджабу Хаким [Мухаммад] мирзы и решением Его Величества отправиться туда же вызвали в нём неблагодарность и заносчивость, проявившиеся как в глубине души, так и в открытых действиях. Долгое время при Дворе не могли поверить в его преступления. Как мог тот, чьё чело [не раз] осыпалось множеством милостей, оказаться причиной таких неприятностей? Как разум, впитавший столько истины, мог наполниться дымом обмана? Но когда отворачивается удача, лампа мудрости тускнеет, спасение ищется в небытии, а покой — в

проигрыше. Былые обязательства помещаются в долгий ящик забвения. Вес желаний и невесомость гнева сбрасывают человека прямиком в
330 тёмное ущелье неудач.

Там, где вожделение оставляет свой след,
В радостную палату жизни входит хаос,
Когда желание переполняет сердце,
Не остаётся места преданности.

Когда [предстала миру] череда примеров его злодейств, [Повелитель Века] в силу [присущего ему] благородного милосердия решил отправить благоразумных людей привести его в обитель блага, дабы тот либо присоединился к войску, либо повернулся челом подчинения ко Двору. Но советы лишь усугубили безумие, а его извинения обратились в средства для разжигания смуты. Поскольку в характере Его Величества [всегда] действовать обдуманно, прозвучал приказ, гласивший: если Масум не выполнит одного из двух вышеупомянутых действий, то должен покинуть Джаунпур и отправиться в Аудх, считать последний своим земельным владением и управлять им. Несчастный решил, что спасён, и поспешил в провинцию. Казалось, он подчинился приказу, на деле же воспользовался возможностью подготовиться к мятежу. Хотя царские слуги доложили о ряде его преступлений, к ним не прислушались, ибо был объявлен день милосердия. Шагун Каравала и некоторых приближённых направили разузнать о его положении, потому как много благонамеренных людей подвергались подозрениям по причине недосмотра правителей и недоброжелательности и своекорыстия их слуг, в результате чего теряли репутацию и жизни. (Слуги) превратили ситуацию в средство для продажи собственного товара и открыли другой рынок.

Посланцы, из-за недостатка мудрости и безмерной жадности, представили злобного продавца лжи преданным и услужливым и сообщили, что он пребывает в нерешительности из-за клеветнических доносов, но если к нему пришлют одного-двух великодушных придворных и успокоят, тот прибудет ко Двору и преподнесёт тысячи даров смирения. Властелин Мира по собственной благородной натуре

поверил в эти заявления и направил выполнить эту службу Шах Кули-хан Махрама и раджу Бирбара. Находясь уже неподалёку, они из дальновидности послали сперва примиренческое письмо, в котором содержались известия о милосердии Его Величества. Но этот человек, чья удача уснула, вышел из-за завесы уважения и ответил им неподобающе. Понимая, что положение не исправить, те вернулись назад. Прежде чем они прибыли ко Двору, приехал Шахбаз-хан с войском удачи и усмирил пыль смуты. Зазнавшийся негодяй стал бродягой в пустыне поражения. Каждый, кому Несравненный Аллах дарует умножающее разум благо, обретает долгую жизнь и счастье, а те, кто желает ему зла, пятнает себя пылью поражения. Следующий древним заветам или ведущий разумную беседу со стражами 331
речи — украшателями библиотеки сердца — поймёт сказанное. Это можно также осознать, открыв глаза просвещённости и изучив чистым разумом отдельные страницы летописи Властелина Мира. Яркий тому пример — обстоятельства падения вышеназванного смутьяна. Вследствие разрушения отдела мастерства, отсутствия просвещённого посредника, изобилия сеющих смуту лжемудрецов, дружбы с льстецами и пристрастности к окружающим военачальники победоносной рати не смогли задать пир согласия. Зачем я это говорю? Не было в наличии даже такта, столь необходимого в обществе и государстве. Процветание царских подданных [происходило] без какого-либо из вышеперечисленных принципов! Хан Азим и раджа Тодар Мал отправились в Тирхут, а Шахбаз-хан поспешил в Джаунпур. Завоевание Бенгалии и преследование мятежников оказались за занавесом задержки. Из-за приумножающейся с каждым днём удачи, то, что послужило причиной потери престижа, обратилось в средство обретения победы (*бахрузи*) и благополучия. Когда Шахбаз-хан подошёл к городу Бихия[1], сообщили, что Араб Бахадур потерпел поражение от людей Тарсун-хана и теперь находится недалеко, притесняя слабых. Расторопные воины получили приказ и надлежащим образом наказали его. Оттуда он отправился в Джагдеспур, чтобы [покарать] мятежников в тех землях. В это время стало понятно, что Масум-хан сбился с пути, и за его спиной стоят Ниябат-хан и Араб. Он был вынужден поспешить в Аудх, а также отправил мудрое письмо (Масуму) с про-

ницательным гонцом. В нём говорилось, что тот должен арестовать Араба, Ниябат-хана и Шах Дана, и прибыть с ними ко Двору, или же выехать вперёд, дабы были сорваны покровы с его действий, а злодеяния обратились в добрые дела. Поскольку светоч его мудрости угас, а удача отвернулась от него, он решил, что это всё обман, и ещё больше погряз в своей глупости. Переправил семью и имущество через Сару (Сарджу) в другую область и приготовился к войне в союзе с безумными тюрками[2]. Шахбаз-хан также вёл приготовления к битве. Сам расположился в центре, Тарсун-хан — на правом фланге, Михтар-хан, Пахар-хан, Сайид Абд-ал-лах-хан и Камар-хан — на левом. Михр Али-хан Силдуз, Дживан-хан Кока, Мир Абу-л Касим и Мир Абу-л Маали выстроились в авангарде. Муфахар Мухаммад с отрядом опытных воинов остались в резерве. Дальновидный враг выбрал сложную позицию. Араб командовал правым крылом, Шах Дан и Абди — левым. Мухаммад Кули Тукбай с отрядом неудачни-
332 ков находились в авангарде. Ниябат-хан занял позицию в *алтамыше*. Сам же (Масум) остался в засаде.

13 бахмана (22 января 1581 г.), по прошествии одной дневной смены караула, произошло сражение близ Султанпура Билахри[3], в 25 *косах* от Авадха (города Айодхья или Файзабад).

[Четверостишие, не переведённое Г. Бевериджем.]

Авангард победоносной рати ринулся в бой, его поддержал *алтамыш*, и враг потерпел поражение. Мухаммад Кули отправился в обитель уничтожения и запятнал своё имя бесчестьем. Ратники правого фланга великими усилиями также оттеснили неприятеля. В это время Масум-хан приблизился к центру (Шахбаза) и поднял пыль сражения. Шахбаз-хан пал духом и бежал. Узнав об этом, отступило и правое крыло. Благодаря чудесной помощи украшателей судьбы (таинственным помощникам Акбара), кто-то закричал, что Масум-хан убит, и надежды противника оказались разбиты. Отъехав на какое-то расстояние, безмозглый (Масум) вернулся на поле боя. Он не увидел там и следа своих людей и погрузился в пучину недоумения. Внезапно появилось войско и выстроилось в боевом порядке. Сбитый с толку, он решил, что это его люди, и двинулся в их направлении. Выяснилось, что это левый фланг победоносной армии. Его смятение и отчаяние возросли. Поначалу

бой шёл в низине, где росло много деревьев. Когда враг был обращён в бегство, войска принялись за разграбление лагеря[4]. Клан Бакготи, прикреплённый к войску (левому царскому флангу), также принял участие в грабеже. Подобно наводнению смели они обитель злополучных злодеев. Грабители прибыли к полю битвы, когда туда явился мятежник. Хотя его люди сообщили ему, что эти воины (левый фланг) не знали о положении Шахбаз-хана, и лучше немного обождать, ибо, когда всё станет известно, они сами разбегутся, он к ним не прислушался и продолжил атаку, потерпел неудачу и был ранен. И повернул поводья к высокогорью, которое на деле оказалось низиной. Хотя победа была одержана благодаря усердию служителей удачи, всё же у них не хватило сил предпринять несколько шагов и схватить негодяя. Несчастный прочёл стихи отчаяния и ушёл к себе в лагерь. Но, не обнаружив его следа, погрузился в печаль. С помутнённым разумом и в жалком состоянии отправился он в Авадх. Победоносный левый фланг узнал, что остатки войск отступили, и стал лагерем близ Акбарпура[5], в 12 *косах* от Авадха. Они направили быстроногих вестников сообщить о победе Шахбаз-хану и другим предводителям. Шахбаз-хан, всполошившись, повернул поводья к Джаунпуру, что в 30 *косах* от поля битвы. Правый фланг и авангард разбили лагерь в Сурхирпуре, в 12 *косах* от поля битвы. Исключительно благодаря удаче Его Величества столь грандиозное поражение[6] [постигло] врага. Как предводитель победоносной рати удостоился всемирного вина, так и боль скорби обрушилась на него [Масума]. 21-го числа небесные новости доставили [Владыке Мира], и он возблагодарил Аллаха. Достойных слуг вознаградили разнообразными милостями. Бальзам в изобилии был приложен к глазам, и ясность зрения озарилась новым светом.

333

Шахиншах также уделил особое внимание делам духовным. Он постоянно помнил о мире блаженства и внимательно изучал деяния предков. Все его силы направлялись на подавление мятежной ереси и искоренение тумана споров. В священном храме его чела — символе тайных Божественных палат — он сожалел о религиозных разногласиях и искал способа угодить Господу. И отошёл в сторону от лживости разрушающих религию обманщиков и лицемеров. Сердце и язык уникального мужа мироздания всегда пребывало в молитве.

О Аллах, укажи путь к Тебе,
Яви славу пленяющей душу красоты,
Начертай на сердце буквы, достойные прочтения,
Покажи достойную лицезрения картину.

25 [бахмана] он сорвал покров с множества сокрытых истин и представил правду в зал действительности, произнеся чудодейственные слова: «Если необходима передышка и нужно убедить всякого, что исполнение Божьей воли — непреложная обязанность каждого, как же сделать так, чтобы благодарность была достаточной? Где взять силы для прославления? Лишь действуя в соответствии с заветами мудрецов прошлого: «Если всего нельзя выполнить, не стоит сдаваться», — и нам думается, что мы и все вокруг нас могут делать что-то в пределах своих возможностей и считать это средством обретения блага. Следовательно, нам кажется, что коли наши предки установили двенадцатилетний цикл, каждый год можно совершать по одному хорошему действию: (1) В год Сиккан[7] [Сиджкан — год Мыши] нельзя причинять вред мышам. (2) В год Уд [Быка] следует приложить усилия для разведения быков, и их следует преподнести земледельцам. (3) В год Парс [Леопарда] надлежит воздержаться от ловли и охоты на леопардов. (4) В год Тавишкан [Зайца] не следует охотиться на зайцев
334 и есть их. (5) В год Лойи [Дракона] надлежит следовать тому же правилу в отношении рыбы. (6) В год Йилан [Змеи] нельзя причинять вред змеям. (7) В год Юнт [Лошади] не следует убивать или есть лошадей, а также стоит преподносить их в дар. (8) В год Ку [Овцы] — то же в отношении овец. (9) В год Мукун[8] [Обезьяны] нельзя охотиться на обезьян, а пойманных надлежит отпускать. (10) В год Тахаку [Петуха] не следует убивать петухов или использовать их в боях. (11) В год Йит [Собаки] нельзя использовать собак в охоте и надлежит обратить особое внимание на кормление этих преданных животных, особенно дружелюбных уличных псов. (12) В год Тангшуз [Вепря] нельзя причинять вред свиньям. Таким же образом добрые дела можно совершать и каждый месяц лунного года.

(1) Мухаррам. Не следует убивать живых существ. (2) Сафар. Необходимо освобождать заключённых. (3) Раби ал-аввал. Тридцати

избранным нуждающимся людям надлежит преподнести дары. (4) Раби ал-ахира. Нужно тело держать в чистоте и не предаваться удовольствиям. (5) Джумада ал-аввал. Не следует наряжаться в пышные одежды и шелка. (6) Джумада ал-ахира. Не использовать кожу. (7) Раджаб. Каждый должен в меру своих возможностей помочь сорока лицам своего возраста. (8) Шаабан. Каждый день человек должен бороться с притеснениями, как со своими, так и со стороны других. (9) Рамадан. Надлежит накормить и одеть тридцать нищих. (10) Шаввал. Следует каждый день тысячу раз произнести имя Создателя. (11) Зу-ль-каада. Нужно бодрствовать в первую ночь, и каждый день следует преподносить подарки и проявлять дружелюбие к кому-то другой веры. (12) Зу-ль-хиджжа. Нужно возвести тридцать полезных зданий. Эти добрые дела необходимо непрестанно совершать годами и месяцами». Дальновидный и мудрый знает, что эти установления Властелина Мира созданы для племён человеческих, оставивших путь благословения и погрязших в омуте формализма и злодеяний. Его стремление оберегать мир находит отклик в этом желании. Что касается океана просвещённости и сокровищницы мудрости, он, как этого требует верховное управление видимым миром и Халифатом духовной вселенной, постоянно держит *дарбар* в храме мудрости.

О Аллах, возвысь просвещённого Царя,
Возвеличивающего корону и престол.
Возведи его трон высоко в Небесах,
Сделай то, что желает он и его судьба.

В это время умер Бахадур Баски[9]. Он был предводителем мятежников Бенгалии. В провинции Бихар вместе с Джан Мухаммадом Бихсуди и несколькими нечестивцами занимался притеснениями. Когда среди военачальников поднялся туман разногласий (букв. «два цвета»), и отложили поход победоносного войска в Бенгалию, Садик-хан и несколько благородных воинов заняли позицию в окрестностях Монг-хира. Улуг-хан Хабши, Бабуи Манкли, Аба Бекр и Бакир Ансари отправились к Бхагалпуру и расстелили там ковёр нерадивости. Эти несчастные (Бахадур и его сподвижники) осмелели и атаковали их, и

поскольку те не смогли противостоять последним, вернулись в Монг-
хир. Садик-хан направил нескольких проворных и опытных воинов
335 сразиться с ними. По воле случая предводителя [мятежников] Баха-
дура убили, а его люди бежали в Бенгалию. Приятная земля Бихара
оказалась очищена от сорняков и мусора. Мандрагора[10] произросла
из колючек, настала пора радости.

Глава 56

Поход в Пенджаб, поражение Мухаммад Хаким мирзы и его возвращение в Кабул

Несомненно, распорядители сокровенных палат судьбы заставляют того, кто обладает большими возможностями и величайшей добротой, а также имеет значительную власть и благие намерения, предоставить искоренение злодеев и смутьянов Богу. Если [мятежники] по сути своей люди неплохие, их очищают от порочности и направляют испрашивать прощение при Дворе Властелина Мира. В противном случае [такие] враждебные планы разрушаются, а самих [бунтовщиков] приводят к неудачам. История этого юноши [мирзы Мухаммад Хакима] со смущённым разумом — яркий тому пример. Хотя до [падишаха] доходили слухи о его злодеяниях, он не желал его наказывать. И говорил слугам: «[Это живая] память о Его Величестве Джаханбани[1]. Сына можно обрести, но как обрести брата?» Вследствие опьянения и отравления молодостью тот, имея горячую голову, лелеял мысли о праве на дарованную Богом державу. И не понимал, что большой пожар не потушить пригоршней воды, и лекарство для царапины не может вылечить застарелую гангрену. Когда мятежники подняли пыль разногласий в восточных провинциях, что описывалось ранее, царские слуги стали настаивать на походе в те земли, но не получили согласия. Причиной отказа послужило то, что священное сердце предвидело [смуту] в Пенджабе. Так и вышло, и смертные обрели бальзам для своих глаз. Мирза ещё в прежние годы желал учинить бунт в безмятежной земле, Индии. Мирза Сулейман сманил его в Бадахшан, и успешная кампания умножила [присущую ему] дерзость.

336 Пустые разговоры [смутьянов] восточных провинций также этому поспособствовали. В середине азара (декабрь 1580 г.) он направил [в Индию] войско под командованием Хаджи Нур-ад-дина, которое перешло через Инд. Мухаммад Юсуф-хан, землевладелец тех мест, выслал против них армию под водительством Хасан бека. Саид-хан Гхаккар и несколько усердных военачальников присоединились к его силам. Поскольку из-за спешного передвижения основное войско ещё не прибыло, решили отложить сражение на несколько дней. Но разве можно сдержать судьбу? Вскоре произошёл бой, и повергли врага. Когда царское войско собиралось стать лагерем, внезапно появилось стадо оленей, и Хасан бека охватило желание поохотиться. Он выстрелил в одного из лука и помчался к нему с несколькими воинами. Тут судьба подвигла предводителя другого войска поехать посмотреть на это зрелище. Хасан бек и Хаджи Нур-ад-дин вступили в поединок, и по воле рока последний был ранен и бежал. Беспорядки сразу же прекратились. Многих несчастных схватили, некоторые утонули в реке. Пыл мятежников охладился в окрестностях Пешавара и потом совсем угас. [Хаджа Нур-ад-дин ?] слыл одним из самых низких злодеев Хисара. Однажды проявил неблагодарность по отношению к Мухаммад Хусейн мирзе[2], и когда последний умер, присоединился к недоброжелателям Кабула и завоевал у них доверие.

Хотя воинственных подданных вознаградили за добрую службу, всё же стало ясно, что Мухаммад Юсуф-хан[3] не проявил достаточной дальновидности и разумности в охране границы, так что его сместили, а управление землями в районе Инда поручили *куару* Ман Сингху. Тот вышел из Сиалкота, дабы приступить к [новым] обязанностям, и, [будучи] дальновидным и опытным, отправил вперёд [отряд] под предводительством Зайн-ад-дина Али. В Равалпинди узнал, что к берегам Инда приблизился Шадман. И спешно отправился туда, чтобы дать бой. Произошло сражение, и благодаря удаче Его Величества неприятель был наказан. Мирза, узнав о провале Нур-ад-дина, так и не пробудился и послал туда Шадмана, которого считал грозой своего войска, с большими силами. 6 дая этот наглец переправился через Инд и решил захватить крепость Нилаб[4]. Прибыв, *куар* поручил авангард Алу-хану Качваха, а *алтамыш* — брату Сурадж Сингху. Враги пре-

бывали во сне неосторожности. Разбуженные боем барабанов, возжаждали сражения. 12-го числа поле битвы украсилось. Блюстители чести и враги собственных жизней [ожесточённо] бились друг с другом. 337
Под напором приумножающейся с каждым днём удачи Шахиншаха задул ветерок победы. Кажется, в рукопашном бою, служащем испытанием воинам, раджа Сурадж Сингх сразил вражеского военачальника (Шадмана), который был ранен и отправился на своих стёртых стопах в пустыню поражения. [И бесславно] умер где-то неподалёку. [А ведь являлся] сыном Сулейман бека из Андиджана, а его дед — Лукман бек, благородный слуга Его Величества Фирдус-макани. Мать его нянчила маленького мирзу, и сам он рос вместе с последним. Благодаря [присущей ему] храбрости и [благосклонности] военной удачи, его высоко чтили в афганских племенах. Узнав об этом, [Владыка Мира] возблагодарил Господа и сказал приближённым: «Кажется, близится наш поход в провинцию Пенджаб. Хотя небесные исполнители выполнили за нас всё и продолжают это делать, мы знаем, что решение трудностей — это помощь Богу. Когда мирза [Мухаммад Хаким] узнает о смерти Шадмана, то без промедления отправится в Индию. [Целесообразно] сейчас [высшим военным чинам] подготовиться к походу». По дальновидности и знанию дела он отправил вперёд Рай Раи Сингха, Джаганнатха, раджу Гопала и других преданных военачальников. [Прозвучал] приказ полководцам Инда, дабы в случае перехода мирзы через реку те не вступали с ним в бой и отложили сражение. Поддерживаемые небесами, знамёна удачи вскоре отбросили тень правосудия на эти земли. Как было предсказано соединённым с небесами сердцем, так и случилось. 14 бахмана до царского слуха довели, что мирза [Мухаммад Хаким] прибыл в Пенджаб. Астрологи по указанию Его Величества собрались определить благоприятный момент. [Падишах] уделил особое внимание управлению делами столицы. Дабы также следить за происходящим в восточных провинциях, [правитель] заявил, что ради спокойствия страны оставит жемчужину короны, Султан Салима, с высокими военачальниками, а сам отправится в Пенджаб. Принц просил разрешения через Её Высочество Мириам-макани сопровождать [Повелителя Века]. Властелин дал согласие и поручил это важное задание Султан Даниялу. А также назначил

Султан Ходжу, Шах Кули-хан Махрама, Султан Ибрахима и других полководцев в услужение принцу. 28-го числа, что пришёлся на понедельник, а именно 2 мухаррама 989 г. (6 февраля 1581 г.), в час, одобренный мудрыми астрологами, он отправился в том направлении. Удача сопутствовала его поводьям, а победа — его стременам. Зажглась звезда успеха, и забрезжило утро власти.

[Стихи, не переведённые Г. Бевериджем.]

Дальновидные придворные сообщили ему о победе. Разбирающиеся в знамениях знатоки звёзд запросили небеса. По осторожности и дальновидности определили местоположение сражающихся и подготовили боевую технику. Жезлоносцы (стражи) четверга и пятницы расположились под тенью царских знамён[5]. Военачальники субботы и среды встали на правом фланге, а понедельника и вторника — на левом. Воины воскресенья были помещены в авангард. В начале этого похода доставили известия о победе, что преисполнило радости и покоя как земных людей, так и духовно просветлённых.

Глава 57

Победа царских слуг и скитания Масум-хана Фаранхуди в пустыне поражения

Успех и поражение пробудили Шахбаз-хана от грёз самолюбования, и он продолжил путь разумно и деятельно. Избрал верное направление и вскоре приготовился к битве. Неблагодарный нечестивец, для которого пришло время образумиться и устыдиться, впал в глубокий сон и начал собираться с силами. [По присущей ему] неблагодарности растратил накопленные сокровища вечной власти. И послал за семьёй и людьми, которых прежде отправил в [безопасные] места. Он полагал, что способствует сплочению людей, но знающие смеялись, ибо видели, как им изыскиваются средства к потере собственной чести. Воины удачи выстроились в боевом порядке и выступили в поход против врага. Этот бессовестный смутьян также покинул свою вотчину. В центре Джаджхар-хан Хасахейль принёс на рынок товар порока. Араб возглавил правый фланг, где стояли лишённые чести. Ниябат-хан красовался на левом фланге. Шах Дана — в авангарде неудачи. Масум остался в резерве, собирая средства для собственной погибели. 24 бахмана (2 февраля 1581 г.) храбрые и удачливые воины украсили поле брани в семи *косах* от города Авадх. Негодяй же прибегнул к хитрости и приостановил продвижение. Большинство считали, что в тот день боя не будет. Поддерживаемое небесами войско занялось укреплениями. В этот момент нагрянул в поисках битвы этот хитрец с дремлющей удачей. Герои спешно приготовились к сражению. Сначала выступил передовой отряд с гороподобными слонами и оттеснил вражеский авангард. Правый фланг неприятеля начал наступление на царский левый фланг и чуть

339

было не потерпел поражение вследствие стойкости воинов падишаха, но воспрянул духом благодаря подходу резерва. По воле рока положение победоносных (царских) воинов становилось серьёзным, когда вдруг подоспели авангард и *алтамыш*, уже оттеснившие [противостоящих им] противников. С Божьей помощью мятежники были покрыты позором и бежали. Царский правый фланг также одержал победу над вражеским левым флангом и очистил поле от злодеев. Несколько [прекрасно обученных] слонов, которые в предыдущей битве попали к врагу, повернули и сослужили добрую службу, чем внесли значительный вклад в победу. Благодаря чудесам судьбы лампы радости сияли одиннадцать дней после первой битвы, и пораженец преданности и удачи отступил в смятении к Авадху. Всё его имущество, ставшее основой опьянения, оказалось в руках царских подданных, и многие из сошедших с праведного пути обрели просветление и встали на дорогу благополучия, покинув ущелья неблагодарности. Шахбаз-хан посчитал свою победу великим благом и не двигался в полушаге от поля битвы. Либо пал духом, либо благоразумие способствовало этому. Либо не было времени, либо глупые фантазии труса взяли верх. Из-за этой несвоевременной задержки лишённый мужества враг спасся, и завершение этого дела [отсрочилось]. Масум после тысячи бед добрался до дома. Желая успокоить сердце, разбитое на тысячи осколков, и ступить в круг спокойствия, так и не смог принять необходимое решение. Внезапно ему сообщили ложные сведения о Шахбаз-хане, и он немного пришёл в себя. Отряд дерзких воинов победоносного войска, разграбив [предместье] города, возвращался назад. Араб прибыл с несколькими людьми и сразился с ними, и несколько слуг падишаха оказались убиты. Насекомоподобные доложили, что Шахбаз-хан был среди них. Услышав это, злодей покинул убежище и
340 вскоре обнаружил, что всё это ложь. Он установил охрану в городе и его окрестностях, а также начал укреплять башни и стены. Поскольку его звезда зашла, задуманное им постоянно проваливалось, и то, что он считал правильным, оборачивалось неудачей. Например, поместил орудие на ворота и приготовился к битве. Из-за гнева Божьего, как только оно выстрелило, крыша (ворот) развалилась, что привело к новой неудаче. Вероломные наёмники разбежались, и Масум оказался в тяжёлом положении. Его сподвижники также приготовились бежать, а мощь

мирозавоёвывающего войска всё возрастала. У него не было сил выйти за пределы стен неудач. Но и оставаться в теснинах трудностей [также не представлялось возможным]. [Обладая] многочисленным семейством, он не мог прервать связующую нить (умереть?)[1]. В это время Араб, Ниябат-хан и Шах Дана — вдохновители его безрассудства — ушли от него. Они подковали коней в обратном направлении и отправились на перепутье. Этот человек (Масум), заслуживший скитания, оставил семью и накопленное за годы богатство и бежал. Проехав какое-то расстояние, решил отделаться от двуликих попутчиков и продолжил путь лишь с семью спутниками. Они все изменили внешность, сбрив бороды, после чего он в безумии отбыл в сторону мрака и погибели. В это тяжёлое время им решил оказать помощь *заминдар* Гаварича[2], который по старой дружбе укрыл его в своём доме. Притворяясь другом и потакая их глупости, он выманил у них все оставшиеся деньги и имущество, после чего пожертвовал старыми обязательствами ради разбоя[3] и прогнал их. Масум и его сын попеременно ехали на одном коне. Он пересёк Сару (Гогра или Сарджу) в ужасном состоянии. Раджа Ман, землевладелец тех мест, приютил его у себя. Шахбаз-хан, узнав об этом, стал угрожать и требовать, чтобы тот либо выдал Масума, либо убил. Отказавшись[4], *заминдар* тайно отправил его в изгнание, дав людей под видом проводников. Полагая, что у Масума есть драгоценности, решил его убить. [Тот] же, прочтя на их лицах задуманное, подкупил золотом и сделал значительный шаг в обитель мрака. На следующий после победы день Шахбаз-хан вошёл в Авадх, и вся семья [Масума] оказалась у него в руках. Было захвачено 150 слонов; и всё, чем Масум владел, от имущества до чести, разграблено. Человечество получило поучительный урок, и пагубные последствия неблагодарности отпечатались на сердце Века. Новости доставили в окрестности столицы, и дальновидные придворные посчитали это предвестием победы. Его Величество возблагодарил Господа и возвысил преданных слуг великими милостями. По величайшей доброте он приказал Шахбаз-хану защитить семью мятежника, ибо эти слабые и беззащитные не совершили никаких преступлений во время мятежа. **341**

Сообщили, что Масум движется к мятежным кабульцам — в направлении подножий северных гор. Из предосторожности Кулидж-

хан был послан с несколькими достойными мужами в те края. 10 исфандармаза Дели прославился прибытием [Повелителя Века], а храмы святых озарились его молитвами. К этому времени лагерь продвинулся где-то на *кос*. Прозвучал приказ пройти ещё не менее шести *косов*. На двенадцатый день царские знамёна отбросили тень на город Сонпат (28 миль к северо-западу от Дели). Кулидж-хан вернулся из похода и засвидетельствовал своё почтение. Скитания и жалкое положение (Масума) подтвердились.

Также переполнилась чаша жизни Кийя-хан Канга (или Ганга). Со времён как приятная земля Бенгалии запятналась смутой, он вместе с несколькими храбрыми и преданными воинами проводил дни в Ориссе. Хотя ему не выпало шанса принять участие в подавлении того мятежа, [Кийя-хан] хранил [владения] в чистоте от пыли противоречий. Когда царские войска ушли оттуда, напал Кутлу-хан с большими силами и захватил высокогорье. Кийя-хан привёз боевую технику и укрылся в крепости. Из-за затянувшейся войны и дезертирства людей оказавшись в тяжёлом положении, вместе с несколькими почитавшими честь героями он вступил в великое сражение и завоевал вечное имя[5].

На семнадцатый день[6] Его Величество стал лагерем близ Тханесара. Поскольку он мало времени уделяет самому себе и всегда ищет общества служителей Господа, то посетил обитель Шейх Джалала, проводившего свои дни в служении Аллаху и считавшегося среди людей святым. Шейх произнёс молитвы в соответствии с [имевшимися] познаниями и сказал: «В этот день наши желания устремлены на оказание помощи истинному государю. Ради него вращаются небеса». Он попросил его благословения и молил изречь слова истины. Властелин Мира сделал несколько проницательных замечаний и прояснил ряд вопросов. Он (Акбар) говорил красноречиво. Множество впечатляющих сердце слов озарили священный храм дервиша. По указанию Шахиншаха автор этого благородного тома спросил Шейха: «Вы прожили долгую жизнь и удостоились общества достойных людей. Знаете ли вы лекарство от печали? Не открыли ли вы снадобья для смущённого противоречивыми желаниями сердца?» Первым ответом
 были слёзы, а затем он прочёл следующие стихи.

О, это сладкое удовлетворение! О! О!
Оно гордости путь преградило в оба мира![7]

Ещё одно событие — смерть Ходжа Шах Мансура, *дивана*. Александр Зулькарнайн бывало говорил своим особо приближённым: «Добрые приятели и шутники — люди одного класса. Их задача — вызывать радость остроумием и чудесными рассказами, не опираясь на истину. Они заправляют маслом лампу радости и точными попаданиями увеличивают удовольствие, а также украшают невесту наслаждения с ног до головы. Опоры Двора, являющиеся, так сказать, его руками и ногами, — люди совсем иного рода. Их обязанность — организовывать всё для искоренения разногласий в мире и заботиться о пожилых и немощных людях Века. Они произносят слова, способные избавить от раздоров времени, унять смятение и успокоить мир. Они соединяют радость с осторожностью, и если под рукой нет покупателей, то придумывают снадобья в молчании и раздумьях. Любое зло, обрушивающееся на дворец власти, является главным образом результатом невыполнения двумя вышеназванными классами людей своих обязанностей». И также постоянно говорил военачальникам: «Тот, кто, желая нам польстить, оставляет путь истины и отпускает поводья благоразумия и способствует нашему процветанию посредством жестокого обращения с войском и подданными, а также использует недостойные средства и грубые слова ради умножения сокровищ власти, без сомнения вынудит распорядителей судьбы отвернуться от него и понесёт заслуженное наказание». История Ходжи — яркий тому пример. Из [соображений] карьеризма и алчности он в финансовых вопросах пытался присвоить даже самую малость и был суров. Сочувствие к должникам (?) никогда не посещало его сердце. Единственное, чего он хотел — это наполнить собственное жилище. Он прикрывал свои дела праведными речами, в то время как поступал недостойно. В один миг погряз во зле и утонул в пучине уничтожения. И не знал, что дурные поступки недолговечны, а свет лампы не станет ярче, если её залить водой. Какое-то время назад несколько *парвана* (приказов), написанных *мунши* Мухаммад Хакима, были обнаружены среди вещей убитого Шадмана. *Куар* Ман Сингх отправил их ко Двору. Один из

них адресовался Ходже, и в нём говорилось, что предложения союза и дружбы способствуют добрым отношениям (мирзы и Ходжи), и вскоре будут предприняты действия, чтобы укрепить их. Терпимый властелин посчитал эти документы подделкой и не показал их Ходже.
343 В окрестности Сонпата Малик Сани[8], старый слуга мирзы, прибыл ко Двору с семьёй, и доложил, что они (мирза) направил его сюда, дабы он изобразил негодование и начал шпионить, а также завоевал доверие недалёких и заставил действовать недоброжелателей. Дальновидность и осторожность, составляющие силу руки власти и придающие мощь длани судьбы, [помогли] разоблачить его (Ходжа Мансура). В тот день множество однозначных выражений Ходжи выплыло на свет, и высоко поднялась пыль тревоги. Судьба благоприятствовала смуте, и положение [становилось] критическим. Его позвали в личные покои и прочли письмо. Поскольку звезда его закатилась, ответы вызвали ещё больше подозрений. Ему не позволили[9] общаться [ещё] с кем-то из предосторожности. 19 (исфандармаза) Малик Али, начальник лагеря (*котвал-и-урду*), предоставил несколько писем, которые лишь усилили подозрения против Ходжи. Из них следовало, что воины (*сипах*) Ходжи из Фирузпура — его земельного владения — вели переговоры с мирзой (Хакимом) и собирались к нему вскоре присоединиться. После этих известий властелина охватил гнев, и он отдал следующий приказ: если Ходжа назовёт человека (написавшего письмо) и даст достаточные доказательства тому, то останется, как и прежде, в тюрьме. В противном случае его казнят, дабы недалёкие и алчные понесли наказание, а злобные и бесчестные [получили] урок. Но тот в ответ произнёс неразумные слова и не смог себя оправдать. По своей доброте Его Величество сказал, что если Ходжа Сулейман[10], связанный с ним родством через жену и являвшийся его другом, поручится за него, то в его невиновность поверят. Этого труса охватил ужас, и он отказался, и в страхе за собственную жизнь отошёл в сторону. Поскольку всё усложнилось из-за наличия завистников, и наступил критический момент, а сановники плели интриги против его жизни, пришлось отдать приказ о казни. Слуги[11], связанные указом, повесили его на дереве близ *серая* Кот Качваха. Вследствие недалёкого ума и узколобости (*табият дости*) тюрки и таджики (все классы)

возрадовались, и в лагере началось великое веселье. Часто случается, что завистники и интриганы, преследующие личные интересы, ведут себя таким образом, а слабым воздаётся за эгоизм и злобу.

Не проявляй жестокости в делах мирских,
Ибо сурова смерть каждого тирана (?).
Остерегись, над слабым сжалься,
Побойся гнева рока.

Он либо был упрям, либо не обладал жизненной мудростью. И разрушал дома людей ради возведения собственного. Во имя личных интересов погубил много бедняков. Не замечал знаков времени и не отличал сезон примирения от времени строгости. Однако редко встретишь столь способного казначея, столь трудолюбивого, столь разборчивого и красноречивого. Если бы он обладал хоть толикой набожности, преданности Властелину Мироздания, добротой по отношению к людям, и в нём не было бы столько алчности и лжи, ему не пришлось бы закончить так свои дни, вызвав гнев Шахиншаха, и на него не обрушился бы Божий гнев. Дальновидный правитель часто изрекал жемчужными устами: «С того самого дня рынок расчётов опустел, а нить счетоводства выскользнула из рук». Он отдал должность визиря Кулидж-хану и приказал Зайн-хану Кокалташу и Хаким Абу-л Фатху взять на себя часть обязанностей визиря и проконтролировать дела[12]. 344

КОММЕНТАРИЙ К СМЕРТИ ШАХ МАНСУРА

История Шах Мансура очень печальна и характеризует мораль [придворных] Акбара не с лучшей стороны. Рассказ Абу-л Фазла как обычно расплывчат и разъясняется в «Табакат-и-Акбари», «Икбал-наме» и у Бадауни (пер. У. Лоу, 300), а также в «Маасир-ал-умара» (I. 653). Из «Табакат-и-Акбари» (V. 422) и рассказа Абу-л Фазла следует, что Ман Сингх направил Акбару несколько писем, обнаруженных среди вещей Шадмана. Шадман потерпел поражение и убит близ Инда 12 дая (22 декабря 1580 г.), и Акбара уведомили об

этом ещё до отбытия из Фатехпура. Вероятно, Ман Сингх отправил обнаруженные у Шадмана письма вместе с известиями о победе. В «Табакат-и-Акбари» сообщается, что их было три, а именно: от мирзы Мухаммад Хакима — Хаким-ал-Мулку, Мухаммад Касим Мир Бахру и Ходжа Мансуру. Это ответы Хаким Мирзы на дружественные письма трёх вышеназванных персон. Абу-л Фазл сообщает, что Акбар посчитал эти письма подделкой и не показал их Мансуру. Они были либо сфабрикованными, либо устаревшими документами, так как одно из них адресовалось Хаким-ал-Мулку, который уехал в Мекку в августе 1580 г. Однако есть вероятность, что имеется в виду Хаким Аин-ал-мулк, *фауджда*р Самбала. Из Фатехпура Акбар продвинулся к Бад Сераю на 15 *косов* и там узнал о победе Шахбаза у города Айодхья (Г. Эллиот, V. 422). Затем продолжил путь и прибыл в Дели 10 исфандармаза (20 февраля 1581 г.). Через два дня оказался уже в Сонпате, что в 28 милях от северо-западного Дели, и именно тогда прибыл Малик Сани, который прежде состоял на службе у Мухаммад Хакима, и, как сообщается в «Табакат-и-Акбари», остановился в жилище Мансура (Сонпат — это место, упоминаемое Абу-л Фазлом. В «Табакат-и-Акбари» это Панипат, что примерно на 25 миль дальше). Здесь Акбар, чьи былые подозрения усилились прибытием Малик Сани, показал Мансуру бумаги, найденные у Шадмана. 17 исфандармаза (27 февраля) Акбар прибыл в Тханесар и имел разговор с Шейх Джалалом. Оттуда направился в Шахабад в районе Амбала, и там 19 исфандармаза *котвал* лагеря Малик Али [наверное, это Ходжа Малик Али, титул *мир шаб* может означать, что он был ночным стражником] предъявил письма, которые, по его словам, получил в Сирхинде от гонца Шараф бека, человека Ходжи Мансура и управителя его землями в Фирузпуре. Эти письма решили судьбу Мансура и привели к его повешению в Кот Качвахе, являвшемся, согласно Г. Блохманну (431, прим. 2), селением по дороге из Карнала в Лудхиану. Вероятно, это где-то недалеко от Шахабада. В «Хуласат ат-таварих» утверждается, что это между Шахабадом и Патиалой. Тот же источник отрицает, что Тодар Мал принимал участие в интригах против Ходжи. Там также сообщается, что Акбар узнал об ошибке лишь через десять дней. Согласно Низам-ад-дину (Г. Эллиот, V. 426), письма, из-за

которых Мансура повесили, были сфабрикованы братом Шахбаз-хана, Карам Уллахом. В «Маасир-ал-умара» (I. 157) говорится, что Карам Уллах действовал по наущению Тодар Мала. Кроме того, приводится хронограмма смерти Мансура: Сани Мансур Халладж — Второй Мансур Халладж, где подразумевается мученическая смерть этого суфия в 922 г.н.э. В рукописи Британского музея (Доп. 27, 247; Каталог Рью, I. 247) содержится примечательная информация о смерти Шах Мансура, которая отличается от текстов «Bibliotheca Indica» и большинства манускриптов. Это явно исправленный вариант. Одна из ценных вещей — то, что там в нескольких местах приводятся даты хиджры вместо соответствующих ей дат Божественной эры, как в тексте «Bibliotheca Indica». Таким образом, на с. 343 говорится, что 19 исфандармазу, названному там днём фарвардин, соответствует 23 мухаррама. Следовательно, это 28 февраля 1581 г. Затем добавляется, что письма получены Маликом Али во вражеском лагере. И утверждается, что за два дня до этого — то есть 17 исфандармаза, в воскресенье, 21 мухаррама, — Пак Даса сделали *диваном*. Также говорится, что Акбар не хотел казнить Мансура, но его убедил это сделать раджа Бирбар и другие, и повествуется, что Мансура повесили на *кайкаре*, то есть *бабуле* — акации. Помимо этого, даётся иное объяснение его смерти. Абу-л Фазл в данной рукописи более ясно говорит, что Мансур был ложно обвинён, и предполагает, что это расплата за прежние грехи (в предыдущей жизни?).

Глава 58
Поражение Хаким мирзы и его спешное возвращение в Кабул

Просвещённые[1] собиратели опыта и просветлённые души тех, что движутся с осмотрительностью, не принимают истину без доказательств и не спешат поверить скудным доводам. Каждый великий муж, что во времена расширения царства и роста власти содержит розарий сердца свежим и зелёным посредством орошения оного водами правосудия, а также считает собственное процветание средством служения Господу, придаёт своим мыслям и действиям оттенок благополучия, почитает себя назначенным Господом наставником, заботится о каждом воине и подданном и применяет эликсир утешительных речей и сердечности к бедствующим и сокрушённым, без сомнения обретёт желаемое без помощи продавцов услуг и с лёгкостью выполнит любые сложные задачи. Яркий пример — Властелин Мира, и настоящий благородный труд рассказывает об этом. Крушение мирзы — свежее тому свидетельство, признаваемое и пробуждёнными, и удачливыми.

Когда в Индии поднялось недовольство и огонь разногласий охватил часть страны, местные злодеи и глупцы Афганистана[2] сбили с толку погрязшего в заблуждениях юношу и подтолкнули к тщеславным мыслям. Он собрал войско и поднял бунт. Воздаяние не заставило себя ждать. Ему бы очнуться от дремоты, и устыдиться, и попытаться исправить свои ошибки, а он, наоборот, поспешил объявить войну.

Когда же переправился через Инд, военачальники тех мест подчинились царскому приказу и собрались вместе в Лахоре, при-

готовившись защищать цитадель. Мирза Юсуф-хан[3] взял на себя оборону Рохтаса, и никто не присоединился к злодею. Ни один просвещённый не поддержал его. Он прочёл неудачу на лицах воинов[4] и увидел, что даже крестьяне не благоволят к нему. Беспомощность 345
прибавляла ему страданий. Он утешался ложью глупых болтунов и проводил дни в бесполезных фантазиях. Толок ветер в ступе и просеивал воду решетом! И всё-таки осадил Лахор, несвоевременными усилиями попытавшись развязать узел собственной погибели! Хотя отход царских войск его на какое-то время обрадовал, всё же он хорошо знал о подвигах блюстителей чести и недругах жизни. Их неучастие в сражении вселило в него надежды. Содрогаясь при виде отваги и мощи Властелина Мира, однако успокаивался отсутствием новостей о приближении [Шахиншаха].

Когда наступил избранный небесами момент, Его Величество обратил своё светило к Пенджабу. Радость наполнила мозг Века…

[Стихи, не переведённые Г. Бевериджем.]

Властелин Мира не торопясь выступил в поход, наслаждаясь по пути охотой. Хотя он подходил переход за переходом всё ближе, вестей о том, что (Мухаммад Хаким) бежал, так и не доставляли. Пыль дурных предчувствий не затуманивала его разум. Злобные возликовали, полагая, что [тот] собирается сражаться, в то время как благоразумные и дальновидные радовались при мысли, что [ему предстоит потерпеть] поражение. Он (Акбар) произнёс жемчужными устами: «Что-то мне подсказывает, что его пребывание на прежних позициях происходит от неверия в приближение царских знамён. Пустозвоны убедили его в обратном. Вероятно, подойдя к Сирхинду, мы узнаем о его бегстве». Сказанное посвящённым в тайны судьбы сбылось. В день[5], когда знамёна покинули столицу, мирза поднял пыль мятежа близ Лахора и провёл двадцать[6] дней в печальной радости в саду Махди Касим-хана, стреляя из лука в несуществующие цели. Саид-хан, раджа Бхагван Дас, *куар* Ман Сингх, Сайид Хамид-хан (Бухари), Мухаммад Заман и другие землевладельцы Пенджаба усилили крепость и приготовились к битве. Поскольку [имелся] приказ не вступать в бой, они оставались у батарей и благоразумно сдерживали
носящих тюрбаны (учёных) пустозвонов города от распространения 346

паники. С Божьей помощью не позволили им открыть[7] ворота. Несколько раз Шер Ходжа, Над Али, Курбан Али и Мир Сикандар совершали набеги со стороны осаждавших, но получали[8] удары от Божественной длани. Мирза частенько впадал в уныние, оттого что дело не двигалось, и выражал неудовольствие своим людям. Внезапно разум его омрачили звуки приближения Шахиншаха, и он спешно бежал. Перейдя через Рави, что в одном *косе* выше сада Махди Касим-хана, поспешил в страхе в Кабул. В ту ночь стал лагерем недалеко от Шахам Али, после чего переправился через Ченаб близ Джелалабада[9]. Много его людей погибли при переправе. Близ Бхеры он перешёл через Бихат, и там тоже многие утонули в пучине. Он пересёк Инд у Хипа и вернулся в свои земли. Когда Его Величество узнал об этом, его царственное милосердие дало себя знать, и он приказал войску прекратить преследование, дабы лодка мирзы не утонула в бурных потоках, и тот не оказался в непоправимом положении. «Если этот несчастный не понимает, что делает, и не желает образумиться, зачем нам в нашей величайшей мудрости лишать его жизни. Возможно, со временем он всё поймёт, и ему будет явлен высокий путь просветления. Более того, на оценивающих весах брат весомее сына (ибо первого нельзя возместить).

[Далее следует примерно пять риторических строк, не переведённых Г. Бевериджем.]

24 (исфандармаза?) войско стало лагерем близ Сирхинда, и Его Величество отдохнул в приятных садах[10] этого города.

Ещё одно событие — возрождение законов управления. Поскольку дальновидный принц [планомерно] укрепляет основания благоразумия и считает улучшение мира поклонением Аллаху, ему в голову пришла замечательная мысль. Он приказал *джагирдарам*, *шикдарам* и *дарога* империи записать количество и занятия населения каждой деревни и классифицировать[11] их. [Им предназначалось]
347 проследить, чтобы каждый занимался каким-нибудь ремеслом или делом, и выяснить доходы и расходы людей — плохих или хороших, дабы вскоре внешне положительные, а на деле порочные оказались разоблачены, а фальшивая позолоченная монета взвешена. Благодаря этому просвещённому приказу настал рыночный день милосердия, и

обширные земли Индии обрели мир. 28-го числа он переправился по мосту через Сатледж у Мачивары. В тех окрестностях своё почтение засвидетельствовали пенджабские военачальники. Каждого возвысили особыми милостями. [Благоговейно прозвучали] благодарственные молитвы для успешного завершения дел.

Глава 59

Начало 26-го Божественного года с момента священного Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года ардибихишт третьего цикла

Знамя власти Нового года
было развёрнуто на равнине.
Щедрость Святого Духа излилась с Небес.
Воздух стал таким, что Рай замер удивлённо.
Земля заставила Небеса
всколыхнуться в изумлении.

В ночь четверга, 5 сафара 989 г.х. (10 или 11 марта 1581 г.), по прошествии 6 часов 22 минут, [Солнце] даритель света духовному и физическому миру, властелин видимой и невидимой вселенной, обратил милостивый взор на знак Овна. Земное и духовное царства наполнились светом. Пир радости был подготовлен, и послышались громкие звуки восторга. Поскольку оберегание общества — начертанная на скрижалях верховной власти обязанность, небесный ум озарила идея, что если с помощью небес приятная земля Пенджаба очистилась от сорняков и мусора смутьянов, жители берегов Инда также могли бы обрести свободу посредством орошающего правосудия, и печали сокрушающихся пришёл бы конец. Несколько благоразумных и дипломатичных людей направили туда, и те исправили при помощи целительных наставлений положение мирзы. Мудрые слова, произнесённые вблизи, производят эффект, на который не способны тысячи высказанных на расстоянии советов. С этим священным замыслом он отправился в те края.

348 Знаменательно внимание Его Величества к Нагаркоту[1]. Узнав о диковинах сего древнего места паломничества, и особенно о том,

как там вырастали отрезанные языки, его ищущее истину сердце [почувствовало влечение к этой земле]. Теперь, оказавшись недалеко оттуда, он снова вспомнил волшебную историю, и 15[2] (фарвардина) отправился туда с несколькими приближёнными, чтобы посмотреть на чудо. Во время первого привала был возвышен возможностью засвидетельствовать почтение раджа Джай Чанд, управитель крепости. Когда прошла одна смена ночного караула, [Повелитель Века] остановился, дабы дать отдых людям, в городе Десуха. Раджа Бирбар, местный землевладелец, прибыл с дарами. Тяжести пути и труднопроходимые ущелья вымотали войско власти, но из благоговейного страха перед Божественным величием — могущественным сдерживателем языка — никто не смел и слово сказать. В ту ночь духовная[3] форма — обладательница невиданных сил — явила свою мощь в тайных палатах грёз. Она объявила о высоком положении Властелина Мира и удержала его от задуманного. Утром он сообщил о [посетившем его] виде́нии и вернулся. Великая радость охватила всех.

Между Хоковалом[4] и Канваханом[5] [Шахиншах] переправился по мосту через Биас и 17-го числа прибыл в приятный город Каланур, где отдохнул в местном саду[6].

Тогда же потерпел поражение Араб Бахадур. Когда Масум-хан Фаранхуди отправился к погибели вследствие собственной злой судьбы, Араб Бахадур, Ниябат-хан и Шах Дана со множеством злоумышленников подняли пыль смуты в Самбале. Они намеревались награбить богатств в этой провинции и сделать их средством умножения своей порочности. В случае же если в этом не преуспеют, планировали явиться ночью к Мухаммад Хакиму. Хаким Аин-ал-мулк, *фауджда́р* тех мест, услышал об этом и отправился усиливать крепость Барейли и собирать войска. Вышеупомянутые лица решили, что смогут переманить его на свою сторону, [поставили того в известность] о [лелеемых] надеждах и [откровенных] угрозах. Однако вскоре увидели, что всё тщетно, и осадили крепость. Хаким, в [непоколебимой] твёрдости и мудрости, одержал победу. Наступила ночь, злодеи сбились с пути и отложили задуманное на светлое время суток. Поскольку местность была пересечённая, и [пришло] сообщение о приближении армии, они прекратили осаду и отошли от цитадели на какое-то расстояние.

Опытный военачальник направил [лазутчика] к ним в лагерь, дабы тот
349 намеренно попался в руки врага. После долгих пыток он сообщил им, что силы падишаха направляются сюда со всех сторон и собираются ночью напасть, а его отправили гонцом. План сработал, так что в полночь неприятель отступил. Гарнизон возликовал, и розы расцвели на щеках радости, громко забили барабаны веселья. В скором времени Бахтияр бек[7] прибыл из Будаона, а Шейх Мухаммад Газнави — из Шамсабада, Султан Муаззам и Мир Абу-л Хасан — из Амрохи, Гулам Хусейн из Селимпура, Касим — из Лакхнау[8], а Маулана Махмуд и Абу-л Касим — из Самбала. Царским воинам сопутствовала удача. Хаким жаждал сражения. Сбитый с толку и пребывавший в пустыне неудач противник и преследуемые демонами мятежники полагали, что они уже далеко ушли, и потому занялись грабежами на границе страны и причиняли вред слабым. Рассматривая притеснение беззащитных как [нечто] отважное, далеко протянули свои длинные руки. Раджа из Кумаон Рам Сах, Мукут Сен, раджа Карн и много нечестивых *заминдаров* объединились с другими самонадеянными и пустоголовыми [злодеями] и подняли бунт. Хаким сначала посеял разногласия между ними, после чего направил Рам Саха, Мукут Сена и раджу Карна на путь доброй службы. С их помощью к победоносной рати присоединился и Ниябат-хан. В пределах Акли великие труженики готовились к сражению и стояли на страже своей славы. Они сохранили уважение к вновь прибывшим, назвав их авангардом. И в самом деле, Бахтияр бек с прославленными воинами составили передовой отряд. Битва началась с нападения Шах Даны на авангард. Бахтияр бек и несколько преданных бойцов стояли твёрдо плечом к плечу, и к ним со всех сторон присоединялись храбрецы. Удача Шахиншаха возвестила о победе. Враг, запятнанный пылью неудач, бежал. Сайид Миян и Сайид Мустафа со многими несчастными с головой ринулись в ров уничтожения.

Властелин Мира возвёл мост через Рави близ Каланура и переправился через реку. Затем пересёк Ченаб у Рамгарха. Бихат (Джелам) перешёл по мосту, что между переправой Джелам и Расулпуром. Провёл несколько дней недалеко от Бихата, наслаждаясь охотой. Землевладельцы тех мест обрели желаемое. Позднее, 10 ардибихишта, когда

был задан базарный день весны правосудия, и источник удачи бил с каждым днём всё сильнее, [Шахиншах] разбил восхитительный сад. 350
Его Величество всегда уделяет внимание земной и духовной культуре… Он свернул к городу Нандана[9] с целью поохотиться. Поскольку там оказались плодородные земли и вода, решил устроить сад. В скором времени всё было превосходным образом сооружено. Ради развлечения [падишах] поднялся на самую вершину — к крепости, древнему строению, возвышенному, как гений великих святых.

В ту же пору он посетил святилище Балнатх Тиллах. Оно расположено на возвышении недалеко от Рохтаса и столь древнее, что никто не знает времени его возведения. По преданию здесь молился Балнатх Джоги [йог], и потому это место почитает и посещает масса людей. В обширных землях Индии существует множество путей обретения освобождения (*азади*). Один из них — путь йогов, которые живут по законам Патанджали, о чём уже немного рассказывалось.

Они помещают[10] вечное существование в царство смерти и действуют частенько вопреки традициям. Многие [из них], известные отсутствием желаний и духовной чистотой, один за другим обретают просветление. Балнатх слыл величайшим из них. Говорят, он был младшим братом Рам Чанда, и став аскетом, избрал это место для усмирения своих страстей. Таким образом, Властелин Мира, несмотря на [присущую ему] духовную красоту, искал общества служителей Господа и возносил Ему молитвы со всяким, кто, казалось, обрёл истину или просто молился. С этими мыслями он отправился в обитель почитателей Бога[11]. Группа аскетов в тех краях обрела просветление в славе чудесного присутствия Шахиншаха. 31-го числа приезд Владыки Мира ниспослал вечное благо на жилище Мирзы Юсуф-хана. Знаменитая цитадель Рохтас располагалась в его землях. Поскольку Его Величество находился здесь, тот попросил посетить его. [Падишах] милостиво согласился. Были преподнесены дары, и обретено [сияние благодати]. Хотя, согласно всеобщему мнению, [Акбару] следовало бы остаться там на несколько дней, он всё же посчитал, что чем ближе подойдёт к Кабулистану, тем лучше будет для [местных] правителей, 351
и потому продолжил путь к Синд-сагару, известному как Нилаб.

Тем временем смерть [постигла] евнуха Ходжа Алама. Он был суровым надсмотрщиком. Несколько *пахлаванов* (борцов) находились в его ведении. На стоянке (?) у Харбузы (?) [Ходжа] избил одного из них палкой, и в ответ тот положил конец его жизни при помощи кинжала. Шахиншах сокрушался о гибели старого слуги и казнил убийцу. Лампа просветления зажглась таким образом для многих, а надменные и бесчестные узрели [праведный] путь.

Глава 60
Прибытие войска [Шахиншаха] к берегам Инда

Его Величество встал лагерем на берегу Инда 13 хурдада, и воины и подданные возблагодарили небеса. Каждый был одарён особыми милостями, а афганское племя, блуждавшее в пустыне неблагодарности, коснулось чела доброй службы. Поскольку целью [Властелина Века] являлось исправление Мухаммад Хакима, он издал милостивый приказ, явившийся светом благомыслия, мудрости и милосердия. И направил к нему опытных, преданных и красноречивых людей, дабы не демонстрировали они собственную мудрость, а полностью донесли (до Мухаммад Хакима мирзы) сообщение, а затем успокоили его доброжелательными речами.

Сердца стальные можно размягчить
Силой тёплых слов.

Хотя своенравный характер [мирзы] был очевиден мудрым, Его Величество всё же решил, что «приказ войскам прекратить преследование, а также различные милости заставят его внять советам и вернуться в сад истины». Но разум тех, чья удача дремлет, а ум помутился в горькой земле страстей, быстро приводит их к собственному уничтожению. История этого юноши с усыплённым разумом — тому пример.

Суть послания заключалась в следующем: «Когда великий принц, обладающий неограниченной властью, воздерживается от

352 преследования, и обращается к советам и словам истины, и имеет целью лишь проявить доброту и милосердие, те, что удачливы и обладают счастливой звездой, но поскользнулись, приходят к нему с пристыженным ликом и открытым для истины сердцем и исправляют поведение покорностью и молитвами. Порочные и злополучные продолжают пребывать во мраке и опасности и прикрываются отговорками и хитростями, а также маскируют свои злодеяния. Пусть же брат, обладающий положением сына, обретёт знания и вечное благо. Принцы выдающихся домов и великие мужи всех земель озаряются нашей благосклонностью. Почему же тот, что связан с нами, засел в ущельях непонимания? Как долго он там останется? Сколько ещё в компании низких людей будет блуждать в лощине неудач? Ему стоит не прислушиваться к жужжанию насекомоподобных, а приехать и засвидетельствовать почтение у наших порогов, дабы наша любовь отразилась на всех, далёких и близких, и провёл бы он несколько дней достойным образом, а его земной ранг и будущее положение возвысились, и закончил бы дни с добрым именем. Жалкого и маленького муравья слабость не заставит отказаться от входа в пустыню намерений; возможно, он, подобно счастливцу, достигнет в итоге вершины желаемого! Почему же сын человеческий, обладающий таким знанием, пребывает в невежественном сне легкомыслия и не делает даже полшага в обширной долине поисков?

Много шагов до высокой крыши,
Почему же ты удовольствовался одним?
Если не можешь полностью преуспеть,
Борись на пути — ничего с тобой не случится.

Если рассчитываешь на победу, [помни, что] опыт не приобрести лишь испытанием самого себя. Как долго удержишься на острие меча? Если из стыда [за былые] враждебные поступки не едешь ко Двору и из страха не обращаешься сердцем к служению, то [знай, что] наше возрастающее с каждым днём милосердие с начала правления и до настоящего времени — весны удачи — и наша щедрость и способность прощать великих преступников известны всем, далёким и близким!»

Поскольку безумцы пустыни разрушения с трудом различают слова совета, [мирза] вследствие своей дремлющей удачи и невежества посчитал приятные речи просветлённого мужа уловкой и ответил постыдным образом. Поскольку был базарный день снисхождения, Его Величество простил его и намекнул, что если его сердце и язык едины в вопросах доброй службы, но из-за пустых фантазий он не сможет какое-то время явиться лично, то должен прислать одного из своих сыновей с благочестивой Бахту-н-нисой бегим[1]. Если же из-за ограниченности сердца и невежества даже этого сделать не в состоянии, то должен прислать Ходжа Хасана Накшбанди с несколькими первыми военачальниками, дабы те принесли клятвы и просьбу о мире. Безусловно, [Владыка Мира] согласится на последнее, и это послужит причиной для прощения и возвращения.

Поскольку советы не возымели действия на дремлющий слух, был издан приказ, чтобы раджа Ман Сингх и несколько храбрых и преданных людей, переправившись через Инд, поехали в Пешавар и убедили упрямца подчиниться в его собственной вотчине. Поскольку единственным желанием [Шахиншаха] являлось научить слабоумного мудрости посредством мощи царского войска, принц Султан Мурад и многие военачальники отправились в путь 11 тира (конец июня 1581 г.), дабы, переправившись не торопясь через реку, продолжить путь в Пешавар. Если мирза очнётся и встанет на путь подчинения, им надлежало разнообразными милостями вселить в него надежду. В противном случае они спешно продолжат путь в Кабулистан. Для пущей безопасности войска выстроили в боевом порядке. Центр украсили свет Халифата (Мурад), Мирза Юсуф-хан, Рай Раи Сингх, Раи Дурга, Гуджар-хан, Сурадж Сингх, Мадан Чохан, Сайид Абд-ар-Рахим, Балка Раи[2], Рам Чанд, Тхакур Сай, Селим-хан, Какар Али, Сайид Мухаммад Мауджи, Карм Уллах Камбу[3], Притхи Радж, Рам Дас Чохан, Матхра Дас, Санвал Дас, Кала Качваха, Аскаран, Каджра, Хазара бек, Сайид Вали Джалал, Мир Мухасан и отряд храбрецов и всадников войска. Левым[4] флангом командовали Сайид Хамид Бухари, Махсус-хан, Сайид Махди Касим, Абу-л Касим Тамкин, Араб Сайид Хусейн, Хасан Али бек, Абд-ал-лах Билуч и другие. Правый фланг возглавили Кулидж-хан, Джалал-хан, Шейх Джамал

Бахтияр, Нур Кулидж, Мир Фаулад, Джамал-хан Билуч, Султан Гакхар, Малик Дарвеш Джаноха, Алам Нохани, Маулана Илхадад Амбароха, Шахбаз-хан Лоди…

Раджа Ман Сингх, Науранг-хан, Широйя-хан, Махду Сингх, Мухаммад бек Таклу, Ман Сингх Дарбари, Джагмал Силахдар, Бахадур-хан Курдар, Сурджан, Пахлван Али, Сакат Сингх, Джагат Раи, Рам Чанд, Бхагван Дас, Шейх Кабир, Джаббар Кули, Накиб Дивана и прочие находились в авангарде. Следствием милосердия и врождённой доброты опять явился рескрипт советов, способный стать амулетом удачи, который отправили с Хаджи Хабиб-ал-лахом Хаши. (Письмо) гласило, что время до похода в провинцию (Кабул) истекает,
354 и войску будет сложно в ущельях. Ему надлежит совершить одну из церемоний повиновения, дабы армия могла вернуться из Биргама, а он (мирза) обрёл доброе имя и был осыпан милостями. Единственное опасение Его Величества заключалось в том, что мирза может встревожиться из-за мощи победоносного войска и отправиться в пустыню неудач в поисках помощи у чужеземцев. Поскольку дальновидность — солнце галереи судьбы, издали указ военачальникам построить мост через реку. Способные слуги занялись сбором лодок, а еженедельные стражи и высокие военные мужи приложили усилия к возведению понтонов[5], ибо если вдруг по своему злому року мирза прислушается к болтунам и встанет на путь собственных потерь и не подчинится приказу, рати падишаха придётся отправиться в ту провинцию.

Другое событие — смерть Фатх Доста, сына Али Доста Барбеги[6]. Будучи хорошим подданным, он на деле продемонстрировал жемчужину искренности. И часто говорил автору [этого труда], что хочет стать учеником [Повелителя Века], и просил поспособствовать ему в этом, дабы его желание исполнилось. Поскольку сей читатель начертанных на челе строк не чувствовал, что его сердце и язык пребывают в согласии, то медлил с этим делом. Тогда же, когда знамёна удачи достигли берегов Инда, тот вновь заговорил со мной об исполнении просьбы. Проницательный *Хедив* Мира, узнав об этом, стал расспрашивать о [таком] незначительном человеке. Я описал ему положение дел, он улыбнулся и выразил своё одобрение. Из благих побуждений я выразил мысль, что если милостивый [Шахиншах]

узнал об этом, то, возможно, великое благо (ученичества) возвратит его [Фатх Доста] на путь истины и приведёт к счастью. [Акбар] ответил: «Хотя счастливый день *(рузбихи)* не сияет на его челе, всё же я удовлетворю его просьбу». Стать учеником этого молящегося Аллаху — проверка людей, выявляющая их [истинные] качества. Он совершил *шаст* [особое кольцо как символ веры *дин-и илахи*] согласно священным ритуалам и прочёл своими жемчужными устами:

Чистый *шаст* и ясный взгляд не ошибаются.

И дал ему весомые советы. Поскольку тот не был чист душой, а сердце его не находилось в согласии с устами, через два дня он покинул сей мир. Беспечные, крепко спящие люди немного пробудились. Он дружил с одним человеком и отправился с ним выпить вина в местное увеселительное заведение. Ревнивые и вспыльчивые пришли и убили его[7]. Говорили, что в деле был замешан Мутталиб-хан[8]. Юношу отнесли домой, а Мутталиб-хана доставили на допрос. Однако расследование отложили до прибытия отца.

[В ту пору завершилось] возведение цитадели Атак Бенарес[9]. 355
Тайным замыслом Властелина Века являлось возведение возвышенной крепости, когда войско прибудет к границам. По этому случаю одобрили место, выбранное дальновидными людьми. 15 хурдада (конец мая 1588 г.), по прошествии двух *пахаров* и двух *гхари*[10], священной рукой было заложено основание с вышеназванным именем, перекликающимся с именем цитадели Катак Бенарес, что на окраине восточных провинций. Крепость поручили Ходжа Шамс-ад-дину Хафи, который к этому моменту вернулся из Бенгалии. В скором времени всё оказалось завершено самым замечательным образом. [Непреодолимую] преграду поместили между Индостаном и Кабулистаном, и стала она инструментом усмирения мятежников тех границ. Беспомощные обрели средство существования, искатели торговли преисполнились уверенности, а путешественники поверили в безопасность [дорог].

Глава 61
Поход [Его Величества] в Кабул

Когда [армия] расположилась на берегу Инда, было принято решение перейти через реку и отправиться в Забулистан. Большинство военачальников высказывалось против похода. Одни пришли к такому выводу от невежества, а другие — либо от большого ума, либо из страха перед холодной страной, заботе о собственном здоровье и любви к Индии, или же вследствие тяжёлых условий пути. Некоторыми же двигали добрые чувства по отношению к неразумному неудачнику, и осмелев от мягкости Властелина Мира, они ослабили поводья отдельных людей (расслабили их). Поскольку нить проницательности и глубины удвоилась, уловки болтунов не возымели действия. В это время автору благородного манускрипта дали приказ записать мнение военных мужей и, проанализировав, доложить обо всём Его Величеству. Я изумился их речам, но, слава Аллаху, они не ввели меня в заблуждение. У меня не было седых волос и длинной бороды, и старая, затронутая синей гнилью мантия не украшала чело лицемерия. Так как я не поверил их напоминающим правду словам, они начали строить против меня козни, но поскольку я находился в милости у священного сердца, страх перед кем-то из них не затронул даже края моей души. Причина, по которой Шахиншах откладывал осуществление своих замыслов, заключалась в его надежде на то, что мирза начнёт руководствоваться разумом и сделает верный шаг. Но тот по глупости и пребывая во сне погряз в злобных мыслях и ещё больше возгордился.

Враги становятся заносчивыми от твоих мягких слов.
Это тот случай, когда прекрасные речи причиняют вред.

Хотя его небесный ум всё это осознавал, он постоянно говорил 356
жемчужными устами: «У мудрых есть превосходный обычай, и для них в порядке вещей лишать телесной оболочки своего собрата, который вследствие потери внутреннего равновесия становится злодеем, дабы не повредил никому из них. Так же и среди людей: если человек наносит ущерб благосостоянию и вызывает враждебность в окружающих, то без сомнения нужно стереть запись о его существовании из книги мира». Однако его любящее сердце не могло согласиться с этим, и он отложил переправу через реку. Так боялся, как бы в случае перехода войска на другую сторону дела не завершились войной и жизни беспечного юноши не пришёл конец[1]. Когда же милосердие превысило допустимые границы и результатом лицемерия стал обман, Властелину Мира пришлось отдать приказ переправиться через реку 31 тира (примерно[2] 11 июля 1588 г.). И стал лагерем там, где Инд сливается с рекой Кабул. Оставив основные силы с огромным по размеру обозом на берегу Инда, поручил командование Касим-хану, дабы тот усмирил непокорные души и возвёл мост. 8 амардада (19 июля 1581 г.) Хаджи Хабиб Уллах засвидетельствовал почтение и доложил о послании мирзы Его Величеству. Хотя в оном и демонстрировалось чувство стыда и раскаяние, и подтверждалось смирение клятвами, всё же, без выполнения приказанного, эти слова были лишены света истины. Извинения принимаются, когда дела согласуются со словами. В противном случае болтуны используют язык для мольбы, но пренебрегают действиями. Много простаков в былые времена по неопытности принимали слово за дело и терпели неудачу. Стремящемуся к миру необходимо, чтобы его деяния не принижали речей, если уж не могли их превысить. Иначе коварство и жульничество начинают процветать на рынке[3]. Таким образом, благоразумный властитель не принял извинений мирзы и приказал принцу покинуть Бикрам[4], в то время как сам отправился в том направлении. 9 (амардада) знамёна выступили в путь и остановились на берегу реки Кабул. Поскольку море милосердия пришло в движение, он направил вперёд

Ходжа Мухаммада Али[5] с отрядом. Вероятно, одно из этих наставлений могло возыметь действие, и мирза не обрёк бы себя на вечную погибель. Назавтра [Акбар] стал лагерем у города Даулатабада. В этот день он возвысил Мир Гияс-ад-дина Али из Казвина, уникального специалиста по истории и обладателя превосходных качеств и ума, титулом *накиб-хана*[6]. Его одарили великолепным одеянием почёта, отборным конём и изобильными богатствами (*хоста*)[7]. Болтающие попусту знатоки генеалогий замолчали, а изрекатели недостойных
357 слов увидели путь. На этом отрезке дороги курьер привёз послание от мирзы. В нём выражалось сожаление о былых поступках и обещание доброй службы в будущем. Поскольку всё это звучало неискренне, то не произвело на [Шахиншаха] никакого впечатления. Так как глубокое размышление и твёрдое намерение — достойные качества [Владыки Мира], он повелел двадцати высоким военачальникам собраться и высказать свою точку зрения, исходя из собственной проницательности и познаний. Он также приказал автору [этого труда] записать слова каждого и доложить о результатах. Приказ был выполнен, и каждый высказал мнение. Поскольку ни один из них не хотел выступать в поход, все высказались за прощение мирзы и возвращение и выразили эту мысль в разных формах. Автор сказал: «Коли большое войско под командованием столь удачливого и величественного вождя проделало столь длинный путь и цель находится не более чем в семи-восьми переходах, а прощение преступлений и возвращение царских знамён связаны обычно с одним из четырёх условий[8], как можно отступать при их несоблюдении лишь из-за неубедительных речей гонцов и из-за писем, лишённых света истины. Более того, сейчас в Индии сезон дождей. Разве можно оставаться возле Инда и ждать его завершения; и если потом мы отправимся назад, то вследствие дождей большой вред будет нанесён боеприпасам, и результат окажется плачевным. Надлежит завершить дело, которое уже почти выполнено, а уже затем решать — наказывать или прощать». Под влиянием личной заинтересованности они рассердились и совещались вместе (букв. «опустили свои головы») с враждебными намерениями. Один осторожный человек[9] сказал мне по невежеству, но из добрых побуждений (или, может быть, не понимая законов

дружбы): «Хотя я знаю, что выявляется степень твоих познаний и демонстрируется правдивость, всё же в столь беспокойное для общества время человеку необходимо действовать сообща с современниками, особенно если они обладают в государстве такой властью». Я ответил: «Проверено, что самое худшее — скрывать крайне необходимые по времени меры на доверительных собраниях и в искреннем месте обсуждения и говорить обратное тому, что на самом деле думаешь. Такие действия разрушительны для государства и религии. Почему же я должен ради безопасности видимого мира, который вскоре будет разрушен, намеренно избирать путь, смертельно опасный для души? Зная, что не изрекал глупостей ради аплодисментов, я надеюсь, что пыль не коснётся моих одежд». Решили, что каждый выскажет собственное мнение [Повелителю Века], и обо мне не упомянут, если только сам про меня не спросит. С этой мыслью мы и расстались. В тот день у меня болела голова и был жар, так что я оказался не в состоянии засвидетельствовать своё почтение (*корниш*)[10]. Несколько враждебно настроенных противников договорились между собой и решили погубить меня. И сбили с толку многих недалёких и честных людей лживыми речами, и те доложили Его Величеству, что все военачальники считали, что Мухаммад Хакима следует простить, а войско должно вернуться. *Хедив* Мира спросил, а каково мнение такого-то, подразумевая автора данной книги судьбы. Один из них, потеряв стыд, из нахальства и лживости, сказал: «Он тоже с этим **358**
согласен». Завистливые и эгоистичные слепцы (*тандари*) встали на неправедный путь и были тверды в злодейских намерениях. [Шахиншах] возмутился и сказал: «Столь недальновидные мнения для меня неубедительны. Военачальники явно боятся холодов Афганистана (Забула); оставлю их здесь, а сам отправлюсь туда с моими учениками (*шагирдпеша*)». На следующий день, выздоровев, я безотлагательно отправился приветствовать Его Величество (*корниш сирбаланд шуд*). Знаки славы сияли на священном челе, и великое собрание обрело новое великолепие. Проходило серьёзное обсуждение, и [велись] подробные расспросы. В это время возвышенный правитель подозвал меня и задал вопросы о здоровье, в которых просматривались упрёки. Он спросил, почему я поменял мнение, которое всегда[11] принималось

во внимание. Стало ясно, что враги и обманщики оболгали меня и сплели заговор. Я впал в отчаяние, попав в ситуацию, в которой даже злодеи не оказываются[12]. Юношеская горячность, чрезмерная преданность, опьянение честностью и ненависть к жизни дали себя знать. Благоразумие покинуло меня, а обращения сфер практически остановились для этого ускорителя утра Общества, нового странника, не знающего нравов Века. Благодаря моей счастливой звезде Божья помощь [вырвала] меня из [пут] безумия. Благоразумие отбросило на меня тень доброты. Слегка утешенный в сердечной печали, обратился к Его Величеству: «Они утверждают, что я это сказал кому-то или произнёс на том собрании?» Ответ прозвучал: «Последнее». Справедливый правитель послал за ними всеми и допросил. Те, что сговорились, встали на путь дерзких утверждений. [Драгоценный камень] мудрости [крошился на глазах], и я уже готовился отправиться в обитель небытия. Дальновидный принц прочёл на моём челе знаки откровенности, и [растерянность] немного прошла, но всё оказалось извращено[13] дерзкими злодеями, и он счёл их утверждения искренними. В этом смятенном и безнадёжном положении один из храбрых и честных мужей, который не побоялся за себя и не обратил внимание на количество противников, и кого я по малому знакомству с ним не считал правдивым[14], сказал: «На том собрании этот человек (Абу-л Фазл) выступил против этих людей; вероятно, разговор (на который они ссылаются) произошёл где-то в другом месте». Узел на моём сердце ослабел. Благодаря выдающимся способностям [Акбар] развернул свиток (*тумар*) спора. В признательность за сей великий Божий дар, за снадобье в решающий момент, не причитающееся никому другому, и благодаря внимательной проницательности Властелина Мира истина отразилась на далёком и близком, и я оставил мысль об уходе и гибели. Мнение о моей службе повысилось. Его Величество решил не спрашивать больше советов и отправился, переход за переходом, в Забулистан. 14-го числа стал лагерем близ Биграма и провёл
359 какое-то время в Горхаттри[15], святилище йогов. Там есть огромная пещера. Говорят, никто не знает, насколько она глубока. В её недрах есть путь к тайной обители древних святых. Из-за труднодоступности и темноты, а также запутанного пути никто не может туда попасть.

Поскольку в этом месте молились великие Божьи мужи, он вошёл туда один, ведомый светом мудрости, и несколько его слуг, один за другим, также удостоились этого блага. Сей маленький человек [Абу-л Фазл] был одним из них. Путь оказался долгим. Приходилось приседать, и ложиться, и доверяться Аллаху. Много храбрецов не отважилось на это и повернуло назад на полпути. После этого [Шахиншах] отдохнул в крепости Биграм. Эта земля имеет название Паршавар [Пешавар], и так же называют основное его население. Управление им осуществлял Яр Али Назир-и-Биютат.

Глава 62
Стремительный поход Его Величества в Кабул

Поскольку все мысли [Шахиншаха] были о том, чтобы мирза узрел истину и перешёл от прекрасных речей к правильным действиям, он двигался медленно и после каждого перехода останавливался на какое-то время. Принцу он также приказал не торопиться. Возможно, тогда мирза одумается и не нанесёт себе духовного и физического вреда. Этот несчастный под воздействием опасений и вождения дружбы с жалкими льстецами никак не мог явиться к [Владыке Мира]. Хотя его сестра хотела поехать ко Двору, он не желал осуществлять её желания. Ходжа Хасан из упрямства отправился в Бадахшан. Мирза отослал свою семью в [безопасное место] и приготовился к разбою. Когда же узнал, что Его Величество стал лагерем близ Биграма, и приближается войско под командованием принца, под воздействием глупых речей невежественных людей приготовился к битве и приложил усилия к потере собственной чести. Поняв это, [Повелитель Века] соединил знания с благоразумием и поспешил вперёд. 15-го числа он оставил принца Султан Салима в основном стане с Саид-ханом, раджой Бхагван Дасом и множеством преданных слуг. Издал приказ, чтобы лагерь двигался неспешно переход за переходом. В тот вечер знамёна остановились у Джамруда. На следующий день на рассвете [Шахиншах] поспешил дальше. Преодолев труднопроходимое ущелье Хайбер, отдохнул какое-то время в окрестностях Даки на берегу реки. В конце дня, когда стало прохладнее, продолжил путь ночью и сделал привал у Ладжипура[1]. Утром

360

уже был в Джелалабаде. Землевладельцы тех мест обрели желаемое. Чтобы дать войску передышку, [падишах] оставил там Джан Дарвеш-хана и Шамс-ад-дина Крори. На следующий день достиг Баг Сафы[2]. Постоянно прибывали быстроходные всадники, доставляя известия о злобных замыслах мирзы и действиях царских слуг (тех, что шли впереди под водительством Мурада). Однако на очередном переходе никто не прибыл, а возвратившиеся разведчики сообщили, что дорогу удерживают афганцы. На следующий день знамёна сделали привал у Гандамака. В конце дня Хаджи Мухаммад Ахади, известный храбрец, которого намеренно отправили вперёд, проехав лишь половину пути, вернулся и, введённый в заблуждение, привёз известия, что далеко не соответствовали действительности. Он доложил, что победоносное войско понесло поражение в битве. Его Величество заметил, что этого не может быть, ибо тогда прислали бы [гонца] из войска. Будучи дальновиден, провёл совет и спросил, что следует делать. Кто-то заявил: следует повременить, пока не подойдёт войско с принцем (Салимом). Некоторые считали: случись что плохое, их слишком мало, а потому небезопасно оставаться на месте и необходимо вернуться в лагерь и приготовиться к бою. Те же, которые полагались на милость Бога и приумножающуюся с каждым днём удачу, сказали, что хотя их мало, им не пополнить свои ряды. Люди [Шахиншаха] — отважные и опытные, и правильнее продолжить путь. Если по воле небес что-то произойдёт, враг ужаснётся при звуках приближения царской процессии и разбежится. [Падишах] одобрил это мнение и продолжил путь. По дороге прибыли несколько военачальников и произнесли миролюбивые и дружественные речи. Единственный в своём роде перл мудрости заявил, что их слова подтверждают: доложенное ранее неправда, и в тот день стал лагерем у Сурхаба. Из опытности и дальновидности Его Величество выстроил войска в боевом порядке, а сам расположился в центре. Зайн-хан Кокалташ возглавил правый фланг, а Мутталиб-хан — левый. Несколько беков и *ахади* находились в авангарде. В конце дня, когда герои были готовы к сражению, доставили известия о победе. Но поскольку гонцами являлись афганцы, а сообщение послал Кармуллах Камбу, благоразумные люди не очень-то им поверили. **361**
Они подумали, что это могло оказаться уловкой, ибо в противном

случае вести пришли бы от принца и других военачальников. [Акбар] расспросил нескольких *заминдаров*, и из их слов выяснилось, что победа была одержана. Он заметил здравомыслящим мужам, что хотя они (*заминдары*) из лицемерия и по своей порочной природе не изложили реальных фактов, всё же повторили первоначальный рассказ. На следующий день [падишах] продолжил путь из Сурхаба в Джагдалак. Прибыло несколько ревностных воинов[3] с докладом о победе от принца. Люди возрадовались, и благодарность Господу [выразилась красноречивым] языком действий.

Глава 63
Победа принца Султан Мурада и жалкое поражение Мухаммад Хакима

(Глава открывается двенадцатью строками сумбурной риторики.)

Мирза покинул путь повиновения из-за интриг порочных негодяев, подрывающих основания домов и срывающих крыши дворцов. В пору мятежа в восточных провинциях наполнил отрадные земли Индии тленом строптивости. С 362
того самого дня как вернулся в постыдное состояние, порой обвинял свою звезду, а иногда осознавал собственное безрассудство; порой порицал скудоумных спутников и винил себя за то, что послушался их. Находясь в таком состоянии смятения, он ещё более встревожился из-за отзвуков приближения царской свиты. И не мог ни остаться в прежнем положении, ни разработать какой-либо план. У него не хватало ясности ума, чтобы пасть ниц на священном пороге, а его спутникам не доставало здравого смысла, чтобы отвезти его детей [к Акбару] для изъявления ими почтения. Его сестра и Ходжа Хасан, опасаясь последствий своей строптивости, поспешили в Бадахшан. Фаридун и некоторые иные, осознававшие, что являются средоточием вероломства, страшились прибыть к священному порогу и облобызать его. Иногда он подумывал об укреплении Хайберского перевала, в иное же время собирался достичь Индии через Бангаш и поднять там волнения. Порой же готовился укрепить цитадель Кабула, а сам [подумывал] укрыться в горах. Из-за величия царского войска он не в силах был исполнить ни одно из этих трёх мероприятий, а кабульцы не могли решиться, защищать им город или бежать. Как можем мы,

говорили они, сражаться с нашим благодетелем? Он был вынужден передать ключи от крепости горожанам, с тем чтобы они вручили их Его Величеству, сам же с несколькими людьми направился в Карабаг. Каждый [из них] отправил семью в какое-нибудь укромное место.

Его (мирзы) единственной мыслью было, что, если войско удачи начнёт оказывать на него давление, он уйдёт в Туран. В противном случае останется в горах и пустынях. [Так] пятнается поражением не имеющий внутри истины, а снаружи — доброго друга, способного сказать горькую истину. Как-то, находясь на берегу реки Горбанд, пришёл в замешательство и устроил совет по поводу того, что следует предпринять. Некоторые заявили, что царская армия не покинет Пешавар, и в ней нет единодушия. Тысячью неубедительных доводов они отвратили его от намерения (бежать в Туран) и вдохнули в него жажду войны. Недалёкие и малоумные друзья исполнили труд мудрых врагов. Фаридуна отправили в Аксарай[1] с некоторым числом спутников с задачей набрать войско и присмотреть за крестьянами. Сам же мирза последовал за ним, желая битвы. Поскольку царская армия была совсем рядом, а его силы очень разбросаны, он решил остаться в Санджад-дара, пока не соберутся его солдаты. Фаридун решил устроить засаду, чтобы, если удастся, нанести ущерб царским силам. Хайдара Али[2] с отрядом отправили в Кабул, с тем чтобы укрепить город, а затем вернуться на поле боя. Обречённые ожидали удобного случая в Бани-Бадра, что лежит между Дуабом и Бутхаком. Царская армия выступила из Барикаба. Тот злонамеренный (Фаридун) двинулся в Чинарту (?) и находился в низине. Когда победоносные войска миновали эту засаду, Сайид Хамид Бухари, Махсус-хан и [другие] герои, входившие в замыкающий отряд, выпустили нить осмотрительности и устремились вперёд. Позади не осталось никого, кроме Сайид Баха-ад-дина и немногих иных. 18 амардада[3] (30 июля 1581 г.) негодяи напали на обоз и часть его расхитили. Храбрецы арьергарда, узнав об этом, тут же поспешили к месту боя. Удача покинула подлецов, и они бежали. Фаридун укрылся в Бадамчашме[4], а остальные немедля направились в Кураксай и Улугпур. Видимо, то, что увидел *ахади*, и из-за чего он привёз те неприятные вести, о коих уже говорилось, было зрелище этой стычки. Шейх Джамал Бахтияр пожелал отправиться

363

с отрядом воинов путём на Чинарту к месту стоянки (в Хурд Кабул) и завязать бой с врагом, если повстречает его. В тот же день мирза прибыл в Чинарту с целью узнать о положении Фаридуна. Внезапно вдали показался отряд, и выяснилось, что это — часть царских сил. Мирза[5] отправил [навстречу] некоторое число отважных мужей под началом Али Мухаммад Аспа. Шейх (Джамал) встал на краю бахчи с дынями, завязалась сеча, и, пока шёл бой, Фаридун появился сзади. Неприятели решили, что подоспела подмога царским слугам, прекратили сражение и отступили. Божьей помощью Шейх понял, что эти люди (Фаридуна) — враги, и направил удар в их сторону. Разгорелась жаркая схватка, и очевидцы были изумлены. Шейх Даулат, Матхура Дас и ряд храбрецов отличились. Со стороны противника отважно бились Бахт бек, Гаюр бек, Шадман Паргалик, Мулла Гаюри[6]. Царские слуги пробились к Хурд Кабулу, где располагался лагерь принца. В этот день отдал свою жизнь Шагуна Каравал (разведчик), отправившийся за сведениями. Ахмад бек, Бахт бек, Захид и прочие, возвращающиеся с грабежа, наткнулись на него, и он погиб как доблестный муж. Вообразившие себе то, чего не было, [ещё более] увеличили свою гордость. Мир Абд-ал-лах[7] также проиграл в тот год монету храбрости (повёл себя как трус). С ним послали крупную сумму на нужды войск. Его встретили Шер Ходжа, Лал бек и ряд иных, и по малодушию он попал в плен, а деньги [оказались в руках грабителей].

[Мухаммад] Хаким мирза с некоторым числом мятежников подошёл к возвышенности близ лагеря удачи; однако, хотя грабежи и стычки ободрили шайку злодеев, он не сумел подвигнуть своё сердце **364**
на битву при свете дня. На протяжении ночи и [последующего] дня сражение [так и не состоялось]. Очевидно, они [враги] собирали [силы]. В коварстве своём он при помощи обречённых послал несколько писем Кулидж-хану, Мирза Юсуф-хану, Науранг-хану, Али Мураду и [ещё] некоторым Чагатаям. В них же предлагал действовать сообща. Мирза Юсуф-хан в избытке гнева разорвал эти письма на совете, а Али Мурада, который их принёс, казнил. По давнему обычаю[8] мошенники любят посылать подобные письма в такие моменты, и они способны совратить человека. Люди скудных способностей сгубили

жизни верных слуг и поверили в их вероломство. Дальновидные мужи с проницательным оком положились на их верность и увеличили свою благосклонность к ним. Те, кто привечает врага, не ведают, что царёвы слуги обучаются мудрости на пороге удачи, а пыль двуличия не поднимается при помощи подобных злодейских уловок.

Словом, кабульцы были ошеломлены мощью победоносных войск. Они оставили благой путь и обращались мыслями к тому, чтобы устроить ночную атаку. Иные подумывали о сражении днём. Вечером 20-го числа, разведя огни на вершине холма, начали чинить беспорядки. Злые помыслы завладели ими. На правый фланг они выдвинули Каззака, Амир-хана Ислам-абади, Афзал Тулакчи и многих других; на левый фланг направили Нур Мухаммад Ходжа Хизри и пехоту хазарейцев в надежде, что в ночной тьме те вызовут смятение. Величие высочайшей власти, соединённой с вечностью, [лишь] укрепило храбрость при виде названных. Герои победоносной армии стояли твёрдо и жаждали битвы. И не обращали внимания на все уловки и угрозы (*гао-тази*). 20 амардада, что соответствовал среде, 1 раджаба 989 г.х. (1 августа 1581 г.), мирза вышел из теснин и вступил на поле боя. Пылкие бойцы удачи с храбрым сердцем и безмятежным взором начали отдавать свои жизни.

От рёва труб
Дрожь пронизала стопу и длань.
Столь жарок стал пыл битвы,
Что искры сыпались из-под копыт коней.
Трубили взбешённые слоны,
И узлом схватывали горло львов[9].

Небесной помощью, что неизменно сопутствует слугам возрастающей с каждым днём удачи, время сражения для всего передового отряда ещё не приспело, так что нет нужды описывать все войска.
365 Мирза пал духом и показал спину. Царские слуги возликовали. Следующим утром Фаридун с отрядом позабыл о происшедшем и взметнул пыль сечи. Командир передового отряда Науранг-хан подошёл к выходу из ущелья. Кабульцы атаковали его и добились не-

большого преимущества. Не знающая поражений армия находилась в некотором отдалении. Нурам бек и Тарсун бек Андижани бесстрашно пали. Мирза собрался со своим слабым духом и вышел из ущелья на равнину. Храбрецы авангарда, а именно Шах бек Кулаби, Рафи Рустаки и Фатх Мубарик принесли на базар жемчужину отваги, после чего с просветлевшим ликом доброго имени собрали скарб жизни (погибли).

Пришли в движение реки крови,
Волнами бурными земля окрасилась в тюльпана цвет.
Сошлись они лицом к лицу на битву,
Героев захлестнули горести и беды.
Что я могу об этой схватке рассказать —
Ведь ни на йоту описать её не в силах.

Когда поле сечи озарилось сверканием сабель, забулистанцы чуть не взяли верх. В этот момент раджа Ман Сингх неудержимо устремился вперёд. Сначала Мадху Сингх, Сурат Сингх и несколько храбрецов объединились в группы (*топ топ*) и вступили в схватку. Вперёд они послали крушащих ряды слонов. Ибрахим-хан Фауджар сидел на особом слоне Ран Мохан, а Джаджхар-хан — на Джагат Рае. Мухаммад-хан восседал на особом слоне Гадж Мангал (Слон Марса), а Чанд-хан — на Лакшми Сундаре. Хотя этот последний не входил в число отборных, в тот день он доказал свою мощь и был [затем] отведён в особую *филхана* (загон для слонов). Хусейн-хан [сражался] на особом слоне Мукута. [Воины] разрядили уносящие жизнь ружья, что были на слонах. Когда в дело вступил авангард, подобный ряду железных стен, кабульцы утратили стойкость. Али Мухаммад Асп и несколько доброжелателей схватили поводья мирзы и отвезли его в пустыню отступления. Ветерок победы подул на розовый куст надежд отважных бойцов. Истекла одна стража и ещё часть дня, когда лучи удачи осветили землю. Удачливый принц, несмотря на молодость, проявил такую храбрость и стойкость, что ветераны сохранили в памяти его твёрдость и усилия. Многие полагали, что мирза нападёт на войско сзади, и на этот случай держали в готовности **366**

дополнительные силы. По этой веской причине они не преследовали врага. Была одержана великая победа. Многие солдаты погибли во время бегства. Льстецы и скудоумные болтуны столкнулись со своими пустынями и очутились на широкой дороге пристыженности. Бахвалы и наглецы говорили друг другу: «Туранцы и персы в царской армии присоединятся к нам без боя, и дни отважных раджпутов и доблестных афганцев будут сочтены[10]. Остальные уроженцы Индии попадут в плен». Подобными выдумками они укрепили мирзу в его заблуждении. Но нет! Хотя тот неискушённый молодец не ведал ни толики о мире духовном, его внешние знания были не столь (малы), чтобы подобные обманчивые речи могли сбить его с толка. [Даже] глупец и захмелевший не настолько пьян, чтобы предположить такое о верности туранцев и персов, каковая известна во всём мире. Великие деяния раджпутов и шейх-зада Индии также не могли остаться им неизвестны. Видно, они надеялись, что таким хвастовством укрепят храбрость забулистанцев и устрашат победоносные силы.

В тот день когда мирза покидал Биграм, один из босоногих мужей просветления (нищий аскет) предсказал ему, что исход битвы с победоносной армией окажется не в его пользу. Для него будет лучше натянуть поводья и отказаться от своего предприятия. Из самомнения и своеволия тот не послушался совета. И вот для мирзы настал час приступа и поражения. Несколько его доверенных обратились в прах огнём из ружей. Касим Ходжа, испытав на себе мощь победоносной армии, доложил мирзе о бегстве его солдат и, схватив его поводья, собрался ускакать с ним. Мирза, будучи в растерянности, не стал его слушать, а нанёс оскорбление. Тем временем на подмогу тому подоспел Мухаммад Али Асп. Мирза разъярился и пригрозил убить его. Тот превосходный (букв. «полный благости») муж ответил: «Вначале отправьте меня в обитель небытия, а затем спасайтесь». Благодаря такой преданности и верному мышлению [Мухаммада Али], мирза понял его замысел и поспешил прочь. Близ Котал Минара стоял отряд победоносных [царских] воинов, и мирза с великим трудом ускользнул. В тот день он остановился в Кара Баге, а затем направился в Истаргач (к северу от Кабула). Там к нему примкнули многие его ближайшие родственники, в том числе и старший сын Кайкобад. Оттуда же направился в Горбанд.

Удачливый принц 22 амардада (3 августа 1581 г.) направился в *джалгах* Сиах Санга и собрал совет. Все типы людей узрели истинное правление и возликовали, и то древнее селение — восхитительный уголок — обрело новый блеск благодаря влаге справедливости. В то время[11] когда стяги удачи направлялись из Сурхаба в Джагдалак, быстрые гонцы принесли вести о победе, и чудеса удачи, коей помогают небеса, вошли в сознание высокого и низкого. Вновь вознеслись мольбы и благодарность. На следующий день он остановился в Барикабе, а 25-го числа [6 августа 1581 г.] расположился в Бутхаке. Солдаты и пахари, мужчины и женщины из Забулистана стекались отовсюду и удостаивались различных милостей. Здесь *куар* Ман Сингх и многие иные военачальники засвидетельствовали своё почтение и были возвышены благосклонностью Шахиншаха. На следующий день он выступил. В пути принц и прочие высокие военачальники [также] изъявили почтение. [Падишах] остановился в Сиах Санге, известном людям под именем Сафед Санг[12], и там тюрк и таджик исполнили *корниш*. В соблюдение указаний астрологов он оставался там несколько дней. Затем посетил сад Шахрара (Гордость города) и прочие уголки для отдыха в том счастливом граде. Вспомнив места, виденные им в отрочестве, описал их по отличительным признакам; и когда проверили, выяснилось, что описание абсолютно точно. Были получены новые доказательства его разума и памяти. В это время землепашцы того края привели закованного в цепи Лашкар-хана из Бакланы[13], известного своей неугомонностью, и того казнили в воздаяние за его преступления. Поскольку в намерения Владыки Мира входило провести некоторое время в той стране — являющей собой сад и радующую сердце обитель — в поклонении Господу и приложении бальзама к ранам её жителей, он послал своих слонов в Джелалабад под ответственность Сайид Хамида, Сайид Баха-ад-дина и прочих. В это время пришли известия, что мирза находится в помутнении и на грани безумия. Заслышав эхо царской кавалькады, направился в Горбанд, решив, что, если [победоносная] армия придёт за ним, он станет подобным *каландару* и отправится в уединение в Туран. По неизмеримой милости Его Величество отправил к нему Латиф Ходжу и Кази Абд-ал-Латифа со спасительными советами. Его единствен-

ной целью являлось, чтобы тот уверился в царской милости и прибыл ко Двору. В благостный час, 29-го числа (9 августа 1581 г.)[14], [Шахиншах] расположился в цитадели Кабула. [Упомянутый] край
368 обрёл великолепие, там был устроен Двор, и [состоялся] великий пир. В том году произошло и взвешивание (Акбара)[15], противовесом служили прекрасные вещи. Род людской преисполнился радости от царских милостей.

Глава 64

Прощение прегрешений Мухаммад Хакима и возвращение [победоносного] войска в Индию

(Глава открывается одиннадцатью строками восхвалений Акбара за его милосердие.)

Некоторым преданным и верным не раз приходило в голову, что какому-нибудь слуге следует устроить засаду и свести мирзу с пути [жизни]. Из чувства истинного расположения он [Акбар] не одобрил сего, невзирая на возрастание строптивости названного. Своими жемчужными устами рек: «К чему сынам человеческим использовать Богом данную силу на исполнение желаний чувственной души, забавляющейся игрой? И зачем ради собственного спокойствия буду я пытаться отнять жизнь у брата? Или в неблагодарности позволю умертвить преданного приверженца? Если он (мирза) идёт ложным путём, полагая его верным, то свершает религиозное деяние, в противном же случае захворал недугом невежества. Не следует нам тревожить того, кто терзается муками в пустыне неразумия». В то время когда царская свита находилась в отрадном месте Кабул, свиток жизни мирзы чуть не свернулся[1]. В таком [его] опасном состоянии посланцы Халифата привезли добрые вести о прощении и явили тому обезумевшему и отчаявшемуся поддержку возрастающей с каждым днём удачи. Поначалу мирза счёл это сном и, думая, что его ожидает порицание, не верил этой вести. Осознав истину и увидев, что двор принятия извинений **369** открыт, принялся сетовать и причитать и рассказывать о недостатке у себя мудрости, о собственной неудачливости, неверности спутников и своём позоре и объявил в ответ: «Мне следовало коснуться лбом

священного порога до того и превратить его пыль в снадобье для очей и сердца. Ныне, когда я дожил до такого дня, с ужасом, выросшим с моей души, откуда во мне сила или уверенность, чтобы предстать перед Его Величеством, и что докажет такое появление, и какое прошение я подам? В горести своей я не могу привести сестру и Ходжа Хасана для принесения ими извинений, ибо, видя мой чёрный день и из страха, они направились в Бадахшан. Однако меня утешила сия вдохновляющая весть. Надеюсь, что в связи со сказанным мне будет прощено моё отсутствие. Я посылаю сына, чтобы он засвидетельствовал почтение. Когда ум мой несколько очистится, то обрету вечную удачу счастьем исполнения *корниша*». Такое прошение он отправил с Али Мухаммад Аспом.

1 шахриюра Латиф Ходжа и Кази Абд-ал-Латиф явились к Его Величеству и рассказали о смятении мирзы. [Шахиншах] выразил неудовольствие и приказал, чтобы несколько усердных людей отправились и привели названного [мирзу] с уснувшим разумом на путь доброй службы. В это время Мухаммад Али Асп при посредничестве придворных получил милость аудиенции. Поскольку он был одним из давних слуг величественной семьи, его мольбы приняли. Проступки мирзы были забыты, и он вновь получил Забулистан. А поскольку присутствие царских стягов служило для того источником смущения, [падишах] на следующий день отправился в Индию. В первую очередь отправился на кладбище[2] и к святой усыпальнице Его Величества Фирдус-макани (Бабура) и прочёл молитвы за него. После чего предался усладе в саду Шахрара. В конце дня приказал высшим военачальникам принца Султан Мурада двигаться переход за переходом, а сам поспешил на почтовых лошадях в Джелалабад, где находился великий лагерь. Махсус-хан, Шейх Джамал и автор сего благородного тома, а также некоторые иные удостоились привилегии сопровождать его. В начале ночи он ненадолго остановился близ Биграма (возле Кабула). Когда истекла одна ночная стража, вновь двинулся в путь и в полдень расположился на отдых в Барикабе. На рассвете продолжил путь верхом и на следующий день достиг Джелалабада. Принц (Салим) коснулся главой его благостных стоп, а целомудренные дамы преисполнились радости. Военачальники преклонили колени и

вознесли благодарения. Сплетники принесли несколько небылиц о мирзе. Пришло донесение, что знамёна победы двигаются к Турану. Военачальники несколько опасались незнакомой страны и засад кабульцев, когда неожиданно прибыл всадник равнины удачи (Акбар). В лагере воцарилось великое ликование. 7 (шахриюра) он направился в Индию и разбил стан на берегу реки. Его Величество и некоторые дамы посетили Баг Сафа и вечером вернулись. На следующий день подошли принц (Мурад) и военачальники. На этой остановке из Бихара прибыл Шейх Фарид и изъявил почтение. Он доложил о поражении неприятеля и об очищении тех земель от мятежников. 15-го числа перевалил через Хайбер и остановился в Джамруде.

370

Одним из событий стало прощение Масум-хана Фаранхуди. С той поры как он был опозорен в бою с Шахбаз-ханом и ускользнул из рук землевладельцев, — что уже описывалось, — [упомянутый] блуждал в джунглях. Каждый день ранил шипами стопу усилий и новыми горестями [увеличивал] наказание собственной порочности. В таком состоянии [постоянных] неудач и смятения к нему примкнул один из его слуг по имени Максуд, отдавший ему свои сбережения. Мятежные мысли вновь ввергли в безумие этого злополучного мужа. Его буйность окрепла, и он принялся угнетать крестьян. Вскоре собралось некоторое число подобных насекомым людишек, рабов золота, и они разграбили город Бахраич. Фахр Али (сын?) Вазир-хана дал бой, но из-за несчастливой звезды и дурного поведения своих спутников не достиг успеха. Город с окрестностями оказался под властью того злодея. Вазир-хан, Михтар-хан и прочие держатели наделов объединились и мощью возрастающей день за днём удачи вступили с ним в битву. Сражение началось залпами из пушек и ружей, при этом противники были отделены рекой Сару. Из страха перед прибывшими мятежники в тот день не покидали лагеря, а ночью ушли с немногими людьми. Вскоре землевладельцы приняли сторону избранных слуг, и сила последних возросла. Вечером он [Максуд] покинул семью и дом и бежал. Победоносные войска преследовали его до Кальянпура, а затем возвратились. Масум-хан направился в Джалупару и поднял смуту и там. Многие подобные насекомым создания примкнули к нему и разграбили город Мухаммадабад. Опасались осады Джаун-

пура. Шахам-хан прибыл из Тирхута, Пахар-хан из Газипура, а из
371 Чандпура — Касим-хан — все с намерением поправить дела. Они проявили энергичность, и тот бесчестный потерял уверенность. Его люди разбежались, а он бросил добычу и с немногими спутниками пересёк Сару через переправу в Халди. Когда не знающие поражений войска повсюду затянули победную песнь, его мятежность несколько приутихла, и он ухватился за оправдания. В Хаджипуре находился Хан Азим Мирза Кока. Тот послал ему письмо с мольбой о прощении. Хан Азим вспомнил давнего знакомого и повёл себя милостиво. Он помог ему деньгами, добром и землями. Помимо того, попросил Его Величество простить того. Снисходительный повелитель, чуткий к извинениям и любящий [подданных], позволил Кокалташу надеяться на эту милость, и мир уподобился цветущему саду.

И во сне не привидится кающемуся слово «покаяние»,
Если увидит он его милосердные старания простить грехи[3].

Скорбным происшествием стала кончина Сайид Хашима Бухари. В начале сего похода Мир был отправлен к управителю Сирохи. Его сопровождали Мир Калан, Камал-ад-дин Хусейн и несколько усердных мужей. Когда он расположился там, Султан Деора[4], крупный землевладелец тех земель, притворился покорным и [надел] личину дружелюбия, сладкими словами привлёк на свою сторону некоторое число недостойных раджпутов и принялся выжидать возможности причинить смертельный вред. В это время, когда верные были далеко, а бунтовщики — рядом, он атаковал небрежного Сайида. 2 амардада тот с несколькими иными отважно пал, достойным образом проиграв монету жизни. Несколько тех, кто повёл себя трусливо в той схватке, оказались наказаны (Акбаром), а вероломного постигла суровая кара.

16 шахриюра Его Величество остановился близ Биграма. Пришли известия, что Касим-хан навёл отличный мост через широкую и бурную реку Инд. Множество людей пересекло её и возрадовалось.

Тогда же схватили впавшего в меланхолию Шейх Джамал Бахтияра[5]. Когда Его Величество вышел из Хайберского прохода,

то увидел, что [Шейх] предавался пьянству. Однако вначале отрицал это, но затем принёс подобающие извинения. [Великий правитель] вынес ему порицание и не позволил исполнить *корниш*. Преисполнившись безумия, тот впал в помрачение и, уничтожив всё своё добро, стал нищим. [Шахиншах] по [присущей ему] доброте, а также чтобы преподать урок, взял его под стражу. Шейх Абд-ар-Рахим из Лакхнау[6] и некоторые иные из его приятелей получили выговор и были отлучены от Двора.

22-го числа Его Величество пересёк Инд по мосту и прославил земли Индии украшающими мир шагами. Управление провинции 372
Инд доверили энергичности *куар* Ман Сингха. [Падишах] устроил в окрестностях охоту *камарга* и развлёкся. Тогда же прибыл раджа Тодар Мал и изъявил почтение. Он находился при армии и занимался управлением восточными областями. Поскольку в Бихаре дел оставалось немного, а чиновники не располагали привилегией отправиться в Бенгалию, за ним послали, чтобы возложить [обязанности] визиря. Он обрёл новые силы и вступил на службу, приняв должность в начале михра. В этом месяце [Повелитель Века] покинул берега Инда и отправился на охоту. 20 михра пересёк Бихат по мосту в Расулпуре, а 25-го числа — Ченаб по мосту в окрестностях Хайлана[7] на переправе Джагали. 5 абана перешёл вброд Рави и разбил лагерь близ *серая* Даулат-хана. В тот же день назначил *садров*[8], и оросился сад надежд удачливых. [Мудрый владыка] выказал заботу о великом числе арендаторов (*саюргалдаран*) и их благоденствии, и отменил сосредоточение службы в одних руках, и распределил труд между несколькими честными и опытными людьми, дабы не вынуждать просителей ждать и [преградить дорогу] подкупам. *Садарат* провинций Дели, Мальва и Гуджарат вручили Хаким Абу-л Фатху, *садарат* Агры, Кальпи и Калинджара — Шейх Абу-л Файзу Файзи, *садарат* [земель] от Хаджипура до Сару — Хаким Хамаму, *садарат* Бихара — Хакиму Али, *садарат* Бенгалии — Хаким Аин-ал-мулку, *садарат* Пенджаба — Кази Али-Бахши[9]. Повсюду в крупных городах [правитель] назначил самых способных и терпимых главами над *кази* соответствующих кварталов, дабы те приглядывали за сонмом мужей в огромных тюрбанах и длинных рукавах. В это же время раджа Бхагван Дас,

верховный военачальник Пенджаба, испросил аудиенцию у Повелителя Мира, и просимое было даровано. 8-го числа Его Величество осенил его милостью, и тот обрёл непреходящее счастье. 21-го числа он пересёк Биас (Джелам) по мосту, а 28-го числа — Сатледж, также по мосту. На следующий день остановился в Сирхинде и насладился его садами. Во время остановки распрощался с раджой Бхагван Дасом, Рай Раи Сингхом, Сайид Хамидом Бухари, Джаганнатхом и иными землевладельцами Пенджаба. 7 азара в Панипате Шахбаз-хан был возвышен изъявлением почтения. С тех пор как изгнали Масум-хана Фаранхуди в глушь, он исполнял в Фатехпуре приказания Халифата. Прослышав о возвращении [Шахиншаха], прибыл и обрёл счастье. 10-го числа[10] [Владыка Мира] добрался до Дели. Он посетил усыпальницу Его Величества Джаннат-ашияни (Хумаюна) и щедро одарил

её стражей. Посетил также обитель Хаджи бегим (своей мачехи) и засвидетельствовал почтение. Состоялась радостная встреча, и желания исполнились. На исходе дня ему сообщили, что носилки Её Величества Мириам-макани близко. [Великий повелитель] обошёлся с ней с почтительным уважением. Принц Султан Даниял входил в её свиту и засвидетельствовал (Акбару) своё почтение, а вслед за ним — Султан Ходжа, Шах Кули-хан Махрам и многие верные слуги. 17-го числа [Шахиншах] разбил лагерь близ Матхуры, и отправился в ту давнюю обитель паломничества, и стал очевидцем зрелища омрачённых (заснувших в царстве познания). По просьбе Матхура Дасы, одного из ближайших подданных, недолгое время прославлял его жилище своим появлением.

Глава 65
Прибытие царской свиты в Фатехпур

Праведный Владыка Мира благодаря мудрости и проницательности, а также руководству возрастающей день за днём удачи повёл огромное индийское войско в Забулистан и мастерством и расчётом довёл сие предприятие до успешного завершения. Возвысилось величие совета, и была явлена новая жемчужина человеколюбия. Благоразумие и отвага шагали плечо к плечу, а милосердие и щедрость соединились. Мудростью он заложил основания войны и привёл мир на открытую равнину. Не думая о себе, показал путь доблести недостойным врагам. Возмездие порочным произошло в изысканной манере. Великий поход, мысль о каковом не приходила в голову правителям Индии, свершился превосходнейшим образом. Драгоценные камни терпения, глубоких дарований и познания тайн [предстали] четырём сторонам изумлённого света. Хотя мятежники восточных областей ступили на нехоженые тропы, и военачальники просили его предпринять поход в том направлении, [Шахиншах] обратился к мятежу в Пенджабе, не удовлетворив их просьбы. И проявил такое спокойствие и такую выдержку, что достойны превознесения повсюду, а для горестей людских стали целительным бальзамом. Рассудительность и управление обрели новый блеск, а [падишах] прославился, запретив наказывать неблагодарного брата, на которого взирал как на великовозрастное дитя. Отказавшись от того, чтобы возложить управление [единственно] на чиновников, он упрочил узы проницательности. Несмотря на множество проступков даровал мирзе его земли, добро,

 жизнь и честь. Выполнив обязательства битвы и пира, наградил верных слуг и покарал злодеев. 19 азара[1], десять месяцев спустя, почтил столицу своим Присутствием.

Ветер ликования летит из Фатехпура,
Ибо вернулся мой царь из долгого странствия.
Сколь благостен его приход: любое сердце
Источает тысячу восхвалений.
О Файзи, пусть его прибытие мир прославит,
Ибо мир склонился перед ним.

В сей день радости именитые военачальники, преданные слуги и прочие стали по обеим сторонам дороги на протяжении четырёх *косов* от города. Гороподобные слоны высились среди народа в [ослепляющем] величии. *Хедив* Мира двигался на достигающем небес слоне, сопровождаемый [сиянием] Божественного ореола. Покорные принцы следовали в надлежащем порядке. Многие чиновники шагали перед жезлоносцами (*есавалан*). Здесь сияли доспехи в [небывалом] великолепии, и в них следовали военные мужи различных рангов[2]. Бой барабанов и мелодии музыкантов-волшебников доносили вести радости. Сонмы изумлённых людей толпились на крышах и у дверей. На исходе дня [Шахиншах] уселся в величественном зале (*даулат-хана*) на престоле владычества. Он отдал долг справедливости, наградив верных и наказав враждебных, и сделал упрочение власти и успеха возможностью для почитания и моления.

Поучительным событием стала казнь Бахадура. Этот недостойный муж, сын Саида Бадахши[3], из-за распущенности ума притеснял крестьян. И выказал удивительную глупость, что в некоторой мере уже [упоминалось]. Горный край Тирхут он превратил в оплот смуты и, выбираясь оттуда при подходящем случае, раскрывал ладонь грабежа. Поскольку этот округ входил в *джагир* Гази-хана Бадахши, которого поддерживал Хан Азим, тот соединил умение с отвагой. Бахадур потерпел душераздирающее поражение. Его жилище и родичи были разграблены, а дети захвачены. Поэтому он прибег к уловкам и взмолился о милосердии. Прибыв, изъявил своё почтение Гази-хану.

Поскольку его речи и поступки [оказались] отмечены знаками бунта и строптивости, Гази-хан взял его под стражу и отправил к Хан Азиму в Хаджипур. Последний отослал его ко Двору, и, когда Его Величество прибыл, того привели с цепями на шее и колодками (*кунда*) на ногах, и он получил то, что заслужил[4].

В ту же пору прибыл Хайдар [Чака][5] для изъявления почтения. **375**
От принцев эпохи Акбар не требует ничего, кроме повиновения, и если они исполняют сие, то не обращает против них могущества верховной власти. Соответственно он отправил Салих Акила, чтобы тот дал добрые советы Юсуф-хану, принцу Кашмира. Названный имел добрую удачу принять [наставления] и послал третьего сына ко Двору вместе с превосходными диковинками той страны. И был отмечен царскими милостями.

Случилось так, что Шахбаз-хана поместили в темницу школьного обучения. Во времена когда судьба улыбается, а богатство возрастает, людям надлежит следить за собой. Непостоянство[6] и слишком большое увлечение миром — что есть обитель демонов успеха — быстро сбивают человека с толка и ввергают его в вечную погибель. Силой возрастающей с каждым днём удачи он исполнил добрую службу, но испил больше мирского вина, чем в силах был усвоить, и начал проявлять своеволие. В пору исканий впал в надменность и самовосхваление. Поскольку Владыка Мира, в ту пору избавленный от тягости управления миром, держал совет (*джанги*) с людьми мудрыми и бескорыстными, внимательно присмотрелся к поведению этого мужа с мелкой душонкой и нечистым языком[7]. 24 дая [Шахиншах] отправился на охоту в направлении Нагарчина и прибыл туда 3 бахмана. В этот день, выстраивая караул (*таслим-и-чауки*)[8], *бахши* Двора Халифата поместили его (Шахбаза) ниже Мирза-хана, носящего ныне славный титул Хан-ханана. Тот встал не туда и не повиновался священным приказаниям, порвав [тем самым] узы признательности и верности. Или, вернее, выпустил нить расчётливых соображений. Поскольку способности его были невелики, а вино — крепко, не сумел сохранить спокойствие на пиру службы. Он вышел из холодной обители рассудка и поклонялся своей отличительной особенности. Его Величество, дабы наставить, передал

его Рай Салу Дарбари и отправил в школу практической мудрости. На следующее утро [падишах] вернулся в столицу.

Печальным событием стала смерть (Малики Джахан) Владычицы Мира Хаджи бегим. Вернувшись из Хиджаза[9], она, дабы исполнить свой долг, поселилась близ могилы Его Величества Джаннат-ашияни (Хумаюна) и присматривала за ней, считая такое служение возможностью обрести блаженство в миру и вере. Бедняки того места обрели желаемое на столе её щедрости. Поскольку мир — не место для постоянства, а торговая площадь (*гузаргах базаргани*[10]) — не место для духовного отдохновения, 7 бахмана (17 января 1582 г.) та затворница упаковала богатства жизни из этого ненадёжного жилья и
376 отвернула лик от караван-сарая. Мир опечалился, а эпоха преисполнилась скорби. Как мне описать состояние занимавшего престол, который [горячо] любил её! Таланта смертных для этого недостаточно, и такое описание не уместится в изложницу речи. И почему сие невозможно?! Умение управлять материальным миром — важное обстоятельство, а исполнение сего — великая задача[11] (?). Видя, что источник человеколюбия испытывает скорбь от смерти любого человеческого существа, имеющего толику добра, можно понять, каковы были его чувства, когда оборвалась жизнь, столь близкая его душе. Сия дама из рода верховной власти являлась океаном совершенств и любила повелителя с его ранних лет. Он также имел удивительную привязанность к ней. Женщины гарема плакали и рвали на себе волосы в страдании, от которого нет лекарства. Его Величество, будучи Владыкой Мира духовного, в котором [не случается] ничего неожиданного, и [не обезображенный ни единой] морщиной на челе сердца, воздержался от чрезмерного проявления чувств, и избрал своим приютом чистый храм покорности, и приложил бальзам к раненым сердцам.

Пробуждённым и просветлённым хорошо известно, что три каравана движутся к постоялому двору от трёх до пяти дней. Первый — караван спермы, что исторгается из чресл отцов во чрево матерей, второй образует небесную душу и тело, рассыпающееся в прах, третий — это неизъяснимое состояние существ, каковые в сей многоцветной обители испытывают радость и горе. Пока человек пребывает в ней, существо его не знает покоя. Просветлённое же сердце движется по-

среди этой неразберихи твёрдой стопой, пытаясь помочь себе и другим. Тот, кто этого не понимает, смущается и теряется.

Из безмерной милости [Шахиншах] послал Касим Али-хана в Дели, дабы тот сообщил о милости Его Величества слугам [скончавшейся] затворницы, и умерил бы их скорбь, и утешил их. Ему также повелели надлежащим образом исполнить всё необходимое для дамы, отправившейся в такое путешествие (помочь её душе раздачей милостыни и молитвами). Пусть Всемогущий Господь пошлёт луч своего бессмертия в долину существования сего владыки, ступающего мудро! И пусть его несравненное милосердие и безмятежность обеспечат жизнь смертным.

Пусть обретёт его душа приют нетленный,
Пусть станет храмом жизни его порог,
Пусть красота его прославит мир,
Пусть ночи его будут вознесением к небу,
а дни — новогодними.

Заметным происшествием стало прибытие ко Двору Масум-хана Фаранхуди. В середине *бахмана* тот скиталец по глуши погибели явился в Фатехпур. Поскольку его одержимость ещё не миновала, он не принёс лик мольбы к порогу удачи, но избрал место за пределами города близ гробницы сокрытого святого (*Пиргаиб*)[12]. Несмотря на 377
такое число преступлений им владела единственная недостойная мысль, что владыка заметит его. Если бы раскаяние полностью [охватило] его душу, он явился бы к [высокому порогу] и прикоснулся челом к праху покаяния, дабы Несравненный Господь простил его, и [грешный скиталец] оказался бы под сенью милости.

Вот каковы приключения, выпавшие этому [недостойному] с уснувшим разумом и удачей. Когда бессилие овладело им, он, прибегнув к лести, некоторое время пользовался покровительством Хан Азим Мирза Коки. Мирза, будучи честен и простодушен, поверил в истинность его обманчивых заверений и оказал ему поддержку. В различных делах помог ему деньгами, добром и *джагиром*. Частью последних являлась территория Махисы[13], что у подножия гор. Ещё

он пообещал, что, когда царские стяги вернутся в Индию, возьмёт его ко Двору и добьётся для него милости. Тот, недобрый в сердце и лелеющий злые мысли, распрощался и направился в свои земли. Вокруг него собралось множество бесстыжих людишек. Мирза пожалел о том, что отослал его, и решил исправить положение. Поскольку у Масума не имелось сил для сражения, он отбросил эту мысль [о бое] и ушёл прочь, намереваясь прибыть ко Двору. Его единственным стремлением стало поднять голову мятежа при первой же возможности. В ином случае он отправился бы к [царскому порогу] и прибег к лести. По наущению дурных людей мирза позволил этому бунтовщику уйти без вооружённого конвоя (?) и тем допустил огромную ошибку в деле управления. Тот же ходил извилистыми тропами и постоянно использовал хитрости, однако, поскольку ему не хватало людей для сражения, и он был окружён множеством царских слуг со всех сторон, а его мать, сестра и жена находились в заточении, не мог взметнуть пыль раздоров и не имел сил отвести себя в угол поражения. Беспомощный [Масум] явился в город почтения и впал в злоупотребление надменностью.

В это же время Кази Абд-ас-Сами[14] был вознесён, получив должность войскового *кази* (*аскар*). Он происходил из благородного андижанского рода и значился в числе лучших эпохи в обычных науках, красноречии (*танких-и-такрир*) и верности мышления. Ранее эту должность занимал Кази Джалал Мултани[15]. Когда открылось, что мирские интересы отняли разум у этого алчного мужа, и он отошёл от истины и прямоты, и вдобавок стало известно, что его сын растратил деньги казны, того лишили этой должности и доверия, и перо замены сделало росчерк вокруг лба его положения. Для размышления над тем обстоятельством[16], что человек, возвышенный царём, не имеет права выглядеть презренным в глазах народа, его выслали в Декан, чтобы тем путём добраться до Хиджаза. Этот стяжатель остался в этой
378 земле (в Мекке), где и скончался. После него никто не был назначен на такой высокий пост. Его Величество, будучи впечатлён умением и бескорыстием превосходного мужа [Абд-ас-Сами], назначил его на высокую должность. 24-го числа Хан Азим прибыл из Бихара — его приняли с царскими милостями.

Глава 66

Начало 27-го Божественного года [с момента священного Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха] — года хурдад третьего цикла

В эту пору, когда улыбнулась весна духовная и земная, радостное оживление настало в царствах природы. Каждое из них расцвело чудесным образом. В вечно юный разум украсителя сада удачи пришла мысль устроить старинные празднества и скрепить мир внешний. Хотя Его Величество неизменно почитал это благородное время года (весну), однако из-за господства обычая и общего неведения его чувства не обнаружили себя. Поскольку глаза сердца [людей] скованных ханжеством были подслеповаты, а здравый ум покрылся ржавчиной от небрежения, избравший истину Шахиншах принял во внимание чувства современников и не вынес свои воззрения из потаённых покоев души в залы явления. Лекари мира и просветлённые правители знают, что следует воздерживаться от тех форм почитания, которые вызывают смущение среди народа и полагают довольство различных типов людей одним из величайших способов преклонения перед Господом. В сей день, когда был возвышен разум, а малые и великие искали доказательств, когда умудрённые старики и счастливые юноши, равно как и зоркие мудрецы, подготовили сердце к доводам и поискам достоверности, святые мысли Шахиншаха обратились к старинным обычаям и предпочли мудрость обычаю.

Слава повозке (*джамбаш*) водителей истины,
Ибо возжигают они лампаду уверенности.
Слава всадникам, пересекающим горизонты,

Ибо они уносят мяч в царство и веру.
Средь всадников, арену украшающих, есть тот,
Кому мала и высочайшая хвала.
В два слова я смогу вместить своё почтение:
По качествам — Афзал[1], по имени — Акбар.

По прекрасному благочестию его души, связанной с небесами, он невысокого мнения об ораторах (возможно, стихотворцах) и не особенно чтит писателей[2]. Сколь малозначителен ни был бы человек с виду, он обретает почёт, если произнесёт слова высочайшей мудрости; но как велик он ни был бы внешне, рука отказа (*даст-и-радд*) накроет его, если его речи не согласны с ней. В своей прекрасной безмятежности, если какой-либо старинный рассказ о [мужах] древности приходится ему по душе, он придаёт тому высочайшее значение, не
379 обращая внимания на необходимость внимать иным. Веления Султана Мудрости рассматривает как указы Господа и являет пыл в их исполнении. Очевидно, что пробуждению нечему учиться у дрёмы, так же как не найти света во тьме.

Этот год[3] положил начало новогодним пирам и прочим старинным празднествам, и они вошли в обычай по всему миру. Вновь окружила слава святые души прежних времён, а великие мужи того века обрели желаемое в делах материальных и духовных. Растущее поколение, ищущее просветления, также было осыпано великими щедротами. Почитание Господа обрело [подобающее] место и, под видом приличий, развилось духовно. Прославились сезоны равномерности времён, а также периоды прочих празднеств персидских месяцев, которые мудрецы прошлого ввели для поклонения Господу и смягчения сердец, стали блистательными, как вкратце говорилось о том в начале сего дворца просвещения («Акбар-наме») и в последнем томе. С приближением Нового года Его Величество отдал приказ, чтобы даровитые мастеровые Двора украсили величественную *даулат-хану* (зал частных приёмов)[4], которая окружена 120 каменными верандами (*айван*). Высокопоставленные чиновники и иные счастливые слуги немало размышляли о его украшении. Использовали роскошные ткани, вышитые золотом, а также разнообразные драгоценные камни.

В воскресенье, 15 сафара 990 г.х. (11 марта 1582 г.), по прошествии 14 минут и 37 секунд, Солнце вновь озарило славой знак Овна, и румянец изобилия украсил Время. Начался год хурдад третьего цикла. Просветлённый Шахиншах взошёл на трон удачи, и мир обрёл новый блеск, внутренний и внешний. Была явлена жемчужина богословия, и настала новая пора для любви и таланта[5]. [Стих не переведён Г. Бевериджем.] С сокровищницы сняли затвор, а монеты надежды разбросали среди народа. Установили, что каждый год, начиная со времени вступления [Солнца] (в знак Овна) и до момента кульминации, надлежит устраивать большой праздник, и каждый день благостный слуга должен проявлять заботу о славном пиршестве.

На этом великолепном собрании прозвучало: «В сей день каждый сделает что-то особенное и достигнет украшения счастья». Первым держал речь Властитель Мира, изрекший своими жемчужными устами: «Воистину Господство (*худавинди*) связано лишь с Несравненным Божеством, а Служение (*бандаги*) соответствует рождённым человеком. Какую власть имеет эта щепоть бессилия, чтобы присваивать себе именование хозяина (*сахиби*) и превращать в рабов сынов человеческих?» И тотчас же освободил много тысяч рабов, молвив: «Разве правильно называть таким именем захваченных силой и повелевать им служить?» И приказал, чтобы тех счастливцев наградили именем *чела*[6] (ученик). 380

Предварительно Его Величество повелел, чтобы просветлённые [мужи] Присутствия высказали свои предложения, но ввиду оживления рынка лицемерия и недостатка верности у охранителей приказание сие не было выполнено[7]. Среди таких волеизъявлений поступило пожелание принца Султан Салима. Он объявил, что в брак не стоит вступать ранее 12 лет, ибо иная практика приносит много вреда и мало пользы. Хан Азим Мирза Кока заявил, что управителям областей государства не подобает дерзко разрезать нить жизни, и пока они не изложат дело [Хедиву Мира], не след им пятнать свои руки разрушением того, что возвёл Господь. Где найти такое, чтобы глубокая проницательность и дальновидность, каждая из каковых редка [сама по себе], соединялась с отсутствием корысти и недоброжелательства? Мирза Хан-ханан объявил, что было бы прекрасно, если бы не уни-

чтожались [даже] частицы жизни, как, например, маленькие птицы и пресмыкающиеся[8], и если бы множество жизней не губилось ради малой выгоды. Раджа Тодар Мал изрёк, что во дворце необходимо раздавать милостыню, а чиновникам повелеть заботиться о неимущих каждую неделю, месяц или год. Мирза Юсуф-хан (№ 35 в «Аин-и-Акбари», I) указал, что с каждого города и городка необходимо получать ежедневный отчёт о происшествиях. Раджа Бирбар выразил пожелание, чтобы некоторых верно мыслящих и прилежных людей назначили в ряд мест в качестве [проверяющих], и они беспристрастно доносили бы о положении притесняемых и искателей справедливости и докладывали о неизбежных несчастьях. Предложение Касим-хана[9] заключалось в том, что на дорогах царства следует построить *сераи* (дома постоя), где путники могли бы отдохнуть. Шейх Джамал (№ 113 в «Аин-и-Акбари», I) молвил, что надлежит назначить несколько бескорыстных и опытных мужей, которые доставляли бы ко Двору испытывающих горе или нужду. Шейх Файзи попросил, чтобы в города и на базары [послали] людей опытных и сочувствующих, дабы утверждать цену на различные товары. Хаким Абу-л Фатх пожелал учредить госпитали. Пишущий сей благородный том попросил, чтобы *дарога* каждого города и городка переписали всех домовладельцев, имя за именем и ремесло за ремеслом, и постоянно наблюдали бы со всей зоркостью за их доходами и тратами, и изгоняли бы лентяев, [а также] буйных и злонравных. После того как [все перечисленные] внесли предложения, Его Величество принял все их советы. Скорбящий мир обрёл новый лик. Распахнулась дверь Божественной щедрости, а к зрящему оку была приложена мазь. Земля поднялась, чтобы воздать хвалу, а небеса в радости изрекли благодарность. Каждый день на одного из крупнейших чиновников ложились заботы о собрании. Владыка Мира бросил взгляд благосклонности на сие прекрасное место и явил щедрость. Молитвы Господу вознесли в соответствии с превосходными правилами, и каждый из удачливых слуг пожерт-
381 вовал часть *пешкаша* и накопил блаженство непреходящее. Благородный ум Шахиншаха обрёл малую вещь и сделал её поводом для (предоставления) значительной должности. Когда приблизилась пора кульминации (Солнца), украсили особый зал приёма (*даулат-хана*

хас). Чудотворные, подобные волшебникам, мужи вершили чудеса, и каждый день открывался базар мудрости. Воспрянули души мудрецов прошедших времён, а великодушный [падишах] обрёл превосходное оправдание (для щедрости).

В начале сего удачного года *Хедив* Мира уделил некоторое внимание устроению дел царства и осиял новым блеском установления, посвящённые управлению и податям. Перед тем обязанности визиря возложили на раджу Тодар Мала[10], но из-за трудности дела и активности двуликих мужей с десятью языками он не приложил всех сил. Сей дальновидный и неподкупный муж, постигший тайны управления, назначенный на возвышенный пост главы *дивана* (*ашраф-и-диван*), по существу получил пост *вакила* (первого министра). Все дела были переданы на его усмотрение, и результатом стало великолепное решение административных и финансовых вопросов. Удачей счастливой судьбы он не осквернил подола желания, но поглощённый лишь благом государства, обеспечил себе добрую репутацию навек. Непоколебимым сердцем укрепляя законы Халифата, не страшился людей могущественных и интриганов. Руководствуясь дальновидностью и знанием мира, предложил ряд установлений (*фасле*), с тем чтобы священные указы вновь обрели известность и силу. Чтобы просветить [читателя], я перехожу к их описанию и тем сохраню благо для потомства.

Первое. Сборщики податей (*амалгузаран*) земель короны (*халса*) и *джагирдары* должны собирать подати и налоги в согласии с [принятым] уложением (*дастур-ал-амал*)[11]. Если по слабости или тирании они возьмут с землепашцев больше положенного, эти деньги следует зачесть как законный налог, а на притеснителей наложить пеню, и сумму внести в месячные поступления. При каждой жатве им надлежит узнавать всё [до] малейшей подробности[12] и охранять подданных. Нить обеспечения правосудия должна быть двойной, то есть издержки просителей следует компенсировать, а угнетателей карать.

Второе. Сборщики налогов в государственных землях имеют двух писарей (*битикчи*) — *каркун* и *хаснавис*. Как правило, оба эти служащие продажны, находятся в сговоре с деревенским старостой (*калантаран*) и вместе утесняют крестьян. Если бы на место

тех двух бесчестных людей назначили одного достойного доверия и действующего по справедливости чиновника[13], это пошло бы на пользу землям, а крестьяне были бы умиротворены.

Третье. Выяснилось, что в государственных *парганах* [территории] распаханных земель убывают с каждым годом. Если обрабатываемые [площади] были бы замерены раз и навсегда, крестьяне распахивали бы всё больше в соответствии со своими возможностями, и для такого случая следует принять уложение для возрастающих выплат [податей]. Они должны дать друг другу залог и предъявить документы.
382 При взимании налогов необходима рассудительность. В случае если земля оставлена под паром[14] на четыре года, в первый год следует взимать только половину обычной аренды, на второй год — три четверти, а на третий год крестьяне должны внести плату целиком[15]. Для земель, которые оставались невспаханными два года, в первый год следует вычесть половину аренды. В случае непаханных [площадей] им [крестьянам] было позволено удержать небольшое количество зерна, дабы их земли принесли бы затем доход. Если неимущим пахарям оказывалась помощь (зерном), следовало получить свидетельство у известных людей и вернуть взятое, часть с весенним урожаем, а часть — с осенним, дабы землю вскоре распахать, крестьян удовлетворить, а казну наполнить. Если сборщики налогов увеличили (общую сумму) податей, (к ним) запрещалось предъявлять претензии из-за недоимок по отдельным статьям[16]. Предписывалось каждый год докладывать Его Величеству о сборщиках, дабы награждать и возвышать добрых слуг, а недостойных наказывать.

Четвёртое. Когда зерновые заколосятся, следует — в зависимости от площади земель — назначить нескольких землемеров, и соответствующим образом провести замеры, и записать способ и качество распашки. Сборщик выберет себе место в центре [вверенных ему земель][17] и будет старательно посещать каждую точку территории и проверять её состояние.

После сильных дождей, когда поля оказываются залиты водой[18], следует вычесть из облагаемых земель участок размером до двух с половиной *бисва*, а в джунглях и на песчаных почвах — до трёх *бисва*. В головное ведомство необходимо еженедельно присылать

краткие отчёты (*сиахха и-забта*) и ежемесячно — запись налоговых поступлений по дням.

Пятое. Надлежит выпустить царский указ [с предписанием] послать ко Двору перечень пострадавших земель, дабы были приняты соответствующие меры.

Шестое. Обитатели ущелий, склонные к волнениям, полагают суровость своего края защитой и распрямляют руку мятежа. Наместникам (*сипахсалар*), *фауджда́рам*, землевладельцам и сборщикам податей необходимо приказать действовать совместно и исправить положение дел. Вначале им надлежит применить убеждение, а если сие не окажет воздействия, пусть они поднимут знамя деятельности, и покарают злодеев, и разорят их поля (*абади*, возможно — дома). *Джагирдар* получит компенсацию[19], а *мастауфи* не должен иметь претензии из-за этого. Если в этих схватках ранят воинов, им полагается вознаграждение (*таван*). Далее, суммы, изъятые у крестьян, должны быть отданы казначею, а тот обязан отдать за них расписки крестьянам. Сборщикам надлежит получать жалованье раз в три месяца, а последняя уплата производится не ранее, чем когда с крестьян собраны все недоимки.

Восьмое. Крестьяне[20] должны пребывать в таком состоянии покорности, чтобы сами приносили свою аренду в казну, без необходимости назначать над ними надсмотрщиков. Со строптивых следует получить достаточный залог; а если таковой не наберётся, пусть будут выделены сторожа для охраны зерна в пору его уборки, и так будет уплачена аренда. Дóлжно подготовить отчёт о сумме, которую следует получить с каждого лица в зависимости от площади его земель, и [назначенную] дату нельзя ни откладывать, ни упреждать. *Патвари* каждого селения вменяется в обязанность распределить названных [крестьян] поимённо среди подчинённых. Сборщики должны отсылать казначею деньги вместе с подписью *патвари*. Им следует являть 383
рвение в подавлении притеснений и привести в согласие свои слова и поступки.

Девятое. Казначею надлежит собирать *мухуры*, *рупии* и *дамы*, на которых отчеканено августейшее имя Акбара и выдавать разрешение [на использование] старых монет, дабы сборщики и менялы могли под-

считать [стоимость] старых и новых и утвердить разницу. Полновесный и хорошего чекана *лал джалали* стоит 400 *дамов*; квадратная *рупия* стоит 40 *дамов*. Обычный *ашрафи* и круглую *рупию акбаршахи*, если уже стёрлись, следует оценивать таким образом[21].

Если недостающего веса в *ашрафи* не больше, чем в двух рисовых зёрнышках (*бириндж*), и он хорошего качества, [*ашрафи*] оценивается в 360 *дамов*. Если его недовес — от трёх зёрен до одного *сурха*, то он должен быть оценен в 355 *дамов*. Если недовес — от полутора до двух *сурха*, то монета стоит 350 *дамов*. *Рупия*, в которой недостаёт одного *сурха* до полного веса, должна быть оценена в 39 *дамов*. Если в ней не хватает от полутора до двух *сурхов*, то её цена — 38 *дамов*. В казне можно было получить полновесный *лал джалали* и нестёртый *лал джалали*, в котором не хватало от полутора до двух *сурхов*, а также *сикка санват акбаршахи*, в котором недостаёт от трёх *биринджей* до одного *сурха* веса. Если же недовес оказывался значительнее, *тахвилдару* (кассиру) надлежало хранить монеты отдельно, а счетоводу — занести их в журнал и отправить отчёт о них в головное ведомство. Таких правил следовало придерживаться *джагирдарам*, казначеям и *саррафам* (менялам).

Десятое. Чиновники *халсы* и *джагирдары* должны надлежащим образом доносить о благо- и злонамеренных, о послушных и строптивых в своих владениях, дабы обеспечить [тем] награду и воздаяние и укрепить нить управления.

Одиннадцатое. Вместо прежних поборов следует установить один *дам* за *бигха* пашни. Есть надежда, что благодаря такому установлению замерщики будут получать по 24 *дама*. Их довольствие должно быть таким:

15 *сиров* муки по цене 7 *дамов*
1,75 *сира* масла (*роган зард*, предположительно *гхи*) — на 5 *дамов*
2,5 *сира* зерна — на 4 *дама*
Деньгами — 8 *дамов*
Итого: 24 *дама*[22]
Отсюда:

Амин получает: 6 *сиров* муки, 0,5 *сира* масла, 7 *сиров* зерна, 4 *дама*

Писец получает: 4 *сира* муки, 0,5 *сира* масла, 5,5 *сира* зерна, 2 *дама*

Три слуги: 6 *сиров* муки, 3,25 масла, 3 *дама*.

В пору урожая *раби*, когда дни длинные, должно быть замерено не менее 250 *бигха*, а в пору *хариф*, когда дни короткие, не менее 200 *бигха*.

[Повелитель Века] изучил эти предложения проницательным оком и одобрил их.

Значимым событием стало прощение Масум-хана и Ниябат-хана[23]. С того момента как Его Величество достиг Фатехпура, первый [из названных] источал льстивые речи и пребывал в смятении, и при помощи некоторых благожелателей явился к Её Величеству Мириам-макани. Второй злодей, измучившись (*вамандаги*), примкнул к Аин-ал-мулку[24], но затем, ведомый уснувшей удачей, отделился и предался мыслям о бунте. Не достигнув успеха, явился с мольбами к оплоту мира и попал в руки людей Шахбаз-хана. Поскольку у него имелась охранная грамота (*зинхарнаме*) от той великой жены Века, [эту бумагу] доставили к священному порогу, и поскольку веления затворницы удачи были подтверждены, 16 фарвардина (26 марта 1582 г.) те, не заслужившие прощения, обрели приют под сенью [милости] Шахиншаха, и расцвёл мир. 384

Тогда же Хан Азим Мирза Кока отправлен усмирять Бенгалию. Когда миновало ликование Нового года, [Хедив Мира] обратил внимание на управление государством. Он приложил все силы к обустройству Вселенной и, испытывая сострадание к притесняемым бенгальцам, предписал войску [идти] туда. 27-го числа Кокалташ направился в качестве командующего, а Тарсун-хан, Шахам-хан, Шах Кули-хан Махрам, Шейх Фарид и многие военачальники [вошли в состав армии]. Они получили платье почёта, великолепных лошадей и благотворные советы. Садик-хану, Мухибб Али-хану и рядовым воинам Бихара и Аудха отдан [высочайший] приказ приготовиться к военным действиям и влиться в победоносные отряды. Пришли вести,

что бенгальские мятежники подняли беспорядки, а Джаббари, Хабита, Тархан Дивана и множество иных злодеев явились в Бихар и утесняли народ. Они овладели Хаджипуром и ещё некоторыми городами. Садик-хан и Мухибб Али-хан поспешили [вперёд], чтобы разделаться с ними. Благодаря помощи названных мятежников Масум-хан Кабули также [приготовился к активным действиям]. Бахадур Курух (?) с войском афганцев Кутлу подступил к окрестностям Танды, и мятежник (Масум) вернулся, чтобы помочь ему. Владыка Мира [с присущей ему] прозорливостью заранее приготовился к труду, который теперь надлежало исполнить, и глаза и сердца людей ободрились при виде такой предусмотрительности.

[Печально вспомнить, что] Шамсаниса бегим[25] сокрыла свой лик за покрывалом (скончалась). Той воспитаннице придворного сада Халифата было шесть месяцев, и любящее сердце Шахиншаха просветлялось при виде её. По прихоти судьбы 31-го числа (фарвардина, или в апреле 1582 г.) её дух покинул юдоль тела. Она оставила сию темницу и отправилась в отрадную обитель небес. Это разрывающее сердце событие преисполнило горем женщин гарема, и Вселенная погрузилась в пучину печали.

[Стих не переведён Г. Бевериджем.]

385 Великая скорбь выпала на долю Повелителя Мира, ибо был он погонщиком каравана мира и отвратил сердце от всего. Но, будучи Владыкой Мира духовного, сумел оправиться, а дамы-затворницы, направляемые им, вступили в сад терпения и обрели отдохновение в покорности Господней воле.

Глава 67

Возвращение Гульбадан бегим и других набожных затворниц из путешествия в Хиджаз

Поскольку просвещение и соответствующие ему действия есть источник и украшение вечной власти и достижение великих желаний, укрепление мирской власти и превосходная служба способных мужей земли могут привести многих мудрецов в опочивальню беззаботности, однако в несравненной особе блистательного повелителя пробуждают [всепроникающую] зоркость. [Шахиншах] получив вести о возвращении сего благородного каравана, вознёс Господу благодарность в различных формах. Когда носилки той благочестивой дамы достигли Аджмира, принц Султан Салим, жемчужина короны, был послан ей навстречу. Каждый день одного из придворных сановников отправляли с приветствиями, и когда окрестности Кханвы[1] обрели свет благодати благодаря счастливому прибытию, Владыка Мира встретил её 2 ардибихишта (13 апреля 1582 г.). В пути прибыл Ходжа Яхья и засвидетельствовал своё почтение. Он передал прошение от знати Хиджаза вкупе с перечнем даров. Его Величество стал там лагерем. Верные служители возрадовались и умиротворились [его] милостью и расспросами о здоровье. Скорбящие в безводной пустыне разлуки воспряли и поднесли [Повелителю Века] различные дары. Их приняли радушно, и вся ночь прошла в бодрствовании и за приятной беседой. На следующий день все благополучно вернулись (в Фатехпур). Женщины провели в той стране[2] [Хиджазе] три года и шесть месяцев. Когда Ходжа Яхья с пылом передал желание Шахиншаха [видеть их], они были вынуждены покинуть то место[3]. Взошли на корабль

«Тезрав» («Быстрый»), тогда как Ходжа и паломники расположились на судне «Саи» («Старание»)[4]. Близ Адена почти все корабли затонули. Там они [паломники] терпели утеснения на протяжении семи месяцев. Тамошний правитель повёл себя как не подобает, и когда Султан Мурад[5], правитель Турции, услышал об этом, то наказал злополучного. [Дамы] прибыли в Гуджарат, когда стяги удачи выступили в Кабул[6], и некоторая задержка произошла из-за дождей и пребывания Его Величества в Забулистане.

386 Стоит отметить и прощение прегрешений Ходжаги Фатх-аллаха[7]. Он входил в число ближайших слуг [Шахиншаха] и обрёл благость в служении ему. [Однако] связавшись с порочными, покинул возраставшую с каждым днём власть. По злополучию своему превратился в бродягу в пустыне неудачи. Когда Владыка Мира сошёл с корабля и двинулся в Аджмир на почтовых лошадях, названного послали с заданием доставить Кутб-ад-дин-хана и дали приказ привезти его через Мальву, дабы отправить оттуда [смышлёных послов] и дать советы правителю Хандеша и посулами и угрозами заставить его выдать (Акбару) Музаффар Хусейн мирзу. Прибыв, посланцы повиновались приказу и использовали [всё] красноречие для убеждения (правителя Хандеша?). Затем Ходжаги мудро последовал с ними в Бурханпур. Завершив сей труд, направился в Хиджаз. Видимо, вследствие лености и скудных способностей не обрёл радости в несении службы и по невежеству навлёк на себя столь великое зло. Таинственные небеса судьбы наложили на него кару, и тысячи бед обрушились на него. Однако, благодаря своей доброй сущности, осознал недостойность собственного поведения и на некоторое время обрёл пристанище у благочестивых дам, возвращавшихся из Хиджаза. Итак, благодаря их заступничеству он был прощён и [крепко] ухватился за рубаху растущей с каждым днём удачи.

Важным событием явилось прибытие пристыженного Шейх Абд-ун-Наби и муллы Абд-ал-лаха Султанпури. Уже упоминалось, что, когда Его Величество испытывал учёных мужей, и позолоченная сущность рассказчиков небылиц (плутов) [всплыла наружу], положение тех людей стало затруднительным, и они пришли в смятение. [Не было у них ничего:] не обладали живостью разума, чтобы с подобающими

ответами отнести на базар жемчужину знания; не имелось у них искренности, чтобы вновь засесть за учёбу; [не оказалось] руководителя, что вывел бы их из смущения. Из-за неуёмного вожделения ими владела единственная мысль — залатать ветхую накидку лицемерия и придать приятность своим дням, удовлетворяя желания. Любящий почтительность повелитель узрел, что путешествие в Хиджаз послужит их благу и отослал их, [не обращая внимания] желают те того или нет. Они были удовлетворены, придав себе вид паломников, что над их порочностью остался покров. Им велели не возвращаться без соответствующего распоряжения. Поскольку умы их полнились алчностью, прибегли они к лисьим [приёмам] и воспользовались льстивыми речами. Нельзя ли [совсем] освободиться от поездки? [Однако] эти недостойные [слова] оказались неубедительны, а уловки — бесполезны. Они отправились, раненные духовно и физически. В эту пору болтуны подняли бесчинства в Индии; [в сплетнях] они превратили одного [мятежника] в сотню и злорадствовали. Вообразив, что мир создан им на потребу, постучались в дверь возвращения, надеясь, что, быть может, [солнце] осветит их, а желания чёрных сердцем будут исполнены. Хотя их друзья и знакомые напоминали им о царёвых приказаниях, а правители той страны (Хиджаза) блюли веления Его Величества и не отпускали их, [всё-таки] сумели бежать. В Гуджарате, узнав о поражении мятежников и наказании порочных, были охвачены стыдом и обратились за защитой к уединённым дамам [гарема]. [Шахиншах], узнав об их прибытии и намерениях, приказал отрядить несколько старательных мужей и взять невежественных и порочных под стражу так, чтобы женщины не проведали об этом. Мулла Абд-ал-лах скончался, осознав свои заблуждения. Таким же образом схваченный другой мошенник, из любви к справедливости допрошенный, не дав иного ответа, кроме молчания и стыда, был отправлен в школу обучения — из милости и желания спасти его от жалкой участи. Там его жизнь пролилась (он испустил дух)[8].

387

Глава 68
Победа Садик-хана и смерть Хабиты

(Восемь строк рассуждений о доброй удаче Акбара опущены.)

Когда Хан Азим и многие чиновники Бихара явились ко Двору на новогодние празднества, Хабита с несколькими злополучными и неугомонными мужами явился в Бихар из Бенгалии, и поднял бесчинства, и принялся утеснять слабых. Люди Хан Азима оказались не в силах защитить Хаджипур, и мятежники захватили город и многие *парганы*. Садик-хан отважно оборонялся в Патне и собрал землевладельцев того края. Они дей-
388 ствовали дружно, и решили дать отпор, и собрали силы. Садик-хан командовал центром, Мухибб Али-хан — правым крылом, Улуг-хан Хабши — левым. Бихар-хан и Абу-л-Маали входили в передовой отряд. Артиллерия находилась под началом Мухаммад Кули бек Туркамана. Мятежники также изготовились к бою. Хабита, сей меч незадачливых, — в центре, Джаббари стоял на правом крыле, а Дастам и Рустам, сыновья сестры Хабиты, на левом. Тархан Дивана, Саид бек и Шах Дана образовали передовой отряд. Царские слуги отправили нескольких храбрецов вместе с пушками к Хаджипуру через Ганг и на берегу Гандака возвели крепость. Между войсками постоянно происходили стычки, и ежедневно на базаре самопожертвования шла бойкая торговля. Поскольку удача благоприятствовала царёвым слугам, они выходили победителями, а мятежники бежали с позором. После стычек, продлившихся сорок дней, в течение которых совоподобные создания не сумели достичь ничего при дневном свете,

они устроили ночную атаку. Храбрые воины вечной удачи показали себя ещё достойнее. Али бек, двоюродный брат Садик-хана, после ожесточённой схватки лишился жизни. Многие приложили все силы к труду и вознесли ликующую песнь радости. Враг был повержен. На следующее утро, 24-го числа, военачальники пересекли реку и вступили в бой. Враги, чья самонадеянность окрепла при виде полководцев, которые не пересекли реку, и солдат, укрывшихся в крепости, поднялись, чтобы дать бой. Вначале из авангарда вырвались сыновья сестры Хабиты и атаковали фланг царских войск. Мухибб Али-хан стоял непоколебимо. Когда [исход] битвы стал сомнителен, передовой отряд врага атаковал левое крыло царской армии. Хабиб Али-хан, сын Мухибб Али-хана, вершил чудеса, но слуги Акбара оказались близки к поражению. И лишь тогда царский авангард явил свою отвагу. Хамза бек, Газа Али и Хасан Миана в центре придали новый блеск сече. Стянув значительные силы, Хабита предпринял лобовую атаку на Садик-хана. И Мухаммад Кули бек, Джунаид Марал и многие усердные мужи отличились. В пылу ожесточённого сражения 389
правый фланг врага внезапно обратился в бегство, и вскоре дерзкие мятежники были запятнаны пылью поражения. Царёвы слуги немало удивились сей небесной помощи, пытаясь понять её [причину]. Затем осознали, что это чудесный дар удачи, и вознесли признательность. Неожиданно с головой Хабиты появился Мирак Хусейн, брат Араба Ханджахани, и принёс вести радости. Оказалось, что в пылу атаки пушечное ядро поразило этого предводителя Господних супостатов и отняло успех у тех бесстыжих. Его пособники подняли безжизненное тело и повезли его прочь, но, охваченные смятением и малодушием, бросили его и бежали. Названный [Мирак Хусейн] отрезал тому голову и привёз её [победителям]. Таким путём чудесное деяние судьбы открылось малым и великим. Вознеслась признательность Господу. У врага было более 5000 опытных бойцов, в то время как у царских слуг боеспособных воинов едва набралось 2000. Обычным наблюдателям и в голову не придёт, что последние могли противостоять первым. Хабита принадлежал к племени монголов и служил в армии Бадахшана. Вместе с Масум-ханом Кабули он отличился смелостью и вскоре стал вожаком мятежников. Его наказание послужило уроком

буйным. Голова [Хабиты] была послана ко Двору как доказательство небесной помощи. Военачальников возвысили различными милостями, а поскольку приближался сезон дождей, Шах Кули Махрама, Шейх Ибрахима и Шейх Фарида Бухари, отправленных с заданием подавить мятежи в Бенгалии и Бихаре, отозвали.

Заметными событиями стали поражение и возвращение Мирзы-хана из Сората[1]. Шихаб-ад-дин Ахмад-хан послал под началом своего родича Мирза-хана войско против Амир-хана Гори, дабы завоевать Сорат. Из-за трусости и недостаточной подготовки тот не добился успеха, и лёгкая задача обратилась в трудную. Если порок безрассудства одолевает ум, что есть владыка телесных элементов, то подданные сего повелителя становятся неспособны сохранить здоровье; так что если командиру недостаёт храбрости и мастерства, то чего можно ожидать от его людей? Властитель Мира упрекнул его за самонадеянность и невежество, и тому хватило здравого смысла, чтобы искупить свою ошибку смирением и мольбами.

Тогда же отправили посланца в отрадные земли Кашмира. Когда Салих Дивана доложил [Шахиншаху] о верности правителя
390 сей страны и его тревоге по поводу того, что к нему никого не послали, *Хедив*, берущий мало, но много отдающий, отправил к нему Шейх Якуба Кашмири[2] с высочайшими приказаниями и высочайшими милостями и также отпустил его сына Хайдара.

На ту же пору пришлась смерть Масум-хана Фаранхуди. Его Величество в своей неизмеримой милости простил этого заслужившего смерть мужа и предоставил воздаяние за его деяния Несравненному Господу, как уже говорилось вкратце. Поскольку образ его жизни был обречён на стирание, управители судьбы лишили его [существования] во славу престола, [во имя] укрепления справедливости и подавления мятежных. 23 тира (в июле 1582 г.), в полночь, он направлялся из дворца домой, когда несколько человек напали на него и умертвили. Несмотря на долгие поиски и тщательное расследование это дело так и не было раскрыто[3]. [Повелитель Века] проявил сострадание к положению его [семьи] и осенил его детей своей милостью.

Следует вспомнить и казнь Джала[4]. Поскольку в аптеке врачевателей тела используются и яды, и противоядия, и необходимо

иметь запас и тех, и других, то в лечебнице справедливых царей — сих духовных целителей — лечатся чистые и нечистые, и хорошее становится таковым благодаря суровым средствам, а порочные несут наказание. Правители прошлого пристально наблюдали за этим типом людей и с помощью [окрика] «Вон!» держали их в узде. Когда бы они ни использовали эту алчную и себялюбивую шайку, делали это лишь после серьёзных раздумий, и основанием для такого [шага] являлась только достойная цель. Те, кто считают необходимым воздержаться от лицезрения сего вредоносного [сборища] и тем паче — от наблюдения за ней и её спасением, как видно, не постигли сути вещей или же ограничили задачи пределами своих способностей. [Тогда как] мужи обширных дарований не смущаются, узнавая о таких людях (злодеях); они не дают волю гневу, но налагают кару неспешно и осмотрительно. Именно таков похвальный образ действий Владыки нашего Века. При бдительности [Шахиншаха] этот тип людей допускается ко Двору удачи. Им выказывается такая милость, что они забываются и вытягивают руки для различных утеснений. Таким путём [падишах] испытывает людей и обращает яды в противоядия. Его единственное желание — сохранять равновесие и поклоняться Господу. Ещё одно доказательство сему дала жизнь этого быстро захмелевшего негодяя. Будучи сыном старьёвщика, он, бесстыжий и грубый манерами, получил доступ ко Двору благодаря ремеслу торговца лошадьми. И был почтён высоким доверием, и, поскольку час воздаяния ещё не настал, долгое время безудержно потакал своим страстям. В эту пору до слуха **391** Его Величества дошло, что названный соблазнил женщину и убил её мужа. [Шахиншах] бросил его в темницу, и после расследования выяснилось, что это действительно так. Множество иных злодеяний [Джала] выступило на свет Божий, и зачитан был свиток его пороков. 30 тира (10 июля 1582 г.), невзирая на продолжительную близость [к престолу] и щедрые милости, его наказали, и он сделался прахом во рву погибели. Обман прекратил существование, а истина возвысилась. Род людской получил урок, а порочные устрашились.

Целительная мазь была дана с избытком, и толпы людей раскрыли очи на возраставшую с каждым днём красоту Владыки Мира.

В это время отдано повеление прибыть тому собранию мудрецов древности, Амир Фатх-ал-лаху из Шираза. Его Величество давно желал увидеться с ним. Последний также долгое время хотел явиться ко Двору удачи, но судьба складывалась неблагосклонно [к его желанию]. Наконец он, по просьбе Адил-хана, приехал в Декан из Шираза. Когда тот [Адил-хан] умер, он [Амир Фатх-ал-лах] вспомнил о своём давнишнем плане и избавился от скорби при помощи различных милостей. Правителям Декана и землевладельцам царства послали приказ оказывать ему содействие и направлять на пути. Со всем пылом он принёс на рынок жемчужину знания.

Тогда же наполнилась чаша жизни Дживан-хана Коки. 10 амардада он испустил дух от рези в животе и геморроя. [Падишах] молился Господу о его прощении, посетил и утешил скорбящих в его семье.

Впечатление на современников произвёл прорыв бассейна[5]. В Фатехпуре на вершине горы, к северу от ворот (*даргах*), [Повелитель Века] устроил водоём. На берегах собирались многие склонные к развлечениям слуги, бывал и [сам владыка]. Там сходились принцы, чиновники и иные высокопоставленные особы. Каждый изъявлял своё почтение особым образом. Поскольку мудрые используют развлечения и проверяют людей, когда те расслабляются, за этими забавами зорко наблюдали. Некоторые играли в *чаупар* (шашки), иные — в шахматы, а многие увлекались картами. [Великий правитель] изучал
392 каждую группу, [прилагая] соответствующую меру знания. Поскольку обладание внешним миром и первенство в миру духовном дарованы Его Величеству в полной мере, Несравненный Господь охранил [Шахиншаха] от всякого зла. Хотя ему пришла священная мысль устроить празднование (своего дня рождения)[6], однако он не одобрил игры по этому поводу.

Истекла половина дня 18 (амардада), как вдруг внезапно одна сторона этого океана в миниатюре обрушилась, и вся вода вылилась. Благодаря удаче священной особы никто из придворных не пострадал, однако немало людей низшего сословия понесли ущерб (утонули?), а дома многих простолюдинов снесло потоком. Хотя там находилась целая толпа, однако погиб только один из тех, кого знал царь, а

именно Мадади читабан[7]. Тот, кому ведомы тайны Небес, счёл это Божьей вестью, и воспылал отвращением к праздникам по такому поводу, и понял, что Господь не одобряет подобных развлечений. В благодарность за Божественную защиту он раскрыл ладонь щедрости и позволил миру обрести желаемое. Все придворные очнулись и превратились в последователей просветления, и поняв, что священная особа отвратила от них сие ниспосланное небесами несчастье, укрепили свою преданность. Тот преемник Господних напутствий, дабы выказать преданность и увековечить сию великую милость, решил, что каждый солнечный месяц в этот день (18-го числа) не следует [употреблять в пищу] мясо. И ещё решил взвешиваться дважды каждый год. С самого рождения он взвешивался 5 раджаба по лунному календарю, теперь же ему полагалось взвешиваться [также] в день ормузд месяца абан солнечного года [15 октября]. Двор щедрости распахнулся, и для взвешивания в солнечный месяц определили двенадцать групп предметов: 1. Золото. 2. Шёлк. 3. Ртуть. 4. Благовония. 5. Медь. 6. Олово[8]. 7. Лекарства[9]. 8. Масло. 9. Рис и молоко[10]. 10. Железо. 11. Различное зерно. 12. Соль. Пред Господом был дан обет не вкушать в тот месяц (абан) мяса. Этот же обет надлежало соблюдать с месяца азар в соответствии с числом лет в жизни достопочтенного [повелителя][11]. И, в соответствии с числом лет, овцы, козы и домашняя птица, одни за другими, жертвовались [тем] сектам, которые не отнимают жизнь. Ближайшим ученикам также повелевалось каждый год отмечать месяц своего рождения отказом от убийства живых существ и не превращать собственный живот в кладбище животных. Для лунного взвешивания назначались восемь предметов[12]: серебро, одежда, свинец, олово, фрукты, цукаты, овощи, масло кунжута. Поскольку взвешивание сыновей и внуков, происходившее по лунному календарю, на этот раз устраивалось по солнечному году, взвешивание 393
принца Султан Салима предстояло провести 18 шахриюра вместо 17 раби-ал-аввала, принца Султан Мурада — 27 хурдада вместо 3 мухаррама, а принца Султан Данияла — 28 шахриюра вместо 2 джумада ал-аввала[13].

Важным событием стала проверка безмолвных (*хамушау-и-гойя*). Состоялось великое собрание, и велась беседа обо всех разновид-

ностях просвещения. На 24-м Божественном году Его Величество рек, что речь любого племени возникает благодаря слушанию, и с начала бытия каждое [племя] постигает одно через другое. Если бы человек ухитрился сделать так, чтобы речь не доходила до него, то он лишился бы и способности говорить. Если бы в одном из таких [людей] забил фонтан речи, он [Акбар] счёл бы это Божественной речью и принял в качестве таковой. Поскольку некоторые из слушателей отрицали сие, [падишах], дабы убедить их, приказал возвести *серай* в месте, куда не доходили обычные звуки. [Несколько] новорождённых поместили в это опытное место и приставили к ним честных и бдительных стражей. Время от времени туда допускали немых (*забан баста*) кормилиц. Поскольку те затворили дверь речи, то место стали называть Ганг Махал (Город глухих). 29 (амардада, или 9 августа 1582 г.) [Акбар] отправился на охоту. Той ночью остановился в Файзабаде, а на следующий день с немногими приближёнными навестил дом, где проводился опыт. Из дома тишины не доносилось ни звука, и там не слышно было речи. Несмотря на свои четыре года, они [дети] не обладали ни частицей талисмана речи и не издавали иных звуков, кроме глухого шума. То, что [Владыка Мира] понял несколько лет назад, ныне запечатлелось в сердцах приверженцев формы и поверхностных. Это стало источником наставления для толп людей. [Шахиншах] произнёс: «Хотя мои слова были подтверждены, они [возражатели] до сих пор говорят те же вещи без помощи языка. Мир — презренная обитель скептиков (*намухараман*). Сомкнуть губы воистину означает потворствовать болтливости. Они обезножили верблюда [вопросов] «зачем» и «почему» и железными стенами заперли врата речи»[14].

Стих[15]

Довольно, Низами, хранить молчанье в речи,
Зачем обращаться к миру, ведь вата у него в ушах.
Свои доказательства сложи в сосуде тесном,
Укрой их все в сосуде и камень сверху положи.

Глава 69

Возвышение Мирза-хана назначением его опекуном принца Султан Салима

(Глава начинается с рассуждений о пороках дурного общества и преимуществах хорошего образования. Затем говорится, что Мирза-хан назначен наставником принца — *аталиком*.)

Хотя в должности *аталика* состоял Кутб-ад-дин, **394**
однако, поскольку в это время на нём [лежало бремя] управления отдалённым краем (Гуджаратом), Мирза-хан, сын Байрам-хана, обладавший прозорливой мудростью и верностью, растущей день за днём, был назначен на сей пост. В благодарность за это он устроил великий праздник и попросил Его Величество присутствовать. 27 шахриюра [8 сентября 1582 г.] Владыка Мира почтил его своим обществом, и сонмы людей обрели желаемое.

Той же порой случилась болезнь [Шахинщаха], и [произошёл] возврат его к здоровью. Людей, стопа которых поскользнулась на [стезе] исканий, ушиб приводит на торный путь, и то же самое происходит с высокомерными путниками в отрадных землях святости. Близорукие и [люди] с извилистым умом считают подобное воздаянием, но зоркие и проницательные видят, что такие явления подобны действию руты (защиты от сглаза). 20 михра (2 октября 1582 г.) у [Повелителя Века] появились внутренние боли, и ужас охватил
мир. Когда опечалился даже порочный и нечистый, как описать горе **395**
достойных и тех, кто видит вещи через [призму] дел? Кто в силах представить скорбный настрой верных и непоколебимых, равно как и преданных последователей? Благочестивый владыка обратил взор к

истинному целителю и не уделил внимания снадобьям смертных лекарей. Он утешил находящихся близ него мудрыми советами. Наконец, после долгих бесед внял верным и скорбящим и принял лекарство. Доктора греческие и индийские достали свои снадобья[1]. В подобных случаях обычно используют слабительное, но индусы его отвергают. Да охранит Провидение от подобного подхода великого мужа, а тем более справедливого царя! С одной стороны, было безразличие Его Величества к лекарству, с другой — гомон тех заносчивых мужей. Разлад возник в сердце пишущего книгу удачи (Абу-л Фазла), и он отбросил нить смирения. В мягкой манере [автор] молвил [Шахиншаху]: «Я допускаю, что все правдивы и питают наилучшие намерения. Что может получиться из [сочетания] различных методов? Что проку в неуместных сладких речах, когда болен разум? Персы утверждают, что если не применить слабительное, то пойдёт кровь (начнётся дизентерия), а лёгкая болезнь превратится в тяжёлую. Найдите мужа, который не [обладал] бы ханжеством, [а] был бы добр, просвещён и опытен, и посоветуйтесь с ним». Мои пожелания почти приняли и лечение готовились передать грекам. Но некоторые завистники этого не допустили, и началось кровотечение. В первый день абана (10 октября) появились признаки выздоровления, и вскоре священные элементы (Акбара) обрели здоровье[2]. В течение трёх дней он не прикасался к еде, а на протяжении [последующих] 17 дней благотворное воздействие оказывала пища без масла. Через месяц и шесть дней [падишах] полностью восстановил здоровье. Верные обрели новую жизнь, а торговцы добрыми поступками открыли лавки благодарности, и простой народ оправился от смятения и возликовал.

В это же время, в соответствии с упомянутым установлением, состоялось солнечное взвешивание, и открылся ежедневный базар щедрости.

Произошло и освобождение Шахбаз-хана от тюремных уз[3]. Поскольку знаки раскаяния показались на челе положения этого [мужа], впавшего в беспечность, из школы наставления его вознесли в отрадную обитель милости, и из признательности он укрепил свою верность и службу и собрал цветы успеха, как будет поведано в надлежащем месте.

Важным событием стало назначение зорких и бескорыстных [лиц, осуществляющих контроль]. Поскольку до царского слуха дошло, что из-за избытка сделок и алчности при покупках и продажах чинились утеснения, а торговцы несли ущерб, он из милости и любви к справедливости приказал отдать некоторые товары под надзор рассудительных и честных мужей, дабы неправедные очутились в углу потерь. Мирза-хан получил надзор за лошадьми, раджа Тодар Мал — за слонами и зерном, Зайн-хан Кока — за маслом, Шах Кули-хан Махрам — за фруктами и сладостями, Садик-хан — за серебром и золотом, Итимад-хан Гуджарати — за драгоценностями, Шахбаз-хан — за парчой с золотым шитьём, Мирза Юсуф-хан — за верблюдами, Шариф-хан — за овцами и козами, Гази-хан Бадахши — за солью, Махсус-хан — за оружием, Касим-хан — за благовониями, Хаким Абу-л Фатх — за опьяняющими веществами, Ходжа Абд-ас-Самад — за изделиями из кожи, Науранг-хан — за красителями, раджа Бирбал — за рогатым скотом и буйволами, Шейх Джамал — за лекарствами, Накиб-хан — за книгами, Латиф Ходжа — за охотничьими животными, Хабиб-ал-лах — за сахаром, а автор [этой книги] — за одеждой из шерсти. Справедливым надзирателям было велено взимать полпроцента с покупателей и один — с продавцов, и половина [процента?] назначалась им как вознаграждение. Титул *туи беги* даровали Баки-хану, и ему полагалось получать 5 процентов с суммы, которой облагаются обе стороны (при вступлении в брак).

Сие прекрасное установление позволило соблюсти правила управления, и сад внешнего мира был орошён и сохранён в зелени. Простой народ обрёл умиротворение, а покорные — славу.

Тогда же доставили ко Двору Нур Мухаммада, одного из самых рьяных мятежников восточных областей, постоянно притеснявшего подданных. Когда Хан Азим Мирза Кока прибыл в Джаунпур, стало известно, что тот злодей явился из Бенгалии путём через Тирхут, и соединился с Ходжа Абд-ал Гафуром, и поднял смуту, и учинил разбой в округе Саран. Поскольку небесные наблюдатели заботятся о воздаянии злодеям, позор настиг их [ещё] до прибытия царёва войска. Прослышав о приближении царских сил, они изготовились к битве. Мимо проходил крупный караван торговцев солью, и мошенники

напали на него. Торговцы превратили свои тюки в заграждение и держались стойко. Нападающих быстро отбили, после чего они укрылись в двенадцати *косах* от Тирхута и замыслили чинить утеснения
397 слабым. И только тогда царское войско развернуло знамёна и занялось наведением моста через Ганг и наказанием бунтовщиков. Когда мост почти соорудили, мятежники пали духом и запросили защиты у *заминдара* Кальянпура[4], но не получили её и вернулись ни с чем. Храбрецы начали их преследование. Абд-ал Гафур собрался в Бенгалию путём через Тирхут. Племя *каси*[5] уничтожило его и семьдесят иных [воинов] и очистило землю неурядиц, поднятых мятежником. В горах живёт множество людей этого племени. Обличием и манерами они подобны *калмакам*, но темны лицом. Нур Мухаммада, сына Тархана, направлявшегося в Гайя, захватили люди Хан Азима близ Чампарана[6]. Шею заковали в оковы, а на руки надели кандалы (*кунда*). Во имя правосудия он был казнён, и раскрылись очи злодеев.

Примерно в это время обитель раджи Бирбара[7] прославилась прибытием Шахиншаха. Названный входил в число ближайших спутников. Его Величество приказал воздвигнуть для него каменные дворцы. Когда их возвели, [раджа] выразил желание, чтобы [правитель почтил сии] прибытием. 7 бахмана [17 января 1583 г.] состоялся великолепный праздник, и благосклонностью [падишаха] это желание было удовлетворено.

В те дни пост верховного управителя области Пенджаб даровали радже Бхагван Дасу, а Саид-хан получил *джагир* в Самбале. Ему повелели покарать Араб Бахадура, поднимавшего смуту в гористых областях. 8 исфандармаза [17 февраля 1583 г.] Его Величество отправился, чтобы насладиться охотой, и на исходе дня прибыл в город Джалесар. На вершине небольшого холма, в десяти *косах* от Фатехпура, Джагмал Панвар воздвиг замечательное строение и назвал его Рушинас[8]. Окрестности тех мест радуют глаз, а зелень возносит Господу хвалу. Вид сего края освежает разум. [Владыка Мира] оставался там три дня, превратив охоту в завесу поклонения Господу, а затем вернулся.

Глава 70

Начало 28-го Божественного года с [момента священного] Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года тир третьего цикла

В сию пору, когда Время выполняло свой труд, звезда была направлена, а слава почитания Господа возрастала день ото дня, и возвеличили справедливость, слух возрадовался звукам Нового года. Новый лик 398
явила радость. Возвышающий трон и венец [повелитель] изрёк повеления и принял мольбы. Люди энергичные, подобные волшебникам, украсили государственные залы самыми чудесными вещами, способными восхитить даже зорких и придирчивых. В понедельник, 26 сафара 991 г.х. (или 10 марта 1583 г.), мироозаряющее Солнце бросило луч на [созвездие] Овна, и разнеслась радость весны, а четвёртый год третьего цикла принёс послание вечной жизни. Человечество вознесло песнь торжества, и воцарилось всё многообразие радости. Великие празднества устроили в день возвышения (*шараф*), и открылся каждодневный базар щедрости.

Подобного великолепия жаждало царство,
Наконец судьба исполнила желание [подданных].

Необходимы просветлённое сердце и красноречивый язык, равно как и досуг, дабы поведать об этих празднествах и тем оживить моё повествование. Разве располагаю я, чей язык заплетается, и кто обременён многими занятиями, возможностью взять на себя подобный труд?

Допустимо ли, чтоб на рассвете весны
Жужжали мухи пред соловьём?

Значительным событием стало завоевание Бенгалии в третий раз. В прошлом году Хан Азим Мирза Кока отправился с заданием наложить подобающую кару на бихарских мятежников и приступить к завоеванию Бенгалии. По той причине что бихарские бунтовщики, как о том уже говорилось, получили то, что заслужено, до прибытия победоносной армии, Садик-хан прибыл ко Двору на сменных лошадях; а поскольку надвигался сезон дождей, эта кампания в том году не была завершена. Когда закончилась непогода и [иссохли] потоки, туда отправились Шах Кули-хан Махрам, Садик-хан, Шейх Ибрахим и Шейх Фарид Бухари, а к землевладельцам Илахабаса (Аллахабада), Ауда и Бихара — усердные и уверенные *сазавалы* [сборщики налогов]. Вскоре крупная армия собралась в Хаджипуре, и [мощная] энергия сосредоточилась на решение задачи. Хан Азим с множеством доблестных и верных мужей взял путь в Гархи. Тарсун-хан, Шейх Ибрахим, Мирзада Али-хан, Сайид Абд-ал-лах-хан, Кичак Ходжа[1], Субхан Кули Турк и иные герои переправились через реку и приступили к завоеванию той области. Из-за джунглей, множества ущелий, болот и воды они не преуспели. Армии соединились близ Монгхира. Тарсун-хан, Шах Кули-хан Махрам, Мухибб Али-хан, Мирзада Али-хан, Шейх Ибрахим и Рай Патр Дас заняли позиции в одном или двух переходах
399 от Колгонга. Бунтовщики изготовились к битве близ Калиганга[2]. К этому времени умерли Мирза Шараф-ад-дин Хусейн, Баба-хан Какшал и многие иные мятежники, и во главе бунтовщиков встал Масум-хан Кабули. В Ориссе господствовал Кутлу Нохани, и он завладел также частью Бенгалии. Когда Масум-хан заслышал шум приближающихся армий, то прежде всего обратился к Кутлу и условился с ним, чтобы, как только прибудут царские военачальники, тот примкнул к нему с отборными воинами. Несколько приободрившись, поспешил в Горагхат[3] и заключил союз с Джаббари, Мирза беком и остальными Какшалами и, дабы воодушевить их доверием, оставил в тех землях свою семью. Затем с [большим] числом мятежников явился в Калиганг (Катиганг?) и начал укреплять то место и готовиться к битве.

9 фарвардина [19 марта 1583 г.] передовой отряд не знающей поражений армии захватил Гархи, что является вратами в тот край. 16-го числа военачальники обнаружили мятежников и выстроили войска в боевом порядке. Они расположили пушки на берегу Катиганга и подготовили боевые корабли. Поскольку царёвы слуги следили за Кутлу, Сайид Абд-ал-лах-хан, Мирзада Али-хан, Шейх Мухаммад Газнави, Ходжа Абд-ал-Хай и остальные вместе с конницей, числом почти 4000, отправились под командованием Вазир-хана к Балкане (?)[4]. Они засели в засаде в 12 *косах* от лагеря. Каждый день шли в ход ружья и стрелы, и вершились великие дела. Из-за вздорной болтовни малодушных людишек пыл военачальников [слегка остыл], и стали придавать большое значение численности врагов. Поэтому и послали просьбу о помощи. Когда Шер бек *тавачи баши*, отправленный со всей поспешностью, прибыл [ко Двору], [Повелитель Века] весьма изумился и молвил: «Хотя что-то подсказывает мне, что вскоре прибудут вести о победе, однако нет ничего дурного в осторожности и в том, чтобы исполнить их просьбу». Соответственно 13 ардибихишта Мирза-хан, Зайн-хан Кока, Исмаил Кули-хан, Махсус-хан, Мутталиб-хан, Рай Сурджан, Шейх Джамал Бахтияр, Широйя-хан, Хизр бек, Мир Абу-л Музаффар, Мир Маасум из Бхакара и многие иные были посланы в восточные области, и каждый получил *хилат* и особого коня. Они не успели отбыть, когда пришли добрые вести о победе, и вновь непостижимая интуиция Владыки Мира поразила **400** высокого и низкого. Некоторые обрели зрение, иные — мазь для глаз, а третьи — посох. Войска удачи на протяжении почти целого месяца стояли напротив мятежников и палили из ружей и луков день и ночь. Подвиги вершились с обеих сторон. И, хотя смущение росло, удача Шахиншаха явила себя удивительным образом. 14 [ардибихишта] полумесяц победы осветил мир, и бунтовщики, чья звезда померкла, бежали в глушь. Все беззастенчивые глупцы смутились.

Вот краткий рассказ об этом чудесном явлении судьбы. В разгар сражения из Фатхабада[5] прибыл *казизада*, один из вожаков [смутьянов], а с ним множество хорошо оснащённых боевых кораблей. Вдруг в него попало пушечное ядро, и он погиб. Масум-хан назначил вместо него Кала Пахара, не имевшего равных в морских сражениях.

Вскоре погиб и тот. Помимо того, у врагов вспыхнули разногласия между Масум-ханом и кланом Какшалов и Халдином. Опьянение одолело поглотителей вина высокомерия, и они впали в безрассудство. Речистые царёвы слуги начали переманивать людей. Многие вернулись к повиновению. Вначале прибыл Халдин, принёс клятвы и заключил соглашения. Затем Мирза бек Какшал, Джаббари и иные тайно принесли обет доброй службы. Было условлено, что они прекратят сражение и отправятся по домам, а через несколько дней явятся в лагерь и станут добрыми слугами. Они действовали в соответствии со своим обещанием. Спесивые мятежники пришли в великое смущение и оказались вынуждены бежать с опечаленным сердцем. Хотя Хан Азим собрался преследовать их, вздорная болтовня некоторых и трусость большинства помешали ему. Бунтовщики отступили, и, когда пришли вести о победе, вознеслась [ликующая] благодарность Господу, а посланные на помощь храбрецы повернули назад.

Тем временем военачальники Какшалов примкнули к царёвым слугам. Когда Масум вступил в пустыню поражения, он заспешил в земли Какшалов, дабы не допустить, чтобы его семье причинили вред, а также чтобы отомстить тем. Мирза Мухаммад Какшал из дружелюбия доставил его семью в безопасное место. Какшалы заняли сильную позицию близ Горагхата и приготовились к битве. Масум-хан разграбил Горагхат и напал на них. Хан Азим отправил туда Мухибб Али-хана, Шейх Ибрахима Фатхпури, Бабуи Манкли, Сикандара
401 Чикни (?) и иных воинов числом около 4 000 конников под началом Тарсун-хана. Они прибыли, когда Какшалов стеснили, и смутьяны бежали. Герои бросились в погоню, но вернулись назад в Горагхат. Мирза бек, Халдин, Вазир Джамил и иные выполнили своё обещание и изъявили покорность. Они приняли задачу покарать Масум-хана и отделились от победоносной армии.

Тогда же прибыл ко Двору Амир Фатх-ал-лах Ширази[6]. Ему не имелось равных в познаниях теоретических и практических. Хотя многое он приобрёл в школе Ходжа Джамал-ад-дин Махмуда, *мауланы* Камал-ад-дина Ширвани и *мауланы* Ахмад Курда (?), однако владел бóльшим знанием, чем они. Немалыми усилиями Адил-хан из Биджапура привёз его из Шираза в Декан. Когда Адил-хан скончался,

тот, в соответствии с давним желанием и приказом [Акбара], прибыл к священному порогу. 25 [ардибихшта] он обрёл сие счастье [преклонения колен]. И был столь учён, что если бы исчезли древние книги мудрости, мог бы вновь заложить основы знания и не нуждался бы в том, что пропало. Как и подобало верности и праведности, он, столь просвещённый, пожелал стать учеником Повелителя Мира, доброй удачей обретя желаемое. На собраниях же частенько говаривал: «Если бы я не вступил на службу к нему, украшающему собой многообразие и избравшему единство, не стать бы мне путником на стезе Божественного знания. Благодаря его (Акбара) личности и великодушной природе я впитал вино знания. Ранее же обычные науки служили [для меня] покровом на лике поиска истины». Итак, очевидно, что существует два типа людей. Чистый храм души того, кто обучался в школе Господа, наполнен светом знания без намёка на усилия. Он шествует через века, и почитатели формы дня нынешнего редко распознают его. Другой тип — тот, кто принимает страдание и тысячью усилий обретает толику знания, которым владели его предшественники. Обычные люди не видят ничего, помимо него. Ныне, доброй удачей века и человечества, Владыка Мира возглавляет (*пешва*) первый тип. Слава сияющей звезде, что обретает вечное блаженство благодаря такому знанию и придаёт великолепие записям деяний!

В ту пору произошла отправка Шахбаз-хана в Бенгалию. Когда Масум вступил в пустыню поражения, как уже говорилось, победоносная армия двинулась на Кутлу. Поскольку Хан Азиму не нравился климат того края, он попросил направить его в иное место. Милостивый повелитель принял его искреннюю просьбу и приказал, чтобы, буде какой-нибудь военачальник на некоторое время возьмёт на себя руководство войсками и управление страной, он передал их ему, **402**
и прибыл в Бихар, и отдохнул в своих владениях. В противном случае пусть подождёт немного, и вскоре будет отправлен Шахбаз-хан. 8 хурдада [19 мая 1583 г.] ему (Шахбазу) и передали сей важный пост, и тот [Шахбаз] распрощался и уехал со многими командирами.

Случилось так, что внучка (*набира*) Малдео обрела новую жизнь[7]. В обширной стране Индии, ведомой стремящейся к истине и ревнивой честью, после кончины мужа жена, даже проводившая дни в

печали, идёт на самосожжение с раскрытым сердцем и ясным челом. А если из-за греховности (*тардамани*) и любви к жизни воздерживается от этого, собираются родичи мужа (*хешавандан*) и разводят костёр, желает она того или нет. Они полагают сие защитой своей чести и доброго имени. С того времени как Владыка Мира охраняет зелень и свежесть этой страны вечной весны, в каждый город и каждый округ назначены мужи прямодушные и зоркие с задачей пристально следить за этими двумя возможностями и не допускать насильственного сожжения[8].

В это время Его Величество отправил Джаймала к бенгальским военачальникам на сменных лошадях. Из-за быстроты пути и страшной жары факел его существования угас в окрестностях Чаузы. Его жена, дочь Мота раджи (Толстый раджа), не имела храбрости [вступить в пламя]. Её сын Удай Сингх, а также несколько дерзких и безрассудных мужей решили исправить это недостойное положение (заставить её взойти на костёр). На рассвете[9] об этом стало известно в женских покоях падишаха. Праведный повелитель из опасения, что если пошлёт кого-нибудь, то случится промедление, сел на быстрого коня и поскакал сам. Поскольку [никто] не знал причины, на какое-то время воцарилась растерянность. Скудоумные болтуны и простаки с буйным воображением измыслили небылицы о сражении. Верные и преданные, а также удачливые воины взволновались и встали в строй. Настал час неразберихи, и они принялись облачаться в доспехи и готовиться к сече. Верные, но слабые разумом пребывали в замешательстве, в то время как сильные и удачливые выступили верхом. Двуликие и порочные не проникли в суть и повели неразумные речи. Шедшие извилистыми тропами и внутренне омрачённые не поняли ничего и произносили бестолковые [слова]. Всё [свершилось] столь стремительно, что даже стража не успела подойти, но к месту сбора прибыли несколько личных слуг [Акбара]. [Дерзкая] шайка побросала свои делишки пред ликом славы Шахиншаха. Когда всадник арены удачи приблизился, Джаганнатх и Рай Сал поскакали вперёд, и схватили вожака тех невежественных и неугомонных, и отвели к Его Величеству. Проницательный владыка прочёл письмена раскаяния на челе [провинившихся], и несмотря на кипение гнева, даровал им

жизнь, но взял под стражу. Вскоре благоразумный принц обратился к справедливости, великодушию и храбрости и навёл спокойствие в делах. Пыль смятения улеглась, и вознеслась песнь радости.

Тогда же направили Итимад-хана управлять Гуджаратом. Когда начиналось завоевание этого края, его назначили на сей высокий пост. По своей порочности и развращённости он предался дурным мыслям, и удача [Повелителя Века] заковала в кандалы его ноги и отправила в темницу, как уже было поведано. В избытке алчности просил он управления той провинцией. Когда правитель явил к нему милость, Мир Абу Тураб ради собственного возвышения поощрил его к большей настойчивости в достижении желаемого. Устремлённый к истине [падишах] решил, что если в названном появилась толика добра и таково его желание, то он выполнит обещанное. Поскольку возникли некоторые признаки этого, [Его Величество] решил исполнить это давно выпестованное [им] желание. И передал ему командование войсками и управление названной провинцией. Тот держался своих обещаний и обрёл то, на что надеялся. Хотя верно мыслящие и дальновидные люди и говорили: «Будучи в полной силе и имея многочисленных помощников, он оказался не в силах удержать в повиновении строптивый народ Гуджарата. Ныне, когда его телесная оболочка в упадке, возможно ли доверить ему сию службу?» Однако, поскольку прозвучало веление небес, речь мудрых не возымела действия, и [упомянутый] отбыл в великой радости. Мир Абу Тураб был отправлен в качестве *амина* того края, а Ходжа Низам-ад-дин Ахмад назначен *бахши*. Ходжа Абу-л Касим стал *диваном*. Их сопровождал Мухаммад Хусейн, Шейх Абу-л Музаффар, Бек Мухаммад Токбаи, Мир Мухибб-ал-лах, Мир Шараф-ад-дин, Мир Салих, Мир Хашим, Шах бек, Мир Маасум Бхаккари, Зайн-ад-дин Камбу, Сайид Джалал Бхаккари, Сайид Абу Исхак, Камбар Исхак Ака, Пахлван Али Систани и иные. Каждого возвысили одеянием почёта и отличным транспортом (*бараги*). [Каждый] получил также ценные советы. Они отправились 7 тира [18 июля 1583 г.], и Карм Али, *дарога* парфюмерии, был послан с поручением увезти Шихаб-ад-дин Ахмад-хана. Приказ гласил, чтобы как только прибудет новый управитель, Шихаб-ад-дин со своими солдатами явился ко Двору.

В это же время от Низам-ал-Мулка из Декана вместе с прочими посланцами прибыл Мир Шариф Гилани, и изъявил почтение, и поднёс дары, милостиво принятые.

Глава 71
Орошение сада владычества и возведение дворца всемирного правления

Поскольку владения обширны, солдаты многочисленны, а алчность возрастает день ото дня, верное мышление слабеет, отважных и правдивых не найти, а лживых и льстецов множество, порочных выдумщиков — легион, а справедливых и верно мыслящих — мало (*хал-хал*), дела в скором времени неизбежно приходят в упадок, и воцаряется великое зло. Поэтому Господин Мира неуклонно укрепляет собственную осмотрительность и обеспечивает саду государства новую свежесть. Соответственно в эту пору он в своём великолепии и прозорливости, а также в стремлении к истине воздвиг новый дворец управления. И передал каждое ведомство мужам прославленным и верным, бескорыстным и благожелательным и соединил величие Шахиншаха с отцовским добросердечием. На принца Салима возложил Господние задачи [являть] суровость и милосердие, а также надзирать за пирами [устраиваемыми] в честь бракосочетания и дней рождения, что служат источником устойчивости и украшения вечной власти. Тот, жемчужина короны Султаната, выполнил повеления праведного властителя и занялся проведением приказаний в жизнь. Поскольку без соратников не обойтись, в помощь ему были назначены Мирза-хан, Шейх Абу-л Файз Файзи и верный Фатх-ал-лах. Управление хозяйством Двора — что равняется управлению великим царством — передали принцу Султан Мураду. Рай Сал Дарбари, Карм-ал-лах, Ходжа Абд-ас-Самад Ширин Калам, Мухаммад Али Хазанчи служили у него под началом. Наблюдение за верой, религией, мудростью и службой доверили

404

принцу Султан Даниялу. Гази-хану Бадахши, Рай Сарджану и автору сего благородного тома поручили излагать ему дела. Прежде всего они (чиновники, управляющие ведомствами) изучили превосходные установления, снизошедшие в небесную душу (Акбара), и украсили ими сырую материю умов простаков. Во-вторых, вывели смущённых на торный путь почитания Господа. Вспомоществование и щедроты даровали Султан Ходже, Хаким Абу-л Фатху, Мир Абу Турабу, *кази* и *муфтию* (чиновнику судебного ведомства). Обустройство земель, а также назначение и увольнение чиновников *халсы* препоручили радже Тодар Малу, Ходжа Яхье, Рай Дурге и Яру Али. Заботы об армии и организацию выплат [жалованья] солдатам возложили на Шахбаз-хана, Джафар бека и Али Дост-хана. Контроль за ценами на товары доверили Зайн-хан Коке, Исмаил Кули-хану, Пайанда-хану и Хаджи Хабиб-ал-лаху. [Надзор за] оружием и присмотр за дорогами передали Кулидж-хану, Джаганнатху, Лонкарану и Салих Акилу. [Опеку над] имуществом умерших и передачу его наследникам поручили Шариф-хану, радже Аскарану, Накиб-хану и Абд-ар-Рахману, сыну Муйид-бека. Ведомство [по надзору] за покупкой и продажей драгоценных камней и иных минералов возглавили Итимад-хан Гуджарати,
405 Баки-хан, Джагмал, Хаким Аин-ал-мулк и Наамат-хан. Контроль за постройками был возложен на Науранг-хана, Касим-хана, Махсус-хана и Латиф Ходжу. Отправление правосудия в отношении жалобщиков предоставлено радже Бирбару, Касим Али-хану, Хаким Хамаму и Шам Шер-хану Котвалу. Автор книги удачи (Абу-л Фазл) также назначен на сию службу. Им приказали не довольствоваться клятвами и свидетельствами, но проводить тщательное расследование. Деяния одной стороны (притеснителей) были весьма низки, а положение другой (жалобщиков) — крайне запутанным. Из-за взяток притеснителей и их высокого положения, а также из-за пустоты рук и беспомощности притесняемых следовало оставить небрежность в расследовании, и [было необходимо] чтобы мысль о подношениях (*пара*) не отвращала сердце с его пути, а стрелы оскорблений не привели ведущего в долину малодушия и не вызвали сокрытие истины. Вскоре внешний мир обрёл превосходное управление, а мир духовный [достиг] нового продвижения. Был воздвигнут новый дворец для проницательности владыки, а род

людской испытан в кругу знания. Развращённые сгинули в пучине бесчестья, а достойных возвысили. Любой великий муж, пользующийся снадобьем от бесчувствия и тысячью глаз сердца избирающий бдительность, без сомнения, сделает судьбу своей служанкой, и царство правителей окажется под сенью его праведности.

Радуйся! Сад двух миров ликует из-за тебя,
Основа жизни утвердилась из-за тебя.
Соломон имел кольцо, ты — веру,
У Александра зеркало было, у тебя — законы.
С зеркалом — Александр, Кай Хосров — с чашей
Не видели того, что умел ты созерцать
в течение многих дней.

Тем временем Вазир-хан одержал победу, а Кутлу Нохани (Лохани) потерпел поражение. Когда Господня помощь лишила стойкости бунтовщиков, Масум-хан Кабули и прочие мятежные и злополучные обратились в бегство, как уже рассказано. После чего Хан Азим и иные крупные военачальники принялись искать средство против хитроумного Кутлу. Использовав уловки и лесть, он передал предложение о мире, и послал ко Двору мужей красноречивых и умелых, и прибег к уговорам. Прозвучал ответ, чтобы они, буде его дела соответствуют словам, приняли его как слугу [Акбара] и вернули ему Ориссу. В это время сердце Хан Азима ощутило неприязнь к тем землям и возжелало отправиться восвояси. Он попросил, чтобы по прибытии приказа об отправлении смог отправиться в свои владения, а Садик-хан на эти несколько дней принял командование и довёл до конца то важнейшее дело (соглашение с Кутлу). Тот (Садик-хан) поставил неподобающие условия, и потому Хан Азим обратился к Вазир-хану, [почувствовавшему себя] счастливым взять на себя эту задачу, и Хан Азим отправился в Хаджипур (где находились его владения). После его отбытия вероломный Кутлу в своём безрассудстве и узколобии поднял главу высокомерия и выдвинул неприемлемые условия мира. **406**
Военачальники, [только] предавшиеся отдыху, были несколько раздосадованы и выступили из Шерпура[1] с намерением вступить с ним

в битву. 10 тира [21 июня 1583 г.] они стали лагерем в Бардване. Тот неугомонный находился на отдалении шести *косов* и пустил в ход лисьи уловки: прибег к смирению и мольбам. Обманутые им, те прибавили к Ориссе Мадаран, Меднипур и иные города. Он согласился взвалить на плечи бремя повиновения и отправить ко Двору сына брата с великолепными дарами. [После чего] вновь обратился к мятежным мыслям и решил хитростью захватить в свои когти одного из предводителей [в надежде], что так ему, возможно, удастся достичь [поставленной] цели. И передав, что посылает ко Двору зеницу своего ока, предложил, чтобы Садик-хан прибыл из лагеря без большой свиты, и сам [Кутлу] выйдет с немногими сторонниками, и так они свидятся и будут умиротворены, и он передаст ему цвет жизни (своего племянника). Садик-хан имел [достаточно] предусмотрительности, чтобы отказаться, и был послан Шейх Фарид Бахши[2]. По доброте намерений и в своей простоте он отправился с Хусейн-ханом, Абу-л Касимом, Абд-ал Хади и Махмуд-ханом Хосом. Явившись к назначенному месту, они не обнаружили и следа Кутлу. Поскольку тот постоянно отправлял послания [с предложениями] о мире, [Шейх] поехал дальше. Несколько достойных доверия людей привели его к дому названного, и Кутлу устроил пир. Время от времени он изъявлял раскаяние, но единственным его намерением было схватить [посланца], как только его люди отправятся на покой, и увезти его в отдалённое место, и достичь своих целей, используя его в качестве заложника. Шейх понял это и с наступлением ночи стал готовиться к отъезду. В конюшне не осталось ни одной лошади (*бараги*), и когда они прошли немного, завязалась ожесточённая схватка, и несколько воинов убили. В разгар стычки появился сам [Фарид] на своём слоне. По капризу удачи животное оказалось неуправляемым и ринулось прочь. Из-за ночной тьмы его люди не сумели последовать за ним. Шейх решил пересечь реку и так ускользнуть, но пришёл в смятение, не найдя там брода. Внезапно появились несколько человек, пустили в него стрелы и ранили. Тот бросился вниз со слона и свернул в сторону. Водительством таинственных проводников (охранителей) нашёл какую-то дорогу. Негодяи решили, что Шейх по-прежнему находится в сиденье (*амари*) [на слоне], пытаясь уйти. Пока он шёл этим неизвестным

путём, верный слуга присоединился к нему, отдал ему коня (*бараги*) и довёл до лагеря. Военачальники пробудились от сна беззаботности и напали на интригана. Они пересекли реку Дамудар и прошли два *коса* в боевом порядке. Тот мошенник (Кутлу) усилил крепости[3] и утвердил стопу дерзости.

Кутлу и многие иные укрылись в крепости, а Бахадур Курух[4] в другом месте приготовился к битве. В начале амардада Садик-хан, Шах Кули-хан Махрам и другие выступили, чтобы дать бой Бахадуру. После ожесточённого сражения взяли крепость, а тот бежал и соединился с Кутлу. На следующий день они атаковали его лагерь и установили орудия на возвышенностях. Небесной помощью мятежников победили, и [те] бежали в плачевном виде. По недостатку энергии и отсутствию плана их не преследовали. Царские слуги остановились на берегу реки. **407**

2 амардада [15 июля 1583 г.] тот величественный, коего не в силах перевесить все восемь сфер, был взвешен против восьми предметов, и состоялся праздник лунной годовщины. Нуждающиеся Века обрели желаемое.

В ту пору Бурхан-ал-мулк сдался под защиту возвышенного Двора. Он был младшим братом Муртазы Низам-ал-мулка. Когда Хусейн Низам-ал-мулк скончался, царство формально перешло под власть его старшего сына[5], но в действительности — его матери. Подобно отцу, она любила Бурхана больше всех и считала, что ему нет равных. Когда переменчивые небеса совершили несколько оборотов, Муртаза, по наущению разжигателей розни и интриганов, взял под стражу мать и брата и заключил обоих в крепость. По своей развращённости и невежеству отказавшись от учителей эпохи, подчинился духовному руководству секты[6]. Из-за жёсткости наставника и суровости ритуала его разум повредился. Он перестал общаться с людьми и передал дела проходимцу по имени Хусейн. Этот человек, устроитель петушиных боев, был возвышен [став] его спутником, и вследствие невежества (Муртазы) получил титул Асаф-хана[7]. Лишающее разума вино мира опьянило того слабовольного мужа. Его дурные наклонности усилились, а самонадеянность обрела новую основу. Мир решил, что дни уединения окончились. Наконец тот неблагодарный и вероломный

начал войну с Баридами (войну против Барид шахов из Бидара), и пыль недовольства поднялась в окрестностях Кандхара[8]. Узнав о том, этот безумный собрался и быстро двинулся навстречу названному. Тем временем Бурхан покинул крепость при помощи её управителя и принялся разжигать смуту. Пришёл час удачи для плутов. Поскольку [Бурхана] разум оставался в заточении, а его судьба уснула, он устремил взгляд на людское имущество и обратился к угнетению людей. Прослышав об этом, Низам-ал-мулк примирился (с Хусейном), вернулся и добрался до Ахмаднагара в день, когда тот (Бурхан) собрался явиться. При виде его волнения утихли. Он заявил своим спутникам: «Долгое время я пребывал в уединении и испытывал отвращение от
408 общения с людьми. Мой брат жаждет править. Покиньте меня и примкните к нему». Они же ответствовали: «Необходимо свергнуть правление недостойных! Когда же сие будет исполнено, поразмыслим о других делах. Иначе истинные обстоятельства будут известны немногим, а большинство решит, что ваш поступок (отказ от власти или затворничество) есть результат слабости и нездоровья». Он возрадовался такому суждению, и песнь радости вознеслась в единении сердец. И устремился к сече и завоеванию с сердцем, готовым к труду, и с надлежащей доблестью.

В придачу к тому что Бурхан не был равен Муртазе по силам, верно мыслящие и преданные из числа его спутников не допустили, чтоб дело дошло до сражения. Толпы людей покинули Бурхана, и он оказался вынужден без боя вступить в пустыню поражения. На какое-то время обретя пристанище у повелителя Биджанагара, вернулся, не достигнув ничего. Оттуда отправился к Адил-хану в Биджапур. Когда уловки и обман оказались бесполезны, вернулся в Ахмаднагар в одеянии йога. Там проживал втайне и при помощи дурных мужей старался обмануть людей и укрепить свою партию. Покров над его деяниями оказался сорван. После чего он спешно отправился в Баглану, но, потерпев там неудачу, взял путь в Надарбар[9] к Кутб-ад-дин-хану и обрёл счастье при величественном Дворе. 11-го числа просветлил своё чело, изъявив почтение у священного порога. Поскольку вознесение падших и милость к обессиленным являются превосходными качествами Его Величества, того возвысили различными благодеяниями. За

два года перед тем был приведён некто, назвавшийся Бурханом. Мир Джамал-ад-дин Хусейн Анджу[10] принял его и представил, и он получил высокий пост[11] благодаря расположению Повелителя Мира. Итак, те двое [Бурханов] встретились, и [сановники] устроили расследование. Утративший совесть завёл пространную речь, но зоркость [Акбара] заставила его изречь истину и признаться: «Я — сын некоего Деккани, носившего титул Хаким-ал-мулк. Мать Низам-ал-мулка приняла меня как сына. Алчность и близорукость сбили меня с пути». Движимый страхом, он бежал, но погоня настигла его на пути в Агру, и [самозванца] отправили в школу тюрьмы.

Тогда же наказание настигло Араба Бахадура. Его недостойное поведение уже описывалось, а также то, как он потерпел поражение. После чего [Араб] превратился в бродягу в Самбале и устроил мятеж в Бихаре. Когда Хан Азим Мирза Кока направился из Бенгалии в те земли, несколько храбрецов под началом Субхан Кули Тюрка решили покарать его. По дальновидности он сам (Хан Азим) отправился туда. Между Тирхутом и Чампараном состоялось сражение, и тот вновь был опозорен. Оттуда двинулся в Джаунпур. По приказу Его Величества раджа Тодар Мал послал своего сына Гаурдахана наказать его, и Араб вступил в гористые края.

В эту же пору Хаджи Ибрахим Сирхинди был отправлен в тюрьму наставления. Некоторое время он благодаря дерзости и благопристойным речам [находился среди] искателей истины. Затем занимал положение *садра*[12] Гуджарата. Тогда же [ко Двору] явилось несколько человек, которые пожаловались на притеснения [Ибрахима]. Когда его корысть и порочность стали очевидны, а тирания — явной, его отправили в крепость Рантханбхор. Угнетённые ободрились. Он пытался бежать, свив верёвку. Та оборвалась, и дни [дерзкого] закончились[13].

Глава 72
Отправка Мирза-хана на подавление мятежа в Гуджарате

Кто в силах счесть чудеса, явленные Бытием, и кому по силам постичь их? Даже род [сверхъестественных] существ[1] не в силах охватить их. Разве способны на это сыны человеческие? Но мудрец может постичь это дело до определённой степени. Возможно, порывы ветра мятежа и клубы пыли раздоров — даже несмотря на поиски истины и праведность Правителя Эпохи — явлены для того, чтобы чудотворные дела Владыки Века вошли в сознание рода людского, а недалёкость строптивых стала очевидной. Или же задача их — сорвать покров с деяний тех порочных людей, которые, вследствие терпимости Его Величества и самообмана, заняли место среди добрых и удачливых, но также — возжечь лампаду удачливости с целью наложить на них кару. Или же это происходит для того, чтобы достоинство тех, кто остаётся под покровом безвестности, могло быть отмечено на портике явления! Вот ради таких дальновидных замыслов благостные земли Гуджарата были осквернены мятежом. Пагуба злонамеренных воцарилась в мире. Хотя основной причиной бунта стала порочность слуг Шихаб-ад-дин Ахмад-хана и Кутб-ад-дин-хана, [именно] беспечность и неискушённость двух *амиров* стала причиной их неблагодарности. На скудоумных болтунов они всегда смотрели сквозь пальцы. Сад верности наполнился пылью, и по своей беспечности [эти двое] не попытались объединить единодушных и не приложили разум к поиску достойных мужей. Когда управление тем краем вновь перешло в руки Итимад-хана, рабы золота[2] отделились и уклонились от присутствия

при Дворе и от обязанности клеймения. Своеволие и небрежность Итимад-хана, а также опоздание [посланной] помощи увеличили сие зло. 23 шахриюра (4 сентября 1583 г.) мятежники выбрали [некоего] Музаффара своим предводителем [?] и захватили Ахмадабад. Предки подлого молодчика канули в безвестность. Люди называли его Нанну[3]. В прежние времена Итимад-хан дал ему это имя и признал его как сына Султан Махмуда Гуджарати. Он был захвачен во время первого похода в Гуджарат и некоторое время находился в плену у Карма Али[4], *дарога* парфюмерии. После этого его отправили к Муним-хану Хан-ханану. Когда последний скончался, тот вернулся ко Двору, а Ходжа Шах Мансур *диван* наблюдал за ним. На 23-м году сбежал из-за небрежности [Шах Мансура], и направился в родные края (*бангах*), и нашёл приют у владельца Раджпиплаха[5]. Кутб-ад-дин-хан повёл против него войско, и тот взял путь в Джунагарх и укрылся у Лоникатхи[6]. Военачальники не обратили на него внимания и не приняли мер. Так [Музаффар] с помощью слуг Шихаб-ад-дин Ахмад-хана вылез из своего угла и превратился в источник беспокойства. С той поры как Итимад-хан покинул Двор, и было дано повеление, призывающее Шихаб-ад-дин Ахмад-хана, слуги последнего предались порочным мыслям. 10-го числа он покинул Ахмадабад и взял путь ко Двору, а на следующий день Итимад-хан прибыл в город и воссел на *маснад* власти. Мир Абид, Халил бек, Мир Юсуф бек, Мирам бек и несколько бадахшанцев и туранцев показали своё вероломство и направились в Дулка.

410

Они уговорились убить хозяина (Шихаба) до прибытия нового управителя (Итимада). Один муж, верный своей соли[7], открыл эту тайну, но из-за неуместного мягкосердечия на заговор посмотрели сквозь пальцы (букв. «сор был укрыт» — *хаспош*). Тогда они вновь вспомнили о своём дурном замысле и выступили с намерением присоединиться к Нанну. Умр Хаджи[8] являлся зачинщиком мятежа и вожаком негодяев. Этот порочный муж некоторое время состоял *диваном садра*[9] при Дворе и низостью своих мыслей не уступал Шараф-ад-дину. Он снискал некоторое уважение в Гуджарате и, когда тот край был завоёван, взял путь в Декан. Когда Шихаб-ад-дин Ахмад-хан[10] стал управителем провинции Гуджарат, он в силу давнего знакомства прим-

кнул к нему. Все разговоры тех наёмников сводились к одному: «Ныне мы лишились своих *джагиров*[11]. Пока мы доберёмся до столицы, и компенсируем издержки за это время, и исполним клеймение, мы с трудом добудем краюху хлеба. Лучше уж возьмём за руку мятежного Нанну и поднимем бунт». Хотя благожелатели и люди опытные доложили (Итимаду), что Шихаб-ад-дин Ахмад отказался от путей примирения и отправился ко Двору, а военачальники вспомогательных сил ещё не подошли, и необходимо удержать того от путешествия и вернуть ему на несколько дней *джагиры*, или же потратить некоторую сумму и унять волнение тех пёсих блох, или же — прежде чем бунтовщики завершат свои приготовления — приложить рвение и мастерство и избавиться от той горстки предателей; однако ни одно из этих предложений не приняли. Итимад-хан ответствовал: «Слуги Шихаб-ад-дин-хана развязали вражду, он может погасить её или понести за неё ответственность». Вскоре число мятежников возросло,
411 и громко заговорили о том, что приближается Нанну. По необходимости первое мнение приняли [во внимание], но поскольку (Шихаб) прошёл уже часть пути, то отказался [от предложения]. Итимад-хан решил, что ему надлежит отправиться лично, и так сократить время доставки вестей, и любым возможным средством привезти того назад. Хотя проницательные люди указывали, что покидать город во время таких раздоров — значит сделать лёгкое дело трудным, их совет отвергли. [Итимад] выступил ночью вместе с Мир Абу Турабом и Низам-ад-дин Ахмадом. Они сбились с пути и только на рассвете достигли Кари[12], где присоединились к Шихаб-ад-дин Ахмад-хану. После долгих переговоров [уговорили его] вернуться, [пообещав] удовлетворить его желания: [и действительно] он получил назад свои владения, которые освободили от податей[13], и два *лакха рупий* дали ему взаймы[14]. После того большая часть дня прошла в подписании соглашений и принесении клятв (приёме присяги верности у командиров и рядовых). Затем Шихаб-ад-дин Ахмад-хан выступил вместе с челядью. На исходе ночи Зайн-ад-дин Камбу и Мир Масум Бхаккари встретили их в восьми *косах* от Ахмадабада и сообщили, что Нанну примкнул к мятежникам и задумал напасть на Камбей, но узнав, что тот город (Ахмадабад) не защищён, поспешил туда и взял город[15].

Пахлван Али Систани[16], *котвал* города, потерял жизнь, а имущество и честь жителей оказались похищены. Вначале воцарились печаль и растерянность, но затем, по необходимости, они начали исправлять дела. После совета решили дать бой. Утром 24-го числа[17] подошли на берег Сабармати, к Усманпуру, и погрузились в сон беспечности. Хотя дальновидные люди указывали, что мятежники рассеялись по крупному городу и заняты грабежом, и [поэтому] им следует собрать войска, напасть на них и так потушить мятеж, военачальники избрали более лёгкий путь и не стали этого делать. Они решили, что давние слуги управителя примкнут [к ним], получив умиротворяющие письма, и активность бунтовщиков угаснет. С такой мыслью Итимад-хан и Мир Абу Тураб двинулись из лагеря к домам своих друзей, в то время как Шихаб-ад-дин Ахмад-хан занялся составлением [устанавливающих согласие посланий]. Смутьяны собрались и изготовились к сражению. Шихаб-ад-дин Ахмад-хан несколько очнулся от дрёмы и начал собирать силы. Пока он занимался этим, Мустафа Ширвани выступил с некоторым числом подлых негодяев. Хаджи бек Узбек, Пайинда Мухаммад Сагкаш, Салих Кундузи, Хизр Ходжа[18] и ряд известных мужей числом около 500 ступили на стезю вероломства. Сражение не начиналось, пока большой отряд воинов не пересёк реку ниже Усманпура и не напал на лагерь. Многие обрели пристанище у врага, а некоторые остались с семьями, и из войска с численностью **412** конницы более 7000 с ним (Шихабом) осталось лишь несколько родичей. Во время этого смятения один из слуг[19] ударил его мечом по правому плечу, а лошадь подстрелили из ружья. Он рухнул наземь, но несколько верных слуг подняли его, и усадили в седло, и без промедления увезли с того места, и никто их не преследовал, ибо все были заняты грабежом. 25-го числа Шихаб-ад-дин Ахмад-хан, Итимад-хан, Низам-ад-дин Ахмад и ряд других, числом около 300, собрались в Паттане. Музаффар-хан, исполнив в Ахмадабаде сердечное желание, взял себе славное имя, впал в спесь и охмелел. Он присвоил царскую власть и даровал подлым негодяям титулы военачальников Шахиншаха. Абида Бадахши назначили Хан-хананом, Халил бека — Хан Заманом, Мирак Йилака — Атга-ханом, Мирак бека — Бадахши, Хан Алама — Курбаном Али Бихари[20], Хан Киланом; Шах Мирзу

— Науранг-ханом, Науроза — Карача-ханом; Мухаммад Амина Бадахши — Максус-ханом; Паянда Мухаммад Сагкаша[21] — Хан Джаханом, Мир Абд-ал-лаха — Асаф-ханом и *мир бахши*, Салиха Бадахши — Музаффар-ханом и *диваном*, Абу-л Вафа стал Афзал-ханом и *мушриф диваном*; Шатир Мухаммад — Наамат-ханом и *мир саманом*. Невдомёк ему было, что без явления милости Господней и превосходных качеств не зажжётся ночная лампада величия.

Нужно солнце, чтобы возжечь звёзды.
Твоя лампада ночь в день не превратит.

Наградить людей малых титулами великих мужей — значит броситься вместе с ними в пучину позора. Таким образом, каждый из них обратился вскоре в прах бесчестья и поражения. Они показали легкомыслие в разговорах о [своих] командирах и жалованье, и жаждая земель, [пренебрегли] честью. Паянда Мухаммад Сагкаш и Тахмак[22] следили друг за другом, и их вражда окончилась кровопролитием. Тахмак написал Шихаб-ад-дин Ахмад-хану поддельное письмо от него (Паянды) и достиг цели, подкупив его [Паянды?] хранителя печати. Музаффар, не расследовав тщательно этого дела и действуя без раздумий, приговорил того (Паянду) к уничтожению. По прихоти судьбы труд друзей исполнили враги. В это самое время из Соратха прибыл Шер-хан Фулади. Поскольку Музаффар следил за Кутб-ад-дином и постоянно вступал в переговоры с его подобными мухам слугами, он оставил Абида в Ахмадабаде, а сам направился в собственное жилище, а Шер-хана Фулади и нескольких бродяг послал в Паттан. В это же время Сайид Даулат[23], один из лучших слуг [Музаффара?] в восточной части Гуджарата, не стал ожидать [хозяина], но двинулся с несколькими
413 бродягами в Камбей и приступил к грабежу. Ходжа Имад-ад-дин Хусейн[24] похитил из той гавани 14 *лакхов рупий* и искусно доставил их в крепость Броач к Кутб-ад-дин-хану. Почти сорок *лакхов дамов* попало в руки Сайид Даулата. Он послал часть тому тщеславному (Музаффару), и примкнул к нему, и стал одним из вожаков [мятежников][25].

Когда такие известия достигли царского слуха, Его Величество, чей ум подобен зеркалу, отражающему будущее, заметил, что этот бунт

вскоре будет подавлен, а смутьяны получат то, чего заслуживают. Он занялся усмирением волнений в том краю, умиротворением землевладельцев и наказанием бунтовщиков и отправил в тот край отборное войско. 9 михра [21 сентября 1583 г.] Сайид Касим, Сайид Хашим, Широйя-хан, Рай Дурга, Рай Лонкаран, Медни Рай, Миян Бахадур, Дарвеш-хан, Рафи Сармади, Шейх Кабир[26], Насиб Туркаман и иные усердные мужи были посланы под началом Мирза-хана, сына Байрам-хана, с приказом направиться в Гуджарат прямой дорогой и наказать мятежников[27]. Кулидж-хан и Науранг-хан отправились в Мальву, чтобы получить назначение в той провинции, а затем присоединиться к победоносному войску. Кутб-ад-дину сказали, что, хотя цифры свидетельствуют о достаточности его [сил] для того, чтобы улеглась пыль волнений, однако из предосторожности [в помощь] отрядили крупное войско. Если по велению небес искру (мятежа) погасить не удастся, удачливые воины окажут поддержку.

Тогда же смерть [постигла] Джагмала и Рай Сингха[28]. Первый — брат Раны Пратапа, последний — внук Малдео. Когда водительством удачи первый просветлил своё чело изъявлением почтения и возвысился царскими милостями, ему отдали Сирохи с прилегающими владениями. В этой стране власть принадлежала Султан Деору. Итимад-хану приказали по прибытии в те земли немедленно принять надлежащие меры и передать [земли] Джагмалу, а если будет необходимо, оставить в помощь ему некоторое число опытных бойцов. Прибыв туда, названный выполнил приказ, и Джагмал вступил в Сирохи. Высокомерный (Султан Деора) укрылся в ущельях. Для поддержки Джагмалу оставили Рай Сингха, Бека, Деору и людей Джалора. Когда победоносные войска ушли в Гуджарат, неугомонный вновь принялся чинить смуту, и Бек вместе с [верными] Джалору явился на подмогу. Тот недостойный тайными тропами подобрался к их лагерю. И двое мужей (Джагмал и Рай Сингх) очнулись от сна беззаботности и сохранили свою честь, пожертвовав жизнью.

25 (михра)[29] отметили праздник Шаввал, и Шахиншах устроил **414**
[великолепный] пир. Певцы-волшебники изготовили снадобье мудрости, даровав его [внимательным слушателям], и различные артисты исполнили удивительные [номера]. Стрельба из лука поражающих

кабак вызвала изумление, ещё [все увидели] зрелищную игру *чауган*. Толпы людей обрели желаемое. Внезапно, посреди игры, раджа Бирбар слетел с лошади и потерял сознание. Владыка Мира осенил его своей милостью, облегчив [состояние] собственным дыханием. Вскоре [раджа] пришёл в себя и изрёк благодарность.

На ту пору приходится и смерть Мира Гесу Хорасани. Он вёл происхождение от *сайидов* (Хорасана), некоторое время занимал должность *бакавал бека* (смотрителя кухни), а затем недолго состоял правителем Бхаккара. В ту пору являлся *фауджаром* Миртхи и некоторых внутренних *парган* (*парган* между Гангом и Джамной). Вследствие невежества в делах у него постоянно происходили стычки с рядовыми солдатами. Хозяин из-за своей жадности жаждал лишить недостойных воинов части их жалованья, а порочные и неблагодарные стремились получить больше [причитающейся им] доли. По дурной натуре он не изгнал алчность из сердца и не обошёлся с ними чистосердечно. Наконец, вечером 24 (михра), накануне Ид Шаввал (8 октября 1583 г.)[30], [Мир] в городе Миртха заговорил с ними в беззастенчивой манере и, осыпав упрёками, выгнал некоторых слуг из дома. На рассвете во хмелю направился к Идгах. Муса Бахлим (?), один из [воинов], выступил вперёд со смиренным видом, но Мир Гесу, будучи под хмелем, отправил его в темницу. Тут же появился Ибрахим из Нарнаула с несколькими злонамеренными, и Мир потерял терпение и оскорбил его. Неверный слуга в ответ [обнажил] меч. Несколько двуличных увели его под предлогом примирения, а другие недостойные пошли освобождать Мусу. Узнав об этом, [Мир Гесу] направился к их домам и поджёг их. Бунтовщики начали сопротивляться, и спутники Мира проявили трусость, и тот был убит. По [присущей им] подлости они превратили его тело в пепел. Когда же это стало известно, приняли энергичные меры, чтобы схватить злодеев. Многих наказали, но некоторым удалось скрыться. Правосудие явило [величественный] лик.

Глава 73
Поход королевских знамён в Илахабад (Аллахабад)

В каждое дело Шахиншах привносит что-то новое и на отдыхе и в походе воплощает великие идеи. Он взвешивает приобретения и потери на весах проницательности. Долгое время его желанием было основать великий город на территории Пияга[1], почитаемого индийцами места, где сливаются реки Ганг и Джамна, и куда совершают паломничество аскеты страны, и построить там непревзойдённую цитадель. Его идея заключалась в том, чтобы провести там какое-то время и заставить покориться местных бунтарей, а также установить мир до самого океана. Он решил: как только заложит основание этого города судьбы, отправится по воде в восточные районы и вырвет с корнем в тех землях колючки мятежа. Когда же мир будет установлен громом царского похода, продолжит путь в Декан и захватит эту страну, жаждущую обрести правителя. Если же обширная Индия будет усмирена преданными вассалами, то уедет в Туран и научит уму-разуму мирзу Мухаммад Хакима, который, из-за вождения дружбы с льстецами и глупцами, не желает пребывать на границе доброй службы и присылает невежественные ответы. А также направил бы на путь истинный мирзу Сулеймана и Шахрух мирзу, что учиняют беспорядки в Бадахшане, и получил во владение земли своих предков. Таким образом, различные классы человечества обрели бы радость согласия.

С этими далеко идущими планами [Шахиншах] выступил из Фатехпура 5 абана (17 октября [1583 г.]). Поскольку собирался в

восточные провинции, то, в соответствии[2] с обычаями умудрённых мужей Индии, отправился в путь на возвышенном слоне, проезжая три с половиной *коса* (в день).

12-го числа близ городка Бараули речные дома (лодки) были прославлены его прибытием. Некоторые избранные придворные удостоились блага сопровождать его, войско же продолжило путь по суше. Более трёхсот лодок [предназначалось] для пассажиров и багажа. 18-го числа они бросили якорь напротив города Этава. У Зайн-хан Коки там находилась великолепная резиденция с садом, и он попросил царя посетить его. Его Величество удовлетворил просьбу и пробыл там какое-то время. 22-го числа приблизился к Калпи. Мутталиб-хан, *тиулдар* (землевладелец) тех мест, задал великий пир на берегу Джамны и удостоился высокой чести присутствия [Повелителя Века]. На следующий день подошёл к Акбарпуру, резиденции раджи Бирбара, посещением дома последнего удовлетворив его (Бирбара) давнее желание. Затем отправился дальше, переход за переходом охотясь и верша правосудие. Люди возрадовались. 1 азара [12 ноября 1583 г.] достиг места назначения и на следующий день в благословенный час заложил основание города, запланировав возвести там четыре крепости. В каждой [предполагались] царские покои. (Город) начинался там, где сливались реки. [Владыка Мира] распорядился, чтобы в первой (крепости) возвели двенадцать зданий[3], в каждом из которых [предполагались] восхитительные апартаменты. Там был сад — особое место уединения Шахиншаха. Во второй — покои для бегим и принцев.
416 В третьей — комнаты для дальних родственников и личных слуг. В четвёртой — для солдат и подданных. Инженеры создали [великолепные проекты, по которым возвели истинные] шедевры, и в скором времени первая превосходная крепость была завершена. Каждый получил место, соответствовавшее его рангу. Через короткое время уже построили великий город.

Заметным событием стало прибытие паланкина Мириам-макани. Она не могла по ряду причин [оказаться здесь] в самом начале. Теперь же отправилась в путь на верблюде радости, а затем по воде, с другими бегим и дамами. Его Величество засвидетельствовал своё почтение надлежащим образом. Состоялось изысканное собрание

[утончённости и изящества], а розарий Халифата освежился признанием [непревзойдённых] достоинств.

Глава 74
Победа Шахбаз-хана и скитания Масум-хана Кабули

Как сообщалось ранее, после поражения бунтовщиков отряд победоносных войск продолжил путь в Ориссу и разбил лагерь на берегу Дамодара, а несколько великих военачальников отправились в Горагхат, где [занялись делом] освобождения Какшалов. По прошествии какого-то времени Масум-хан прибыл в земли Бхати с множеством мятежников и отправился войной на Мирза бек Какшала. Последний ушёл в Таджпур[1] и заручился поддержкой Тарсун-хана[2]. Он (Масум) набрался наглости и направил людей опустошить страну. Тарсун-хан заперся в крепости, а смутьяны разорили местность в семь *косов* в пределах Танды. Начались великие беспорядки. Когда Шахбаз-хан узнал об этом, то сделал мудрость предтечей мужества и отправился наказывать мятежников. Он послал людей на быстроходных ладьях остановить [Масум-хана], а сам выступил с войсками из Патны по суше. Вскоре прибыв на место конфликта, установил порядок. Дерзкие негодяи отступили. Масум, подойдя к Джамне[3], остался на месте. Он (Шахбаз) написал из Танды военачальникам, связанным с Ориссой, следующее: «У Кутлу недостаточно сил, чтобы вступить в сражение с царской ратью, так что будет лучше, если какая-то часть войск отправится туда». Таким образом, Вазир-хан, Шейх Ибрагим, Шейх Фарид Бахши, Сайид Абд-ал-лах-хан, Пахар-хан, Мирзада Али-хан, Бабуи Манкали, Хасан-хан, Шах Касим Бадахши, Хайдар Дост, Мир Абу-л Гаис, Шейх Мухаммад Газнави, Джалал-ад-дин Масауд, Камал-ад-дин, Хусейн Систани, Кичак Ходжа, Сикандар Чакни, Абу

Бекр и другие взяли на себя подавление бунта Кутлу, в то время как Шах Кули-хан Махрам, Садик-хан Мухибб Али-хан, раджа Гопал, Хангар[4], сыновья[5] Сайид Мухаммад Мир Адила и прочие отправились на помощь Шахбаз-хану. Последний перешёл через Ганг и бросился в погоню за мятежниками. С Божьей помощью из Бхати прибыли и поступили на службу 3000 пушкарей[6] Шаха Барди, который умер тогда же, и возвестили победу. Затем к ним присоединились Тарсун-хан и Мирза бек Какшал. Тут поступило сообщение, что злосчастное войско отправилось под командованием Бабаи Бхакари в город Сантос[7], а люди Тарсун-хана разбежались. Шахбаз-хан решил улучшить положение дел и направил туда Мухибб Али-хана, Касим-хана, Таймура Бадахши и Салим-хана, а затем и сам выступил. Враг бежал при звуках приближающейся рати, и большая добыча попала в руки воинов. Оттуда они прошли 18 *косов* через труднопреодолимые земли, дабы сразиться с Масум-ханом, и сделали привал на берегу Джамны. Масум укрылся на другом берегу и приготовился к битве. Шахбаз отправил письмо, дабы образумить его и привести к повиновению. Он перечислил ему достойные качества Шахиншаха, и поругал за вероломство, и дал множество здравых советов, и объединил угрозы с воодушевлением. За 24 часа было отправлено три послания, на которые пришли утончённые ответы, полные раскаяния. На следующий день[8] военачальники (Акбара) собрались, и он (Масум) прошёл две трети (*добахш)* реки, приблизившись к берегу на расстояние полёта копья. Выразил согласие на предложение о преданной службе, и договор подписали и скрепили печатями командующие войск. Было решено, что назавтра он принесёт извинения за былые прегрешения, и будет задан пир единения. [Однако] любители смуты усилили его страхи тайными письмами и напомнили о гибели Масум-хана Фаранхуди[9]. Поскольку удача его дремала, он не смог отличить советы от обмана. Описав в послании свои доводы[10], извинился. Шахбаз-хан разъярился и повёл себя недостойно по отношению и к друзьям, и к чужакам. Поднялся туман разногласий, ставший причиной высокомерия смутьянов. Воины, жаждущие боя, перешли через реку под градом пуль и стрел и вступили в сражение. Произошла горячая битва. Благодаря чудесам умножающейся с каждым днём удачи 4 азара

417

(15 ноября 1583 г.) мятежники бежали, и повсюду прогремели звуки победы. В этот переломный момент царский флот ещё не прибыл, но Нараин, землевладелец (*буми)*, и Мурад Какшал предоставили собственные лодки и оказали помощь. Мухибб Али-хан и Салим-хан Сирмур[11] с другими храбрецами отправились в погоню за Масумом. Мир Мухаммад Дастам и несколько несчастных повернули назад и вступили в бой. Услышав это, Шахбаз-хан поспешил туда и прибыл, когда первый отряд начал испытывать затруднения. Великое сражение произошло, и много мятежников кануло в пропасть уничтожения. Кара
418 Накди[12] взяли в плен, а бунтари понесли заслуженное поражение и отправились со стёртыми ногами в пустыню неудач. Им удалось уйти лишь благодаря тёмной ночи. Захватили слона Хар Першад и много других животных. Мирза бек Какшал, Санграм и Далпат сослужили добрую службу. На следующее утро победоносная рать, преодолев реки и болота, подошла к городу Горагхату. Часть города была разграблена[13]. Масум-хан укрылся в Бхати с частью своих людей. Джаббари и несколько сподвижников ушли в Коч (Куч Бехар). Каждый из его людей отправился в тот или иной уголок. Шахбаз поспешил в Шерпур[14], родину многих из них. Он прибыл туда на следующий день, и захватил семьи некоторых, а также получил богатую добычу. Около 150 опытных и преданных воинов попали в плен. Известия доставили в Илахабад, и много благодарственных молитв вознеслось, а также заново открылся ежедневный рынок служения (служба была вознаграждена).

В ту пору случился уход Садик-хана (от Шахбаза). В первый день, когда прибыли военачальники, слон Садик-хана ринулся во время марша на Шахбаз-хана и чуть не убил его. Хотя вреда он ему не нанёс, всё же злость поселилась в сердце [последнего], и с того дня дружбе пришёл конец, и демонстрировалась враждебность. [Шахбаз] вёл себя недостойно: перестал относиться (к Садику) милостиво и выражал крайнее недовольство. Когда Шахбаз направлялся в Бхати, Садик покинул его, чтобы засвидетельствовать своё почтение царским порогам.

Следует вспомнить и поражение Шер-хана Фулади. Когда приятная земля Гуджарата наполнилась пылью разногласий, как уже

говорилось, Шихаб-ад-дин-хан, Итимад-хан, Низам-ад-дин Ахмад Бахши и другие военачальники собрались в Паттане. И уже было вознамерились все вместе покинуть страну и отправиться в Джалор, как вдруг прибыли Мухаммад Хусейн, Шейх Абу-л Касим, Мир Абу-л Музаффар, Бунияд бек, Фируз, Мир Мухибб-ал-лах, Мир Шараф-ад-дин, Бек Мухаммад Токбаи, Булинд-хан Ходжасера, Сайид Абу Исхак и другие, числом 1500. Тысяча воинов покинули врага и присоединились к Шихаб-ад-дин Ахмад-хану, а семьсот всадников — к Итимад-хану. Но вновь прибывшие рабы злата пришли с пустыми руками и жалобами. Они открыли врата желаний и изрекали глупости. Итимад-хан, наученный предыдущими событиями, дал им денег и заставил нести ревностную службу, дабы оставили мысли об уходе. Тем временем Равалия Хассахайль (принадлежавший к клану) Шер-хана (Фулади?) поднял мятеж в городе Джутана. Бек Мухаммад Токбаи, находившийся в окрестностях, соединив опыт с доблестью, одержал победу посредством мощи умножающейся с каждым днём удачи. Услышав об этом, Шер-хан направил туда с большими силами своего зятя Хусейна. Бек Мухаммад не посчитал необходимым вступать в сражение и отступил. Царские подданные назначили Шейх Мухаммад Хусейна, Ходжа Низам-ад-дин Ахмада, Мир Абу-л Музаффара, Сайид Мухибб-ал-лаха и других опытных воинов ему в помощь. Враги отступили, но Бек Мухаммад погнался за ними, и произошло большое сражение. Подобно раджпуту сошёл с коня и решительно бился. Его чуть не убили, но Ходжа Низам-ад-дин Ахмад приехал с несколькими храбрецами, и враг пришёл в замешательство. Ежедневно приумножающаяся удача являла свой лик, и царские слуги украшали собрание славы. Затем Шер-хан решил вступить в бой вместе с множеством негодяев. Войско выразило свои пожелания и посетовало на то, что руки их пусты. Итимад-хан оказался вынужден предпринять меры, чтобы их успокоить. Он и Шихаб-ад-дин Ахмад-хан остались присматривать за домочадцами (*бангах-дари*), а оставшиеся отправились сражаться под командованием Шер-хана, сына Итимада. В центре расположились Шер-хан, Радхан-хан, Пахар-хан и другие. Шейх Мухаммад Хусейн, Мир Салих и прочие находились на правом фланге; Ходжа Абу-л Касим *диван*, Бунияд бек, Мухаммад Касим

419

Нишапури, Сайид Абу Исхак и Хаджи Самбал — на левом. Мир Абу-л Музаффар, Бек Мухаммад Токбаи, Мир Мухибб-ал-лах, Мир Шараф-ад-дин Фируз, Сур Дас и Сайид Мустафа — в авангарде. Ходжа Низам-ад-дин Ахмад, Мир Масум Бхаккари и Атал Гхаккар остались в резерве. Битва началась 27 абана [8 ноября 1583 г.] близ Мияны, в 18 *косах* от Патны[15]. Левый царский фланг дрогнул, но Хусейн-хана, предводителя правого фланга противника (зять Шер-хана), убил Максуд Ака. Левый вражеский фланг атаковал резерв, но был отброшен. Неприятельский центр отправился в пустыню неудач без боя. С Божьей помощью [войска Шахиншаха] одержали победу и захватили богатую добычу. Множество злодеев [полегло]. Опытные воины полагали, что следует поспешить в Ахмадабад и облегчить сложную задачу[16], но слова глупых пустозвонов перевесили, и не оказалось единодушия. Известия о победе достигли Аллахабада, и слуг [щедро] вознаградили.

420 Тем временем прозвучал приказ Зайн-хан Коке и радже Бирбару привезти раджу Рам Чанда, известного во всей Индии правителя Панны[17]. Он заявил о своей покорности и отправил старшего сына на службу, но из-за недальновидности не явился ко Двору лично, назвав в качестве причины долгий путь. Теперь, когда Аллахабад прославился прибытием Шахиншаха, стало невозможно оправдаться той же причиной. Войску дали приказ [срочно] выступить и пробудить спящего жителя ущелий. В это время его сын доложил через благоволящих придворных, что отсутствие отца не связано с заносчивостью и непокорностью: из-за проживания в крепости и вдали от мирской суеты он несколько застенчив. Если послать к нему одного-двух известных придворных, [раджа] без сомнения наберётся мужества и приедет. Поскольку Шахиншах считает меч самым последним лекарством от упрямства, то поверил этому объяснению, и 24-го числа туда направили Кокалташа и раджу, дабы те оказали дикарю покровительство и привезли к [высокому порогу].

Тогда же подавили мятеж Джаббари. Уже сообщалось, что Шахбаз-хан и другие военачальники отбыли в Бхати, в то время как Вазир-хан и прочие приготовились к боевым действиям в области Ориссы. Там не было войск. Тем временем Джаббари приехал из Коча

в Горагхат, и вокруг него собрались ретивые воины. Он захватил Таджпур у людей Салим-хан Сирмура[18] и Пурнию у родственников Тарсун-хана. После чего направился в Танду. Хасан Али Котвал лежал в городе больной, и Шейх Аллах Бахш Садр заволновался. Из-за недостатка мужества пришёл в [великое] смятение. Внезапно прибыл Шейх Фарид и установил мир. Он возвращался с чувством отвращения из войска Ориссы ко Двору, но по царскому указу повернул назад. Когда же туда приехал, Джаббари отступил. Шейх поспешил в Таджпур и воодушевил людей, а слуги военачальников обрели земельные владения.

В это время Его Величеству сообщили, что в сезон дождей Ганг неистов, и много людей гибнет. [Шахиншах] заложил основание набережной на протяжении одного *коса*, шириной 40 ярдов и высотой 14 локтей. Это послужило защитой для жителей и помогло земледельцам. Поскольку вследствие засушливого года цены оказались высокими, у многих средства существования подошли к концу.

Ещё одно событие — прибытие ко Двору Хан Азима, проживавшего в Хаджипуре со дня своего отъезда из Бенгалии. Он приехал в Аллахабад, когда туда прибыл [Владыка Мира], и засвидетельствовал своё почтение, в результате чего был возвышен разнообразными милостями. Фаридун Бирлас, Хаким Музаффар, Ходжа Муким и многие другие изъявили почтение вместе с ним. Тогда же Саид-хан прибыл из Самбала и [коснулся челом священного порога], обретя [высочайшую милость] и царские почести.

Глава 75
Поход Его Величества в столицу Фатехпур

Его Величество принял решение, что, как только дела восточных земель будут превосходнейшим образом улажены, он отправится в Декан и наведёт порядок там. Внезапно наделал шуму мятеж в провинции Гуджарат, и [пришлось ему] обратить свой взор в том направлении. [Шахиншах] посчитал, что нужно вернуться в столицу и выступить оттуда. В самом начале смуты и низкий и знатный полагали, что стоит Мирза-хану прийти туда с Кутб-ад-дин-ханом, пыль разногласий сразу уляжется. Но тут доставили известия о смерти Кутб-ад-дина и распрях между теми, кто был отправлен туда. [Повелитель Эпохи] решил наказать злодеев и покончить с раздорами в стране.

Вот краткое изложение событий, сопровождавшихся Божественной помощью и чудесами приумножающейся с каждым днём удачи. Когда неблагодарные и мятежные наполнили приятную землю пылью смуты, Кутб-ад-дин-хан по невежеству и из-за тщеславия не смог уладить дела должным образом. В то время как военачальники Паттана говорили: «Сегодня бесчестные и никчёмные занимаются своими *джагирами* и назначениями, и нет у них порядка[1]. Правильнее было бы поскорее и обдуманно выступить против них. Таким образом, удача бунтарей поубавится, и сложная задача станет лёгкой», — (Кутб-ад-дин) медлил и плохо выполнял свои обязанности. И говорил в оправдание о нехватке вооружения, а также заявлял, что нужно дождаться войск из Мальвы. Тем временем беспорядки усилились, и поскольку от Двора не приходило порицаний, он так и

не пробуждался от сна небрежения и не предпринимал никаких шагов для исправления ситуации. Направил вперёд войска[2], но энергичные мужи (мятежники) перешли через реку Махиндри и вступили в бой близ города Сарнала, нанеся позорное поражение.

Вследствие самонадеянности и самомнения 8 абана [20 октября 1583 г.] [Кутб-ад-дин] вышел из крепости, не подготовив как следует Броач к обороне и не уладив дел с наёмниками. Хотя благоразумные и проницательные заявили, что нельзя так легко относиться к столь серьёзному мятежу и пренебрегать войском, и крайне необходимо сейчас преподнести дары обиженным и громкоголосым, и постараться закрыть им рты, и завоевать сердца, всё же, поскольку удача покинула его, мудрые слова не достигли ушей. Таким образом, 25 абана (6 ноября 1583 г.) пришёл Музаффар с большими силами. Войска подтянулись с обеих сторон, но тем временем Чаркас-хан, Мирак Афзал и прочие присоединились к войску. Кутб-ад-дин и другие из его клана (*хас хелан*) проложили путь к стенам Бароды. На следующий день надменные мятежники окружили город (Бароду). Тогда же доставили известия о поражении Шер-хана, и Музаффар уже было собрался остановить осаду и отправиться дальше (в Майсану), испугавшись, как бы победоносные войска не захватили Ахмадабад, но узнал, что они повернули назад, и оставил эту идею и смело возобновил осаду города. Кутб-ад-дин-хан из любви к золоту (*хоста-парасти*) и жизни не нашёл в себе сил пожертвовать собой, и ему в голову пришла мысль о мире. Он отправил Зайн-ад-дина и Сайид Джалала передать свои пожелания и попросил разрешения уехать в Хиджаз со своим добром. Поскольку понимание покинуло его, то не понял, что накопленные богатства существуют для защиты чести, и жизнь ценна, лишь когда согласуется с достоинством. Закон войны — завершить шаткое [существование] мужественно на службе господину и обрести доблестью [бессмертие] и нетленную славу. По-видимому, ночь разрушения стала темнее, и направляющая мудрость пребывала в глубоком сне. Музаффар преисполнился высокомерия, получив такое послание. По его приказу первого (Зайн-ад-дина) кинули под ноги слону. Другому же даровали жизнь благодаря вмешательству родственников[3]. Тогда бы Кутб-ад-дину и пробудиться, но жажда жить лишь усугубила его сон.

422

Он взял договор в руки с великим раболепием. 13 азара (23 ноября 1584 г.) нарядился и вышел к этому негодяю, чем навеки себя опозорил. Музаффар расспросил его о здоровье, после чего передал в руки палачей. Звезда его [закатилась]. Джелал-ад-дин Масауда, сына его сестры, также казнили. После этого крепость Броач осадили. Ходжа Имад-ад-дин Хусейн[4] и другие были помилованы. *Котвал* встал на путь неверности и отдал ключи от крепости. 19 (азара) цитадель захватили без боя. Камбейские сокровища и огромные богатства управителя были разграблены. Музаффар в [приступе] алчности захотел обрести статус зятя. Мудрая мать[5] отравила своё дитя. Шип неудач вонзился в стопу его желаний. У него вошло в привычку притеснять людей и грабить торговцев. Масштабы недостойного поведения (*нашанасаи*) возросли.

Услышав эти вести, Его Величество решил отправиться в Гуджарат. Земли Гарха-Райсина[6] были отданы в качестве земельных

владений Хан Азиму. 29-го числа тот получил позволение отправиться в Хаджипур собрать вооружение и вернуться ко Двору. Саид-хана назначили предводителем 3000, а Хаджипур и его окрестности отдали ему во владение. Он испросил разрешения отбыть в тот же день, получив ценные советы. 10 бахмана (20 января 1585 г.) [Шахиншах] продолжил путь, ведомый удачей, в столицу (Фатехпур).

Глава 76

Чудесная удача Шахиншаха и поражение Султан Музаффара Гуджарати

(Глава начинается с двенадцати строк рассуждений об удаче Акбара, которые Г. Бевериджем не переведены.)

Поскольку гуджаратские воины присоединились к Музаффару, и тот собрал значительные богатства, военачальники Паттана решили покинуть страну и уйти в Джалор. В это время прибыл с большими силами Мирза-хан и установил порядок. Он немного задержался[1], чтобы собрать людей, а также по причине глупых речей невеж. Около Миртхи от военачальников Паттана к нему приехал Ходжаги Тахир[2] и сообщил о происходящем. Мирза-хан мудро умолчал о том, что произошло с Кутб-ад-дином, и стал искать победы у ярчайшей из своих звёзд. 20 дая[3] (31 декабря 1583 г.) войско стало лагерем у Паттана. Воины объединились, и среди них воцарились радость и согласие. Было высказано несколько неразумных предложений. Кто-то сказал, что нужно остаться на месте, пока не прибудут силы из Мальвы. А кто-то заявил, что выступать в поход прежде чем Властелин Мира направится туда — значит нарушать 424
законы проницательности. Некоторые полагали, что единственно правильное решение — быстро выступить вперёд, положившись на умножающуюся с каждым днём удачу и не считаясь с внешними обстоятельствами. Зачем нужны все эти военные приспособления? Имеется достаточно храбрых и опытных воинов, и они произнесли много обнадёживающих слов. Ведомые звездой и славой удачи, все сошлись в этом мнении, и было принято решение об активных

действиях. Они оставили Итимад-хана в Паттане и отправились на битву при Божественной поддержке. Центр прославился преданностью Мирза-хана, Шихаб-ад-дин Ахмад-хана, Джан Дарвеш-хана, Султан Рахтора, Мир Музаффара, Абу-л Фатха, Мухаммад Кули Могола, Шер Мухаммад Могола, Кара Бахри[4] и отряда опытных ратников. Широйя-хан Мухаммад Хусейн, Сайид Абу-л Касим, Буниад бек, Фируза, Мир Хашим, Мир Салих и другие были на правом фланге. Мота раджа, Раи Дурга, Тулси Дас Джадун, Бика Деора, Раи Нараин Дас, *заминдар* Идара, и прочие [укрепили] левый фланг. В авангарде находились Паянда-хан Могол, Сайид Касим, Сайид Кашим, Раи Лонкаран, Рам Чанд, Удай Сингх[5], Сайид Бахадур, Сайид Шах Али, Сайид Назр Уллах, Сайид Карм Уллах и множество иных мужей. В *алтамыше* — Медни Раи, Рам Сах, раджа Мукатман[6], Ходжа Рафи, Мукаммал бек Сармади, Насиб Туркаман, Даулат-хан Лоди[7], Сайид-хан Карарани, Шейх Вали, Шейх Зайн, Хизр Ака и другие. В резерве — Ходжа Низам-ад-дин Ахмад Бахши[8], Мир Абу Музаффар, Мир Масум Бхаккари, Бек Мухаммад Токбаи, Мир Хабиб-ал-лах, Мир Шараф-ад-дин, Хатх Билуч и другие. Миян Бахадур Узбек и прочие способные воины занимались разведкой. В каждом отряде были быстроходные, гороподобные слоны.

Узнав об этом, Музаффар пришёл в Ахмадабад с большими силами и выстроил их в боевом порядке. Сам встал в центре. Шер-хан Фулади командовал правым крылом. На левом — Лоних Катхи, а в авангарде — Салих Бадахши. Они решили переправиться близ Усманпура[9] и сразиться и расположили свои пушки и иное огнестрельное орудие положенным образом.

Поскольку созданные из лучших побуждений изобретения
425 производят благоприятный эффект, при Дворе Халифата был издан *фирман*, принятый с уважением. Суть его состояла в следующем: «В определённый благоприятный час мы выступим в поход, дабы оказать помощь победоносным войскам, и отправимся в путь на рыжем (*гулгун*) пересекающем мир коне, как будто на охоту; пока не прибудем, не торопитесь вступать в сражение». Радостный пир приготовили, громко забили барабаны восторга. Те, что волновались, взяли себя в руки, а

надменный враг ужаснулся. Царские воины, зная, что прибудут силы из Мальвы, вражеское поле боя опустеет, а известия о приближении Акбара отпечатаются в сердцах воинов, ушли от схватки и направились к Саркечу[10]. И прибыли туда 6 бахмана[11], и выбрали поле битвы. С одной стороны располагался город, а с другой — река. Они укрепили это замечательное место, построив заграждения[12]. Музаффар спешно направился в их сторону. Горстка заблудших мятежников совершила ночную атаку, но, потерпев поражение, те оказались вынуждены вернуться. На рассвете войско предусмотрительно укрепило [преграду], возведя восточную стену. Нечестивый враг поспешил подтянуть силы[13] из страха, что царские знамёна отбросят свои лучи, или прибудет войско Мальвы. Хотя военачальники (Акбара), частично из-за ожидания сил Мальвы, а частично потому, что день подходил к концу, не имели расположения к битве, им всё же пришлось сразиться. Поскольку ходили слухи, что Музаффар появится с отрядом с тыла, в то время как ещё одно войско атакует с фронта, Раи Дурга поспешил в том направлении с частью резерва. Другие отряды начали наступление в установленном порядке. На пути находилось большое ущелье, и там было много песка. Передовой отряд чуть не повернул назад, но *алтамыш* (резерв авангарда) двинулся вперёд и воодушевил авангард. Когда они появились из этих теснин, произошла короткая горячая схватка.

Поднялся крик среди[14] обоих войск,
Шум воскрешения достиг небес,
Казалось, мир распался надвое,
Исрафил задул в рог воскрешения.

Сайид Хашим[15] лишился короткой жизни и обрёл вечную славу. До этого он рассказал, что во сне восемнадцать копий пронзили его, и пролилось много крови. Удивительно, что последний сон пришёл к нему в результате восемнадцати ранений! Хизр Ака[16] также продемонстрировал добрую службу. Ратники обеих сторон сходились в бою и храбро умирали. Пламя войны бушевало тут и там. Герои авангарда и *алтамыш* бились в рукопашных схватках, и каждый

отряд храбрецов [смело] сражался с [противником]. Музаффар с шестью-семью тысячами воинов выступил против [хана] и вёл себя
426 надменно. Недальновидные недоброжелатели схватили поводья хана и попытались вернуть его назад, но сей всадник преданности ещё больше укрепил поступь мужества. Он выхватил поводья из рук не признающих удачу и встал на путь битвы. И привёл разбивающих ряды слонов, включая Шермара и других прославленных животных. Прежде чем те успели приблизиться к врагу, тот лишился стойкости. Ветерок победы освежил знамёна. Раи Дурга отправился в том направлении и вселил страх в правый фланг противника. Все вокруг говорили: «Властелин Мира приближается». Враг пришёл в смятение и разбежался без боя. Возгордившийся Музаффар отправился в пустыню неудач в жалком состоянии. Он ушёл через Мамурабад к Махиндри[17]. Все враги до одного разбежались, многие лишились чести, а кровь некоторых смешалась с пылью. Смерти предавали до конца дня. Озарился лик удачи Шахиншаха. Победоносное войско состояло всего из 10 000 всадников, в то время как с другой стороны [противостояло] почти 40 000 всадников и 100 000 пеших воинов!

Малочисленное войско в день битвы
Одержало верх над многочисленным врагом,
Ибо на войне победа зависит от удачи,
А не от богатства и числа воинов.

Вследствие серьёзности предупреждений и позднего времени беглецов решили не преследовать. Войско стало лагерем на поле битвы и возблагодарило Господа. На следующее утро на рассвете в Ахмадабаде устроили весёлый праздник. На каждой улице и в переулке слышались звуки ликования. 25 бахмана (8 февраля 1584 г.) придворные радости доставили известия (Акбару) в окрестностях Кора Хатампура[18], сообщив о чудесах удачи. Властелин Мира поблагодарил Господа. Познания повелителя в области тайн снова запечатлелись в умах каждого. Простой люд, которому сопутствовала добрая удача, вновь преисполнился радости преданности (Акбару). На следующий день Зайн Кокалташ засвидетельствовал своё почтение. Раджа Рам

Чанд[19] выехал из крепости и направился ко Двору. Кока обратился с прошением. 30-го числа Его Величество разбил лагерь близ Этавы и по просьбе Кокалташа расположился на какое-то время под деревьями города — в приятном месте. На следующий день, когда пришла пора выступать в путь, он отпустил Коку, дабы тот мог сообщить землевладельцу о милости и привезти его с собой. 4 исфандармаза (14 февраля 1584 г.) знамёна Тени Господа отбросили лучи на столицу Фатехпур, и толпы людей обрели радость. Созвали собрание поиска истины, и новые законы вынесли на рассмотрение. Успех сопутствовал далёким и близким, и благие вести о вечной власти обострили слух смертных.

Одно из событий — приезд раджи Рам Чанда и изъявление оным почтения у священных порогов. Когда к нему прибыли послы и зачитали историю величия, передали значительные советы и в превосходной манере вселили в него надежды и опасения, он, благодаря своей удаче и благополучию, выбросил из головы давнюю надменность. 12 (исфандармаза) возвысился выражением покорности и преподнёс на суд [Владыки Мира] подарки. Среди прочего приняли, дабы порадовать его, 120 слонов[20] и рубин большой ценности. Ему вернули земли и крепость, а его достоинство возросло благодаря великим дарам. Среди оных значилась 101 лошадь.

В это время умер Мухаммад Заман. Он был двоюродным братом[21] Мирза Юсуф-хана. Из-за юношеской горячности и наущений алчных людей выступил с войском против Джалии[22], одного из крупнейших военачальников Мальвы. И прибегнул к помощи прошений, послал дары и пообещал нести добрую службу. Вследствие корыстолюбия и неопытности Мухаммад Заман нарушил договор и поспешил в город Махрия[23], распустив руки грабежа. Затем разграбил Деогарх. Узнав, что дорога через Сурат[24] короче, бездумно отправился в том направлении. Оказалось, путь пролегал в труднопроходимых ущельях. Он сделал привал с несколькими людьми, а войско с имуществом отправил вперёд. Вследствие дремлющего разума [предался винным забавам]. Землевладелец воспользовался случаем и приехал туда, и дни Мухаммад Замана были сочтены. Тот, кто встаёт на путь неподчинения, и не прислушивается к голосу доброжелателей, и не вы-

полняет обещанного, вскоре закончит таким же образом и столкнётся с разнообразными бедами.

Глава 77
Второй бесчестный поступок Султан Музаффара

Сердца великих правителей и справедливых государей, коих слова и действия и чистый храм души озаряются славой истины, являют собой отражающие мир чаши[1]. Особенно это показательно в случае Властелина Мира, которому с радостью служат и прославленные обитатели духовного мира, и избранные представители мира внешнего — по причине его благих намерений, добрых деяний, значительного интеллекта и великого терпения. Чего бы он ни пожелал, будь это выявление замыслов судьбы или то, что сокрыто от глаз проницательных, всё с лёгкостью осуществляется. **428**

История мятежного злодея — яркий тому пример и средство пробуждения дремлющих. Когда эта сгоревшая звезда встала на путь бегства, а отъезд Шахиншаха озарил человечество[2], [следовало] броситься в погоню [за смутьяном] и схватить, и сия колючка [оказалась] бы вырвана с корнем. Но, обрадовавшись победе, те не стали [предпринимать подобное], да ещё глупая болтовня злодеев и нечестивцев явилась тому препятствием. По прошествии одного дня[3] прибыли Кулидж-хан, Шариф-хан, Науранг-хан, Тулак-хан и другие, и началось активное обсуждение. Тем временем негодяй поправил своё положение с помощью подкупа. Он подошёл к Камбею и захватил много имущества у торговцев. Рабы золота собрались вокруг него, а крестьяне, полагая, что [это] сын их прежних султанов, выказали ему преданность. Возможность собрать людей и натянутые поводья победоносной рати взбодрили павшего духом, и тот возобновил войну. Он

притворился, что поступь его мужества пошатнулась от известий о приближении падишахской свиты. Царские слуги, из-за стенаний воинов по поводу их бедности и вследствие глупых разговоров невежественных трусов, не обратились лицом к сражению и стали ждать высочайшего прибытия. Будучи слишком настойчивы в своих желаниях, чрезмерно осторожничали. Властелин Мира успокоил их превосходными советами, сказав, что смутьян очень скоро обратится в прах, и царёву войску будет сопутствовать успех. Не так много времени прошло, как пыль беспорядков улеглась, и тайны, ведомые Шахиншаху, отразились на человечестве. Военачальники воодушевились и вновь пришли к мысли о сражении. Многие считали, что нужно объединиться и попытаться изгнать Музаффара. Но некоторые полагали, что затратившее много сил на первое сражение войско теперь может отдохнуть, а этим делом пусть займутся Кулидж-хан, Науранг-хан и армия Мальвы, а Мирза-хану и другим энергичным воинам надлежит уехать в Ахмадабад и заняться обустройством [государства]. В итоге они договорились действовать сообща[4] и занялись подавлением мятежа Музаффара. Пройдя один-два перехода, опять остановились. Мирза-хан, полагавшийся на удачу Шахиншаха, не мог оставаться на месте и, бросив раненого Сайид Касима, Мухаммад Хусейн Шейха, Шадмана, Ходжа Абу-л Касима *дивана* и других с 2000 воинов охранять город, присоединился с остальными военачальниками к войску и продолжил путь в Камбей, средоточие мятежа Музаффара. Последний направил Сайид Даулата с войсками в сторону Дулки, а сыновей Ихтияр-ал-мулка и Мустафу Ширвани — в Мамурабад и приготовился, [исполненный] дерзости и невежества, к войне. Когда победоносные войска оказались (от него)
429 на расстоянии десяти *косов*, Музаффар пал духом и ушёл в город Башад[5], резиденцию землевладельца Ачал Харпара[6]. Царская рать направилась в Бароду. Тулак-хану повелели наказать Сайид Даулата и вернуться назад. Остальное войско пустилось вслед за Музаффаром. 19 исфандармаза (1 марта 1584 г.) они достигли гор и долин. Преодолев сложный путь, сразились с большим отрядом мятежников. С Божьей помощью одержав победу, из-за сильной жары [однако] не стали преследовать их. Музаффар переправился через Нарбадду и двинулся в город Надот[7], продолжив оттуда путь в Кох-и-Чампа (?)[8].

Это селение в шести *косах* от Ахмадабада славилось в мире своей неприступностью. С востока, запада и севера оно защищено высокими холмами, а с юга — рекой Тапти[9]. Когда царское войско разбило лагерь у Надота, [состоялся] военный совет. Каждый высказался [на уровне собственной] мудрости за продолжение пути, стоянку или возвращение. Сошлись на первом, и пустозвонам пришлось замолчать. В это время прибыл Тулак Фирузманд, и познавшие тайны узрели знак победы.

Тогда же всех обрадовала смерть Симака[10]. На того, кто по злобной природе отворачивается от соединённой с вечностью власти, небесные распорядители обрушивают пыль неудач, и он отправляется в обитель уничтожения. Сей негодяй слыл источником беспорядков, и мало кто мог сравниться с ним в порочности. Когда звуки приближения мирозавоёвывающей рати стали громче, Музаффар оставил Насиру[11], Чаркаса и этого негодяя (Симака) в Броаче. Поскольку двуликие и лицемерные обычно украшают уста словами дружбы, совершенно не понимая сути последней, [злодей] начал посылать письма согласия Паянда-хан Моголу. Некоторые попали в руки Насиры, и он задумал убить его: решив схитрить, притворился больным. Смутьян пришёл навестить его и [попал в обитель небытия]. Триста туранцев, явившихся вместе с ним, также отправили в пропасть уничтожения.

Ещё одна радостная новость — поражение Сайид Даулата. Когда Тулак-хан прогнал его, тот вернулся и снова захватил Камбей, занявшись впоследствии грабежами в Петладе. Ходжам Барди, *тханадар*, сразился с ним и победил. [Тогда] в бегство пустился Аталик Бахадур. Во время кампании сей бесстыжий узбек [улизнул] от врага и присоединился к царскому войску. Миян Бахадур доложил о его преданности и поручился за него. Оба, злобные и бесчестные, вели пустые разговоры и сбивали с толку недалёких. А когда войско **430** [приблизилось] к Надоду, сей злобный тиран (*кабучи*, букв. «привратник») ушёл с отрядом туда, где нет дорог (то есть его предали смерти). Второго же отправили в тюрьму, и мода на глупость была прекращена. Возродилась тяга к сражению[12]. Мирза-хан, Шихаб-ад-дин Ахмад-хан и другие встали в центре. Шариф-хан, Науранг-хан и иные украсили правый фланг. Кулидж-хан, Тулак-хан и *джагирдары*

Мальвы — левый. Пайанда-хан, Раи Дурга и прочие расположились в авангарде. Ходжа Низам-ад-дин Ахмад, Мир Масум Бхаккари и [иже с ними] остались в резерве. 20-го числа (10 марта 1584 г.) они выступили в поход из Надота. Музаффар пришёл в ужас и укрылся в горах. Множество отважных воинов прибыло и приготовилось к битве. Царский левый фланг начал атаку, и не раз [противники] давали друг другу [достойный] отпор. Храбрецы с обеих сторон бились пешими. Во время схватки отряд смельчаков из правого фланга взобрался на высокий холм и [огнём] из пушки и мушкетов привёл в замешательство дерзкого врага. Затем атаковал резерв. После этого храбрецы из левого фланга [падишаха] начали главное наступление. Много врагов было убито, но большинство бежало, покрывшись пылью и кровью.

Сердца все в стрелах, раскололся мозг,
В крови одежды, шаги их — пыль[13].
Кто-то, с грудью в броне, низко склонил чело под булавой,
Иной же голову сложил, держа кинжал в руках.

Предводитель мятежников пал духом и бежал. Когда дело дошло до рукопашного боя, бунтари оказывали тщетное сопротивление. Поскольку умножающаяся с каждым днём удача [находилась] в зените, у них закончились силы сопротивляться, и покрыв себя позором, [мятежники] встали на путь поражения. Храбрецы начали охоту на их жизни, и в скором времени около 2000 человек предали смерти. Пятьсот воинов попали в плен и обрели [здесь] последний сон. Просветлённый *Хедив* предложил возблагодарить [Аллаха] за великую победу и возвысил слуг различными милостями. Мирза-хан был одарён рангом *панчхазари* (5000) и получил титул Хан-ханана. Его добрые намерения сочетались с опытом, а большие способности шли рука об руку с человеколюбием, и потому удача явила ему свой лик и сделала исполнителем благих дел.

431 Когда доставили известия о мятеже в Гуджарате, Его Величество спросил Амир Фатх-ал-лаха из Шираза — астронома, знакомого с мельчайшими подробностями науки[14], — о положении друзей и врагов, а также об исходе дела. Мир изучил небеса и доложил, что в

этом году будет две битвы, в которых царское войско одержит победу. Как он сказал, так и случилось, и снова были продемонстрированы (великие качества Акбара и [прозорливость] Фатх-ал-лаха).

Глава 78

Начало 29-го Божественного года [с момента священного Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха] — года амардад третьего цикла

В это время сопутствующей удачи наступил Новый год достижений объединённой с вечностью судьбы, и очередному поколению рода людского снова была ниспослана радость. Вновь зазеленели безлистные творения мироздания.

Ты жаловался на приближение сеющего листву бахмана.
Глаза же подними и садом полюбуйся, ибо бахман[1] в разгаре.
Прислушайся к раскатам грома —
поистине то звуки тамбурина.
Мир свадьбу празднует, и сад в брачные одежды облачён.

Царские ремесленники уделили особое внимание украшению дворца и превосходно подготовили всё к празднику. [Счастливый] пир устроили 25 исфандармаза [5 марта 1584 г.] в саду, разбитом Её Величеством Мириам-макани в четырёх *косах* от Фатехпура. Много благочестивых дам приняли в этом приятном месте. По прошествии четырёх минут ночи среды, 8 раби ал-аввала 992 г.х. (10 марта 1584 г.), освещающее мир Солнце принесло новую [весну] знаку Овна, и розовый цвет единения украсил лик дня и ночи (равноденствия). Начался пятый год третьего цикла, и мир вновь обрёл великолепие. В этот же день прибыл Хан Азим Мирза Кока из Хаджипура, и засвидетельствовал своё почтение, и умножил радость. 15 (фарвардина) в особом саду (Баг Хаса) прошёл великий праздник, и толпы людей

получили желаемое. С момента достижения (солнцем) точки возвышения (19 фарвардина [29 марта 1584 г.]) каждый день происходило великолепное торжество, и Шахиншах исполнял желания знатного и безродного. В начале этого года наступила Божественная эра, принёсшая, как уже сообщалось, [безмерный восторг] человечеству.

Одно из событий — прибытие Мирза бек Какшала и других из Бенгалии. Когда последнюю завоевали в третий раз, Мирза бек, Вазир Джамил, Халдин, Фаррух Иргалик и кое-кто ещё встали на путь преданности благодаря помощи опытных и разумных людей. 432
Однако они постоянно пребывали в состоянии тревоги и смущения из-за собственного дурного поведения. Когда Шахбаз-хан победил, а Садик-хан направился ко Двору, к нему присоединились вышеупомянутые лица. Они посчитали эту возможность благом. Как только доставили эти известия, Мохан Дас получил приказ вернуть назад Садик-хана и отослать его в войско Вазир-хана, сражавшегося с Кутлу. Он также должен был пообещать Какшалам царские милости и привезти их ко Двору. Сей резвый всадник присоединился к ним в Танде. Садик-хан подчинился приказу и отправился в указанном направлении (то есть к Вазир-хану). Дабы успокоить встревоженных Какшалов, его старший сын Захид поехал вместе с ними. Те прибыли и обрели счастье засвидетельствовать почтение. Шахиншах возвысил их различными милостями, и радость охватила тысячи людей, чьи надежды были прежде разбиты.

Тогда же смерть постигла Тарсун-хана. Нанеся поражение Масум-хану, Шахбаз-хан отправился в страну Бхати, не обращая внимания на неистовство бурных рек. Его замысел заключался в том, чтобы проверить Иса-хана, правителя той страны, который всегда говорил о своей преданности. Если он выдаст Масум-хана и других мятежников, то его уста и сердце пребудут в согласии. В противном случае окажется сброшенной завеса с его истинной позиции, и [упомянутый] получит по заслугам за [совершённые] злодеяния. Бхати[2] — это расположенная в низине страна, получившая такое наименование [по той причине], что Бенгалия находится выше. Её протяжённость — 400 *косов* с востока на запад и 300 *косов* с севера на юг. На востоке — океан и страна Хабша (?)[3]. На западе — горная мест-

ность, где обитает племя Кахин[4]. На юге — Танда. На севере — океан и границы горной страны Тибет[5]. Отец этого правителя (*буми*) принадлежал к раджпутскому племени Баис[6]. В том речном регионе он постоянно демонстрировал дерзость и непокорство. Во времена Селим-хана Тадж-хан и Дария-хан[7] отправились [туда] с большими силами, и после множества битв он сдался. Через короткое время снова взбунтовался. [С помощью] хитрых уловок схватив его, отправили в обитель уничтожения и продали двух его сыновей Ису и Исмаила купцам. Когда чаша жизни Селим-хана переполнилась, а Тадж-хан получил власть в Бенгалии, Кутб-ад-дин, дядя Исы со стороны отца[8], прославил себя доброй службой и после усердных поисков привёз назад обоих братьев из Турана. Иса, известный зрелыми суждениями и осмотрительностью, смог подчинить себе двенадцать бенгальских *заминдаров*[9]. Проницательный и осторожный, он избегал союза с правителями Бенгалии, хотя оказывал им услуги и посылал подарки. И действовал на расстоянии посредством смиренных [переговоров].

433 Местом стоянки царских войск был избран берег Ганга близ Хизрпура[10], где по обе стороны реки располагались сильные цитадели, ибо в этом месте проходил торговый путь. В скором времени обе крепости захватили после ожесточённых боёв, и Сонаргаон оказался в руках царских подданных. Они достигли Карабуха (?)[11], резиденции (Исы). И сей людный город разграбили. Также выслали силы против большого города Бара Синдара[12] и захватили огромную добычу. Оттуда прибыли к Брахмапутре. Это большая река, которая течёт из Ассама[13]. После непродолжительного боя с караульными (*каравалан*) Масум лишился твёрдости и укрылся на острове[14]. Его чуть было не схватили. В это время подоспел Иса, вернувшийся из Коча (Куч Бихара) с большим и хорошо оснащённым войском. Царские слуги заняли позицию у Тотака, на берегу вышеупомянутой реки напротив города Кинарал Синдар[15], и возвели там крепость. С обеих сторон шёл горячий бой на земле и на воде. Царские воины неизменно одерживали верх. Они направили Тарсун-хана продемонстрировать силу у Баджасрапура[16] и, таким образом, привести врага в замешательство (букв. «раздвоить их разум и сердце»). Две дороги вели из города Бхавал[17] (Нагари). Один путь проходил вдали от [расположений] врага, а другой — по реке, [со-

всем] близко. По воле небес Тарсун-хан выбрал последний. Услышав об этом, Масум-хан спешно ринулся в том направлении с большими силами. Шахбаз-хан направил туда Мухибб Али-хана, раджу Гопала, Хангара и других. И также послал быстроходного гонца предупредить его, приказав твёрдо держать позицию, пока не прибудет подкрепление. Он (Тарсун) не поверил[18] посланию и обеспокоился за Шахбаз-хана, полагая (или говоря), что мятежники решили обмануть их и при помощи хитрости хотят отделить часть войск от Шахбаза. Поскольку гонец прибыл спешно, а его приближённые высказались о преимуществах осторожности и опасности беспечности, решил поискать убежище и нашёл подходящее место. Однако так и не поверив гонцу, не стал делать там привал, а отправился прямо в лагерь (Шахбаза). Тогда-то и доставили вести о приближении врага. Потеряв нить проницательности, решил, что это подкрепление, и приготовился к гостеприимному приёму. [И успел] сделать всего несколько шагов, когда вражеский ураган наполнил пылью поле его безопасности. Хотя доброжелатели пытались убедить его поспешить в укрытие [и подождать], пока не прибудут люди из лагеря (Шахбаза), и утверждали, что, возможно, подойдёт подкрепление, всё [оказалось] тщетно. [Тот] был непреклонен в своём решении вступить в сражение. Кое-кто уехал под предлогом взять оружие. Хотя с ним осталось не более пятнадцати человек, всё же храбро бросился в бой. 434
Судьба благоволила Фаридун Хусейну и его родственнику Али Яру, и купили они вечную славу ценой жизней. Тарсун-хана ранили и взяли в плен. Масум-хан повёл с ним ласковые речи, ибо хотел, чтобы он к нему присоединился. Поскольку тот был человеком преданным, то упрекнул и осудил его, высказав возвышенные советы. Сей бесстыжий и недалёкий казнил его, и обрёл Тарсун в преклонном возрасте бессмертное имя.

[Трагической вестью явилась] смерть художника Дасванта[19]. Он был сыном *кахара* (из касты носителя паланкина). Проницательность и разборчивость Властелина Мира прославила этот великий художественный талант. Его картины были не хуже работ Бехзада[20] и китайских мастеров. Внезапно его охватила [безысходная] печаль, и [в порыве отчаяния] он заколол себя кинжалом. Через два дня жизнь покинула его, и горе охватило сердца ценителей искусства.

[Не менее печальным происшествием стало] ранение Санвал Даса, сына брата раджи Гопал Джадуна и одного из людей личной свиты. В конце дня он спешил в караул. Бича Бхати[21], находившийся с ним во враждебных отношениях, решил, что Санвал настолько стремительно приближается, дабы убить его. И кинувшись на него с мечом, нанёс такой удар, что опытные лекари подумали, вряд ли тот выживет. *Хедив* Мира навестил [пострадавшего] и простёр над ним тень сострадания. Благодаря его дыханию Санвал оправился от смертельного ранения и через три года встал на ноги.

Среди других событий следует упомянуть мятеж в Бадахшане и извинения Мухаммад Хакима. Злобные смутьяны подняли пыль разногласий между мирзами Сулейманом и Шахрухом. Вследствие беспечности и любви к лести эти двое не могли отличить друга от врага. И поссорившись, перестали заниматься административными делами. Войско было недовольно, подданные страдали от беззакония, страна не развивалась, а крепости находились в [плачевном] состоянии. Тот, кто занимается лишь собой и не думает о беззащитных, вскоре споткнётся о камень собственных неудач. А тот, кто не считает завоевание сердец великим благом, вскоре станет скитальцем пустыни погибели. Погрязнув в таком пагубном поведении, они отвернулись от службы Шахиншаху и проводили время в гордыне и тщеславии. Абд-ал-лах-хан Узбек, правитель Турана, воспользовавшись [создавшимся
435 положением], отправился в Бадахшан и захватил эту сильную страну без боя. Мирзы оказались в пустыне беспомощности. Мухаммад Хаким очнулся от глубокого сна самонадеянности и отправил опытных послов с тысячами просьб. Властелин Мира удовлетворил пожелания посланцев и отпустил их. Суть ответа состояла в следующем: «Мирзы Бадахшана получают воздаяние за свою неблагодарность. Прославьте же себя, внешне и внутренне, великолепием искренности, дабы повсюду было это осознано. Несомненно, в этом случае все будут вас бояться. Если, прежде чем это поймут, кто-то попытается напасть на вашу страну, мы первым делом направим опытных и преданных людей передать добрый совет (Абд-ал-лаху). Если это не подействует, мы отправим туда победоносное войско, разрывающих ряды слонов и богатства, а также значительную артиллерию под руководством одного

из наших счастливых сыновей». Послы не успели ещё отбыть, как пришло второе прошение, в котором сообщалось, что «мирзы Бадахшана с раскаивающимися сердцами и пристыженными лицами укрылись в вечной державе (Кабуле). Какие будут приказы?» Мухаммад Хаким также сообщил о своём смятенном состоянии. [Огласили] указ: «При нашем Дворе раскаяние приобретается по высокой цене (за него многое даётся). Сообщи мирзам добрые известия и отошли их, обнадёжив падишахской милостью. Сам же положись на нашу умножающуюся с каждым днём удачу, будь твёрд и не бойся». Стиль абсолютно тот же, что и в предыдущем предписании.

[Необходимо отметить изменения в поведении] Кутлу Карарани: [он ступил на стезю] подчинения. Как уже сообщалось, часть бенгальской победоносной рати отправилась в страну Бхати с Шахбаз-ханом, а другая — с Вазир-ханом в Бардван наказать Кутлу. Это войско находилось там вследствие несвоевременного спокойствия Вазир-хана. Когда же прибыл Садик-хан, работа была выполнена, и лик удачи обрёл новую славу. Самоуверенный (Кутлу) лишился стойкости, снял лагерь и ушёл с позором в Ориссу. Военачальники преследовали его до Тукарои[22]. [Кутлу] оказался в безнадёжном положении и укрылся в лесах Джармпура[23]. Он коварно объединил золото с мольбами (*зар базари* — золото и приветствие). Военачальники из алчности и [вследствие] трудности кампании не приняли во внимание обстоятельств и воспользовались прежним указанием, гласившим, что если обитатель ущелья погибели прикуёт себя к седлу вечной власти, они должны позабыть о прошлом и отдать ему Ориссу. Тот из благодарности направил сына своего брата ко Двору вместе с шестьюдесятью отборными слонами и иными подарками. 1 тира (11 июня 1584 г.) Ибрахим Фатхпури был возвышен возможностью засвидетельствовать почтение и привёз к [священному порогу] послов. После проведения собрания мира Вазир-хана отправили назад в Танду, а Садик-хана — в Патну. Все возрадовались возвращению в свои владения. 13-го числа [3 июля 1584 г.] произошло лунное взвешивание Властелина Мира, и восхитительный пир обрадовал далёких и близких. **436**

[Тогда же случилось и] обретение раджой Бирбаром новой жизни. Была обустроена площадка для *чаугана* — там прошли

слоновьи бои. Внезапно слон Какар, известный буйным нравом и убивший множество людей, ринулся на стоящего на земле человека, но пробежал мимо и устремился к радже, чуть не убив его хоботом. Шахиншах, из-за своей благосклонности и доброго отношения (к Бирбару), а также великой отваги, припустил коня и оказался между этим чудовищем и раджой. Взбешённый зверь ринулся на всадника арены мужества, и [все присутствующие] закричали, а печень мужей с железными сердцами обратилась в воду. Вдруг он остановился, поражённый величественным возгласом: «Прочь!» — «*Дурбаш!*». Изумление охватило наблюдавших.

Одного за другим смерть постигла Гази-хана Бадахши[24] и Султан Ходжу Накшбанди[25]. Первый слыл одарённым мудростью героем. Помимо меча прекрасно владел пером. Хотя и не был силён в обычных науках, всё же, благодаря благу ученичества у Властелина Мира, вместе с просвещёнными мудрецами (*данишваран-и ишк*) и чистыми суфиями отдал долг уважения (Акбару). Таким образом, связанный внешними обстоятельствами, он обрёл частицу спасения. Глаза у него всегда слезились (*чашм-и-гириан*), а сердце горело. Он совершил последнее путешествие (умер) в городе Аудхе 4 амардада (16 июля 1684 г.). Вероятно, в обитель уничтожения его отправили половая невоздержанность и неправильное питание.

Хотя второй (Султан Ходжа) не запасся достаточными знаниями и никогда не достигал высот и не исследовал глубин наук, всё-таки множество искренних слов суфизма отполировали его душу, и он познал дух Века через взгляд Шахиншаха. Посредством истинного ученичества отправился в приятную обитель освобождения (*итлак*). 5 амардада (17 июля 1584 г.) умер в Фатехпуре вследствие болезней желудка и сердца. Любящий правитель сокрушался об уходе двух мудрецов и, доброжелательными советами утешив их детей и других родственников, взял на себя обязанность обеспечения [всех].

Тем временем Хан Азим Мирза Коку отправили в Мальву. Уже сообщалось, что когда он находился в Аллахабаде, то выразил недовольство *джагирами* в Бенгалии и Бихаре. Поэтому ему передали в управление Райсин и Гарху. 17-го числа и отбыл туда снабжённый советами. 25 шахриюра (5 сентября 1584 г.) умер Баки-хан[26], брат

Адхам-хана. О его семье также позаботился сострадательный Шахиншах.

Несмываемым позором [покрыл себя] Сайид Даулат. Когда в Гуджарате начались беспорядки, сей нечестивец снова захватил Камбей. Мота раджа, Медини Раи, раджа Мукат Ман, Рам Сах, Удай Сингх, Рам Чанд Багха Ратхор, Тулси Дас, Джадун Рахадур, Атул Гхаккар, Абу-л Фатх Могол, Кара Бахри, Даулат-хан Луди и прочие получили приказ догнать его. Прежде чем они прибыли на место, [тот уже] начал грабить Петлад. Хаджам Барди с отрядом храбрецов вступил с ним в бой, и [Даулат] был ранен и бежал. В это время из горного края Раджпиплы приехали Абид, Мирак Юсуф, Мирак Афзал, Абд-ал-лах и Тимур Хусейн, учинили беспорядки близ города Мунда[27] и стали притеснять крестьян. Хан-ханан направил туда находившихся вблизи реки Махиндри Ходжа Низам-ад-дин Ахмада, Мир Абу-л Музаффара, Ходжа Рафи, Мир Масума Бхаккари, Султан Ратхора, сына Сайид Хашима[28] и других храбрецов[29]. Когда те подъехали к Дхулке (Дхолка — в «Indian Gazetteer»), мятежники разбежались, и они вернулись назад. 437

[Тут и] Бахар-хан Гхаккар[30] учинил смуту в Бадхнагаре[31]. Кабил-хан Гуджарати, Радхан-хан и иные землевладельцы тех мест дали им бой, и много смутьянов было убито. Мятежник оказался загнан в угол неудач.

[Прозвучал] приказ царскому войску выступить против Султан Музаффара Гуджарати. 25 ардибихишта Хан-ханан прибыл в Ахмадабад и занялся преобразованием страны и утешением слабых. Смятенное состояние земли несколько успокоилось. В это время враги вышли из горных ущелий Раджпиплы и направились к Паттану. Максуд Аке и другим храбрецам под командованием Шадман бека поручили разобраться с ними, и потому, услышав это, Музаффар спешно отправился к Идару[32] и укрылся на Катхияваре. Оттуда же направился к порту Гхогха[33]. Шер-хан Фулади уехал в Баглану. Правитель этой земли хотел схватить его, но тот оставил своё имущество позади и окольными путями ушёл в Декан. Некоторым посчастливилось уйти к победоносной рати, и среди них оказались Махди Султан[34], брат Хизр Ходжи-хана, и сын Мухаммад Мукима Накшбанди. Предпринятая

попытка погони провалилась, а ведь будь они попроворней, могли бы схватить сего неудачника (Шера Фулади).

[Знаменательным событием явилось] взятие крепости Броач.
438 Когда, вследствие чудесной удачи Шахиншаха, Султан Музаффару пришлось бежать второй раз, Кулидж-хан, Науранг-хан, Шариф, Толак-хан и множество землевладельцев Мальвы отправились на завоевание Броача. 1 фарвардина [11 марта 1585 г.] они осадили крепость. Поскольку дело шло медленно, и взятие цитадели затянулось, Хан-ханан направил на помощь отряд ревностных воинов под командованием Шихаб-ад-дин-хана, и тот *саркар* был отдан ему в *тиул*. Военачальники взялись за дело и решительно его выполнили. 19 михра прибыл предводитель стрелков [противника] и доложил о плачевном состоянии осаждённых, сказав, что если царские воины подойдут к воротам, его товарищи откроют их и тем самым облегчат сложную задачу. Поскольку эти слова походили на правду, [царские слуги] тотчас ухватились за [предложенный] план, и [речи] обратились в действия. Забрезжил свет победы[35]. Насира при помощи хитрости покинул батарею Шариф-хана, но Чаркиса и других убили.

12 михра дом раджи Бирбара прославился приходом Шахиншаха. Его желания исполнились, и начался великий пир.

[Плачевным оказалось] возвращение Шахбаз-хана из Бхати, в результате чего последовали шаги для исправления положения. Когда он отправился туда, то стал лагерем на берегу Панара[36], притока Брахмапутры, и занялся отправкой донесений и раздачей указаний. Предложение заключалось в том, чтобы (Иса) выдал мятежников или изгнал их из своих земель. [Тот же] решил применить задабривающие речи, и какое-то время ушло на пустые разговоры. Когда выяснилось, что его язык и сердце не находятся в согласии, поднялась буря битвы. В течение семи месяцев порой одерживались победы, и пристыженные злодеи несли поражения. Настал момент, когда обе стороны решили зажечь лампу проницательности и принять меры к примирению. Но из-за дремлющего разума слепота лишь возросла, а заносчивость усилилась. Шахбаз-хан раздражал людей проявлением самомнения, и его военачальники ухватились за нить ослабления и повели себя глупо. Злодейства врага умножились. Смерть явила [беспощадный] лик, а

запасы жизни подорожали[37]. Враг решил воспользоваться тем обстоятельством, что близился сезон дождей, и следовательно, победоносным войскам придётся повернуть назад. К счастью, ливней оказалось меньше, чем обычно, так что они постыдно пережили несколько тёмных дней. Собрав множество землекопов (*билдар*), выкопали каналы на берегу реки Брахмапутры в пятнадцати местах. Вода устремилась на лагерь, и батареи затопило. Враг доставил большие военные суда с очень высокими [носами], которые местные называли *питара*[38], и подвёл их к крепости Шахбаз-хана. С обеих сторон расположились артиллерия и стрелки. Воины несколько растерялись, но с Божьей помощью пуля убила предводителя противника, а несколько лодок разнесло на куски, и тотчас вода стала убывать, и врагу пришлось бежать. Богатая добыча была захвачена, и много [супостатов] утонуло. На каждой батарее шли **439** жаркие бои, и удача Шахиншаха наполнилась новым сиянием. Однако неприятель одерживал победу над Сайид Хусейном, *тхандаром* Дакки, и взял его в плен. Иса пробудился от глубокого сна невежества и начал переговоры о мире, использовав в качестве посредника пленника. Шахбаз-хан согласился на это. Иса подпоясался подчинением и подумал, что своей службой обретёт спасение. Он согласился, что царский *дарога* будет назначен в порт Сонаргаон, и Масум отправится в Хиджаз. А также послал подарки и *пешкаш*, завоевал сердца военачальников богатыми дарами, и победоносное войско отступило. Когда Шахбаз-хан переправился через реку, и достиг Бхавала, и стал ждать, когда Иса выполнит обещанное (букв. «когда слова превратятся в дело»), злодеи в войске Исы вселили в него сомнения. Тот передумал и выдвинул [новые] условия. Командующий войском пришёл в ярость и заявил, что благоразумные люди не вносят путаницу по каждому поводу и не выдвигают условий [после достижения договорённости]. Сильно рассердившись, высказался [достаточно] резко. Приготовились к битве, и 19 михра, Божественного месяца (30 сентября 1584 г.), сей бесчестный человек (Иса) принял бой. Недальновидные военачальники увидели победу в том, что сулило проигрыш, и решили, что поражение Шахбаз-хана будет им на руку. Первым ушёл без [единого выстрела] Мухибб Али-хан. Все сдвинулись с мест и направились в сторону беспутья. Шах Кули-хан Махрам остался твёрд и принял бой, но из-за

отсутствия поддержки и ранения был вынужден отступить в Бхавал. Шахбаз-хан очнулся от сна высокомерия и попытался завоевать благосклонность военных мужей, но запоздалое раскаяние — вещь бесполезная. Ему пришлось отправиться в Танду, потеряв всю добычу, а сыновья Мир Адилы и [иже с ним] попали в плен. Шейх Мухаммада Газнави [в числе многих] убили. Во время отступления Хангар Сайид Абд-ал-лах-хан, раджа Гопал, Мирзадас Али-хан и иные столкнулись с Тархан Диваной, Мирза Мухаммадом и Науруз Али Какшалом, когда те возвращались после грабежа. Вследствие [преследующей их] неудачливости[39] (*аз бахт тераги*) мятежники приняли царских воинов за своих и направились к ним. Произошла горячая схватка, и дни Навруза[40] (*науруз ра рузгар*) оказались сочтены, а остальные бежали полуживые. Победа явила сияющий лик, и богатая добыча оказалась у [слуг падишаха] в руках. Военачальники через восемь дней смогли отдохнуть в Шерпур-Мурча. Шахбаз-хан предпринял было попытки приготовиться, дабы потом вернуться и отомстить, но спутники, раз-
440 дражённые его поведением, не пожелали сопровождать его. Когда они прибыли в Танду, с открытым челом и тёплыми приветствиями явился Вазир-хан. Шахбаз-хан высказал прежние предложения, но мнения разошлись, и сердца не объединились вследствие нерешительности. Им пришлось обратиться к священному порогу. Когда получили известия, усердных *сазавалов* направили вернуть военных мужей, и надлежащие порицания передали каждому из них, а также дали советы. Саид-хану и другим землевладельцам Бенгалии и Бихара указали [на необходимость] действовать совместно и наказать правителя той земли (Ису). Первым делом эту задачу поручили Пешрау-хану и Ходжаги Фатх Уллаху, а затем — Рам Дас Качвахе и Муджахиду Камбу. Им предстояло жёсткими словами достичь благотворного результата и воодушевить на выполнение долга.

16 азара, Божественного месяца [27 ноября 1585 г.], дом раджи Тодар Мала озарился прибытием Шахиншаха. Раджа долгое время лелеял это желание и подал просьбу в великолепной манере. И вот достиг желаемого и в благодарность устроил великий пир.

Тогда же издали приказ Джаганнатху отправиться в Аджмир. Пришли известия, что Рана покинул горные ущелья и учинил смуту,

притесняя слабых. Поскольку преследование злодеев является способом почитания Господа, войско отдали под командование [Джаганнатха]. Джафар бека назначили казначеем (*бахши*). Они выступили 24 азара [5 декабря 1585 г.], как только Джаганнатх получил ценные указания. В скором времени прибыли туда: землевладелец отступил, а народ обрёл покой. Через несколько дней Сайид Раджу оставили в Мандалгархе с несколькими людьми и предприняли экспедицию в земли Раны. Он не нашёл в себе сил сопротивляться, и улизнув через одно из ущелий, учинил беспорядки в другой подчинённой стране. Сайид Раджа выступил против него, дабы дать бой, но Рана вернулся в Читор. Сайид возвратился оттуда, откуда ушёл Рана. Хотя победа не была достигнута, всё же притесняемые обрели свободу. Джаганнатх атаковал его земли и присоединился к Сайид Раджу.

Радостным событием стало рождение Арам Бану бегим[41]. 12 дая, Божественного месяца (22 сентября 1585 г.), в 19 градусов Стрельца и, согласно подсчётам индийцев, один градус и 54 минуты, родилась и прославила гарем Шахиншаха сияющая в ночи жемчужина удачи. Астрологи провозгласили восторженные вести, а Властелин Мира дал ей великое имя. [В сердцах родилась надежда, что появление на свет] сей дамы благочестивого рода станет средством умножения жизни и украшением царства.

Глава 79
Прибытие Шахрух мирзы ко Двору Шахиншаха

(Глава начинается примерно с двенадцати строк рассуждений о пагубности лести на примере истории бадахшанских мирз.) [Они не переведены Г. Бевериджем. Затем текст продолжается.]

Когда Мухаммад Хаким вернулся в Кабул из Бадах-
441 шана, мирза Шахрух пожелал засвидетельствовать своё почтение мирзе Сулейману и жить с ним в мире. Мирза Сулейман, из-за подозрительности и знания человеческого вероломства, не согласился на встречу. После долгих переговоров сошлись на том, что Султан Узбек, правитель Хисара, соблюдавший законы родства и дружбы, направит в качестве посредников отряд воинов (*баявари*), и мирзы встретятся посередине реки Амуи (Окс), в месте, где девять каналов[1], и проведут переговоры согласия. Также решили, что мирза Сулейман перейдёт через четыре канала, а мирза Шахрух — через пять. Приблизившись к реке, мирза Сулейман перешёл через один канал[2], а затем испугался и повернул назад. Создатели трудностей практически возвели препятствие на пути мирзы Шахруха, но тот, обуреваемый добрыми намерениями, преодолел восемь каналов и, подождав мирзу Сулеймана, выразил пожелания дружбы. Он уехал, посетив жилище мирзы (Сулеймана). Последний отправился в Кабул и вскоре, под влиянием порочных людей, считающих зло добром, а добро злом, увеличил
442 число своих желаний и начал распри. Направив письмо, в котором потребовал выдать ему Михра Али, Чучака и Мир Имада, добавил, что если мирза Шахрух на это не согласен, то может просто отослать

их от себя. Мирза Шахрух сделал сей горький глоток и согласился на последнее предложение. [Двоим] пришлось отправиться в Кабул с шипами неудачи в стопах, а Мир Имад уехал. Тем временем Мухаммад Кули Шигали, меч и разум страны, оставил мирзу Шахруха и присоединился к мирзе Сулейману. Это усугубило чувство недовольства, но вскоре Михр Али вернулся из Кабула (в тексте — Забулистана) к мирзе Шахруху. Поскольку мирза Сулейман прежде испытал по отношению к себе значительную враждебность[3] с его стороны, то направил послание, в котором говорилось, что выдача Михра Али послужит свидетельством смирения мирзы Шахруха. Мирза отправил его туда вместе с Хаджи Таманом[4], и мирза Сулейман взял последнего к себе на службу, а Михра Али заключил под стражу. [Сулейман?] также прислал Шейха Бабаи Вали — который, облачившись в одежды лекаря, занялся плетением интриг, — и заявил, что в момент заключения соглашения и раздела страны Мухаммад Кули, Хаджи Таман и Мир Али стояли на его (Шахруха) стороне. И будет правильно, если его (Сулеймана) часть увеличится за счёт Таликана и иной территории (дабы поддержать слуг). Мирза Шахрух ответил, что законы человечности и снисхождения требуют, чтобы приятная обитель единения не покрывалась пылью бесстыдства и смут, и мирза Сулейман должен вернуть назад людей, которых он (Шахрух) ему прислал. Мирза Сулейман отказался это выполнить и приготовился к битве. Шахрух, вследствие опьяняющей молодости и недостатка мудрых советников, выступил в поход. Стал лагерем в Рустаке и, послав прошение, прибег к увещеваниям. И сказал, что нельзя поднимать пыль разногласий, и не следует давать врагам повод для радости. Мирза Сулейман уж было согласился с этими доводами, но смутьяны не позволили ему этого, и произошло сражение. Поскольку нарушение договоров и непринятие извинений не приносят радости, мирза Сулейман потерпел поражение без боя и укрылся у хисарцев. Мирза Шахрух не стал его преследовать и занялся делами управления. Он поручил Куляб старшему сыну Мухаммад Заману и сделал Михра Али[5] *аталиком*. Сам же отправился в Кундуз. Мирза Сулейман заручился поддержкой Султан Узбека, правителя Хисара, и двинулся на Бадахшан. Мирза Шахрух опять решил принять бой. Он отправил

вперёд несколько ревностных воинов под предводительством Кангара и вступил в сражение при поддержке кулябцев. Мирза Сулейман вновь потерпел поражение и вернулся в Хисар. Тут прибыли послы Шахиншаха, и позиции мирзы Шахруха усилились. Когда царственная рать отбросила тень правосудия на Забулистан (Кабул), а Мухаммад Хаким был посрамлён в битве с принцем (Мурадом), искусные и храбрые послы направились к потрясавшему цепью преданности мирзе Шахруху, дабы расспросить о его здоровье и передать приглашение засвидетельствовать почтение или же прислать свою мать Ханим.
443 Мирза ответил смиренными речами, и дела у него стали налаживаться. Хисарцы отказали мирзе Сулейману в поддержке. Однако мирза Шахрух, вследствие порочности его советников, не прибыл на службу к Его Величеству. Он уже вознамерился направить туда мать с извинениями, когда прибыли известия о возвращении [Шахиншаха]. В это время та заболела. Мирза Сулейман, разочаровавшись в хисарцах, решил прибегнуть к враждебным действиям, замаскированным под несение службы, и приехал с несколькими узбеками в Бадахшан. Предполагалось, что Шахрух переправится на его сторону реки с целью истребить пыль двуличия (как положено при заключении союзов). Однако мирза Шахрух догадался о замыслах [Сулеймана] и повернул назад. В это время умерла мать мирзы Шахруха, и тотчас же поубавилось добрых советов. Он преисполнился тщеславия и своеволия. Войско пребывало в плачевном состоянии. А сам предавался развлечениям, крестьяне же страдали. Мирза Сулейман уехал к Абдулла-хан Узбеку[6], правителю Турана, в надежде достичь намеченных целей. Тот находился с войском в Ташкенте, но его отец Сикандар-хан[7] принял мирзу Сулеймана и проявил гостеприимство. Узнав об этом, Абдулла-хан, у которого [имелись на этот случай] свои планы, написал, чтобы Сулеймана держали под наблюдением до его прибытия. Мирза понял положение дел и тёмной ночью бежал в Хисар. С ним уехало несколько человек, и благодаря его мужеству [им удалось] скрыться из этого опасного места. Вернувшись, Абдулла-хан направил Кул Бабу[8], своего *вакила* и командующего, к Султан Узбеку с просьбой выдать ему мирзу. Тот решил соблюсти законы [гостеприимства] и отправил мирзу в Бадахшан ещё до прибытия

Бабы. После ряда неудач Сулейман явился через Каратегин в Кабул. Мирза Шахрух приехал и смиренно предложил разделить страну согласно прежнему уговору. У мирзы Сулеймана хватило сообразительности (*пахтакари*) отказаться, и он принял Кишм в качестве земельного владения. Мирза Шахрух, вследствие вина самонадеянности и любви к лести, обратил внимание лишь на слова, и не попытался прочитать начертанного на челе, и потому не смог отличить друга от врага. В скором времени открылся рынок для продавцов слов, а благоразумие забилось в угол. Мир Имад, Мир Калан и Чучак бек взяли на себя обязанность управления, а должность *бахши* (армейского казначея) опять досталась Яр беку. Алчность и зависть превратила этих людей в глупцов, и они постоянно ругались. Из-за халатности правителя страны (или, возможно, главы селения), алчности министров и невежества слуг среди населения поднялась смута и открылся рынок продажи селений, а цена глупости возросла. Куляб снова отдали Кадир Кули Коке, Кундуз — Курчи беку, Таликан — Абд-ар-Рахману, Гори — Мир Низаму, Кахмард — Ханджару Али, Андараб — Латфи Коке, Рустак — Маст Али, а Баклан — Шербалу. В столь неблагоприятное время Абдулла-хан воспользовался ситуацией, отправился в Бадахшан и захватил страну без боя. Он всегда держал в поле зрения правителей Бадахшана, и узнав, что они не ушли к Шахиншаху и перессорились друг с другом, забросив административные дела, решил прибегнуть к силе. И направил им послание, с тем чтобы они передали ему Гори и Кахмард, а также прислали *аймаков* Турана[9], которые прежде долгое время жили в тех местах (Бадахшане). Мирза Шахрух не ответил и ничего не предпринял. Было доставлено ложное сообщение, что правитель Турана мёртв, и это послание отправил Кул Баба. В результате мирза Шахрух продолжил пребывать во сне безразличия. При таком положении дел, когда сердца [Шахруха и Сулеймана] оказались затемнены, в крепостях отсутствовали припасы, войско бедствовало, друзья были забыты, а недругам сопутствовал успех, пришёл сильный враг. Мирзы бежали в ущелья. Курчи бек присоединился к противнику, а Кундуз, опору страны, потеряли без боя. Шербал и другие бадахшанские военачальники также встали на путь вероломства, в то вре-

444

мя как многие остались со своими семьями и сдерживали народ от выполнения долга. Кулябцы присоединились к Мухаммад Заману и твёрдо держались. Тот, кто праздно проводит время, и думает лишь о собственном благополучии, и откладывает доброе отношение к людям на чёрный день, останется в конце концов один в мире людей и не получит помощи. Связывание сердец происходит посредством внимательного отношения ко всем даже во времена процветания. Те, что сильно увлечены миром, не открывают врат тёплой любви, пока не столкнутся с неприятностями, и держат лавку доброты запертой! Когда мирзы довели дело до такой степени, все, к кому стали обращаться, отвернулись. Беспомощные, они, покинув ущелья Бадахшана, уехали в Бахарак[10], местность изрезанную и труднодоступную, полагая, что их слуги с радостью помогут им, но большинство из них так и не приехали. По причине большого количества льда и снега, а также предательства старых друзей, там [не представлялось возможным] долго оставаться, и они отправились в Панджшир[11], зависимую территорию Кабула. Поскольку рассчитывали, что Мухаммад Хаким поможет им вернуть земли. В противном же случае придётся искать защиты при Дворе Шахиншаха. Со времени когда мирза Сулейман был возвышен возможностью засвидетельствовать своё почтение у священного порога и променял желание завоевания Бадахшана на паломничество в Хиджаз, он испытывал чувство стыда и не обращал лика к царскому Двору. Мирза Шахрух хотел обрести возможность
445 единения с вечной властью, но поскольку во времена процветания вёл себя не очень достойно по отношению к кабульцам, пожелал отправиться в Индию горными тропами, не заезжая к мирзе Мухаммад Хакиму. Последний послал за мирзой Сулейманом и, приняв его с уважением, направил в Ламганат, одарив несколькими селениями тех мест. Шах Мухаммад мирза, сын[12] Шахруха, был с мирзой Сулейманом. Мирзу Шахруха схватили и передали в руки Шадман Хазара. Тому полагалось следить за ним (*авара сазад*) и не позволять уехать в Индию. Мирза с тремя сыновьями, близнецами Хасаном и Хусейном и Бади-уз-заманом, их матерью и несколькими слугами, в целом тридцать человек, остались в тех горных ущельях Хазарджата, испытывая тысячи[13] неудобств и недовольств и ожидая, что очередной

день станет последним. Чудеса удачи принесли известия, что Абдулла-хан потерпел поражение, а кулябцы одержали над ним победу. Ха-зара (Шадман), преследовавший собственные цели, встал на путь чаяний и отослал мирзу в Бадахшан. Опасаясь, как бы варвар не передумал, тот проехал какое-то расстояние, и отправился в трудно-проходимые земли, и, преодолев лощины, сделал передышку в Ках-марде. Вокруг него собралось местное сельское население, и вскоре стало ясно, что известия (о смерти Абдуллы) ложны, в результате чего кулябцы оказались заперты в ущельях. Мирза решил напасть на Таликан. Тем временем сообщили, что Куляб взят, а войско отправ-лено отогнать аймаков[14]. Его сподвижники разбежались, и положение ухудшилось. Он не мог больше оставаться на месте, но и повернуть назад тоже не представлялось возможным. Он чуть было не попал в руки врага. Тысячью усилий продолжил путь в Кабул (страну, не город) и в Сал Ауланге[15] встретил мирзу Сулеймана. Мухаммад Ха-ким из-за тех же известий (о победе кабульцев) разрешил ему уехать в Бадахшан, где тот стал ждать подкрепления. Теперь [мирзы] осо-знали цену друг другу и начали думать, как исправить положение. Внезапно подняли пыль беспорядков узбеки[16]. Примерно в это же время рождение сына заставило засиять лик мирзы Шахруха. Он **446**
оставил его у женщины в селении и спешно уехал. Михр Али, Кадир Барди, Джахангир, Улугбек и другие следовали за ним по пятам. На рассвете приехали узбеки и разграбили имущество. Судьба так рас-порядилась, что конь[17] мирзы Сулеймана споткнулся и сбросил всад-ника. Мирза Шахрух спешился, успокаивая своего скакуна. Но тот убежал. Один из спутников сошёл с лошади и отдал её мирзе Сулей-ману, а мирза Шахрух поймал сбежавшее животное. Пока ехали, показались две дороги, и они разделились. Враг отправился за мирзой Шахрухом. На пути показалась река, и мирза переправился через неё, после чего разрушил мост. Теперь он мог вздохнуть свободно. Его юный сын Хасан отстал во время суматохи (*раварав*), и таким об-разом, Время нанесло новое ранение. Тогда же доставили известия, что мирза Сулейман находится в Алсаи и Наджрао[18]. Мирза радост-но отправился туда и засвидетельствовал почтение. В это счастливое время Сиюндук-хан приехал и передал послание дружбы. Поскольку

все знали о его враждебном отношении, это лишь послужило новым поводом для печали. [Однако им не было известно] что его отругали при возвышенном Дворе за содеянное, и он сожалел о совершённом. Не поверив его дружескому посланию, те направили нескольких человек вместе с послом проверить, как обстоят дела, а также выяснить, искренни ли обещания. В это время *куар* Ман Сингх вселил в них надежду сообщением о царской милости. Мирза Сулейман, стыдившийся ехать [к священному порогу] и возлагавший надежды на Мухаммад Хакима, остался там, где был. Мирза Шахрух уехал ко Двору, оставив мать близнецов и одного сына с несколькими людьми (*баб-уриан*) близ Чарикарана поискать потерявшегося ребёнка. Сам же отбыл через Даман-и-Кох в Даку. Большой караван ожидал там и пребывал в состоянии готовности к нападению бандитов. Он решил присоединиться к ним. В караване находилась его тётя Ханзада ханим и Шах Мухаммад мирза (его сын). Мухаммад Хаким отпустил их в Индию. Мирза (Шахрух) с согласия Шати Афгана отправился в путь этой труднопроходимой дорогой. На каждом участке узкие проходы оказались завалены камнями злобными обитателями ущелья. А в самых труднопроходимых местах [движение] преграждали *тарикия* (роушаниты). Коварный Шати направил Кангара Баи, Джахангира, Ханджара Али, Яр бека и Абдала — все были в возрасте Рустама — к этим злодеям под предлогом передать послание, а на деле — предательски убить. Он полагал, что ночь отбросит тёмную тень, и тогда сложная задача превратится в лёгкую. Когда оставалась лишь одна смена караула, о задуманном стало известно, и они уехали от Али Масджида. Тарикия преисполнились смелости и решились на бой. Ужас, охвативший торговцев, передался воинам, и они пали духом. Жизнь [отнималась], и имущество грабилось. Мирза Шахрух храбро сражался. Он упал с коня, но, приложив усилия и поддержанный Хаданг беком, вновь оказался в седле и опять продемонстрировал шедевры доблести. Его сын Бади-уз-заман[19] [тоже] упал с коня, но Джан Али помог ему. Сражаясь, он (Шахрух) выбрался из ущелья и на исходе ночи смог отдохнуть в Даке. Утром стал думать, что
447 делать, и не нашёл иного выхода, как укрыться в горах Бадахшана. Там узнал, что мирза Сулейман находится неподалёку. И немного

успокоился, повидав его, но был опечален смертью новорождённого сына. Аймаки спрятали и преданно заботились о нём. В первый раз, когда они (Шахрух и Сулейман) находились вместе в Ламганате, послал за ним и оставил на попечение мирзы Сулеймана. «Цветок ушёл из жизни, не дав плодов». Мухаммад Хаким направил мирзу Сулеймана в Ламганат согласно прежнему плану. В это время прибыло войско Мухаммад Хакима, доставившее приказ от Двора Шахиншаха, гласивший, что им поручено надлежащим образом сопроводить туда мирзу Шахруха. Хотя эти новости его порадовали, он не сильно в это поверил, пока те не повернули назад, переправившись через Хайбер, где находившиеся неподалёку от Инда военачальники приехали к нему выразить своё уважение. *Куар* Ман Сингх[20] посчитал приезд [мирзы] великой честью и оказал ему достойный приём. Оттуда [Шахрух] отправился вперёд с безмятежным разумом и радостным сердцем. Известия о безопасности сына, с которым он был разлучён, также порадовали его. [Мальчик] попал в руки к одному узбеку во время схватки (*дуа ду*), но в поднявшейся суматохе (*раварав*) тот положил глаз на имущество и, оставив ребёнка, поспешил к вещам. Раб был начеку, схватил ребёнка и отвёз к Сал Аулангу и передал матери, чьё сердце обливалось кровью. Когда мирза Шахрух перешёл через Инд, добрые вести явились для него счастливым предзнаменованием. Землевладельцы повсюду тепло его встречали, и когда он приехал в Лахор, раджа Бхагван Дас задал великий пир и сопроводил его дальше. Принца Данияла направили встретить его за один переход от Фатехпура вместе с множеством сановников. 23 дая[21] (3 января 1585 г.) он возвысился возможностью изъявить почтение, и открылся ежедневный рынок гостеприимства. Поскольку Властелин Мира читает свитки сердец по линиям на челе, он увидел в мирзе признаки благородства и, взяв его за руку, проявил к нему благосклонность. Закатившаяся звезда удачи вновь поднялась. Каждый, кто пребывал в изгнании преданности и испил горькую чашу несчастий, обрёл благо процветания.

Если как следует взглянуть[22] на всех бадахшанцев, станет ясно, что жемчужина чистого разума покинула беспокойную страну неучтивости, но если сравнить её с проницательными представите-

лями возвышенного Двора, окажется, что простота явилась в школу обретения мудрости. Так пусть же славится удача, способствующая выявлению благочестия и познанию людей! Несовершенная материя
448 недалёких обретает при этом утончённую душу, а их облик осеняется разнообразными познаниями. Мирза при содействии удачи, пробуждающей дремлющих, но действующих из лучших побуждений людей, очнулся ото сна и оказался во власти благополучия, ибо посредством этих счастливых обстоятельств обрёл возвышение.

[Следует упомянуть и] поражение Масум-хана Кабули. Уже рассказывалось, что случилось с войском в Бхати вследствие эгоизма и зависти. Шахбаз-хан произнёс величественную речь и решил отправиться к [священному порогу], а бихарские военачальники, за исключением Мухибб Али-хана, остались в своих владениях. Из соображений благоразумия Иса никуда не поехал, но Масум по его наущению прибыл в Шерпур[23], и мятежники захватили страну вплоть до Малдаха, в 12 *косах* от Танды. Хотя Вазир-хан не нашёл в себе мужества положиться на умножающуюся с каждым днём удачу и решиться на бой, всё же стойко держался и оборонял эту великую страну и другие территории. *Сазавалы* благоразумным поведением и резкими речами вернули Шахбаз-хана назад и заставили землевладельцев Бихара сопровождать его и действовать сообща. Шахбаз-хану передали, что если ему нужно больше войск, к нему направят раджу Тодар Мала, Мутталиб-хана, Шейх Джамал Бахтияра и других способных и ревностных слуг. Тот ответил, что у него достаточно воинов, и вся его душа поглощена выполнением поставленной задачи. 18 дая (28 декабря 1584 г.) он прибыл в Бенгалию и занялся завоеванием Бхати. У берегов Джамуны[24] узнал, что Масум-хан стал лагерем в Шерпуре[25] и не ожидал, что царская рать переправится через реку. Смятение[26] охватило храбрецов противника, и они бежали без боя. Шахбаз-хан решил перейти через реку и двинуться дальше. Военачальники не желали этого делать, но Рам Дас и Ходжаги Фатх Уллах ловко и энергично лишили их возможностей для отговорок и лени. Хочешь не хочешь, им пришлось перейти через реку. Когда же приблизились к мятежникам, те в панике бежали. Нескольких взяли в плен и захватили богатую добычу. Успех явил свой [блистающий]

лик. Поскольку представлялось неразумным оставлять страну незащищённой и всем вместе отправляться в погоню за беглецами, при том что не все военачальники оказались единодушны, Шахбаз-хан пожелал оставить Садик-хана и других на полпути и отправиться лично с оставшимися войсками. Люди с этим не согласились. В итоге Шахбаз, Шах Кули-хан, Махрам и другие остались на месте, а Саид-хан, Вазир-хан, Садик-хан, Мухибб Али-хан, Сайид Абд-аллах-хан и прочие отправились 8 бахмана в путь. Рам Дас и Ходжаги Фатх Уллах поехали с ними. Они совершили такой марш-бросок, что когда враг узнал об их приближении, отвёл все войска, и потерянную территорию возвратили. Захватив кое-какую добычу, военные мужи вернулись в Шерпур[27]. С небесной помощью пыль разногласий и грохот смуты были истреблены, и победа заявила о себе: противник оказался повержен. 449

Тогда же поражение постигло Дастам Какшала[28]. Он был одним из вождей мятежников и пришёл к власти из-за недостатка мужества у людей и изобилия подлецов. Когда победоносная рать собралась в Шерпуре, Масум поспешил через Фатхабад[29] в направлении Ориссы. Питающий тщетные надежды[30] остался в окрестностях (Шерпура). Он решил, что таким образом царское войско разделится на две части, и в результате ему может повезти. До того как доставили известия о Масуме, Дастам поднял мятеж на расстоянии 12 *косов* от царского лагеря. Шах Кули-хан Махрам, Мухибб Али-хан, раджа Гопал Дас, Мирзада Али-хан, Ходжа Бакар[31] и другие храбрецы отправились сразиться с ним. Ходжа Муким[32], прибывший туда как *вакиа-навис* (информатор или регистратор), присоединился к ним в качестве *амина*. Известие о приближении любителей битв лишило врагов стойкости, и военачальники преследовали их до Шахзадпура[33], после чего вернулись.

Важным событием стало и разделение победоносной рати на два войска. Поскольку злобные мысли и эгоистичный взгляд приводят к глупости и заполняют слух понимания ртутью безразличия, священные советы (Акбара) оказались бесполезны. Шахбаз-хан пришёл в ярость из-за злодейских помыслов своих людей и потерял терпение. Садик-хан рассердился и дал волю собственным чувствам [громко

выражаясь]. Хотя военачальники готовились пожертвовать жизнями, у них не оказалось достаточной практической мудрости, чтобы выполнить приказ царя и господина, позабыв об эгоизме, и задать пир дружбы. Поскольку они не могли осуществить [задуманное], их охватила ярость и разрушительные желания. Сойдя с прямой тропы справедливости, отправились в путь по бездорожью. С их уст слетало слово «преданность», и я не могу сказать, что они были её лишены. Безусловно, ими приобретено достаточно (качеств) в розарии радости![34]

В книге назиданий, составленной теми, кто изучил вопросы верности, названы два класса людей. Первый — это те, кто отдаёт предпочтение единодушию (или единению), лишь когда это сочетается с их интересами, и таким образом, возвышают статус собственного своеволия. Хотя этот род людей несколько отличается от дельцов, всё же проницательные не употребят в отношении сих рабов эгоизма слово «единодушие» и не оценят их преданности. Второй класс — благородные искатели истины, чьи альтруистические сердца наполнены светом любви, и к ним относятся избранники Творца. Примечательно,
450 что изобилие успеха ниспосылается этому классу в больших количествах, подобно тому, как корм для домашних животных[35] — фермерам! Слишком много слов и мало сути! Эти люди (военачальники) прибегли к грубым словам и жестокости тогда, когда [явила свою] необходимость мягкость.

Обсудив беспорядки, учинённые Масум-ханом, они решили, что коли враг находится в двух местах, победоносной рати следует разделиться на два войска и отправиться на выполнение задачи. 20 бахмана (30 января 1585 г.) Вазир-хан, Шах Кули-хан Махрам, Садик-хан, Мухибб Али-хан, раджа Гопал Дас, Кичак Ходжа[36] и прочие взяли на себя обязанность разгромить Масум-хана и отделились. Саид-хан, Шахбаз-хан, Сайид Абд-ал-лах-хан, Мирзада Али-хан, Бабуи Манкли и Абу Бикр, а также Ормаз, братья Тарсун-хана, Тимур Бадахши, Шах Касим и другие остались на месте и занялись подавлением мятежа в тех землях. Личные споры, происходившие ежедневно, подошли к концу, и каждый отряд отправился на выполнение [поставленной ему] задачи.

Помимо этих происшествий случилось так, что правитель Кашмира прислал к [священному порогу] своего сына. Когда к Юсуф-

хану милостиво отнеслись и возвысили при Дворе, он направил туда старшего сына Якуба с диковинами [принадлежавших ему] земель, дабы мог тот обрести благо на службе у Его Величества и являлся напоминанием о нём самом на падишахском собрании. 29 бахмана (9 февраля 1585 г.) [Якуб] прибыл и совершил *корниш*, став[37] объектом милостей.

Глава 80
Бракосочетание принца Салима

[Мужи] с пробуждённым сердцем и обладающие глубоким разумом никогда не пренебрегают пятью вещами, но рассматривают их как превосходные способы исполнения воли Господней. Первое — это считать телесную оболочку человека Божественным строением и обходиться с ней соответствующе. Они исправляют порочных строгой речью и суровыми поступками, но также изгоняя и заточая их в тюрьму. Во-вторых, они оберегают стан мудрости от урагана потворства желаниям и не выпускают из рук необходимого эталона для улучшения собственной природы, внешней и внутренней. В-третьих, берут под контроль свои желания — от чего неотделим исход дел в вопросах материальных и духовных — и держат их в надлежащем месте. В-четвёртых, подчиняют вожделение и гнев мудрости и не охотятся за людской честью. [Кроме того,] уважительно обращаются с высоким и низким и так поддерживают зелень сада владычества. В-пятых, устраивая брак, особенно разборчивы в отношении родословной с обеих сторон[1], дабы обеспечить хорошее потомство. Ценность этой предосторожности можно доказать примером о посадке (доброго) зерна в
451 дурную почву. Хвала Господу! Владыка нашей эпохи преуспел во всём и вознёс стяг достижения, особенно в деле заключения браков! Если браков не будет — как в случае с теми, кто избрал целибат, — то угаснет великий фонтан человечества, и поток Божьей милости уйдёт в песок. А если жемчужина равновесия будет осквернена, прозрачные воды жизни вскоре станут застойными. Поэтому в священное сердце

пришла мысль, что ему надлежит вложить жемчужину целомудрия в ладонь той звезды обители владычества — принца Султан Салима, дабы благодаря сему дару залы удачи засияли новым светом. В это время Его Величеству доложили, что раджа Бхагван Дас Каччваха, занимавший высокий пост, [человек] знатного рода и даровитый, имеет дочь, чья чистота достойна её высокого происхождения, наделённую красотой и добродетелями, и семья желает соединить её с принцем. [Повелитель Века] принял их желание и [тем] осчастливил нескольких людей. Опытных мужей назначили исполнить все приготовления, и вскоре [великолепно] украсились залы для узкого круга и широкой публики (*даулат-хана*). Были устроены роскошные праздники и собрания, и открылся каждодневный базар даров. По традиции великих [правителей] поднесённые свадебные дары и рассыпанные [милости прославили] щедрость [Шахиншаха]. 5 исфандармаза (16 февраля 1584 г.) [Владыка Мира] и первые сановники царства посетили жилище раджи, и состоялось бракосочетание. В тот же день неосквернённую форму передали в палаты удачи и отпраздновали свадебную ночь ликования.

Хвала царству и вере, ибо славная свадьба сия
Свершилась и в плоть облекла религию и [страну].
Во дворце величия ради света глаз шаха (Салима)
Брачный альков, словно густые ресницы, накрыли.

Мой брат Шейх Абу-л Файз Файзи, старший по возрасту и по духу, прочёл оду, в каждой строке которой называется дата сего великого события.

Стих[2]

Пусть славен будет брак Султан Салима,
жемчуга рассыпающий,
Что славой облекает год надежды.
Заботой нежной солнца[3] в Водолее
Луна[4] с Венерой соединились.

Глава 81
Бесчестье Музаффара Гуджарати в третий раз

В эту пору, когда Век искрился радостью, а смертные пребывали в восхищении, придворные счастливой стопой явились из провинции Гуджарат и доставили вести о новых победах. Они вознесли высокий шатёр признательности Господу, и уста Правителя Мира изрекли свадебные пожелания. Мудрец, сделавший возрастание радости украшением молитвы [Всевышнему], [мудрец] благоразумие которого возрастает ныне, когда стопа рассудительности пошатнулась, несомненно, обретёт помощь небесных управителей делами. О том свидетельствует удача Шахиншаха, и в сем благородном томе рассказывается об этом.

Уже упоминалось, что порочные и подлые сделали никчёмного Музаффара орудием мятежа, и теперь тот, несмотря на избыток людей и денег, раз за разом терпел неудачу и стыд. Итак, пришло время тому [мужу] с заячьими мозгами очнуться от беззаботной дрёмы; однако поскольку эгоизм лишил его разума, и он счёл выгодой для себя то, что было для него ущербом, и судьба наделила его некоторыми мирскими благами и вознесла его, чтобы охмелел и низвергся в пучину бесчестья, Музаффар по безрассудству вообразил, что всё перечисленное есть признаки величия. Немало ценностей накапливается и в купеческих домах, но они — не доказательства величия и власти. Доказательство — это луч Божественного ореола, но его не заполучить путём усилий.

В саду, близ кипариса, свою главу вздымает тыква,
Но краток срок такого возвышения.
Известно небесам, чья глава величия достойна —
Тыквы или кипариса.

Много похвальных [и высоких] качеств должны объединиться в сыне человеческом, прежде чем он окажется пригоден для коронования в качестве правителя и восседания на троне. Мне, обладающему заикающимся языком, не дано [в полном объёме] перечислить их. Но [в моих силах сделать хотя бы] набросок [этого перечня]. Первое. У него необходимо наличие возвышенного интеллекта, чтобы понимать степени благородства поступков и различать Истину. Второе. Во время отправления правосудия ему не следует [видеть] различия между родным и чужим, между друзьями и врагами, дабы угнетённые, не имеющие ни сил, ни золота, могли получить компенсацию, а злодеи и угнетатели оказались бы в пучине отказа. Третье. Он должен быть осчастливлен Богом данным мужеством, чтобы мощь тиранов не могла удержать его от вершения [справедливого суда], и он не предавался бы волнению во время смут. Четвёртое. Это трудолюбие. Правя миром, не след отделять ему ночь от дня и предпочитать праздность труду. Пятое. Великодушие. [Пусть] серебро и золото не имеют веса в прихожей его сердца, а вследствие дарованной ему широты взглядов и щедрости [он оказался способен] подчинить [рынок торговли]. Шестое. [Правителю] должно быть присуще [безмерное] терпение, [дабы переносить] неприятности [и удары] судьбы с открытым челом и не приходить в уныние при неудачах. Седьмое. Обладание веротерпимостью, допускающей различия в религии, не должно удерживать его от обязанности наблюдать, дабы всё человечество, пребывающее в мире и покое, свидетельствовало славу, дарованную Тени Господа свыше. Восьмое. [Неуклонное] возрастание любви. Ему следует огорчаться **453**
бедствиями мужей и стремиться по доброте душевной удалить их, а непокорных и нечестных [воспитывать так, чтобы] их связывало бремя послушания на плечах, и пыль двуличия выметалась бы из приятного зала его владений. Девятое. Он должен привнести [в собрание возможность] обсуждения предстоящей работы, чтобы делать хорошо то,

что подобает времени, дабы ростки зла уничтожить, а трудные вопросы решить миром. Десятое. Ему следует отбросить неподобающие желания и стоять на тропе мудрости, чтобы гнев не мог возобладать, и ежедневно возрастая в сдерживании страстей, дать Фортуне случай показать лицо. Одиннадцатое. Он должен быть способен принять [любые] мнения и задаваться вопросами, а не полагаться лишь на собственные знания и восприятия. Ему нет необходимости раскрывать свои тайны всем, и пусть его натура не страдает[1] от осуждения проницательных и трезвомыслящих, дабы не потерять благоволение Фортуны, хотя несомненно счастье извечно бросается в глаза. Двенадцатое. Пусть любовь [постоянно] предшествует и сопутствует всем его действиям. Да пребудет он в состоянии всегда воспринимать мнение народа. [А гнев, ненависть, податливость на ссоры выпадут из шкатулки его характера.]

Безрассудного Музаффара обилие желаний [и мелких страстишек] сделало глупым, и он не повернул [в колею преданности] свою волю, хотя о его безмозглую голову дважды ударился камень разорения. Рабы золота [как мухи на мёд] собрались вокруг него, и [тот с заячьими мозгами] отправился в город Гондал[2] в пятнадцати *косах* от Джунагарха. Он сдружился с Амин-ханом Гори и Джамом[3]. Взял у землевладельцев деньги под [благовидными и лживыми] предлогами. Этот злой человек (Музаффар) засел в засаду [терпеливого ожидания прихода рати падишаха]. Когда победоносные войска вернулись, а поступления от обладателей *джагиров* оказались меньше по причине дезорганизации и [злостных] нарушений, [стало совершенно ясно], что пришло время пыли раздора. Хан-ханан в тревоге за Ахмадабад собрал две армии, отправленные в разных направлениях. Медина Рай, Бек Мухаммад Тукбай, Сайид Лад, Сайид Бахадур, Камран бек, Рам Чанд, Удай Сингх, Ходжам Барди и другие остались в деревне Хадала[4] в семи *косах* от Дандуки. Миян Бахадур, Махмуд Сабзавари, Шейх Мухаммад Харави, Мир Мухиб-ал-лах, Мир Шараф-ад-дин, Бунияд бек, Бхупати Рай пребывали в Паранти[5] , в восьми *косах* от города, а Сайид Касим и Сайид Барха находились в Паттане.

12 азара (22 ноября 1584 г.) Науранг-хан вместе с Ходжа Низам-ад-дин Ахмадом и другими храбрецами отправились наказать

Музаффара. Тот находился в Морби и ожидал землевладельцев (букв. «держал взгляд на пути *заминдаров*»). Он разослал злодеев повсюду и разграбил Радханпур[6]. 454

В это время вести о подходе царского войска смутили Музаффара. Он отступил в Харари[7] (?) и Раджут Кот[8], крупный город на Катхияваре. Затем Хан-ханан покинул свой лагерь и двинулся вперёд скорым маршем. От Бирмангаона[9] до Харари на протяжении 60 *косов* нет ни одного селения, и поэтому воинам пришлось везти с собой провиант. Музаффар не мог остановиться нигде и направился в горы Барда[10], высокие горы близ океана. Их протяжённость — тридцать *косов*, а ширина — десять, там много рек и дикорастущих фруктовых деревьев. В двадцати *косах* к северу от них лежит Дварка[11]. Царские слуги расположились в том краю. Узнав об этом, местные землевладельцы [поспешили] изъявить повиновение. И объяснили, что тот злополучный явился по собственной воле, они не вступали с ним в сговор, а хранят верность [Акбару]. Амин-хан Гори согласился послать на службу сына. [За ним] отправился Мир Абу Тураб и привёз сына, и питомец его (Амина Гори) желаний был передан на воспитание. Гонцы от Джама донесли, что Музаффар являет свою надменность в сорока *косах* оттуда, и если отправить энергичных бойцов, то его, вне всякого сомнения, поймают. Хан-ханан тотчас двинулся в погоню за ним, но не обнаружил и следа. Сообщили, что оттуда он проследовал в гористый край Барда. Хан-ханан разделил войско на четыре отряда[12]. Первым командовал Науранг-хан, вторым — Низам-ад-дин Ахмад, третьим — Даулат-хан Лоди. Каждый отряд дошёл до края тех земель. Тамошние раджпуты дрались отчаянно, проигрывая свои жизни. Ту плодородную страну разграбили и собрали обильную добычу. Но следов мошенника обнаружить не удалось, и так открылись дерзость и плутни Джама. Выяснилось, что Музаффар был в землях Джама, оставил у него сына и направился в Ахмадабад. Хан-ханан не обратил внимания на этот путь и занялся наказанием Джама. В свою очередь, тот, полагая, что царская армия будет удивлена, узнав о бегстве Музаффара, собрал дерзких мужей и двинулся навстречу. Пройдя четыре *коса*, пробудился от крепкого сна самообмана и прибыл с торжественными заявлениями и лисьими уловками. Благодаря

вмешательству Раи Дурги и Кальян Раи его желания удовлетворили. Он отправил сына Джайсу, слона Шерзу [вкупе с] иными дарами и вступил под кров доброй службы. Хан-ханан вернулся [со своей стоянки] в пределах десяти *косов* от Наванагара[13], служившего его
455 (Джама) резиденцией, и поспешил в Ахмадабад. Когда пришли известия о победе царёвых приверженцев и бегстве мятежника, в Морби воцарилось ликование. Благодаря сговору с землевладельцами тот явился в Ахмадабад и набрал подлых наёмников. Войска в Хадале[14] объединились с войсками в Паранти[15]. Прочие землевладельцы также приготовились к войне. Тот спесивый из опасения[16], что эти силы соединятся и сделают его положение затруднительным, подошёл к Паранти. Царские слуги расположили войска в боевом порядке. Мадан Чохан, Рам Чанд, Удай Сингх, Сайид Лад, Сайид Бахадур, Сайид Шах Али, Бхупат Деккани, Гису Дас Ратхор, Багха Ратхор и прочие из передового отряда свершили чудеса храбрости. Ходжам Барди и иные доблестные мужи из центра также вступили в сечу. Музаффар бежал, и хотя многие царёвы слуги получили раны, однако вражеские военачальники, такие, как Курбан Али Бихараги, Шейх Абд-ал-лах, Салих Миана, Тамтам Хусейн и Гада бек, были убиты. Возрастающей с каждым днём удачей Шахиншаха была одержана великая победа. Некоторых мятежников [посетил последний сон], а другие укрылись в безвестности, бунт подавили, и Владыка Мира, получив радостные вести, укрепил своё благочестие и справедливость и к славе бракосочетания (Салима) добавил ещё один счастливый знак[17].

Глава 82

Начало 30-го [Божественного] года с [момента] священного Восшествия [на престол Его Величества] Шахиншаха — года шахриюр третьего цикла

В сию пору радости, когда свадебный пир источал усладу, многоцветная весна осветила лик Века. Сад верховной власти обрёл [благодатную] свежесть.

Это — славный пир фарвардина,
День розы и *назрина* (дикой розы).
Чего не хватает миру для бракосочетания?
Легка душа, и тяжела роса.

По истечении шести часов и пятидесяти семи минут усиливающий свет девяти небес (Солнце) бросил лучи на обитель Овна в ночь четверга, 19 раби ал-аввала 993 г.х. (10 или 11 марта 1585 г.). Набожность прославилась вышивкой радости, и открылись новые палаты щедрости. В начале сего роскошного пира военачальников Берара возвысили изъявлением почтения и удостоили царёвых милостей. Берар — одна 456
из территорий на юге. Рассказ о ней дан в последнем томе («Аин-и-Акбари», II). Ею владел Муртаза Низам-ал-Мулк, [который] под влиянием вожделения[1] и дурного общества отошёл от надлежащего труда и обратился к священной службе духа. Это опасная задача, и исполнить её нелегко [даже] освобождённым [мужам] чистоты под водительством тех, кто уже проделал сей путь. Разве в силах исполнить её те, чьи стопы запутались в подоле порочности? Вскоре сияющая жемчужина мудрости упала в тёмную пропасть безумия, и царство и вера оказались

в опасности. Он ощутил отвращение к внешним явлениям и ограничил себя письменным общением. Люди продажные воспользовались им и превратили его в символ слабоумия. Салабат-хан Чаркас (Чиркассиан) обрёл власть над его нездоровой природой и начал управлять теми землями. Он стал разорять землевладельцев Берара. Мир Муртаза Сабзавари[2], предводитель их, вместе с Худаванд-ханом Мешхеди[3], Джамшед-ханом Ширази, Чанда-ханом Деккани, Шер-ханом Нохани и иными собрал войска и спешно двинулся в Ахмаднагар. Тот (Салабат) под началом сына Низам-ал-Мулка дал им бой. Много [воинов] пало с обеих сторон, но в конце концов уроженцев Берара разгромили, а Джамшед-хана взяли в плен. Они лишились множества добра и не могли более оставаться в тех землях, а потому обратили лик мольбы к сей вечной власти (Акбара). Чиновники на границе задержали их и доложили о том августейшему Двору. Повелели, чтобы «наш Двор был открыт человечеству, и беспомощный и молящий о пристанище обрёл желаемое». В сию благостную пору названные прибыли и осветили тьму своей участи. Они удостоились различных милостей, а также высоких чинов и плодородных *джагиров*. Каждый день устраивался новый праздник, и летописи Века полнились славословий. Один из крупных сановников[4] попросил, чтобы возрастающая день за днём удача соизволила почтить пир [высоким] Присутствием. Властитель, исполняющий желания и дарящий радость духовной весны, озарил то место светом прибытия.

Шах восседает на престоле и веселью предаётся,
Его сердце ищет мудрости и внемлет остротам.

В день фарвардин (19-го числа) Владыка Мира отпраздновал годовщину восхождения Солнца (*шараф*) и вознёс Несравненному Господу мольбу об удаче.

Пусть будет вечно известно его имя,
Пусть Юпитеру он уподобится славой.
Ему я обязан добрым именем в миру.
Да обеспечит мир ему благие свершения.

Во время этого великого празднества добрых слуг возвеличили повышением в должности. Шихаб-ад-дин Ахмад-хан получил управление Мальвой. Раджа Бхагван Дас назначен *панджхазари* (командиром 5000), раджа Тодар Мал — *чархазари* (командиром 4000), Зайн-хан Кока и Мир Юсуф-хан получили командование над 2500, Абд-ал-Мутталиб-хан — 1500, раджа Аскаран — 1000, Хаким Абу-л Фатх — 800, Шейх Фарид — 700, Мир Джамал-ад-дин — 600, Бурхан-ал-Мулк — 500. Автор сего благородного тома, никак не доказавший свою службу, был возвышен до положения *хазари* (командира 1000). Выражаю надежду, что добрая служба явит себя и оправдает проницательность *Хедива* Мира! Все командиры оказались отмечены великими милостями. В это же время Амир Фатх-ал-лаха Ширази назначили *амин-ал-мулком* и приказали, чтобы раджа Тодар Мал руководил чиновниками в области финансов и управления, руководствуясь советами Мира, и чтобы тот (Мир) проверил давние записи, которые не проверялись с дней Музаффар-хана. Ему надлежало излагать Его Величеству мысли, посетившие его дальновидный разум. Мир обратился к сей важной обязанности с открытым разумом и, дабы обеспечить успехи, озвучил некоторые предложения (*фусле*), а ответы на них сделал своим руководством. Ради [полноты] сведений я привожу их здесь.

Первое. Счетоводы не предоставляли ясных отчётов и не соблюдали священных установлений. Они основали сие дело — столпами коего служат наведение справок и расспросы — на предположениях и приблизительных оценках. В пору когда целое царство превратилось в коронные земли (*халса*), чиновники, по причине избытка трудов, не вникли в суть дела и отнесли крупные суммы в счёт недоимок. Они решили, что подати должны составлять пятую или шестую часть[5] урожая. Хитроумный возрадовался в сердце, в то время как честным овладела иссушающая душу тревога. Тех, кто чуть сбился с пути, удержали от уплаты размером податей. Если бы подсчёты производились на основе истинных сведений, прежние затруднения [не явились бы препятствием].

Второе. Ранее существовало установление, чтобы сборщики податей выдавали крестьянам расписки (*яфта*) и составляли перечень

[расписок], а писари основывали на них расчёты. Ныне же от этого установления (*серишта*) отказались (букв. «оно покинуло руки»), и принимается то, что сборщики *халсы* назначат пахарям, и то, что они сделают покровом для своих растрат. Будет справедливо, чтобы в будущем использовались оба названных документа[6].

Третье. Расчёты составляются на основе идеального года (*сал-и-камал*)[7] или в соответствии с документами *кроробанди*[8], составленными людьми торопливыми и невнимательными. В результате этого многие [арендаторы] оказались в тюрьме. Справедливым решением было бы просто и честно исходить при определении податей из цикла, состоящего из нескольких лет (*паиваста сал*)[9].

Четвёртое. Из-за сонливости сборщиков посредники (*гомастаган*) [откупщики?] обрели власть и разоряли крестьян.

Патвари не включает в отчётность (*карар вака*) документы частного характера[10] и письменные поручительства, повсеместно известные как «предварительные бумаги» (*кахгаз-и-хам*)[11]. Надлежит устроить так, чтобы записи делались там от его имени, а он нёс ответственность за содержание. Если он (*патвари*, или, возможно, сборщик) не отдаст того, что собрали его слуги, ему вменяется в обязанность вернуть переплату. В противном случае притеснитель не следует своим обязательствам. За то, что записано на счёт вымогателей, а именно *канунго*, *макаддамов*[12] и *пакаров*[13], должны отвечать
458 соответствующие лица.

Пятое. Любой излишек, который будет выявлен таким путём, надлежит отнести к недоимкам, собранным с крестьян, имя за именем, или он должен быть записан в счёт следующего года, и его запрещается взимать вторично, и запрещается требовать его вторично со сборщика. Также поскольку подсчитывающие размер нынешних налогов (*сийяк нависан-и-хал*) осведомляются об издержках деревни (*малба*), что на церковном языке именуется *истисваби*[14] и *ахраджат*, сие тоже должно вычитаться с требуемого.

Шестое. Колебания [размера] запашки неизбежны. Если в деревне какие-то земли оказываются невспаханными, следует стараться увеличить запашку в иных местах. Подобным же образом, если урожай погиб или [частично] повреждён, необходимо компенсировать

его тем или иным путём. Счетоводы (*ахл-сийяк*) учитывают только уменьшение [урожая] и утяжеляют поклажу требований. Если бы они принимали во внимание общий размер налога, крестьяне вздохнули бы с облегчением[15].

Седьмое. *Мастауфи* (ревизор) держит в запасе четверть (жалованья) сборщиков для покрытия недоимок. Если недоимки являются следствием невыполнения обязательств или неповиновения со стороны арендаторов, а усилия сборщиков безрезультатны или являются следствием его преждевременного отстранения, они не относятся к его [сборщика] ошибкам. Если была проявлена нерадивость при взимании, то этот довод[16] следует учесть в случае [наличия] недоимок при условии, что недоимки зафиксированы в перечне податей[17].

Восьмое. Некоторые люди иногда назначаются для помощи[18] сборщикам, и их жалованье выдаётся им на определённое время. Иногда они остаются на более долгий срок и получают за это время свою плату, но сборщикам такое жалованье не полагается. Если же окажется необходимым их [помощников] дальнейшее пребывание, следует выдавать им соответствующее жалованье и докладывать об этом.

Девятое. Также будет справедливо, если (стоимость) выплат[19] по счетам прежнего сборщика и его подчинённых будет внесена как его издержки.

Десятое. После того как сборщики будут отстранены от дел, они остаются в той *паргане* с целью сбора недоимок. Если их жалованье за этот период и за период, предшествующий извещению об отстранении, достигнут названных, а путешествие (ко Двору) будет зачтено в счёт их расходов, то это будет справедливо.

Одиннадцатое. Если после отстранения сборщика и занятых клеймением чиновников их жалованье будет выдано [им] за период, который они проведут, исполняя обязанности при Дворе, и включено в сумму, выданную им при условии подписи придворных летописцев (*чауки-нависан*), для них это будет подспорьем.

Двенадцатое. Иногда указывалось, что жалованье помощников (*кумакиан*) должно выплачиваться в счёт недоимок, оставшихся после предшественника; и вследствие того что эти [задолжавшие] крестьяне не существовали, или не признавали долга, или проявляли упрям-

ство, эти недоимки не взимались. Если сборщик в результате уловок (*карсази*) тех (помощников) выплатит им жалованье, ему надлежит получить расписку в том.

Тринадцатое. [Нередко] чиновников берут под стражу, если они не предоставили отчётов. Они же отвечают, что предоставили отчёты ко Двору, но не получили ответа. Если регистраторы (*ваканависан*) будут наблюдать за этим ведомством и вменят ответы помощникам сборщиков в обязанность, подобные оправдания станут невозможны.

Четырнадцатое. Для сборщика окажется значительной помощью, если он получит половину своего жалованья[20] как приписанные [к владению деньги].

Пятнадцатое. С целью сбора [податей] необходимо посылать пеших воинов (*пиада*) числом, равным солдатам, или половину этого. Если есть необходимость держать под наблюдением прежнего сборщика, необходимо назначить для присмотра (?) за ним надёжных людей.

Шестнадцатое. Немалая прибыль достаётся *канунго*. Если [такой] муж[21] из каждой *парганы* останется при Дворе, то, без сомнения, это станет причиной большой радости [в деревне].

Семнадцатое. Казначеи *парганы* обязаны предоставлять значительные ссуды[22]. На исполнение этого труда должны быть назначены мужи способные и прямодушные.

459

Восемнадцатое. Отчёты о недоимках, составленные прежними сборщиками, не должны приниматься на веру без тщательной их проверки[23].

Девятнадцатое. Тот, кто поддерживает свои владения в надлежащем состоянии[24], заботясь о раздаче зерна [голодающим] в то время, когда другие земли страдают от его недостатка и пребывают в стеснённых обстоятельствах, при увеличении[25] доходов обязан использовать этот рост для улучшения своего положения и размера выдаваемого жалованья.

Двадцатое. У солдата умирает лошадь, и он немедленно покупает иную, и предъявляет надлежащую объяснительную бумагу; иногда же получает новую лошадь через два года или более. В первом

случае терпит убыток солдат, во втором — ущерб наносится царёвой собственности. А вследствие величины расстояния он не в силах привести животное для клеймения. Если его жалованье будет вычитаться с момента, когда он потерял свою лошадь, то это будет жестоко. Если же перевести *азнас* на новую[26] лошадь, он будет умиротворён.

Поскольку сии замечания писались в добром намерении и верном мышлении, их приняли. Прежние отчёты привели в порядок, и усилиями того мудрого мужа суд визиря превратился для публики в обитель счастья.

[Следует упомянуть и] крушение планов Масум-хана Кабули. Хотя из-за недостойных мыслей и корыстных мотивов между царёвыми слугами возник разлад, и какое-то время мятежники были успешны, однако, поскольку помощь небес содействовала [Акбару], а удача возрастала с каждым днём, крах постиг бунтовщиков. Масум поспешил в упомянутое место[27], но, вследствие неразберихи в планах и вестей о приближении царского войска, не сумел добиться успеха. Он выбрал сильную позицию и начал строить укрепления. У местечка Тирмохини, где сливаются Ганг, Джамна и Сакни[28], заложил фундамент двух крепостей. И оставил там Бек Мухаммада и Улугбека с некоторым числом злодеев, а также несколько *заминдаров*. Он решил сделать их своим щитом (*банд*), а сам укрылся в долине (*пастарак*). Военачальники приготовились к сражению. Иса отправил речистых мужей с мольбами. Поскольку знаки раскаяния [оказались не явлены], [военачальники Акбара] не вняли его попыткам примирения и начали осаду крепостей. Произошли ожесточённые схватки, и каждый раз враги бежали [несмотря на] большое их число. 21 фарвардина [31 марта 1585 г.] победоносное войско вступило в сражение на воде. Вскоре одну из крепостей захватили, и на рассвете они сломили противника и двинулись на Масума. Тот не смог оказать им сопротивления и бежал к реке. Из-за сумятицы среди бунтовщиков и силы течения его судно затонуло, и несколько человек, полумёртвыми, достигли берега. Во второй раз он потерпел неудачу, а царские слуги вознесли благодарность.

[Не прошло незамеченным] наказание Тархана *дивана* и Тахир Иланчака. Они [плутали] во мраке из-за прежних поражений и ожидали

благоприятной возможности. Пока военачальники пребывали во сне
460 небрежности, Тахир взял путь в Таджпур и взметнул пыль раздоров. Тимур Бадахши вступил в сражение и был быстро разбит. Тахира это сделало спесивым. Тархан *дивана* явился в Танду, столицу, и учинил ещё большую смуту: в некоторые дома послал начинённый порохом тростник. Шахбаз-хан отправил Касим-хан Мухаммада Ниязи[29] и нескольких храбрецов покарать его. Вскоре тот превратился в скитальца в глуши погибели и умер в Моранге[30]. Головы остальных также осыпал прах поражения.

[Печальным] событием стала смерть Хабиб Али, сына Мухибба Али (Рохтаси). Когда военачальники Бихара направились на службу в Бенгалию, Юсуф Мати Афган собрал некоторое число бойцов и принялся чинить разбой. Хабиб Али подвёл счёт своей юности и вступил в схватку, будучи недостаточно подготовлен. Совершив чудеса храбрости, проиграл монету жизни. Мухибб Али пришёл в неистовство, узнав об этом, но остальные командиры не позволили ему двинуться [чтобы отомстить]. Шах Кули, давно желавший приблизиться к священному порогу, отправился покарать негодяя. В скором времени смутьян получил то, что заслужил, и пыль раздоров улеглась.

[Следует отметить и] назначение Садик-хана в Бенгалию. Уже упоминалось, что военачальники Бенгалии из-за тщеславия и самомнения разорвали нить единодушия сердец. Садик с частью людей двинулся в одном направлении, а Шахбаз — в другом. Поскольку невежество находилось в асценденте, разделение оказалось бессмысленным. Они убрали свои длани от труда и впали в обоюдную вражду. Двор послал к ним Ходжа Сулеймана[31] с советом, и им передали, что неверно исполнять один труд двумя отрядами. Пусть соберутся мужи проницательные и благожелательные, и командиры полностью уладят это дело. Тот, кто примет управление Бенгалией, должен передать Бихар другому военачальнику. Ходжа вначале направился к Садику, который немедленно вступил в Бенгалию, хотя встреча тех двух мужей и не состоялась. Шахбаз, Саид и иные раздосадованные, ушли, не наведя порядка в той провинции.

[Тогда же и] Шахбаз поссорился с Санграмом. Хотя последний не имел счастья бывать при Дворе, всегда верой и правдой служил

военачальникам Бенгалии и вёл себя столь хорошо, что раджа Тодар Мал называл его сыном. Когда Шахбаз возвращался из Бенгалии, то из себялюбивых побуждений принялся чинить Санграму ущерб. Последний укрылся в ущельях и подготовился к [отпору]. Когда дело зашло достаточно далеко, Саид решил отделиться и прибыл в Бихар. Шахбаз приблизил к себе Пуран Мала из Гидхаура, врага Санграма, и внушил ему мысль оскорбить последнего. Вскоре взял его (Пуран Мала) под стражу[32]. Раджпут, ранее бывший на службе Пуран Мала, покинул его и пристал к Санграму. Он выжидал возможности убить Шахбаза, и однажды, когда какой-то человек беседовал с Пуран Малом в приёмном покое Шахбаза, то отуманенный принял его за Шахбаза и напал на него с мечом. Пуран Мал действовал проворно, схватил раджпута и убил его. Шахбаз-хан поступил необдуманно и заковал в цепи того невинного (Пуран Мала).

[Тем временем произошло] подчинение Иса-хана. С тех пор как царские войска постигла катастрофа[33], краткое описание которой уже [приводилось], им владела сильная тревога. Прибытие войск привело его в растерянность, но, когда командиры армии оказались скованы соображениями корысти и вражды и по недалёкости рассорились друг с другом, названный землевладелец несколько успокоился и приободрился. Из предусмотрительности отрядил к Садик-хану и иным командирам послов с умиротворяющими словами. И согласился отправить в Хиджаз Масума Кабули и вести себя, как полагается доброму слуге. А также отправить одного из родичей ко Двору для службы и послать туда ценные дары. Помимо того дал согласие вернуть то, что отнял у [царского] войска в пору смуты. И готовился выполнить всё это, когда неожиданно Шахбаз-хан, Саид-хан и прочие военачальники ушли, как уже говорилось. После этого злополучный отбросил покорность и воспылал неумеренными желаниями. Военачальники в своей недалёкости оставили ему некоторые земли, и он проявил толику послушания, отослав ко Двору слонов и пушки, попавшие в его руки. Хотя и не изгнал Масум-хана, однако до некоторой степени ограничил его бесчинства. Дальновидный властитель принял названное, но не одобрил ухода военачальников подобным образом. Ходжа Сулейман доложил, что, сколько ни убеждал Шахбаз-хана повременить несколько дней,

тот в гневе не соглашался пойти на это. Его Величество отправил его (Сулеймана) в те края повторно, [теперь] с Назир Даулатом, чтобы получить сведения о его (Шахбаза) деяниях и передать порицание [высоким военным мужам].

[Позже] погасили смуту, поднятую военачальниками (Сулеймана) Карарани[34]. В пору когда та страна оказалась отчасти умиротворена, а царские слуги — ведь Иса-хан был связан заключёнными соглашениями — следили за ходом дел в окрестностях Ориссы, неугомонный (Иса) поднял пыль волнений при помощи Сулеймана Сарбани. Собралось несколько афганцев, принявшихся чинить разбой. Совершили нападение на Салиха, сына Вазир-хана, и близ Бардвана
462 разгорелось сражение. Салих сражался доблестно, после чего заперся в крепости Бардван. Царские слуги, узнав об этом, отправили отряд [на помощь] и двинулись туда сами. Когда войска оказались в шести *косах* от врагов, те сняли осаду и завязали бой. Царёвы слуги заняли позицию на берегу реки Мангалкот[35]. И тут подоспели (основные силы) войска. Воины обрадовались, узнав, что слоны могут перейти реку. Тем временем Ходжа Сулейман и Назар Даулат прибыли от Двора и возгласили вести о победе. В скором времени воздвигли над лагерем два земляных укрепления, дабы враги не смогли помешать им при пересечении реки. 30 хурдада (10 июня 1585 г.) военачальники одержали победу и устроили пир. Всю ночь шёл дождь. На рассвете войска начали переправу под ливнем, и несколько воинов и лошадей унесло прочь. Неприятель выстроился в боевом порядке. Садик стянул свои силы и вступил в крепость, а сам отправился на покой (!). Он оставил способных мужей следить за тем, чтобы войска не рассеялись. Когда полдень миновал, мятежники вернулись к себе в жилища, полагая, что в этот день сражения больше не будет. А Садик решил продолжить битву. И послал командирам такую весть: «Враг только о том и думает, чтобы отступить, поэтому приложим все силы к бою». Храбрецы согласились и двинулись вперёд, чтобы завязать сечу. Враг весьма смутился и построился в два отряда. Один атаковал Вазира, а другой обрушился на Садика и Мухибба Али. Назир Даулат и иные отличились. Садик оттеснил своих противников. В это время выяснилось, что Вазир стоит накануне поражения. Мухибб Али и иные

пришли ему на помощь, и вскоре неприятеля разгромили и одержали великую победу. Было убито почти 300 врагов и около 100 царских воинов.

1000 вражеских солдат оказались порублены во время бегства. Шип мятежа вырвали, и притесняемые вознесли благодарность.

[Наконец-то] гибель [настигла] Дастам Какшала. Кто в силах оценить чудеса [творимые] удачей Шахиншаха или счесть его подвиги? Саид, Шахбаз, Бахар и иные усердные слуги пытались покончить с этим злодеем, но не имели успеха. И вот несколько человек, ничем не примечательных, стёрли запись его существования. Когда военачальники по недостатку разума не сумели навести порядок в тех землях и направились в Бихар, тот неугомонный молодчик (Дастам Какшал) с большими силами обложил крепость Горагхат. Тахир, Саиф-ал-Мулк и Ходжа Муким явили жемчужину умения и отваги и оборонялись достойно. Тем временем Бабуи Манкли вышел из Шерпур Мурчи, и стало известно, что подоспел Мухибб Али. Враг снял осаду и отошёл на некоторое расстояние. Удачливые слуги вышли [из крепости] и вступили в бой. Поскольку опьянённых спесью вскоре настигает похмелье, а бесстыдные и строптивые не живут долго, тот недалёкий обратился в бегство и был убит, как и многие иные. Победа украсила мужей ясного ви́дения. Захватили слона по имени Сон Кадух (Золотая тыква) и иную добычу, а также взяли [в плен] сына Дастам Хуш Фала. Кажется, будто военачальники ушли для того, чтобы удача могла явить себя без помощи продавцов своих услуг, и неблагодарные получили бы урок! **463**

В это же время Халифат (Двор Акбара) поднёс щедрый дар, и многие семьи обрели помощь. Вследствие праведного мышления Владыки Мира товары подешевели, и поэтому налоги в казну стали для землепашцев весьма тягостны[36]. Его Величество отменил в провинциях Аллахабад, Аудх и Дели одну из пяти с половиной долей весеннего урожая и одну пятую часть в *хавали*[37] Аллахабада. Для осеннего урожая отменил одну шестую в провинциях Аллахабад и Аудх. В землях *халса* это составило 7 *кроров* 7 *лакхов* и 47 602 *дама*. Отсюда можно сделать вывод о положении держателей земель. Такое великодушие значительно помогло землепашцам, и немало [искренней] благодарности излилось.

16 тира состоялось [традиционное] лунное взвешивание, и Его Величество взвесили против восьми предметов. Нуждающиеся обрели отраду, и вознеслась [безмерная] признательность. В этот день из Бенгалии прибыл Шах Кули Махрам и изъявил почтение. 12 амардада Садик-хан прискакал из Бенгалии на почтовых лошадях, однако, поскольку явился без вызова, ему отказали [в приёме].

[Тогда] прибыл ко Двору и Хан-ханан. Ему отправили повеление явиться со всей возможной скоростью, так как он остался удовлетворён состоянием дел в Гуджарате. Поскольку мощью возрастающей с каждым днём удачи мятеж погасили, а великий и малый обрели спокойствие, [Хан-ханан] оставил Ахмадабад 8 (тира) и изъявил почтение 24-го числа того же месяца.

Рай Сингх Джала достиг счастья исполнения *корниша*. О его
464 приключениях уже кое-что рассказывалось. Он, один из землевладельцев в Гуджарате, приходился родственником Джаму и Кхангару. И славился [исключительной] храбростью. Однажды устроил процессию с музыкой по случаю свадебного пира. Когда же приближался к дому Джасы (или Джайсы), кузена Кхангара, ему передали, чтобы он или ушёл, или прекратил музыку, или же вступил в бой. Хотя у него было недостаточно сил для сражения, всё же настроил сердце на битву и с немалыми усилиями одержал победу. Джаса был убит, а его младший брат Сахиб, подоспевший, чтобы отомстить, также проиграл монету жизни. Но хотя Рай Сингх одержал победу, а его враги оказались убиты, он по капризу небес исчез. В обычае раджпутов во время сражения спешиваться и сражаться в некотором отдалении от лошадей, ибо лошадь может стать неуправляемой и унести наездника за пределы поля, и тем смутить его соратников, или же исчезнет мужество для битвы, и муж воспользуется конём, чтобы ускакать с поля [боя]. После победы Рай Сингх подошёл к лошадям, а раджпуты Сахиба, оставленные присматривать за ними, оказали ему сопротивление и погибли. Будучи тяжело ранен, он также упал, и его, полуживого, сочли мёртвым. Вечером какой-то йог обнаружил его, взял в свой скит и ухаживал за ним. Поправившись, тот отправился путешествовать по глуши вместе с йогом. Его родичи были уверены [в его смерти], хотя некоторые полагали, что, раз тело не найдено, он ещё жив. Все его

жёны сожгли себя, за исключением любимой супруги, не пожелавшей предать себя огню и продолжавшей жить с угасающей душой. В конце прошлого года он, спустя девятнадцать лет, расстался с тем йогом и явился домой, вновь взвалив бремя мирской жизни. Знавшие ранее [Рай Сингха] узнали его, прежде всего — та делившая с ним ложе [жена] с опалённым сердцем. С помощью Хан-ханана он вновь обрёл главенство в том округе[38].

[В ту пору произошла] отправка Хан Азима в южные страны. Гарха и Райсин назначили ему в качестве владений, а сам отправился [на место], получив многозначительные советы. Единственной мыслью Его Величества являлось умиротворить слабых Декана и улучшить его правителей. Если те не внемлют [гласу] справедливости и не будут печься о подданных, то их надлежит соответствующим образом наказать, а заботу о населении возложить на достойных людей. Двором были посланы Абд-ал-Мутталиб-хан, раджа Аскаран, Ширази-хан, Мир Джамал-ад-дин Хусейн Анджу, Бурхан-ал-Мулк Деккани, Абд-ар-Рахман, сын Муйид бека, Хаджи Абд-ал-лах Кашгари, Субхан Кули Турк, Али Мурад, Шер Мухаммад, Али Кули и иные храбрецы. Отдали приказ, чтобы каждый отправился в свой *тиул* (владение) **465**
и приготовился к походу в Декан. Шихаб-ад-дин Ахмад, Шариф и иные из той провинции (Мальва) получили приказание присоединиться к войску. Также повелели, чтобы Асаф-хан выступил из Аджмира с несколькими предводителями той области. Ходжа Фатх-ал-лаха назначили *бахши*, а Мухтар бека — *диваном* войска. Мудрец Века — Фатх-ал-лах Ширази — получил титул *азд-ад-даулах* (десница царства) и был послан наставлять раджу Али, правителя Хандеша. С ним послали ряд способных мужей, дабы, в случае необходимости, те дали [нужные] советы правителям Декана.

[Последовал и] перевод Шахбаза в Бенгалию из Бихара. В это время пришли вести, что он вознамерился отправиться ко Двору с целью сделать представление. Карм-ал-лаха, его брата, послали отговорить [Шахбаза] от этой дурной затеи и внушить ему покорность. После чего Мирза Юсуфу приказали выступить из Аудха и принять управление Бихаром.

Глава 83
Поход в Пенджаб

Тот, кто приемлет луч от озаряющего мир солнца[1] и читает надпись на портике своего сердца, не будет — без подлинной на то причины — оставаться на одном месте, но станет постоянно наслаждаться в новой обители радости. Особенно это верно для мудрецов, восседающих на престоле, ибо спокойствие различных племён человечества возложено на подобных праведно мыслящих и справедливых мужей, а орошение сада мира, что о четырёх углах, зависит от их справедливости. В первую очередь обитель власти очищается от сорняков и грязи неурядиц объездом провинций, и тем самым обретается подлинное знание положения вещей. Злодеи низвергаются в пучину погибели, а достойные мужи обретают отличие. После чего отдалённые области становятся столь же ухоженными и возделанными, как и обитель верховной власти, и просветляются блеском справедливости. Пересекающий мир конь доставляет повелителя в подобные места, и так растёт знание, развиваются земли, а разъединение преобразуется в единство. Великолепие Господней тени осеняет род людской. Поэтому проницательный властитель регулярно делает своим приютом какую-нибудь область и возводит там восхитительные дворцы, чарующие сады, радующие слух фонтаны, величественные храмы для поклонения и полезные гавани. Любой
466 из тех, чей взгляд прикован к поверхностным явлениям, изумляется, видя, как правитель оставляет те величавые жилища и странствует по полям и пустыням.

В эту пору, когда Фатехпур — сей пленительный венец Господень — вызывал зависть эпохи, люди способные и наблюдательные поняли, что, несмотря на великую привязанность Его Величества к тому граду, мысль об охоте в Пенджабе осенила его светлую душу. Временами эта мысль укреплялась всё больше. Люди удивлялись, ибо не видели причины того, а дальновидные и искушённые искали объяснение. В это время пришли вести, что Мухаммад Хаким, правитель Кабула, собрал источники существования (скончался)[2] 16 амардада (12 шаабана 993 г.х., или 30 июля 1585 г.), а пыль раздоров поднялась в Кабулистане (Афганистане). Солдаты того края, низменные по природе, решили стать скитальцами в пустыне погибели и отправиться в Туран. Эти известия[3] явились ещё одним примером дальновидности Владыки Мира и избавили многих от растерянности. Искатели мудрости, хоть в прежние времена, хоть в нынешние, сходятся в том, что сердца справедливых правителей — железная крепость и небесная броня для праведно мыслящих и искренних, а также для честных торговцев, но для двуличных, строптивых и порочных они — обрывающий жизнь меч и пронзающий сердце кинжал. Удачливый, который поселится в том граде Божьем[4] или случайно вступит туда, освободится от могущественной длани Времени и благополучно утвердится на вершине счастья, тогда как глупец, замысливший противодействовать тем людям, что крепко держатся за Божественное, или затаивший злую мысль о них, насаживает сам себя на лезвие меча и собственным упорством себя уничтожает.

Судьба всех, кто мечтаниям предаётся, —
Это меч обнажить[5] против солнца.

Те, кто раскрыл дальновидное око, поняли, что Господняя помощь способствует Его Величеству, а его любовь к ним [бунтовщикам] лишь упрочивается, ибо он понимает, что они действуют под покровом невежества. С начала правления Шахиншаха любого, кто по низости характера или в силу общения с порочными поддался дурным мыслям либо начал противодействовать, постигло подобающее воздаяние, и [он] вступил на тропу поражения без усилий правителей царства. Чита-

ющим сию книгу удачи не требуются доказательства сего. Смерть этого [упомянутого] являет тому новый пример. Когда он творил деяния неблагодарности в прежнее время, то вследствие нежного возраста и невежества не понёс большого ущерба, но шайка порочных людей, сделавших его орудием раздоров, обеспечила ему соответствующее наказание. Было время, когда он принял урок [к сведению] и прибег к мольбам. Однако злобные мысли у него укрепились, и Индия вновь наполнилась пылью [смуты]. Он ушёл с поражением, потеряв честь на поле боя. Милостивый повелитель вновь простил его и даровал ему Афганистан, как уже говорилось. От стыда ему подобало
467 бы даже не поднимать головы, но из-за мерзости его натуры [проявленное] великодушие [породило в ответ лишь] зло, [а оказанные] милости [окончательно] сбили его с пути. Властители судеб сделали его пьяницей, что стало для него источником бедствий.

После продолжительного [периода] безумия у него начались боли, которые трудно было унять, и чаша его жизни излилась. Несмотря на высокое рождение и знатность рода, он, связавшись с негодяями и льстецами, не собрал цветов с древа существования, а также не почуял аромата в весеннюю пору верховной власти. Когда же испустил дух, базар мятежных затих, и двуликие обратились к единству. В эту пору радости Его Величество охватила скорбь, но он постиг власть судьбы, и обратился к поискам лечебного средства, и взял путь в обитель отречения. Также занялся утешением детей и уделил внимание умиротворению высоких и низких [людей] в той земле. Поскольку некоторое время афганцы по своему скудоумию пребывали в ужасе и подумывали о том, чтобы бежать в Туран, и использовали детей мирзы как орудие для собственных целей, через Вали бек Зулкадра и Фатх-ал-лаха послали приказание ободрить храбрых и отвратить их от столь дурных затей. Повелели им передать, что прошлые дела стёрлись из его сердца, и ничто не входит в него, помимо прощения. Также дали приказ, чтобы *куар* Ман Сингх немедленно двинулся в Кабул с войсками и всем, высоким и низким, возвестил о любви и справедливости [Шахиншаха]. Ему надлежало также успокоить наследников мирзы и всех остальных, тюрков или таджиков. В соответствии с прежними замыслами об умиротворе-

нии кабульцев Его Величество по велению небес узрел, что покой остальных зависит от его деяний, и, подобно звезде, ощутил, что их спокойствие должно стать следствием его подвижности. (Поэтому) 11 шахриюра (22 августа 1585 г.), когда истекла одна стража и два *гхари* ночи, Шахиншах выступил в Пенджаб и разбил лагерь близ Даулатабада. Для охраны столицы он отправил Шейх Ибрахима и некоторых иных, а 22-го числа расположился на отдых близ Сараи Абада, на берегу водоёма, устроенного раджой Тодар Малом. Раджа рассыпал щедроты, и поднёс дары, и возгласил признательность. На этой остановке Хан-ханан распрощался, чтобы вернуться в Гуджарат. 31-го числа [Повелитель Века] остановился в Дели и посетил могилы святых. Большую же часть времени провёл, раздавая милостыню на могиле Джаннат-ашияни (Хумаюна). В этот день Мирза Юсуф-хан **468** изъявил почтение. Когда Шахбаз-хан был переведён из Бихара в восточные области, владения в Бихаре получил мирза. Только ему доставили приказ, отправил воинов в те земли, а сам на сменных лошадях явился к падишаху. Уладив дела, распрощался. На рассвете дом Шейх Фарида бахши беги прославился посещением Шахиншаха, и [хозяин] достиг [исполнения] самого заветного желания. Царские стяги направились путём через Сонпат и Панипат и 13 михра достигли Тханесара. Поскольку о дурных замыслах кабульцев ныне стало известно в иных землях, Его Величество в своей неизмеримой милости направил Мир Садр Джахана Муфти и Банда Али Майдани в те края, дабы они поспешили и утешили людей. Высочайшая процессия проследовала через Шахабад и Амбалу и остановилась 18-го числа в Сирхинде. Здесь он насладился восхитительными садами, славящимися [изумительной] красотой. Тут же состоялось благородное собрание. В этот день пришли вести, что *рана* чуть не был пленён, но благодаря предусмотрительности [?] сумел ускользнуть. 4-го числа Джаганнатх, Джафар бек, Сайид Раджу, Вазир Джамил, Сайид Саиф-ал-лах, Мухаммад-хан, Джан Мухаммад, Шер Бихари и некоторые иные выступили скорым маршем и на исходе дня достигли его жилища. Видимо, один из слуг *раны* предупредил его, и тот вместе с семьёй укрылся в ущельях. Его дом и имущество разграбили. По предусмотрительности он [Джафар бек?] счёл нежелательным возвращаться

тем же путём и потому направился в Гуджарат. Пройдя некоторое расстояние, повернули к Дунгарпуру. И начали понимать *рану* тех земель, двуличного по призванию. Они отобрали у него крупную сумму и множество скота в качестве дара [Шахиншаху] (*савари* — дань), после чего вернулись. *Рана* вознамерился выйти из гор и учинить смуту в тех землях, однако, поскольку внезапно прибыло войско, ему пришлось отступить ни с чем.

В это же время Дауд, сын Сурджана, окончил свои дни, и мир очистился от скверны. Умер и Шейх Исмаил. Он был сыном Шейх Салима Фатхпури, и на лике его сияла благопристойность. Под влиянием дурного общества сойдя с [праведного] пути, [впал] в привычку пьянства, и [постепенно] безумие овладело его душой, и одолели его прискорбные недуги.

Пусть мудрец не потонет в вине,
Ибо сей поток дворец мудрости разрушит.
Вино пьют, чтоб смерть призвать[6]:
Не ради счастья или опьянения.

469 Поскольку [Исмаил] оказался серьёзно болен, его оставили в Тханесаре, и в мучительных страданиях он скончался 16-го числа. Это стало предостережением для мудрых.

Тогда пришли известия, что *куар* Ман Сингх пересёк Инд с войском, а один его отряд прибыл в Пешавар. Шахбег устрашился и обратился в бегство, а афганцы являлись [целыми] племенами, чтобы изъявить покорность. 24-го числа Его Величество переправился через Сатледж по мосту у Мачивары и остановился у Дихакдара. Продолжив путь через Хадиабад, Джаландхар и Султанпур, 1 абана он навёл мост через Биас в Джалалабаде и переправил войско. Сам переправился на слоне. В этот день произошло солнечное взвешивание, и возрадовались высокие и низкие. Праздничные строки воодушевили очи и сердце, и на землях Бирвала (?) и Амбалы он позабавился охотой. 6-го числа достигнув Каланура, усладился в саду, известном миру как место, где произошло восхождение [на престол]. Там ежедневно происходило поклонение Господу. В тот день он послал Хакима Али

и Баха-ад-дина Камбу в Кашмир. Юсуф-хан, управитель той земли, всегда считал себя одним из тех, кого вознёс Шахиншах, и постоянно напоминал о себе дарами. Он передавал, что [дальность] расстояния не позволяет ему явиться лично. Ныне, когда [Правитель Мира] прибыл в Пенджаб, ему пришла мысль послать одного из слуг призвать того (Юсуфа), ибо в некоторых его письмах выражалось желание приехать и засвидетельствовать почтение. Его сын Якуб решил, что отца приглашают по другой причине (что-то заподозрил). Он бежал из лагеря[7] и взял путь домой. Тогда к Юсуфу были отправлены посланцы[8], которым следовало дать ему добрые советы, а также упрекнуть и пробудить беглеца. Если Юсуф не сумел бы явиться лично, ему надлежало прислать Якуба.

[Печальный конец ожидал] Шейх Джамала[9], происходившего из благородного индийского рода, сестра которого находилась в гареме Его Величества. Он славился [исключительной] храбростью и [светской] учтивостью. Благодаря [несомненным] достоинствам был сделан *амиром*. Однако попал в дурное общество, и его добрые качества потускнели, запятнав характер пьянством и безрассудствами. Поскольку поведение [Джамала] становилось хуже день ото дня, его оставили в 470
Лудхиане, и 8 (абана — в октябре 1585 г.) он покинул сей порочный мир, послужив серьёзным предостережением для остальных.

Необходимо, чтобы человек избрал себе мудрого, дальновидного и любящего друга и сделал его поступь и речь образцом для себя. Некоторые способные мужи прошлого, пристрастившиеся к хмелю, блюли время и умеренность, и использовали вино в качестве лекарства. И таким образом не впав в потакание самим себе, не сделали его [вино] источником путаницы в мыслях и одурманивания.

14-го числа [Шахиншах] пересёк Ченаб по мосту на территории Парсарура (в «Indian Gazetteer» — Пасрур) и разбил лагерь близ Сиалкота.

Необычным событием стало безумие Шейх Абд-ар-Рахмана из Лакхнау. Под воздействием дурной компании предавшись пьянству, он продолжительное время являл [признаки сумасшествия]. В эти дни покров спал с его деяний, и он понёс околесицу в жилище Хаким Абу-л Фатха. В приступе умопомешательства ударил себя кинжалом

Хакима. К нему сбежались люди и отняли у него оружие. Во дворе рану перевязали и позаботились о нём. Хотя лекари объявили, что ранение Шейхзада смертельно, Его Величество, [обладавший] тайным знанием, возвестил, что тот поправится. Поверхностные наблюдатели решили, что то были лишь успокаивающие слова, однако дальновидные ведали [действительность выздоровления]. Два месяца и четырнадцать дней, на протяжении которых он ел (только) две или три ложки супа, его состояние не менялось. Знатоки пульса и сведущие в моче отказались от него. Шахиншах не переставал возвещать благие вести о поправке и назначил *палуш-и харбуза*[10]. Как только тот отведал его, наступило улучшение, [раненый] начал поправляться день за днём и вскоре выздоровел.

24-го числа войско разбило лагерь близ Расулпура. Садик получил Мултан и Бхаккар и покинул ту стоянку. 27-го пересёк Бихат (Джелам) по мосту и в этот день оставил войско, чтобы поохотиться. Олени в той местности превосходят всех прочих ростом и отвагой. Усладившись сей забавой в течение недели, вернулся. 7 азара став лагерем в Рохтасе, в тот же день поднялся на холм в Балнатхе и беседовал с некоторыми аскетами. Оттуда Касима послали очистить
471 дороги до Инда, после чего ему надлежало сделать Хайбер и путь на Кабул безопасными для путников. Вскоре он это исполнил. Тогда же Фатх-ал-лах и Вали бек прибыли из Кабула и [доложили], что кабульцы успокоены милостью Шахиншаха, а устрашённые обратили сердца к послушанию.

Ярким событием стало прибытие Её Величества Мириам-макани. По причине глубочайшей любви к Его Величеству она не смогла остаться (*нияраштанд*) в столице (Дели?). [Шахиншаха] восхитила эта весть; он принял её 11 азара (23 ноября 1585 г.) и со всем почтением проводил в [отведённые покои]. Многие полагали, что царственным стягам не следует покидать Рохтас. Но, поскольку намерением [Повелитель Века] было усмирить Забулистан (Кабул) и покарать афганцев, он продолжил путь и 25-го числа (7 декабря 1585 г.) разбил лагерь в Равалпинди.

[На ту же пору пришлось] подавление мятежа, поднятого Музаффаром Гуджарати. Когда Хан-ханан отправился засвидетельство-

вать своё почтение Его Величеству, тот негодяй вообразил, что поле [действия] для него свободно, и вознёс главу мятежа, возомнив, что может разграбить Ахмадабад. Джам дал ему совет, говоря, что не в силах отправиться туда быстро, и не следует ему представлять столь трудное мероприятие лёгким. Вначале пусть [Музаффар] успокоит свой ум в отношении Амин-хана Гори и накажет его, если тот к нему не присоединится. После чего надлежит напасть на Джунагарх. Он (Джам) примкнёт к нему с отборными войсками, и Гуджарат легко окажется под их властью. Этими пустыми речами убедил того напасть на город Амбарили[11], и Музаффар достиг некоторых успехов на территории Амин-хана. Последний объявил чиновникам Гуджарата, что у него нет сил бороться с Музаффаром, но, если бы он получил какую-нибудь помощь, мятеж был бы легко подавлен.

2-го числа Кулидж со стойкими воинами приготовился к битве в Ахмадабаде. Сайид Касим и Ходжа Низам-ад-дин Ахмад вместе с иными отправились в тот край. Бек Мухаммад, Токбаи Амир, Мухибб-ал-лах, Сайид Салим и прочие ушли вперёд. Преодолев тридцать *косов*, Музаффар утратил уверенность и заспешил в Катхиявар. Когда посланные вперёд воины примкнули к Амин-хану, к нему вернулись отвага и силы. Объявив, что, будь у него на тысячу всадников больше, двинулся бы с противоположной стороны, а царское войско — с другого направления, и начали преследование Музаффара. Тогда отправили Кулидж-хана и других, а иные военачальники добирались другой дорогой. Амин-хан направился к городу Раджкот, служившему прибежищем Музаффару, и разграбил его. Тот злосчастный взял путь в Ран (Ранн)[12] — это соляные месторождения, где постоянно происходит прилив и отлив. Протяжённость их — 200 *косов*, а ширина — от 30 до 50 *косов*. На исходе жаркого сезона они высыхают. Пресная вода, вытекающая из земли, становится солёной. 472

Военачальники остановились близ гробницы Давар-ал-мулка[13], где к ним присоединился Амин-хан, а Джам вышел вперёд и засвидетельствовал (преданность). Оба землевладельца удостоились знаков внимания и дозволения отправиться домой. Своих сыновей они оставили служить в войске. Волнения сразу улеглись. Когда дело уже завершилось, прибыл Хан-ханан, решивший в пути некоторые

дела Сирохи и Джалора. Вскоре прибыл *рай* Сирохи и изъявил своё почтение, но Газни[14] Джалора не явился. Однако увидав, что стопа решимости встала накрепко, а ускользнуть трудно, покорился. Поскольку сделал он это от бессилия, ему не дозволили пользоваться[15] [владениями] и взяли [ко Двору] (с Хан-хананом). Джалор оказался передан другим [подданным].

Помощью Господней он (Хан-ханан) был избавлен от великой опасности. Близ Сирохи ему пришло в голову поохотиться вместе со своими женщинами. В юношеской горячности он несколько отделился от войска, преследуя добычу. Проскакав большое расстояние по жаре, решил отдохнуть под деревом. Один из его охотников раскрыл ладонь притеснения и угнал корову. Окрестные раджпуты вышли на бой, и Хан-ханан поднялся, намереваясь принять участие в схватке. Ряд слуг, находившихся поблизости, присоединились к нему. Разгорелся жаркий бой, и дело чуть не кончилось поражением. Но и в почти безнадёжном положении они одержали победу, а раджпуты были наказаны.

В эту пору скончался Кхангар, правитель Куча (Кача? — но пишется по-другому), ему наследовал его сын Бихара[16]. Хотя у Джама имелось больше земель и владений, Кхангар, тем не менее, считал верховным правителем и выдавал разрешение на наследование земель.

Глава 84

Прибытие ко Двору сыновей Хаким мирзы и кабульских воинов

Вести о правосудии Шахиншаха, о поисках им истины и его проницательности разорвали цепь, что заставляла любителей своей земли страшиться изгнания. Не проходило ни дня, чтобы прибывшие издали чужестранцы не обрели счастья изъявления почтения (*корниш*), а разнообразные их желания не удовлетворялись. Поэтому желанием высоких и [простых] жителей Кабула стало явиться ко Двору и получить от вечной власти то, чего желали их души. Однако верность и преданность стояли на первом месте. Когда мирза скончался, начались брожения, и каждый радел о собственном спасении. Фаридун-хан препятствовал тому, чтобы сыновья мирзы и простодушные тюрки отправились ко Двору. И постоянно повторял, что Его Величеству известно о мятежности мирзы от кабульцев, и он покарает за неё. Помня о собственном дурном поведении, вознамерился вступить в союз с правителем Турана. Своими уловками сбил с толку многих близоруких, и большинство почти склонилось к тому, чтобы принять его предложение. В это время, один за другим, были доставлены *фирманы*, и замыслы порочных рухнули. Фаридун задумал взять с собой детей мирзы и бежать в Мавераннахр. Люди дальновидные и верно мыслящие стали следить за ним. В эту пору разнёсся отзвук приближения победоносных войск. Фаридун отвернулся от прежних мыслей и прибег к мольбам. Однако из-за недалёкости и путаницы в мыслях не сумел сохранить своё намерение. В конце концов прибыл *куар* Ман Сингх, и его [Фаридуна] захватили мысли о соглашении.

473

Ходжа Шамс-ад-дин с храбрецами пересёк Инд и двинулся вперёд, а Шах бек направился из Пешавара в Кабул. Крестьяне покорились, и когда не знающее поражений войско остановилось в Бикраме, Ходжа Шамс-ад-дин, Мухаммад Али, Хамза бек и прочие смельчаки устремились вперёд. Хайберский проход, оказавшийся запертым из-за смуты *тарикия* (роушанитов), вновь открыли, и беспокойные разбойники уползли в угол поражения. Отряд достиг Джалалабада и обеспечил [общее] спокойствие справедливыми деяниями. Примкнули Али Мухаммад Асп и все благонадёжные кабульцы. Там оказалась и Бахт Ниса бегим[1], и [он] восхитился, услышав эти вести. Мирза послал ко Двору набожную женщину со своим возлюбленным сыном Афрасиабом, дабы та выступила посредницей и принесла извинения за его проступки. С ней отправил также Хасана и Хусейна, сыновей-близнецов Шахрух мирзы. После неизбежного события (смерти Мухаммад Хакима) Афрасиаб повернул назад, поскольку совсем рядом (проехал немного?). В своём зломыслии Фаридун попытался вернуть также и бегим. В это время подошли царские военачальники, и образ дурных замыслов стёрся. 29 абана Ман Сингх поспешил в Бутхак, а мирза Кайкубад, имевший 15 лет от роду, и Афрасиаб 14 лет присоединились к нему с многими солдатами. Их лица освещала надежда на милость Шахиншаха. Прибыв на рассвете в Кабул, они щедростью длани и приятными речами пленили сердца людей. 4 азара *куар* Ман Сингх передал ответственность за те земли своему сыну Джагат Сингху и Ходжа Шамс-ад-дину. Сам же вместе с родичами мирзы и предводителями той страны отправился к величественному порогу. 25-го числа изъявил почтение в Равалпинди. Со вновь прибывшими обошлись с подобающим уважением. Вначале к аудиенции были допущены Афрасиаб, Кайкубад и Вали[2], сын сестры мирзы, а затем Фаридун, Али Мухаммад Асп, Шах бек, Таш бек Кучин, Тахта бек, Касим Парвана, Музаффар Кока, Джаниш Бахадур, Татар бек, Гайур бек, Улуг бек, Нур Мухаммад, Ходжа Хизри, Дост
474 Мухаммад Турнаби, Хаки Галабан аталик, Касим Кока, Ходжа Якут (евнух), Атам Бахадур, Хошам Бахадур, Хайдар Али Араб, Кази Иззат-ал-лах, Фаррух бек[3] Масаввир (художник) и прочие получили подобающее одеяние почёта и коней, а также по подносу *мухров* и

рупий. Им оказали различные благодеяния. Фаридун, по природе лишённый признательности и обладавший вероломством, к тому же имевший обыкновение плести интриги и составлять заговоры, оказался в руках Зайн Коки [который принялся] изучать его нрав.

2 дая Его Величество разбил лагерь в Хасан Абдале и близ него устроил охоту *камарга*. В том месте Хаким Али и Баха-ад-дин прибыли из Кашмира. Управитель сей земли, сбитый с толку льстецами, не встал на путь доброй службы. Хотя, по обычаю двуличных особ, и передал торжественные заявления, однако не проявил намерения ни прибыть и облобызать порог, ни послать своего сына Якуба. Его невежество возросло. [Вскипел] царский гнев, никогда не возникающий без причины, и величественной армии [прочитали] приказ пробудить его ото сна.

Именной указатель

Именной указатель

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К КНИГАМ 5 И 6 «АКБАР-НАМЕ»

Аалам-хан, Чалма бек 5 103, 188

Абу Бекр 6 132, 240-241

Абд-ал Баки, Худаванд-хан 6 20, 99

Абдал, дядя Юсуф-хана **6** 66, 278, 325

Абд-ал-Каддус Гангохи, шейх **6** 109, 337

Абд-ал-лах бек Бадахши 6 99

Абд-ал-лах Билуч 6 29, 159

Абд-ал-лах Султанпури 5 9-11, 14-16, 329; **6** 55, 63, 64, 202

Абд-ал-лах-хан Узбек, Шуджаат-хан 5 47, 87, 91, 105, 108, 111, 140, 141, 259, 320, 333, 369

Абд-ал-Маджид, см. Ходжа Абд-ал-Маджид

Абд-ал-Мутталиб-хан, сын Шах Будаг-хана **5** 61, 62, 279, 333; **6** 44, 96, 126, 161, 169, 217, 238, 280, 291, 301, 339

Абд-ар-Рахман бек, сын Мир Тулака Кадими **5** 298

Абд-ар-Рахман, сын Муиб-бека **5** 219

Абд-ар-Рашид, сын Саид-хана Кашгари **5** 225, 357

Абдулла-хан Узбек, сын Сикандар-хана, Шейбанид **5** 26, 28, 299, 300, 364, 369; **6** 264, 274-276, 362

Абд-ун-Наби, шейх **5** 11, 14-16, 368; **6** 55, 63, 64, 202, 321, 325, 346-347

Абид Бадахши 6 233, 234, 237

Абу-л Касим Тамкин (Тумкин, Намакин) **5** 40, 184, 188, 339; **6** 154, 159

Абу-л Маали топчи (тупчи) **5** 323

Абу-л Фазл Аллами, сын шейха Мубарака Нагори (1551—1602) **5** 5-6, 12-18, 20-32, 82, 138, 176, 251, 283, 338-343, 345, 347-354, 356-358, 360-369, 377-381, 384-387; **6** 71, 145-147, 166-167, 212, 224, 316-319, 321, 323-328, 330-341, 343, 345-352, 354, 357-363, 365, 367-368

Абу-л Файз Файзи (Абу-л Файз ибн Мубарак Нагори Файзи

Файзази) (1547—1595) **5** 13-14, 16-20, 27, 29-31, 143, 177, 338, 350, 351, 368; **6** 29, 50-51, 56, 112, 183, 186, 194, 223, 285, 337

Абу-л Фатх Джалал-ад-дин Мухаммад Акбар, см. Акбар

Абу-л-Маали, см. Сайид Абу-л Маали

Абу-л-Музаффар Джалал-ад-дин Мухаммад Акбар, см. Акбар

Адам Баттани 5 203, 205

Адам Таджбанд 5 47, 239; **6** 124

Адил-хан 5 299

Адил-хан из Биджапура, Адил шах **5** 299; **6** 50, 91, 92, 208, 218, 228, 330

Азиз Дастам бек 6 99, 335

Азиз Кокалташ, см. Мирза Азиз Кокалташ

Азиз Мухаммад Кокалташ (Азиз Кока, Мирза Кока), сын Атка-хана, см. Мирза Азиз Кокалташ

Акбар (Акбар шах) (1543—1605) **5** 5, 6, 10-18, 20-23, 25-31, 34-35, 43, 45-47, 56, 64, 67-68, 84, 87, 101-108, 111, 115-116, 118-122, 126, 135, 139, 144, 149-150, 155, 166, 177, 180, 194-195, 204, 207, 209-210, 216-218, 220, 223, 245, 251, 254, 258, 259, 263, 268, 271, 272, 275, 282, 283, 285, 290, 295, 297, 299, 306, 307, 309, 322, 324, 337, 338-354, 356-358, 360-365, 367-369, 374, 377, 379-380, 382-387, 391-394; **6** 18-20, 23, 25, 26, 35-37, 39, 42, 45, 48, 52, 55, 56, 60, 62, 68, 84, 91, 101, 103, 104, 112, 113, 123, 127, 130, 142, 145-147, 149, 155, 161, 164, 166, 170, 171, 178, 179, 181, 182, 184, 187, 192, 197, 198, 202, 204, 205, 210, 212, 219, 220, 224, 225, 229, 241, 249, 251, 252, 259, 266, 281, 287, 290, 295, 299, 316-327, 329-368

Акил Хусейн мирза, сын Мухаммад Султан мирзы **5** 62

Ала-ад-дин Хильджи, султан **5** 11, 15, 382

Алам Нохани 6 160

Али Акбар, отец Хамиды Бану, см. Баба Дост

Али Дост Барбеги 6 160, 224, 339

Али Мурад 6 173, 301

Али Мухаммад Асп 6 173, 175, 180, 312

Али Яр 6 263

Али-хан Чак, правитель Кашмира **5** 71, 327; **6** 66

Амин-хан Гори 5 42; **6** 206, 287, 309, 347

Амир Муртаза, см. Мир Муртаза Шарифи

Амир Фатх-ал-лах Ширази, см. Фатх-ал-лах Ширази

Амир Хосров Дехлеви, см. Хосров Дехлеви

Амир-хан Исламабади 6 174

Араб (Шуджаат-хан) **6** 74, 76, 77, 101, 102, 122, 140, 141

Араб Бахадур 5 203, 204, 205, 207, 208, 262; **6** 109, 117, 119, 121, 129, 153, 214

Арам Бану бегим 6 271, 361

Арджан Дас (Санграм Шахи, Санграм Са) **5** 234, 265

Асад-хан Туркаман 6 104, 331

Асаф-хан, см. Ходжа Абд-ал-Маджид

Аскари мирза, сын Бабура (1516—1558) **5** 219, 350; **6** 327

Атага-хан, см. Шамс-ад-дин Мухаммад-хан

Атал Гхаккар 6 244, 267

Аталик Бахадур 6 257

Атам Бахадур 6 313

Атка-хан, см. Шамс-ад-дин Мухаммад-хан

Афак Дивана 5 205; **6** 110

Афлатун, см. Платон

Афрасиаб, сын Мухаммад Хаким мирзы **6** 312

Ашраф-хан, см. Мир Мухаммад Мунши

Баба Дост Мухаммад 5 38, 221; **6** 99

Бабаи Бхакари 6 241

Баба-хан Джаббари 5 58, 260-261; **6** 49, 82, 83, 99, 100, 117, 200, 204, 216, 218, 241, 244, 245

Баба-хан (Бабаи) **Какшал 5** 49, 50, 260, 261; **6** 94, 99, 117, 216, 329

Бабуи Манкали (Манкли) **5** 199; **6** 109, 133, 218, 240, 282, 299

Бабур, см. Захир-ад-дин Мухаммад Бабур

Багха Ратхор 6 267, 288

Бадауни, Мулла Абд-ал-Кадир Мулук Шах **5** 6-11, 13-15, 18-19, 27,

30, 255, 338-348, 350-354, 356, 358-368, 370; **6** 145, 316-318, 320-324, 326, 328-367

Бади-уз-заман, сын мирзы Шахруха **5** 367; **6** 276, 278

Баз Бахадур, сын Суджавал-хана **5** 45, 62, 296, 364

Байрам-хан Хан-ханан (ок. 1510–1561) **5** 11, 39, 93, 215, 281, 380; **6** 90, 211, 235, 330, 351

Баки Кулаби 5 164, 205, 228; **6** 102

Бакир Сафарчи 6 77, 109

Бакир Ансари 6 97, 133, 363

Баки-хан, брат Адхам-хана **5** 163, 218, 284, 292, 356, 363; **6** 77, 213, 224, 267, 355

Бара Мал, см. Бихари Мал

Бахадур Курух 6 200, 227

Бахадур-хан, сын Саида Бадахши **5** 74, 94, 265

Бахадур-хан, правитель Хандеша **5** 21, 22

Бахадур-хан Гуджарати, см. Султан Бахадур

Бахадур-хан Курдар 5 47, 94

Бахадур-хан 6 99, 118, 160

Бахадур-хан, сын Хайдара Шайбани, брат Али Кули-хана

Бахадур-хан Турбати 5 38, 74, 342

Бахарджи 5 69, 70, 343

Бахар-хан Гхаккар 6 267, 299

Бахрам мирза 5 364, 366, 367

Бахт Ниса бегим 6 159, 312, 366

Бек Мухаммад Токбаи 6 221, 243-244, 250, 295, 309

Бехзад, Камал-ад-дин 6 263, 360

Биби (Агаи) **Сарв Кад** (Сарв Сахи) **5** 219

Бидаг-хан Каджар (Шах Будаг-хан) **5** 61-62, 64-65, 279, 333

Бир Бар (Бирбар), см. Бирбал

Бирбал (Бир Бар, Бирбар) **5** 78, 93, 143, 282; **6** 25, 65, 128, 147, 153, 194, 213, 214, 224, 236, 238, 265, 266, 268, 349, 356

Бихари Мал Качваха (Каччваха), раджа **6** 124, 350, 353

Булинд-хан Ходжасера 6 243

Буниадбек-хан 5 212; **6** 243, 250

Бурхан-ал-Мулк Деккани 5 18; **6** 227, 228, 291, 301, 350

Бхагвант (Бхагван, Бхагавант) **Дас**

Каччваха, раджа **5** 46, 49-50, 56, 75, 87, 95, 101, 107, 109, 112-113, 115-116, 142-143, 151, 204, 275, 278, 280, 281, 308, 334, 339, 340, 344, 346, 347, 351, 364; **6** 19, 26, 44, 78, 149, 160, 168, 183, 184, 214, 279, 284, 291, 314, 333, 350, 364

Бхайя Пуран Мал, см. Пуран Мал

Бходж Каитха 5 74, 288, 344

Бходж, сын Сурджана **5** 49

Бхупат Дас, Каччваха **5** 49, 50, 75, 107

Бхупат Чохан 5 185

Ваджих-ал-мулк 5 40, 41, 111, 214, 348

Вазир Джамил (Хан Заман) **5** 163, 212, 260, 340; **6** 83, 96, 99, 111, 125, 126, 218, 244, 260, 305

Вазир-хан, брат Асаф-хана **5** 284, 295-297, 303, 304, 308; **6** 51, 111, 125, 126, 181, 217, 225, 240, 244, 261, 265, 270, 280-292, 298, 332

Ваис Кибчак (Султан Ваис) **5** 225

Вали Атка, см. Шах Вали Атка

Вали бек Зулкадр 6 304, 308

Вали Ниамат, см. Харам бегим

Вафа бек (-хан) **5** 292, 340; **6** 99

Гада Али тулакчи 5 107, 285

Гази-хан Бадахши 5 247, 253, 280, 334, 335; **6** 55, 122, 187, 213

Гази-хан Таннури (Танур, Сур) **5** 205, 352

Гаюр бек (Гайур бек) **6** 173, 313

Гису Дас Ратхор 6 288

Гити-ситани Фирдус-макани (Завоеватель мира, ожидающий в Раю), см. Захир-ад-дин Мухаммад Бабур

Гияс-ад-дин Али из Казвина, см. Гияс-ад-дин Али мирза

Гияс-ад-дин Али мирза, Накиб-хан **5** 18, 75, 76, 94, 143, 145, 151, 163, 251, 275, 308, 344, 352; **6** 164

Гияс-ад-дин Али, **Асаф-хан 5** 46, 246, 253, 275, 285; **6** 25, 46, 301

Гобинд Дас Качваха 5 77

Гуджар-хан Карарани 5 57, 120, 122, 160, 188-191, 197, 355

Гурган, см. Тимур

Давлат (Даулат)-хан **5** 68, 151, 343, 362; **6** 183, 250, 267, 287

Далпат 6 122, 242, 334

Далпат Уджайния 6 121, 334

Даниял, сын Акбара **5** 22, 23, 24, 30, 75, 79, 292, 387; **6** 111, 112, 137, 184, 209, 224, 279, 324, 332

Дарвеш Мухаммад Узбек (Дервиш бек, хан) **5** 81

Дастам-хан 6 122, 123, 334, 335

Дастам-хан Какшал 5 46, 62, 65, 298; **6** 123-124, 281, 299, 363

Дауд Карарани 5 56-60, 120-124, 146, 150, 154, 158-161, 163-164, 168, 170, 176, 183-188, 190-191, 196-199, 237-238, 240, 256-258, 260, 262-263, 265, 325, 326

Дауд, сын Сурджана, фауджда **5** 288-290

Дервиш Али Шахру 6 74

Дервиш Узбек, см. Дарвеш Мухаммад Узбек

Джаббар Кули Дивана 5 190; **6** 160

Джаббари, см. Баба-хан Джаббари

Джаганнатх 5 74, 93, 247, 253-254; **6** 44, 139, 184, 220, 224, 270, 271, 305

Джагат Раи 6 160, 175

Джагат Сингх, сын *куар* Ман Сингха **6** 312

Джагмал (Джаймал) **5** 47, 93, 94, 236, 253, 254, 266; **6** 214, 224, 353

Джагмал Панвар 5 93; **6** 44, 160, 235, 349

Джаджхар-хан Хасахейль 6 139, 175

Джай Тавачибаши 6 102, 332

Джай Чанд 6 153

Джайсу 6 288, 300

Джалал-ад-дин Масауд 6 102, 240, 248

Джалал-ад-дин Мухаммад Акбар (1543—1605), см. Акбар

Джалал-ад-дин Хизр-хан, см. Хизр-хан

Джалал-хан 5 74, 143, 247-248; **6** 159

Джалал-хан Гакхар 5 49

Джалал-хан Курчи 6 315

Джалал-хан Сур (Салим-хан, Ислам-хан, Ислам-шах), сын Шер-хана (прав. 1545—1554) **5** 5, 8-11, 58, 205, 235, 236

Джамал Бахтияр, см. Шейх Джамал Бахтияр

Джамал-ад-дин Хусейн Анджу

(Инджу) **5** 62, 341; **6** 49, 84, 229, 301, 319

Джамал-хан 6 112

Джамал-хан Билуч 6 160

Джамшед-хан Ширази 6 290

Джан Дарвеш-хан 6 169, 250

Джан Мухаммад Бахсуди (Хан Алам), султан, хан **5** 40, 49-50, 58, 83, 122, 136-137, 140, 153-154, 156-157, 163, 165, 188-189, 191, 260; **6** 99, 133, 305

Джафар бек, племянник Асаф-хана **5** 322, 367; **6** 85, 93, 97, 99, 271, 305

Джафар бек, -хан **5** 78, 322, 367; **6** 85, 93, 97, 99, 224, 271, 305

Джаханбани Джаннат-ашияни, см. Хумаюн

Джахангир Али бек 5 226, 229

Джахангир, см. Салим

Дживан-хан Кока 6 130, 208

Джунаид Карарани 5 62, 183-186, 204, 206, 238, 260, 262, 272

Джунаид Марал 6 205

Дост Мухаммад, см. Баба Дост Мухаммад

Дхарм Чанд, см. Рам Чанд Багхела

Зайн-ад-дин Камбу 6 116, 136, 221, 232, 247, 333, 355

Зайн-хан Кокалташ (Кока) **5** 106, 288-290; **6** 25, 65, 145, 169, 213, 217, 224, 238, 244, 252, 291, 313

Захид-хан 6 173, 261, 357

Захир-ад-дин Мухаммад Бабур, Тимурид (1483—1530) **5** 6, 31, 219, 223, 345, 348, 349, 357, 364; **6** 137, 180, 335, 340, 356, 360, 361, 363

Ибрахим Хусейн, сын Мухаммад Султан мирзы **5** 39, 42, 45-47, 49-52, 55-56, 61, 75-79, 110, 295, 342, 343, 348, 356

Иваз Бахадур 6 95, 99

Иваз бек Барлас 6 107

Иса-хан Ниязи 5 151; **6** 298, 359

Искандар-хан Узбек 5 41, 49, 50, 57, 83, 122, 136, 137, 140, 153, 154, 156, 157, 163, 165, 184, 188, 189, 191; **6** 274

Исмаил Кули-хан, брат Хусейн Кули-хана **5** 240, 260; **6** 49, 82, 84, 126, 217, 224

Итимад-хан Ходжасара 5 123, 150, 183, 188, 214, 238, 260, 282, 351,

354, 356, 363; **6** 26, 230, 231, 232, 233, 235, 242, 243, 250, 318, 326, 353, 355

Итимад-хан Гуджарати 5 39-40, 43-45, 111, 307, 339; **6** 112, 213, 221, 224, 230

Итрат-али 6 85, 94

Ихтияр-ал-мулк 5 45, 85, 110, 339; **6** 256

Ишки-хан 6 24, 103

Кази Абд-ал-Латиф 6 177, 180

Кази Абд-ас-Сами 6 190

Кази Али Багдади 5 357, 369; **6** 77, 332, 342

Кази Джалал Мултани 6 190, 346

Кайкубад, старший сын мирзы Мухаммад Хакима **6** 177, 312

Какар Али-хан 6 159

Кала Качваха 6 159

Кала Пахар 5 183, 199, 260, 261; **6** 217

Кальян Раи 6 278, 349, 352

Камал-ад-дин Мухибб Али Халифа, см. Мухибб Али Халифа

Камал-ад-дин Хусейн Систани 6 76, 182, 240

Камал-ад-дин Ширвани 6 218

Камал-хан Гакхар (Гхаккар), сын Султан Саранга **5** 254, 323

Камар-хан 5 143, 183, 197, 308; **6** 102, 130

Карарани, см. Сулейман Карарани

Карм Уллах Камбу, брат Шахбаза **6** 147, 159, 169, 223, 250, 301

Касим-хан 5 93, 143, 256, 281, 308, 325; **6** 38, 103, 149, 163, 182, 194, 213, 224, 241

Касим Али-хан Систани 5 45, 54, 68, 83, 112, 116, 140, 144, 207, 323, 367; **6** 85, 93, 95

Касим Бадахши 6 109, 240

Катлак (Кутлук) **Кадам-хан 5** 188, 198

Кахмард бек, см. Сайид Хашим

Кийя бек Джуан, см. Кийя-хан Ганг

Кийя-хан 5 184, 188; **6** 83, 117, 333, 337

Кийя-хан Ганг 6 142, 333, 337

Кир, см. Хусрав

Кичак Ходжа 6 216, 240, 282

Кул Баба 6 274, 275

Кулидж-хан 5 71, 85, 230, 241, 275,

280, 281, 285, 344, 363; **6** 46, 141, 142, 145, 159, 173, 224, 235, 255, 256, 257, 268, 309, 326, 357

Кули-хан Бирлас (Барлас), см. Мухаммад Кули-хан Барлас

Курбан Али Бихараги 6 150, 233, 288

Курбан бек 6 99

Кутб-ад-дин Мухаммад-хан 5 54, 61-63, 65, 73, 86, 109, 110, 112, 251, 264, 275, 278, 284, 341, 364, 380, 391; **6** 28, 44, 60, 67, 202, 211, 228, 230, 234, 235, 246, 247, 249, 262, 324, 326

Кутб-ад-дин-хан, см. Кутб-ад-дин Мухаммад-хан

Кутб-ал-Мулк 5 312

Кутлу Карарани 6 142, 200, 219, 240, 241, 261, 265, 350

Кутлу Нохани (Лохани) **6** 216, 217, 225, 226, 227

Кучак Али-хан, см. Качак (Кичик) Али

Кхангар, правитель Куча **6** 300, 310, 358

Ладли бегим 5 30

Латиф Ходжа 6 177, 180, 213, 224

Лашкар-хан, мир бахши **5** 186, 188, 189, 192; **6** 99, 177

Лашкар-хан, см. Султан Али

Лохар Чак, двоюродный брат Юсуф-хана **6** 113, 332

Мадан Чохан 6 159, 288

Маджнун-хан Какшал 5 58, 121, 137, 153

Мадху Сингх 5 75, 143, 247, 253; **6** 112, 175

Мадхукар, раджа **5** 130, 296, 322, 349, 364, 367; **6** 43

Макбил-хан, см. Мукбил-хан

Максуд Ака 6 44, 244, 267

Максуд Али Кор 6 26, 99, 318

Малдео (Рай Малдео) **5** 6, 75, 94, 103, 135, 172, 247, 349, 350, 364; **6** 113, 219, 235, 353

Малик Али 6 66, 144, 146

Малик Ашраф (Ашрак) **5** 47, 214, 339

Малик Барид 6 92

Малик Сани 6 144, 146, 337

Ман Сингх, *куар* **5** 38-39, 46, 49, 71, 74, 82-83, 87, 111, 116, 117, 142, 246, 252, 253, 254, 267, 275, 281,

306, 308, 334, 344, 345, 358, 359; **6** 19, 25, 66, 78, 136, 143, 145, 146, 149, 159, 160, 175, 177, 183, 278, 279, 304, 306, 311, 312, 363

Ман Сингх Дарбари 5 94, 103, 107, 347; **6** 160

Мангали-хан (Манкали), см. Сулейман Манкали

Маст Али 6 275

Масум-хан Кабули 5 46, 65, 234, 259; **6** 67, 74, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 109, 117, 118, 119, 123, 129, 130, 200, 205, 216, 217, 218, 240, 241, 280, 282, 295, 297

Масум-хан Фаранхуди 5 62; **6** 67, 75, 76, 77, 101, 102, 115, 118, 122, 123, 153, 181, 184, 189, 199, 206, 241, 242, 261, 263, 335

Матлаб-хан, см. Абд-ал-Матлаб-хан

Матталиб-хан, см. Абд-ал-Матлаб-хан

Матхур Дас 6 173, 184

Маулана Абд-ал-лах Султанпури (Махдум-ал-мулк), см. Абд-ал-лах Султанпури

Маулана Джалал-ад-дин, см. Пир Мухаммад-хан Ширвани

Маулана Мухаммад Ези 6 67, 104

Маулана Пир Мухаммад Ширвани, см. Пир Мухаммад-хан Ширвани

Маулана Тайиб-хан 6 73, 77, 122, 327

Мах Джуджак (Чучак) бегим **5** 225, 226; **6** 315, 336

Махди Султан, брат Хизр Ходжи-хана **6** 267

Махдум-ал-мулк, см. Абд-ал-лах Султанпури

Махмуд Барха 5 46, 56, 91, 105

Махмуд-хан Хос (Хавас) **6** 30, 226

Махсус-хан 5 87, 250; **6** 159, 172, 180, 213, 217, 224

Медни Рай 6 235, 250

Мехтар Сумбул Сафдар-хан (Михтар Сумбул) **5** 30, 247, 253

Миян Бахадур Узбек 6 235, 250, 257

Мир Абд-ал-Латиф, см. Абд-ал-Латиф

Мир Абд-ал-лах, Асаф-хан, мир бахши **6** 173, 234, 301, 314, 331, 342

Мир Абид 6 231, 352

Мир Абу Исхак 6 86

Мир Абу Тураб 5 40, 45, 100, 307, 365

Мир Абу-л Гаис 6 241

Мир Абу-л Касим 6 130, 154, 351

Мир Абу-л Маали, см. Сайид Абу-л Маали

Мир Абу-л Музаффар, сайид **6** 77, 102, 217, 221, 243, 267

Мир Азиз-ал-лах, см. Мирза Азиз-ал-лах

Мир Али Акбар 6 74, 104

Мир Али Аламшахи 6 92

Мир Газнави, см. Шамс-ад-дин Мухаммад

Мир Гесу (Сайид Махмуд Гесу Дараз) **5** 148, 351

Мир Гесу Хорасани 6 236

Мир Гияс-ад-дин Али, см. Гияс-ад-дин Али мирза, Накиб-хан

Мир Джамал-ад-дин Хусейн Анджу, см. Джамал-ад-дин Хусейн Анджу

Мир Дост Мухаммад, см. Баба Дост Мухаммад

Мир Имад 6 78, 272, 273, 275

Мир Калан 5 128; **6** 99, 182, 275

Мир Масум Бхаккари 6 221, 232, 244, 250, 258, 267

Мир Муизз-ал-Мулк 5 222, 259, 260; **6** 74, 104

Мир Мунши, см. Мир Мухаммад Мунши

Мир Муртаза Сабзавари 6 290

Мир Мухаммад Дастам 6 242

Мир Мухаммад Касим, см. Мухаммад Касим-хан Нишапури

Мир Мухаммад-хан Калан (Килан), брат Шамс-ад-дина Атки **5** 38, 47, 73, 75, 87, 91, 92, 98, 99, 112, 241

Мир Мухибб-ал-лах 6 243, 244, 309

Мир Низами 5 225, 226

Мир Рафи-ад-дин из Нишапура 6 93, 315

Мир Салих 6 221, 243, 250

Мир Сикандар 6 150

Мир Султан Ваис Кибчак, см. Ваис Кибчак

Мир Фарагат, см. Тахир Мухаммад-хан Мир Фарагат

Мир Хабиб Уллах, см. Хаджи Хабиб-ал-лах Каши

Мир Халифа, см. Али Халифа

Мир Хашим, см. Сайид Хашим

Мир Шараф-ад-дин 6 221, 241, 244, 250

Мир Шариф 5 143, 145, 251, 317; **6** 222

Мир Юсуф бек (-хан) **6** 231, 291

Мир Ясавал-хан 5 40

Мирак Афзал 6 247, 267

Мирак бек (Бадахши) **6** 233

Мирак Йилак (Атга-хан) **6** 233

Мирак Хусейн, брат Араба Ханджахани **6** 205

Мирак Юсуф 6 267

Мираки-хан 6 83, 92

Мирак-хан Кулаби 5 75, 76, 116

Мирза Азиз Мухаммад Кокалташ 5 43, 45, 54, 73, 74, 85, 86, 87, 100, 105, 106, 108, 109, 110, 111, 113, 133, 141, 171, 221, 245, 344; **6** 43, 50, 103, 104, 116, 120-123, 131, 182, 186, 187, 189, 190, 193, 199, 204, 213-214, 216, 218, 219, 225, 229, 245, 248, 260, 266, 301, 321, 331, 334, 343

Мирза Али 5 57, 83, 122, 154, 157, 163, 188, 203

Мирза Араб 6 99

Мирза бек Какшал 6 93, 99, 216, 218, 240, 241, 242, 260, 261

Мирза бек, племянник Ходжа Джахана **6** 218

Мирза Ибрахим 5 224, 315

Мирза Кока, см. Азиз Мухаммад Кокалташ

Мирза Мухаммад Какшал 5 58, 188, 318, 324, 392; **6** 218, 270

Мир Ниябат (Ниджабат)-хан **5** 284; **6** 49, 125, 126, 129, 130, 139, 141, 153, 154, 199, 333, 335, 345

Мирза Фулад, сын Худадад Барласа **5** 299, 364

Мирза Хасан-хан, см. Хасан-хан, брат Шихаб-ад-дин Ахмад-хана

Мирза Хизр-хан Хазара, см. Хизр-хан Хазара

Мирза Шах султан, см. Мухаммад Султан мирза, сын Улуг Мирзы

Мирза Шах Хусейн бек, см. Шах Хусейн бек

Мирза Юсуф, см. Юсуф Мирза

Мирзада Али-хан 5 90, 143, 165, 205, 259, 281; **6** 44, 103, 216, 217, 240, 270, 281, 282

Мириам-макани, см. Хамида Бану

Мир-хан 5 40

Мискин Али 6 124

Михр Али-хан Силдуз 5 62, 65, 209, 228, 230, 295, 296, 303, 304, 305, 326; **6** 76, 99, 116, 118, 130, 273, 277

Михтар-хан 5 202, 247, 253, 361; **6** 102, 109, 130, 181

Миян Бахадур 6 235, 250, 257

Мота раджа, Удай Сингх Ратхор, правитель Марвара (1538–1595) **5** 298, 350, 364, 367; **6** 220, 250, 267, 350

Мохан 6 124

Мохан Дас 6 124, 261

Мубарак Кадам 5 149

Мубарак Нагори, шейх, отец Абу-л Фазла **5** 5-6, 9, 11-13, 15-17, 19-20, 29-31, 82, 138, 345, 350; **6** 323

Мубариз-хан, см. Мухаммад Адил

Муджахид Камбу 5 247, 306, 307; **6** 270

Муджахид-хан Мултани 5 40, 41, 147, 148, 280

Музаффар Али, см. Ходжа Музаффар Али Тарбати

Музаффар бек 6 85

Музаффар Гуджарати 6 248, 267, 286

Музаффар Кока 6 312

Музаффар-хан Могол 5 40, 65, 74, 87, 111, 116, 117, 118, 141, 164, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 248, 259, 260, 273, 278, 285, 286, 305, 320, 340, 342, 348, 355, 359, 368, 380; **6** 75, 81, 84-86, 90, 93-95, 97-99, 101, 109, 191, 330

Музаффар Хусейн мирза 5 52, 293, 295, 297, 303, 305, 327, 356, 364; **6** 43, 49, 78, 202

Музаффар шах, см. Нанну

Музаффар-хан Турбати, см. Ходжа Музаффар Али Турбати

Муизз-ал-Мулк 6 104

Муйид-бек 5 106, 280; **6** 104, 224, 301

Муин-ад-дин Ахмад-хан Фаранхуди, см. Муин-хан Фаранхуди

Муин-ад-дин Чишти, см. Ходжа Муин-ад-дин Чишти

Муин-хан Фаранхуди 5 62, 83, 163, 238

Мукаммал бек Сармади 6 250

Мукат Манн, раджа 6 250, 267

Мукбил-хан (Макбул, Макбил) **5** 47, 50, 183; **6** 29

Муким мирза 5 40, 63, 85, 285, 286

Мукунд Део, раджа **6** 117

Мукут Сен 6 154, 175

Мулла Абд-ал-лах Султанпури, см. Абд-ал-лах Султанпури

Мулла Нур-ад-дин Мухаммад Тархан, см. Нур-ад-дин Мухаммад Тархан

Мулла Хасан, см. Ходжа Хасан Накшбанди

Муним Мухаммад Касим-хан из Нишапура, см. Мухаммад Касим-хан из Нишапура

Муним-хан Хан-ханан 5 21, 38, 56-60, 83, 112, 118, 120-123, 130, 136, 137, 140, 144-146, 150-151, 153-154, 159-163, 166, 168-170, 179, 183, 185-193, 197-200, 203-204, 206, 212-213, 216, 222, 237-239, 260, 263, 278, 380; **6** 230, 334

Мурад бек (-хан) **5** 263; **6** 83, 117

Мурад Какшал 6 99, 242

Мурад, сын Акбара **5** 16, 20-21, 218, 310, 327, 387; **6** 50, 107, 159, 169, 171, 180, 181, 209, 223, 273

Мурад Ходжа, см. Ходжа Мурад бек из Казвина

Мурад-хан, см. Мухаммад Мурад мирза

Муртаза Кули Туркаман 6 83

Муртаза Низам-ал-Мулк 6 227, 228, 289, 350, 351

Муса Бахлим 6 236

Мустафа Ширвани 6 233, 256

Мустафа, см. Сайид Мустафа

Мутталиб-хан, см. Абд-ал-Мутталиб-хан

Мухаммад Али Арлат 6 96

Мухаммад Али Асп 6 176, 180

Мухаммад Али Хазанчи 6 223

Мухаммад Амин Бадахши 6 234

Мухаммад Амин Дивана 5 322, 326

Мухаммад Байрам-хан Хан-ханан, см. Байрам-хан Хан-ханан

Мухаммад Баки-хан Баглани, см. Баки Мухаммад-хан Баклани

Мухаммад бек 6 99

Мухаммад бек Таклу 6 160

Мухаммад Дастам, см. Мир Мухаммад Дастам

Мухаммад Заман, сын мирзы Шахруха, двоюродный брат Мирза Юсуф-хана **5** 94, 331; **6** 149, 253, 273, 276, 357

Мухаммад Касим-хан, мир бахр, см. Касим-хан

Мухаммад Кули бек Тукбай 5 62, 89, 91, 101, 183, 188, 197; **6** 41, 78, 130, 218

Мухаммад Кули Туркаман 6 85, 99, 204, 205

Мухаммад Кули Могол 6 250, 273

Мухаммад Кули Шигали 5 227-231; **6** 273

Мухаммад Кули-хан Барлас (Бирлас) **5** 38, 58, 59, 74, 121, 153, 163, 183, 185, 206

Мухаммад Махди Ходжа, см. Махди Ходжа

Мухаммад Могол 6 250

Мухаммад Мурад мирза (хан) **5** 62, 63, 65, 74, 183, 238, 260, 262

Мухаммад Садик-хан 5 38, 41, 48, 52, 91, 110, 114, 142, 151, 164, 167, 214, 216, 234, 290, 298, 322, 323, 324

Мухаммад Салих 5 28

Мухаммад Султан Узбек 6 272-274

Мухаммад Тукбай, см. Мухаммад Кули Тукбай

Мухаммад Хаким мирза, сын Хумаюна, брат Акбара **5** 170, 227, 232, 318, 357; **6** 78, 79, 99, 100, 135, 137, 143, 146, 149, 153, 157, 165, 237, 264, 265, 272, 274, 276, 278, 279, 303, 312, 329, 337, 338, 340-342, 362, 368

Мухаммад Хусейн мирза, сын Мухаммад Султан мирзы **5** 45, 55, 60, 61, 69, 85, 86, 89, 96, 98, 101, 103, 105, 106, 107, 108, 109, 130; **6** 136, 336

Мухаммад Хусейн Шейх 5 75, 76, 265; **6** 256

Мухаммад-хан 5 39; **6** 66, 175, 305

Мухибб Али Рохтаси 6 296, 298, 299, 353

Мухибб Али Халифа, сын Али Халифы (Мухибб Али-хан) **5** 78, 147, 148, 259, 284, 306, 360; **6** 25, 75-77, 101, 102, 115, 116, 118, 122, 199, 204, 205, 216, 218, 221, 241, 242-244,

263, 269, 280-282, 353

Мухибб Али-хан, см. Мухибб Али Халифа

Мухтар бек 6 103, 301

Над Али 6 150

Назир (Назр, Назар) Бахадур **5** 59, 184, 238

Назир Даулат 6 298

Накиб Дивана 6 160

Накиб-хан, см. Гияс-ад-дин Али мирза

Нанну, сын Султан Махмуда Гуджарати **6** 230-232

Нараин Дас Гелот 6 86, 250

Насиб Туркаман 6 109, 235, 250

Насир-ад-дин Мухаммад Хумаюн, сын Бабура, отец Акбара (1508—1556), см. Хумаюн

Насир-ал-мулк, см. Пир Мухаммад Ширвани

Наулака, мать Дауда **6** 41, 75

Науранг-хан 5 62, 63, 65, 86, 112, 284; **6** 29, 160, 173, 174, 213, 224, 235, 255-257, 268, 286, 287, 314, 355, 357

Науруз Али Какшал 6 270

Ниджат-хан, см. Мир Ниябат

Низам-ад-дин Авлия (Аулийя), шейх (1236—1325) **5** 326, 351, 368

Низам-ад-дин Али Халифа, см. Али Халифа

Низам-ад-дин Ахмад, бахши **5** 148, 339, 340, 344, 345, 346, 355, 359, 362, 363, 365; **6** 146, 221, 232, 233, 242-244, 250, 258, 267, 286-287, 309

Низам-ад-дин Дервиш Мухаммад Сарбан, см. Дарвеш Мухаммад

Низам-ал-мулк из Декана 6 67, 222, 228, 229, 289, 290

Ниябат-хан (Араб), сын Мир Хашима из Нишапура **5** 183, 351; **6** 267

Нур Кулидж 5 285, 286; **6** 160

Нур Мухаммад, сын Тархана **6** 214, 313, 347

Нур Мухаммад Ходжа Хизри 6 174, 213

Нурам бек, сын Тархана **6** 118, 175

Паянда Мухаммад Сагкаш (Хан Джахан) **5** 58; **6** 233, 234, 352

Паянда Мухаммад-хан Могол 5 308; **6** 114

Пак Дас 6 147

Патр Дас (Рай Паттар Дас) **5** 25, 346; **6** 49, 85, 86, 98, 109, 216, 321

Пахар-хан 6 130, 182, 240, 243

Пешрау-хан 5 143, 249, 268, 269, 271, 360, 361; **6** 67, 116, 270

Притхвирадж Ратхор 5 135

Пуран Мал из Гидхаура 5 168; **6** 297, 359, 366

Рагху Дас 5 103, 110

Раджа Аскаран 5 281, 298, 367; **6** 77, 102, 159, 224, 291, 301

Раджа Бирбар, см. Бирбал

Раджа Бхагвант Дас Каччваха, см. Бхагвант Дас Каччваха

Раджа Гопал 5 74, 135, 260, 344

Раджа Тодар Мал, см. Тодар Мал

Разави-хан 5 65, 162, 345

Раи Лонкаран 5 247, 282, 298, 313

Рай Малдео, см. Малдео

Рай Парманaнд 5 120, 322

Рай Патр (Паттар) Дас, см. Патр Дас

Рай Пурахотам 5 181; **6** 73

Рай Раи Сингх, сын Рай Калиян Мала **5** 39, 75, 76, 87, 105, 108, 109, 135, 136, 172, 247, 274, 275, 285, 283; **6** 137, 159, 184

Рай Сал Дарбари 6 188, 220, 223

Рай Сурджан, см. Сурджан

Рам Дас Качваха 5 94, 349: **6** 270

Рам Сах 5 324, 359

Рам Чанд Багха (Багхела) **Ратхор**, раджа **5** 94, 288

Рана Пратап, Рана, Махарана Пратап Сингх из Мевара (1549–1597) **5** 254, 275, 280, 281, 283, 359; **6** 44, 108, 270, 271, 305, 306

Рахман Кули-хан, кушбеги **5** 282, 329, 368

Рустам-хан 5 46, 340

Саадат Яр Кока 5 31, 277, 362

Сабдал-хан, см. Мехтар Сумбул

Садик-хан, см. Мухаммад Садик-хан

Садр-хан, см. Хизр-хан

Саид бек 5 227

Саид бек Бадахши 5 197, 228

Саид-хан 5 79, 87, 110, 250, 292, 345

Сайид Абд-ал Хади 6 102, 226

Сайид Абд-ал-лах-хан 5 74, 143, 188, 255, 257, 258, 263, 343; **6** 103, 130, 216, 217, 240, 270, 281, 283

Сайид Абу Исхак Сафави 6 85, 86, 221, 244

Сайид Абу-л Маали, сын Сайид Мубарака **6** 77, 102, 130, 202, 339, 353

Сайид Али Муртаза, см. Мир Муртаза Шарифи

Сайид Ахмад Барха 5 39, 61, 236, 247

Сайид Ахмад-хан, см. Сайид Ахмад Барха

Сайид Баха-ад-дин 5 63, 85, 86; **6** 172, 177

Сайид Касим 5 247, 308

Сайид Махмуд-хан Барха, см. Махмуд Барха

Сайид Музаффар 5 71, 343

Сайид Мухаммад Мауджи 5 129, 143

Сайид Мухаммад Махди Ходжа, см. Махди Ходжа

Сайид Мухаммад Мир Адил 5 234

Сайид Хамид Бухари, внук Сайид Мубарака **5** 40, 46, 86, 302

Сайид Хашим Барха 5 247, 253, 273, 282, 296; **6** 114, 125, 221, 235, 250, 251, 267, 361

Сайид Хашим Бухари 6 182

Сайид Хусейн Ханг-сувар 5 307

Сайид Шах Али 5 307

Сайф-ал-Мулк 5 308

Саиф-хан Кока (Кокалташ), сын Ходжа Максуда **5** 55, 90, 93, 105, 110, 124

Салим (тронное имя Джахангир), сын Акбара **5** 17, 19, 21, 23-25, 31-32, 127, 128, 147, 219, 302, 310, 345, 388; **6** 19, 22, 60, 109, 137, 169, 180, 193, 201, 209, 223, 241, 284, 285, 288, 344, 352

Салим Чишти, шейх **5** 11, 80, 365

Салим-хан Какар 5 49

Салим-хан Харвар 5 190

Салих 6 116, 298, 343

Салих Акил 6 187, 224

Салих Бадахши 6 234, 250

Салих Дивана 6 206

Салих Кундузи 6 233

Салих Миана 6 288

Салих, сын Вазир-хана **6** 298

Санвал Дас, сын брата раджи Гопал Джадуна **5** 94, 346

Санграм 5 168, 268, 269; **6** 110, 242, 296, 297

Санграм Са, см. Аман Дас

Санграм Шахи, см. Аман Дас

Санграм-хан, см. Джаджхар-хан

Сафдар-хан, см. Мехтар Сумбул

Сахиб Каран Кутбу-д-дуния ва-д-дин Амир Тимур Гурган, Сахиб Карани (Кирани), см. Тимур

Сикандар Лоди (прав. 1489—1517**) 5** 5

Сикандар Чакни 6 103, 218, 240

Сикандар-хан Узбек, см. Искандар-хан Узбек

Субхан Кули Турк 5 98, 99, 106, 172; **6** 67, 216, 229, 301

Сулейман Афган 5 137, 183

Сулейман Карарани, правитель Бенгалии **5** 37-38, 56, 57, 119, 120, 121, 122, 338

Сулейман Кули 5 137, 206

Сулейман Манкали 5 183, 184

Сулейман мирза, сын Султан Ваис хана, Чагатаид **5** 221, 223-228, 230-232, 239, 241, 298, 318, 319, 357; **6** 77, 135, 137, 272-278, 328, 361, 362

Сулейман Узбек 5 57

Султан Адам Гхаккар (Гакхар) **5** 184

Султан Ваис Кибчак, см. Ваис Кибчак

Султан Даниял, см. Даниял

Султан Джалал-ад-дин, см. Хизр-хан

Султан Махмуд из Гуджарата 5 8

Султан Салим, см. Салим (Джахангир)

Султан Сулейман мирза, см. Сулейман мирза, Чагатаид

Султан Ходжа 5 87, 281, 362; **6** 45, 184, 266

Султан Ходжи Накшбанди 5 277

Сумбул-хан, см. Мехтар Сумбул

Сурадж Сингх 5 23

Сурджан 5 234, 265, 288, 289, 363; **6** 23, 77, 102, 160, 217, 224, 306

Тайиб-хан 5 91, 142, 172; **6** 77, 122

Тангри (Тенгри) **Кули Барди**, кушбеги **5** 57, 58, 59, 121, 204, 212, 228

Тарсун Мухаммад-хан 5 273, 274; **6** 46, 67, 77, 101, 102, 115, 121, 129, 130, 198, 218, 240, 241, 245, 261, 263, 282, 335, 360

Тарсун-хан, см. Тарсун Мухаммад-хан

Тархан Дивана 5 91, 101, 259; **6** 103, 118, 200, 270, 295, 296, 349

Татар-хан 5 38

Тахир Мухаммад-хан Мир Фарагат 5 308

Тахмасп I Сефеви (Сафави), шах (1514—1576) **5** 8, 39, 316, 317, 319, 339, 364, 367

Тимур Бадахши 5 275, 278, 285

Тимур Гурган (Тамерлан) (1336—1405) **5** 25, 315

Тодар Мал, раджа **5** 53, 83, 87, 114, 116, 118, 120, 121, 123, 133, 151, 152, 162, 163, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 190, 197, 198, 199, 234, 240, 259, 260, 261, 264, 278, 282, 284, 295, 296, 297, 302, 303, 305, 312, 320, 341, 349, 357, 364, 365, 382;

6 23-26, 65, 70, 76, 77, 102, 111, 115, 118, 119, 122, 129, 146, 147, 183, 194, 195, 213, 224, 291, 297, 305, 332-334, 342-346

Тулак-хан Кочин (Каучин, Кучин) **5** 333

Удай Сингх, рана **5** 350, 364

Улугбек-хан Хабши 5 40, 214, 298, 323, 324

Фазиль хан, брат Муним-хана **5** 87

Фарид Шакаргандж (Ганджшакар) **5** 326, 331

Фарид Шер-хан (Шер-шах) Сур (прав. 1540—1545) **5** 39, 374, 381, 392, 393

Фаридун, дядя Мухаммад Хакима **6** 78, 99, 171-174, 245, 308, 312-313

Фархад (Фархат)**-хан**, см. Михтар Сакаи

Фатту Афган 5 198

Фатх-ал-лах Шербатдар 6 29

Фатх-хан Патни (из Патны)

Хабиб Али-хан, сын Мухибб Али-хана (Рохтаси) **6** 205, 296

Хаджи бегим (Бега бегим), жена Хумаюна **5** 129, 219, 342, 349, 356

Хаджи Ибрахим Сирхинди 5 18

Хаджи Мухаммад-хан Систани 5 164, 189, 199, 238

Хаджи Таман 5 227, 228

Хаджи Хабиб-ал-лах Каши (Хаши) **5** 219, 321; **6** 160, 163, 213, 224, 250, 341, 346

Хаджи Юсуф 5 49, 163, 190, 238

Хаджи-хан Систани, см. Хаджи Мухаммад-хан Систани

Хайбат Карарани 5 164, 202

Хайдар-хан 5 163, 238

Хайдар Али 5 224

Хаким Абу-л Фатх (Асаф-хан) **5** 216, 217

Хаким Аин-ал-мулк 5 40, 43, 45, 87, 143, 146, 299; **6** 146, 153, 183, 199, 224, 330, 332, 345

Хаким-ал-мулк, см. Шамс-ад-дин Хаким-ал-мулк

Халдин 5 183

Халдин (Азим-хан) **5** 116, 154

Халифа, см. Али Халифа

Хамзабан 5 68, 343

Хамида Бану бегим, мать Акбара **6** 19, 137, 184, 199, 239, 260, 308, 314, 343, 346-348

Хан Азам Мирза Азиз Кокалташ, см. Мирза Азиз Кокалташ

Хан Азим Мирза Кока, см. Мирза Азиз Кокалташ

Хан Алам, см. Искандар-хан Узбек

Хан Баба, см. Джан Баба

Хан Баки-хан, см. Джан Баки-хан

Хан Джахан, см. Хусейн Кули-хан

Хан Заман, см. Али Кули Шайбани

Хан Килан (Калан), см. Мир Мухаммад-хан Калан

Хан Харрам султан (хан) **5** 77, 78

Ханзада Мухаммад (Шах-и-лаундан) **5** 188, 189

Ханзада ханим 6 278

Ханим 6 22, 50, 274

Хан-ханан Дилавар-хан Лоди, Юсуфхайль **5** 47

Харам (Хуррам) **бегим**, жена Сулейман мирзы **5** 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 357

Хасан-хан Патни (Батани), брат Фатх-хана **5** 137

Хасан-хан Хазанчи 5 85

Хизр (ал-Хадир) **5** 5

Хизр Ходжа-хан (Хизр-хан Султан) **5** 219, 356, 381

Ходжа Абд-ал-лах, сын Ходжа

Ахрара, см. Ходжаган Ходжа

Ходжа Абд-ал-лах, сын Ходжа Мухаммада Закарии **5** 47, 48, 93, 183, 186, 188, 190, 248

Ходжа Абд-ал-Маджид, Асаф-хан **5** 47, 91, 93, 100, 113, 116, 181, 247, 253, 275, 285, 320, 360, 381

Ходжа Абд-ас-Самад Ширин Калам 5 320

Ходжа Абу-л Хасан 5 22

Ходжа Гияс-ад-дин Али, см. Гияс-ад-дин Али Асаф-хан

Ходжа Имад-ад-дин Хусейн 5 320

Ходжа Музаффар Али Турбати (Музаффар-хан Тарбати) **6** 48, 233, 234

Ходжа Муин-ад-дин Ахмад-хан Фаранхуди, см. Муин-хан Фаранхуди

Ходжа Муин-ад-дин Чишти 5 40

Ходжа Муким 5 148

Ходжа Низам-ад-дин Али Халифа, см. Али Халифа

Ходжа Низам-ад-дин Ахмад Бахши, см. Низам-ад-дин Ахмад

Ходжа Пхул Малик, Мухаммад-хан, см. Итимад-хан

Ходжа Рафи 6 250, 267

Ходжа Рашиди, см. Ходжа Султан Мухаммад Рашиди

Ходжа Фатх-ал-лах 6 28, 44, 301

Ходжа Халифа, см. Али Халифа

Ходжа Хасан Накшбанди 5 234; **6** 168

Ходжа Хусейн 5 277

Ходжа Шамс-ад-дин Хафи 5 116, 164, 202, 203, 205, 207, 208, 211, 212; **6** 85, 93, 94, 96, 99, 109, 116, 161, 312

Ходжа Шах Мансур 5 179, 270, 278, 279, 290, 320; **6** 27, 38, 70, 84, 110, 125, 143, 145, 147, 230, 338, 339, 341

Ходжа Яхья Накшбанди 5 296; **6** 46, 201

Ходжаган Ходжа, сын Ходжа Ахрара **6** 46, 321

Ходжаги Фатх Уллах 6 270, 280, 281

Худадад Барлас 5 164, 203, 207, 209, 211, 212

Хумаюн, Джаханбани Джаннат-ашияни **5** 11, 129, 219, 320, 341, 346,

349, 353; **6** 27, 135, 184, 188, 305, 336, 339, 343

Хусейн Кули султан, см. Хусейн Кули-хан

Хусейн Кули-хан (бек), мухрдар, Хан Джахан **5** 77, 82, 83, 87, 171, 233, 237, 240, 241, 249, 250, 255, 256, 258, 259, 260, 262, 263, 264, 345, 360

Хусейн Низам-ал-Мулк, см. Низам-ал-Мулк

Хусрав 5 31

Чандар Сен, сын Малдео **5** 135, 136, 172, 235, 247, 349, 350; **6** 113, 353

Чанд-хан Деккани 6 175

Чингиз-хан из Гуджарата 5 69, 73, 344

Чучак (Джуджак) **бегим**, см. Мах Джуджак бегим

Шамсаниса бегим 6 204

Шамс-ад-дин Хаким-ал-мулк 6 55, 112, 146, 229, 332

Шамшер-хан Котвал 6 73, 76, 224

Шараф-ад-дин Хусейн, мирза, сын Ходжа Муина **5** 40, 69, 245, 344; **6** 97, 100, 109, 117, 123, 216

Шариф-хан 5 280, 295, 334; **6** 107, 213

Шах Абу-л-маали (Шах Абу-ал-маали) **5** 17

Шах Барди 5 238

Шах бек Кулаби 6 175, 312

Шах Будаг-хан, см. Бидаг-хан Каджар

Шах Исмаил, сын Шах Тахмаспа **5** 8, 307, 316, 317

Шах Касим Бадахши 6 240, 282

Шах Кули-хан Махрам 5 46, 49, 50, 52, 56, 74, 89, 112, 135, 235, 240, 247, 330, 331, 341, 347; **6** 24, 111, 128, 138, 184, 199, 206, 213, 216, 227, 241, 269, 281, 282, 296, 300

Шах Мирза 5 55, 61, 62, 110, 112

Шах Мурад, см. Мурад, сын Акбара

Шах Мухаммад-хан Кандагари 5 58, 62, 63

Шах Мухаммад мирза, сын Шахруха **6** 276, 278, 331, 362

Шах Тахир Бадахши 5 188, 197, 238

Шах Фахр-ад-дин Машхади 5 39-40, 62, 91, 279

Шах Халил-ул-лах 5 188, 197, 238

Шах Ходжа 5 277

Шахам Али 6 150

Шахам-хан Джалаир (Шахам бек, Шахам-хан) **5** 54, 56, 156, 163, 186, 188, 191, 197, 238, 260; **6** 74, 101, 102, 122, 182, 199, 331

Шахбаз-хан 5 206, 247, 248, 249, 250, 268, 271, 272, 273, 284, 308, 311, 334, 335, 340, 341, 344, 348, 352, 353, 383;

6 23, 44, 51, 65, 108, 116, 121-123, 129-131, 138, 140, 141, 146, 147, 160, 181, 184, 187, 199, 212, 213, 219, 224, 240-242, 244, 260, 261, 263, 265, 268-270, 280-282, 296-298, 301, 305, 333-336, 339, 343, 348, 353-355, 359, 360, 363, 367

Шахрух мирза 5 21, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 239, 298, 315, 357, 358; **6** 22, 51, 77, 78, 237, 264, 272-279, 312, 328, 361-363

Шейх Абд-ун-Наби (Шейх-аль-ислам), см. Абд-ун-Наби

Шейх Абу-л Файз Файзи, см. Абу-л Файз Файзи

Шейх Джамал Бахтияр 5 209, 226, 367, 368; **6** 104, 105, 112, 126, 159, 173, 180, 182, 194, 213, 217, 280, 335, 341

Шейх Джунаид 5 308

Шейх Ибрахим 5 87, 311, 365

Шейх Мухаммад Бухари 5 46, 61, 62, 63, 124

Шейх Низам-ад-дин Авлия, см. Низам-ад-дин Авлия

Шейх Фарид Бухари, бахши **6** 122, 181, 199, 216, 226, 240, 244, 291

Шейх Хизр 5 5

Шейх Хусейн, маулана **5** 228

Шейх Якуб Кашмири 6 206, 283

Шер бек *тавачи баши* **5** 54, 61, 145, 151; **6** 217

Шер Мухаммад Дивана 5 205

Шер Ходжа 6 150, 173, 338

Шер-хан Афган, см. Фарид Шер-хан Сур

Шер-хан Сур, см. Фарид Шер-хан Сур

Шер-хан Фулади 5 39, 40, 62, 64, 85, 86, 92, 113, 340; **6** 234, 242, 243, 250, 267, 268

Шер шах, см. Фарид Шер-хан Сур

Шимал-хан 5 135, 235, 236, 247, 285

Широйя-хан 6 29, 158, 217, 235, 250

Шихаб Бадахши 6 92

Шихаб-ад-дин Ахмад-хан 5 114, 142, 250, 279, 284, 308, 365; **6** 30, 46, 51, 206, 221, 230-234, 243, 250, 257, 291, 301, 347, 355

Шихаб-ад-дин-хан, см. Шихаб-ад-дин Ахмад-хан

Шихаб-хан, см. Шихаб-ад-дин Ахмад-хан

Шри Рам, брат Рай Раи Сингха **5** 272, 273, 391

Шуджаат-хан, см. Суджавал-хан

Юсуф Мирза султан, хан **5** 77, 78, 87, 93

Юсуф Мухаммад-хан Кокалташ, брат Азиза Кокалташа, сын Атка-хана **5** 57

Юсуф-хан Чак 6 66, 78, 113

Юсуф-хан, см. Мирза Юсуф-хан

Якуб, сын Юсуф Чака **6** 306, 313, 331

Яр Али Билуч (Балуч) **6** 224, 263

Яр Али бек Туркаман 5 39

Яр Али Назир-и-Биютат 6 167

Яр бек Мухаммад 5 64, 184, 185, 188, 193, 204, 337; **6** 99, 275, 278

Яр Мухаммад Ахунд 5 336

Яри Тавачи 5 369

Список миниатюр и фотографий

1. Хумаюн и Акбар с приближёнными. Фрагмент. Могольская школа. Середина XVII века. ИВ РАН (СПб.).
2. Лахорская крепость Шахи-кила в наши дни. Парадные ворота. Пакистан.
3. Дворец-крепость Амбер. 1592. Джайпур, Раджастхан, Индия.
4. Агра. Красный форт. Крепостная стена. Ворота Амар Сингха. XVI–XVII века. Уттар-Прадеш, Индия.
5. Агра. Красный форт. Крепостная стена. XVI–XVII века. Уттар-Прадеш, Индия.
6. Агра. Красный форт. Джахангир-Махал. XVI–XVII века. Уттар-Прадеш, Индия.
7. Агра. Красный форт. Наккар-хана. XVI–XVII века. Уттар-Прадеш, Индия.
8. Резная панель. Красный песчаник. Конец XVI–XVII века. Агра, Индия.
9. Дом Мириам-макани, матери Акбара. Фатехпур Сикри, Индия.
10. Форт Джунагарх. Биканер. XVI–XVII века. Раджастхан, Индия.
11. Крепость Рохтас. Бихар, Индия.
12. Крепость Мехрангарх. Джодхпур. XV–XVII века. Раджастхан, Индия.
13. Крепость Гвалиор. VIII–XIV века. Мадхья-Прадеш, Индия.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 5

ГЛАВА 43. Услаждение Его Величества [Шахиншаха] охотой *камарга* и захват им добычи его желаний 17

ГЛАВА 44. Стремительный поход Его Величества [Шахиншаха] в Аджмир и возвращение в столицу 28

ГЛАВА 45. Прославление *Ибадат-ханы* блеском проницательности Его Величества Шахиншаха 31

ГЛАВА 46. Начало 24-го Божественного года с момента священного Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года исфандармаз второго цикла 48

ГЛАВА 47. Признание всеми мудрецами Века духовного превосходства (*иджтихад*) Властелина Мира 52

ГЛАВА 48. Честь, оказанная Кутб-ад-дин-хану назначением его *аталиком* принца Султан Салима 60

ГЛАВА 49. Поход Его Величества в Аджмир 61

ГЛАВА 50. Мятеж бихарских военачальников и приказ мирозавоёвывающим войскам наказать неблагодарных 71

ГЛАВА 51. Чудесная удача Шахиншаха во время мятежа бенгальских военачальников и наказание последних 80

ГЛАВА 52. Начало 25-го Божественного года [с момента священного Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха] — года фарвардин третьего цикла 88

ГЛАВА 52 б. Назначение Шариф-хана опекуном принца Султан Мурада и прочее 107

ГЛАВА 53. Поражение мятежников в восточных провинциях 115

ГЛАВА 54. Масум-хан Кабули совершает ночное нападение и терпит поражение 119

ГЛАВА 55. Масум-хан Фаранхуди срывает завесу почтительности и пятнает себя пылью неудач 127

ГЛАВА 56. Поход в Пенджаб, поражение Мухаммад Хаким мирзы и его возвращение в Кабул 135

ГЛАВА 57. Победа царских слуг и скитания Масум-хана Фаранхуди в пустыне поражения 139

ГЛАВА 58. Поражение Хаким мирзы и его спешное возвращение в Кабул 148

ГЛАВА 59. Начало 26-го Божественного года с момента священного Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года ардибихишт третьего цикла 152

ГЛАВА 60. Прибытие войска [Шахиншаха] к берегам Инда 157

ГЛАВА 61. Поход [Его Величества] в Кабул 162

ГЛАВА 62. Стремительный поход Его Величества в Кабул 168

ГЛАВА 63. Победа принца Султан Мурада и жалкое поражение Мухаммад Хакима 171

ГЛАВА 64. Прощение прегрешений Мухаммад Хакима и возвращение [победоносного] войска в Индию 179

ГЛАВА 65. Прибытие царской свиты в Фатехпур 185

ГЛАВА 66. Начало 27-го Божественного года [с момента священного Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха] — года хурдад третьего цикла 191

ГЛАВА 67. Возвращение Гульбадан бегим и других набожных затворниц из путешествия в Хиджаз 201

ГЛАВА 68. Победа Садик-хана и смерть Хабиты 204

ГЛАВА 69. Возвышение Мирза-хана назначением его опекуном принца Султан Салима 211

ГЛАВА 70. Начало 28-го Божественного года с [момента священного] Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года тир третьего цикла 215

ГЛАВА 71. Орошение сада владычества и возведение дворца всемирного правления 223

ГЛАВА 72. Отправка Мирза-хана на подавление мятежа в Гуджарате 230

ГЛАВА 73. Поход королевских знамён в Илахабад (Аллахабад) 237

ГЛАВА 74. Победа Шахбаз-хана и скитания Масум-хана Кабули 240

ГЛАВА 75. Поход Его Величества в столицу Фатехпур 246

ГЛАВА 76. Чудесная удача Шахиншаха и поражение Султан Музаффара Гуджарати 249

ГЛАВА 77. Второй бесчестный поступок Султан Музаффара 255

ГЛАВА 78. Начало 29-го Божественного года [с момента священного Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха] — года амардад третьего цикла 260

ГЛАВА 79. Прибытие Шахрух мирзы ко Двору Шахиншаха 272

ГЛАВА 80. Бракосочетание принца Салима 284

ГЛАВА 81. Бесчестье Музаффара Гуджарати в третий раз 286

ГЛАВА 82. Начало 30-го [Божественного] года с [момента] священного Восшествия [на престол Его Величества] Шахиншаха — года шахриюр третьего цикла 291

ГЛАВА 83. Поход в Пенджаб 304

ГЛАВА 84. Прибытие ко Двору сыновей Хаким мирзы и кабульских воинов 313

ПРИМЕЧАНИЯ 316

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 369

СПИСОК МИНИАТЮР И ФОТОГРАФИЙ 395